Федеральная служба исполнения наказаний

ВЕСТНИК
ВЛАДИМИРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

№ 4(57)
Октябрь–декабрь
2020

Научно-образовательный журнал
Выходит четыре раза в год

Издается с 2006 г.

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по группам научных специальностей: 12.00.01–12.00.03, 12.00.08–12.00.12, 12.00.14, 12.00.15 (юридические науки)

Учредитель – федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний»

Главный редактор –
доктор юридических наук, профессор
Ткачук Татьяна Алексеевна

Редакционная коллегия:
Аверин А. В., доктор юридических наук (г. Владимир)
Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород)
Богатырёв В. В., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Борисова И. Д., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Гаврилов Б. Я., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Головинская И. В., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Головкин Р. Б., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир) (заместитель главного редактора)
Емельянова Е. В., доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург)
Епифанов С. С., доктор юридических наук, доцент (г. Рязань)
Исаенкова О. В., доктор юридических наук, профессор (г. Саратов)
Каламкарян Р. А., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Кудрявцев А. В., доктор юридических наук, доцент (г. Владимир)
Кузбагаров А. Н., доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург)
Лазарева Л. В., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Меркурьев В. В., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Миронов А. Н., доктор юридических наук, доцент (г. Москва)
Михайлова Е. В., доктор юридических наук, доцент (г. Самара)
Пожарский Д. В., доктор юридических наук, доцент (г. Москва)
Редкоус В. М., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Тепляшин П. В., доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск)
Третьякова О. Д., доктор юридических наук, доцент (г. Владимир)
Чепурнова Н. М., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Шеслер А. В., доктор юридических наук, профессор (г. Новокузнецк)
Дубин О.Б., ответственный секретарь

© ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», 2020

Адрес редакции и издателя:
600020,
Владимирская обл.,
г. Владимир,
ул. Б. Нижегородская, 67е

Телефоны:
(4922) 40-45-18, 40-45-14;
факс (4922) 32-28-93
Интернет-сайт:
http://vui.fsin.su
E-mail:
vestnik-VUI@yandex.ru

Распространяется по подписке.
Подписной индекс 90961 в объединенном каталоге «Пресса России»

Электронная версия номера журнала размещена на интернет-сайте:
http://vui.fsin.su

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-25060, выданное Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия 21.07.2006

Тираж 400 экз. Заказ 40.
Дата выхода в свет 21.12.2020.
Свободная цена.

Отпечатано в РИО НЦ ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний».
600020, г. Владимир,
ул. Б. Нижегородская, 67е

Federal Penitentiary Service

BULLETIN
OF VLADIMIR LAW INSTITUTE

Scientific and Educational Journal
The journal is published quarterly

No. 4(57)
October-December
2020

Published
since 2006

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific editions of the Higher Attestation Board (VAK) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, publication in which is mandatory for defending PhD and Doctorate dissertations within the groups of scientific specialties: 12.00.01–12.00.03, 12.00.08–12.00.12, 12.00.14, 12.00.15 (Jurisprudence)

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education «Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service»

Editor-in-Chief –
Doctor of Law, Professor
Tkachuk Tat'yana A.

Editorial Board:
Averin A. V., Doctor of Law (Vladimir)
Baranov V. M., Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod)
Bogatyrev V. V., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Borisova I. D., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Gavrilov B. Ya., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Golovinskaya I. V., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Golovkin R. B., Doctor of Law, Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Vladimir)
Emel'yanova E. V., Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg)
Epifanov S. S., Doctor of Law, Associate Professor (Ryazan)
Isaenkova O. V., Doctor of Law, Professor (Saratov)
Kalamkaryan R. A., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Kudryavtsev A. V., Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir)
Kuzbagarov A. N., Doctor of Law, Professor (St. Petersburg)
Lazareva L. V., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Merkur'ev V. V., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Mironov A. N., Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
Mikhailova E. V., Doctor of Law, Associate Professor (Samara)
Pozharsky D. V., Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
Redkous V. M., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Teplyashin P. V., Doctor of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk)
Tret'yakova O. D., Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir)
Chepurnova N. M., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Shesler A. V., Doctor of Law, Professor (Novokuznetsk)
Dubin O.B. (Executive Secretary)

Editorial office and publisher address:
600020,
Vladimir region,
Vladimir,
B. Nizhegorodskaya Str., 67e
Telephones:
(4922) 40-45-18, 40-45-14;
fax (4922) 32-28-93
Website:
http://vui.fsin.su
E-mail:
vestnik-VUI@yandex.ru

Distributed
by subscription.
Subscription Index
in the United Catalogue
«Press of Russia» 90961

Electronic version
is available on the website:
http://vui.fsin.su

Certificate of Registration
in mass media
ПИ № ФС77-25060 issued
by the Federal Supervision
Agency for Information
Technologies
and Communications
21.07.2006

Circulation 400 copies
Order 40. Free price.
Date of publication
21.12.2020.

Printed by
Publishing Department
of Scientific Center
of VLI of the FPS of Russia.
600020, Vladimir,
B. Nizhegorodskaya Str., 67e

© VLI of the FPS of Russia, 2020

СОДЕРЖАНИЕ (CONTENTS)

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Костарев Д. Ф. 8
Ответственность лиц за передачу запрещенных предметов в учреждения уголовно-исполнительной системы

Мазалева Л. В. 12
Проблемы и перспективы содержания осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, в исправительных колониях

Попова Т. В. 17
Особенности регулирования труда осужденных к лишению свободы женщин

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Агарков А. В., Медюшко Е. А. 24
Оперативно-розыскная педагогика: осознание необходимости новой науки

Андреева Е. Ю., Быкадорова Е. В., Емельянов С. А. 27
Некоторые аспекты избрания мер пресечения в уголовном судопроизводстве

Борзенко Ю. А., Брылякова Е. С. 33
Принцип добросовестности в контрактной системе

Брежнева К. В. 38
Криминологические детерминанты профессиональной преступности и отдельные проблемы ресоциализации рецидивистов

Горшкова Н. А. 42
Назначение осужденным к лишению свободы наказаний за повторные преступления: проблемы и перспективы

Иванов П. И., Шитов А. С. 46
Транснациональная организованная налоговая преступность как угроза налоговой безопасности (меры оперативно-розыскного противодействия)

Ильин А. В. 54
Проблемы приостановления предварительного расследования в отношении отдельных обвиняемых (подозреваемых) по групповым преступлениям

Комиссарова С. В. 57
Права, обязанности и ответственность сторон по договору каршеринга: анализ судебной практики

SCIENTIFIC AND APPLIED ASPECTS OF IMPROVING INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENAL SYSTEM

Kostarev D. F.
Responsibility of persons for the transfer of prohibited items to institutions of the penal system

Mazaleva L. V.
Problems and prospects of keeping convicted pregnant women and women with young children in correctional colonies

Popova T. V.
Features of regulation of labor of women sentenced to imprisonment

ACTUAL ISSUES OF THE RUSSIAN LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICES

Agarkov A. V., Medyushko E. A.
Operational-search pedagogy: awareness of the need for a new science

Andreeva E. Yu., By'kadorova E. V., Emel'yanov S. A.
Some aspects of selecting preventive measures in criminal proceedings

Borzenko Yu. A., Bry'lyakova E. S.
Principle of achievement in a contract system

Brezhneva K. V.
Criminological determinants of professional crime and some problems of resocialization of repeat offenders

Gorshkova N. A.
Appointment of consumed to deprivation of freedom of punishment for repeated crimes: problems and prospects

Ivanov P. I., Shitov A. S.
Transnational organized tax crime as a threat to tax security (measures of operational and investigative counteraction)

Il'in A. V.
Problems with suspending a preliminary investigation in relation to individual accused (suspects) of group crimes

Komissarova S. V.
Rights, obligations and responsibilities of the parties under a carshering agreement: analysis of juridical practice

Коробейников А. В.
Производство следственных действий в ходе раскрытия и расследования преступлений: к вопросу о неотлагательстве 63
Korobeinikov A. V.
The proceeding of investigative actions during the disclosure and investigation of crimes: to the question of the impact

Кудрявцев А. В., Крюков И. В.
Оперативно-розыскные ситуации, возникающие в процессе деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по раскрытию мошенничеств, совершаемых с использованием средств мобильной связи и Интернета: содержание и специфика 67
Kudryavtsev A.V., Kryukov I. V.
Operational-search situations arising in the course of the activity of operational divisions of the penal system to disclose frauds committed using mobile communications and the Internet: content and specifics

Кулакова А. А., Николаева А. О.
Медиация как средство защиты интересов семьи в Российской Федерации 71
Kulakova A. A., Nikolaeva A. O.
Mediation as a mean of family interests' protection in the Russian Federation

Курысев К. Н., Гофман А. А., Курысева О. К.
Некоторые правовые ограничения применения квадрокоптеров на частных территориях 75
Kury'sev K. N., Gofman A. A., Kury'seva O. K.
Some legal restrictions on the use of quadrocopters in private territories

Лазарева Л. В.
Использование специальных знаний в условиях цифровизации уголовного судопроизводства 79
Lazareva L. V.
Use of special knowledge in the context of digitalization of criminal proceedings

Миронова Ю. В.
Реализация принципа доступности правосудия в гражданском процессе России посредством использования систем видеоконференц-связи и веб-конференции 85
Mironova Yu. V.
Implementation of the principle of accessibility of justice in Russian civil proceedings through the use of video conferencing and web conferencing systems

Никитин Е. Л., Дытченко Г. В.
Проблемы определения провокации в оперативно-розыскной деятельности 94
Nikitin E. L., Dy'tchenko G. V.
The problem of determining provocations in the operational-search activities

Новиков С. С., Кудряков Р. И.
Специфика формирования нормативно-правового регулирования инновационной деятельности в Центральном федеральном округе Российской Федерации 101
Novikov S. S., Kudryakov R. I.
The specifics of the formation of legal regulation of innovative activity in the Central federal district of the Russian Federation

Пичугин С. А., Тараканов И. А.
Специфика уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил в условиях распространения новой коронавирусной инфекции 107
Pichugin S. A., Tarakanov I. A.
Specifics of criminal liability for violation of sanitary and epidemiological rules in the context of the spread of a new coronavirus infection

Расторопов С. В.
Технологии и разновидности цифровой криминалистики 112
Rastoropov S. V.
Technologies and varieties of digital forensics

Ращупкина Л. В., Шоргина Е. В.
Проблемные вопросы аренды имущества для государственных и муниципальных нужд 116
Rashchupkina L. V., Shorgina E. V.
Problematic questions of rental property for state and municipal needs

Родионов К. В.
Незаконный оборот оружия: краткий криминологический анализ основных показателей 121
Rodionov K. V.
Illegal trafficking of weapons: a brief criminological analysis of key indicators

Таибова О. Ю.
Государственная гражданская служба в Российской Федерации: проблемы эффективности и поиски путей повышения эффективности управления 125
Taibova O. Yu.
State civil service in the Russian Federation: problems of efficiency and search for ways to improve management efficiency

Тараканов И. А., Александрова Е. Е. 133 **Tarakanov I. A., Aleksandrova E. E.**
Необходимая оборона: проблемы применения положений части 3 статьи 37 УК РФ / *Necessary defense: problems of applying the provisions of part 3 of article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation*

Тимощук А. С. 138 **Timoshchuk A. S.**
Служебный подлог в образовательной деятельности / *Official forgery in educational activities*

Ткачук Т. А., Стариков А. П., Маркина О. В., Михайлов А. Е. 144 **Tkachuk T. A., Starikov A. P., Markina O. V., Mikhailov A. E.**
Обеспечение законных интересов женщины, подозреваемой в посягательстве на жизнь новорожденного ребенка: криминолого-криминалистические аспекты / *Ensuring the legal interests of a suspect in an attempt on the life of a newborn child: criminological and forensic aspects*

Томилин С. М., Шокин С. Е. 150 **Tomilin S. M., Shokin S. E.**
Некоторые конституционные и уголовно-процессуальные возможности обеспечения безопасности лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам – субъектам оперативно-розыскной деятельности / *Some constitutional and criminal-procedural possibilities of ensuring the security of persons providing confidential assistance to bodies-subjects of operational-search activity*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА / ***THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW***

Амосова О. С. 156 **Amosova O. S.**
Ревизский учет населения России в XVIII в. как один из этапов становления современной переписи населения Российского государства: историко-правовые аспекты / *The audit registration of the population of Russia in the 18th century as one of the stages of the formation of the modern census of the population of the Russian state: legal and historical aspects*

Богатырёв В. В. 163 **Bogaty'rev V. V.**
Национальное сознание и форма государственно-территориального устройства: синергетический подход / *National consciousness and the form of state-territorial structure: a synergetic approach*

Бредихин А. Л., Проценко Е. Д. 171 **Bredikhin A. L., Protsenko E. D.**
Стратегическое планирование в процессе реализации идеологической функции государства / *Strategic planning in the process of implementing the ideological function of the state*

Головкин Р. Б. 175 **Golovkin R. B.**
Действие права в форме бездействия / *Action of the law in the form of inaction*

Головкин Р. Б., Басов В. А., Симонова М. А. 180 **Golovkin R. B., Basov V. A., Simonova M. A.**
Концептуальные основы ограничения юридических ограничений / *Conceptual ones limitations of legal restrictions*

Горбунова М. М. 184 **Gorbunova M. M.**
Обеспечение внутренней безопасности Советского государства в период проведения политики «военного коммунизма» в 1918–1921 гг. (на примере Владимирской губернии) / *Ensuring the internal security of the Soviet state in the period of the policy of "War communism" 1918–1921 (on the example of the police of the Vladimir province)*

Ерин Д. А., Безносов И. А. 191 **Erin D. A., Beznosov I. A.**
Войска внутреннего назначения во Владимирской губернии (1918–1929 гг.): правовые основы организации и деятельности / *Internal troops in the Vladimir province (1918–1929): legal bases of organization and activity*

Илюхин А. В. 201 **Ilyukhin A. V.**
Историко-правовые основы законотворческого процесса в России в XIX в. / *Historical and legal foundations of the legislative process in Russia in the XIXth century*

Нарышкина Н. И. 207 **Nary'shkina N. I.**
Правовые и организационные аспекты финансового обеспечения деятельности русских и европейских тюрем (X–XVII вв.) / *Legal and organizational aspects of financial support for the activities of Russian and European prisons (X–XVII centuries)*
Нинциева Т. М., Беляев В. П. 212 **Nintsieva T. M., Belyaev V. P.**
Развитие российской процессуальной науки в современный период / *The development of Russian procedural science in the modern period*
Новикова Ю. О. 217 **Novikova Yu. O.**
Кооперативное законодательство в России в конце XIX – начале XX в. / *The cooperative legislation in Russia in the late XIX–early XX century*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН / ***POLITICAL AND LEGAL SYSTEMS OF FOREIGN COUNTRIES***

Ковалёв С. Д., Полуянова Е. В. 224 **Kovalev S. D., Poluyanova E. V.**
Краткий экскурс в историю формирования законодательного регулирования применения спецтехники спецслужбами и правоохранительными органами США / *A short excursion into the history of the formation of legislative regulation of the use of special equipment by special services and law enforcement agencies of the USA*
Радченко К. Н. 228 **Radchenko K. N.**
Зарубежный опыт правового регулирования ответственности за преступления против безопасности субъектов государственного управления / *Foreign experience in legal regulation of liability for crimes against the security of public administration entities*

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

SCIENTIFIC AND APPLIED ASPECTS OF IMPROVING INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENAL SYSTEM

УДК 343.852

Д. Ф. Костарев[1]
[1]*Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Пермь, Российская Федерация*

D. F. Kostarev[1]
[1]*Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, Perm, Russian Federation*

Ответственность лиц за передачу запрещенных предметов в учреждения уголовно-исполнительной системы

Responsibility of persons for the transfer of prohibited items to institutions of the penal system

Ключевые слова: учреждения уголовно-исполнительной системы; передача запрещенных предметов; осужденные; меры профилактического характера; ответственность.

Аннотация. В статье анализируются нормативные правовые акты Российской Федерации, регламентирующие ответственность граждан за передачу либо попытку передачи предметов, веществ и продуктов питания, которые запрещены в учреждениях уголовно-исполнительной системы; на основе данного анализа предложены меры профилактического характера.

Key words: institutions of the penal system; transfer of prohibited items; convicted persons; preventive measures; liability.

Abstract. The article analyzes the regulatory legal acts of the Russian Federation, which provides for the prosecution of citizens for the transfer, or an attempt to transfer items, substances and food products that are prohibited by convicts serving sentences in penal correctional institutions, on the basis of which, preventive measures are proposed.

Предупреждение поступления в учреждения уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) запрещенных предметов является одним из важнейших направлений деятельности структурных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний (далее: ФСИН России) и ее территориальных органов в укреплении правопорядка. Перечень запрещенных предметов для осужденных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях, утвержден приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка в исправительных учреждениях»[1]. Определяя перечень запрещенных предметов для осужденных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях, возможно достижение целей уголовно-исполнительного законодательства, а именно, недопущение новых преступлений как осужденными, так и иными гражданами, а также исправление осужденных.

В настоящее время в учреждениях УИС в значительном количестве изымаются предметы, вещи и продукты питания, которыми осужденным запрещено пользоваться, а также которые запрещено приобретать, получать в посылках, передачах либо бандеролях. Наличие запрещенных предметов, в частности, у осужденных в период отбывания наказания, назначенного приговором суда, способствует нарушению установленного режима в учреждении УИС, осложнению оперативной обстановки, стимулированию к совершению преступлений и правонарушений, координации преступной деятельности и вызывает другие негативные последствия.

Значительное количество запрещенных предметов передают гражданские лица, находящиеся за пределами охраняемого объекта, посредством отправления посылок, переброса через ограждение запретных зон учреждения УИС, проноса через контрольно-пропускной пункт, при проведении свиданий и другими способами. Несмотря на то, что для граждан за передачу либо попытку передачи запрещенных предметов осужденным, отбывающим наказания в учреждениях УИС, предусмотрена ответственность, количество выявленных случаев достаточно большое.

Так, в результате осуществления сотрудниками деятельности по пресечению поступления в учреждения УИС запрещенных предметов осужденным в I полугодии 2020 г. изъято: 16 074,2 л алкогольных напитков; 19 153,586 г наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов; 3 857 ед. колюще-режущих предметов и конструктивно схожих с холодным оружием; 22 066 ед. средств связи. За передачу либо попытку передачи запрещенных предметов в пределах прилегающих территорий учреждений УИС задержано 1 719 граждан, у которых было изъято, помимо прочего, 2 051 ед. средств связи[2].

По сравнению с I полугодием 2019 г., наблюдается незначительное снижение количества изъятых запрещенных предметов, что может свидетельствовать, с одной стороны, о более качественном подходе администрации учреждений УИС к обысковым и досмотровым мероприятиям, а с другой стороны, о недостаточно эффективных правовых мерах ответственности для граждан, осуще-

[1] Российская газета. 2016. 29 дек.

© Костарев Д. Ф., 2020

[2] Об организации работы по профилактике поступления запрещенных предметов и перекрытию каналов их поступления на территорию учреждений УИС : обзор ФСИН России от 17 авг. 2020 г. исх-03-49762. Документ опубликован не был.

ствляющих их доставку с целью передачи лицам, содержащимся в учреждениях УИС. На наш взгляд, последнее порождает у граждан чувство вседозволенности и безнаказанности, вследствие чего продолжается процесс налаживания каналов доставки запрещенных предметов.

Исходя из анализа обзоров ФСИН России по практике привлечения граждан к ответственности, можно сделать вывод, что за передачу запрещенных предметов в учреждения УИС либо за попытку ее осуществления нормативными правовыми актами предусмотрена уголовная и административная ответственность.

В случае передачи или попытки передачи запрещенных предметов (наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, оружие и боеприпасы), представляющих общественную опасность, ответственность наступает в соответствии с УК РФ и предусматривает широкий перечень видов наказаний. В других, наиболее частых, случаях передачи либо попытки передачи ответственность наступает в соответствии с КоАП РФ и предусматривает наказание в виде наложения административного штрафа с изъятием запрещенных предметов.

Как утверждают практические работники учреждений ФСИН России, участились попытки переброса, в том числе с применением метательного оружия, запрещенных предметов через основное ограждение запретной зоны учреждения УИС, при этом используется территория «мертвой зоны», т. е. невидимой для сотрудников охраны и операторов системы видеонаблюдения. Кроме того, в условиях активного развития технического прогресса для доставки запрещенных предметов стали применяться современные беспилотные летательные аппараты – квадрокоптеры. С. М. Колотушкин отмечает, что в дневное время обнаружить квадрокоптер над территорией учреждения УИС достаточно сложно, а в ночное время почти невозможно, что обусловлено небольшими габаритами, низким шумом, быстротой передвижения устройства [Колотушкин 2017, с. 149].

Перечисленные способы доставки запрещенных предметов гражданами становятся все более популярными, что обусловлено вполне объяснимыми факторами: достаточно высокая вероятность остаться незамеченными при приближении к ограждению запретной зоны для переброса и после его осуществления; возможность быстро скрыться с прилегающей территории учреждения УИС.

Анализ информации о пресечении случаев передачи запрещенных предметов в учреждения УИС гражданами, размещенной на официальном сайте ФСИН России, показывает, что наиболее популярными запрещенными предметами являются средства связи и гарнитуры к ним (сим-карты, карты электронной памяти, наушники), спиртосодержащие жидкости, наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги. Наиболее крупные партии запрещенных предметов были изъяты в исправительных колониях Пермского края и Ульяновской области. Так, в ИК-10 ГУФСИН России по Пермскому краю в ходе проведения досмотрового мероприятия были обнаружены и изъяты средства связи, зарядные устройства, bluetooth-гарнитуры, зажигалки, сим-карты и парфюмерия[1]. Сотрудниками ИК-9 УФСИН России по Ульяновской области была пресечена попытка доставки 9 л алкогольной продукции и гашишного масла массой 156,95 г. [2]

Наличие средств связи у осужденных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях, может оказывать негативное влияние на оперативную обстановку как внутри исправительного учреждения, так и за его пределами, так как с их помощью нередко совершаются преступления. Особое предпочтение среди средств связи отдается средствам с возможностью выхода в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет». Обусловлено это тем, что становятся доступными услуги дистанционного обслуживания, которые можно использовать без посещения соответствующего офиса (открытие и ведение банковских счетов, осуществление переводов денежных средств без открытия банковских счетов, привлечение денежных средств физических и юридических лиц во вклады (до востребования и на определенный срок), осуществление покупки или продажа валюты, дистанционная блокировка карт) в любое время.

Введение уголовной ответственности за доставку запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях УИС, предложено прокуратурой Пермского края. Так, в 2018 г. был разработан проект Федерального закона «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ в части установления уголовной ответственности за передачу либо попытку передачи лицам, содержащимся в учреждениях УИС и иных местах содержания под стражей средств сотовой связи комплектующих к ним», а также за приобретение, хранение и использование лицами, содержащимися в учреждениях УИС и иных местах содержания под стражей, средств связи и комплектующих к ним» [3], в соответствии с которым предлагается УК РФ до-

[1] Крупную партию запрещенных предметов пытались доставить на территорию ИК-10 ГУФСИН России по Пермскому краю // ФСИН России : [сайт]. URL: http://fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=474682&sphrase_id=1257269 (дата обращения: 10.04.2020).

[2] В ИК-9 УФСИН России по Ульяновской области предотвращены попытки доставки запрещенные предметы // ФСИН России : [сайт]. URL: http://фсин.рф/news/detail.php?ELEMENT_ID=476710&sphrase_id=1282238 (дата обращения: 25.04.2020).

[3] Документ опубликован не был.

полнить ст. 321.1, где предусмотреть уголовное наказание в виде штрафа в размере до трехсот тысяч рублей, или в размере заработной платы, или иного дохода за период от одного до двух лет, либо в виде принудительных работ на срок до двух лет, либо лишения свободы на срок до двух лет. Такой вид ответственности предусматривается для тех граждан, которые ранее были подвергнуты административной ответственности в виде штрафа за попытку передачи или за передачу запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях УИС.

Такое предложение обусловлено тенденцией к постоянному росту числа преступлений, совершенных лицами, содержащимися в учреждениях УИС, которые используют средства связи в качестве орудия преступления. Кроме того, распространяющиеся в социальных сетях видеоролики, снятые осужденными в исправительных учреждениях, подрывают доверие граждан к деятельности УИС, в частности, и правоохранительных органов в целом.

Установить уголовную ответственность для граждан, осуществляющих передачу запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях УИС, предлагают и другие авторы, занимающиеся вопросами профилактики поступления запрещенных предметов в места лишения свободы. Так, О. В. Пенин доставку запрещенных предметов любым способом определяет общим понятием «проникновение» и предлагает включить в УК РФ новую статью 321.1 «Проникновение запрещенных предметов в места лишения свободы или содержания под стражей», предусматривающую различные виды наказаний – от штрафа до лишения свободы [Пенин 2013, с. 5].

Кроме уголовной ответственности, как мы отмечали выше, существует и административная. Так, согласно ст. 19.12 КоАП РФ передача либо попытка передачи запрещенных предметов влечет наложение административного штрафа от трех тысяч до пяти тысяч рублей. Однако, как показывает практика, эта мера не является достаточно действенной и требует своего пересмотра.

Предложения по увеличению суммы административного штрафа за осуществление передачи запрещенных предметов были высказаны еще участниками прошедшего в марте 2016 г. в Государственной Думе круглого стола «Законодательные меры противодействия преступлениям, совершаемым с использованием мобильных средств связи лицами, находящимися в местах лишения свободы»[1]. Увеличить суммы административного штрафа предлагают и сотрудники исправительных учреждений территориальных органов ФСИН России. Так, из 314 опрошенных нами сотрудников исправительных учреждений различных территориальных органов ФСИН России за увеличение административного штрафа высказались 82 % респондентов, 18 % респондентов отметили одновременно увеличение размера административного штрафа для граждан и ужесточение дисциплинарной ответственности для осужденных в исправительных учреждениях, причастных к доставке запрещенных предметов.

Таким образом, на современном этапе имеются предпосылки, требующие внесения изменений в КоАП РФ, предусматривающих более эффективное правовое воздействие на граждан за передачу либо попытку передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях УИС.

На наш взгляд, в КоАП РФ необходимо внести следующие изменения:

– в ч. 1 ст. 3.5 КоАП РФ после слов «частью 2 статьи 19.7–10.2» добавить слова *«частью 2 статьи 19.12»*;

– статью 19.12 КоАП РФ дополнить ч. 2, предусматривающей наложение административного штрафа для граждан, ранее подвергнутых административному наказанию за аналогичное деяние, в размере от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей, с конфискацией запрещенных предметов.

Полагаем, что предложенные изменения в КоАП РФ в части увеличения административного штрафа станут элементом системы профилактики правонарушений в учреждениях УИС за счет снижения количества передач запрещенных предметов и их использования в учреждениях УИС, вследствие чего повысится эффективность применения средств ресоциализации осужденных в исправительных учреждениях.

Список цитируемых источников

Колотушкин 2017 – *Колотушкин С. М.* Правовые и организационные аспекты профилактики поступления на территорию учреждений Федеральной службы исполнения наказаний запрещенных предметов с использованием беспилотных летательных аппаратов // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». В 8 т. Т. 1. Рязань : Акад. ФСИН России, 2017. С. 148–152.

[1] В Государственной Думе обсудили законодательные меры противодействия телефонному мошенничеству, совершаемому из мест лишения свободы // ФСИН России : [сайт]. URL: http://фсин.рф/news/index.php?ELEMENT_ID=244084 (дата обращения: 18.03.2020).

Пенин 2013 – *Пенин О. В.* Совершенствование уголовно-правовых мер противодействия проникновению запрещенных предметов в учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 2. С. 2–5.

References

Kolotushkin, S. M. (2017), "Legal and organizational aspects of prevention of prohibited items entering the territory of institutions of the Federal penitentiary service using unmanned aerial vehicles", *III Mezhdunarony'I penitentsiarny'I forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie"* [III international penitentiary forum "Crime, punishment, correction", in 8 vol., vol. 1], Akademia FSIN Rossii, Ryazan, Russia, pp. 148–152.

Penin, O. V. (2013), "Improvement of criminal-legal measures to counteract the penetration of prohibited items into institutions that execute punishments in the form of deprivation of liberty", *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie,* no. 2, pp. 2–5.

Информация об авторе

Костарев Дмитрий Фёдорович,
Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Пермь, Российская Федерация; dmitriperm@rambler.ru

Information about the author

Kostarev Dmitry F.,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, Perm, Russian Federation; dmitriperm@rambler.ru

Для цитирования

Костарев Д. Ф. Ответственность лиц за передачу запрещенных предметов в учреждения уголовно-исполнительной системы // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 8–11.

For citation

Kostarev, D. F. (2020), "Responsibility of persons for the transfer of prohibited items to institutions of the penal system", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 8–11.

УДК 343.814-055.26

Л. В. Мазалева[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

L. V. Mazaleva[1]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Проблемы и перспективы содержания осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, в исправительных колониях

Problems and prospects of keeping convicted pregnant women and women with young children in correctional colonies

Ключевые слова: исправительные колонии; дома ребенка; совершенствование уголовно-исполнительного законодательства; зарубежный опыт.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с отбыванием наказания осужденными беременными женщинами и женщинами, имеющими малолетних детей, их правовым положением. Автором вынесены предложения по совершенствованию норм, регламентирующих совместное проживание матери и ребенка в условиях исправительного учреждения.

Key words: correctional colonies; children's homes; improvement of penal enforcement legislation; foreign experience.

Abstract. The article deals with the issues of serving sentences by convicted pregnant women and women with young children, their legal status. The authors suggest improving the rules governing the cohabitation of a mother and child in a correctional facility.

Проблемы семьи, материнства и детства всегда остро стояли перед государством и обществом. Решение вопросов охраны здоровья женщин, детей, укрепления семьи взаимосвязано с решением социально-экономических проблем. Общество обязано обеспечивать права женщин на охрану труда, защиту их жизни и здоровья с учетом особенностей физиологии женщины, поскольку речь идет о будущем этого общества. Обратимся к проблеме исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин, в частности, такой специфической категории, как беременные женщины и женщины, имеющие малолетних детей.

По состоянию на 1 ноября 2020 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) содержалось 489 118 чел., из них 39 766 женщин[1]. При женских исправительных колониях (далее: ИК) функционируют 13 домов ребенка, в которых проживает 347 детей. Начиная с 2010 по 2015 г. количество осужденных и находящихся под стражей женщин несколько снизилось с 69 095 до 67 071, т. е. на 3 %, численность детей в домах ребенка при ИК – на 12 %, с 863 до 760 детей. За последние пять лет произошел значительный спад числа осужденных женщин, содержащихся в учреждениях УИС, – на 10,6 тыс., или на 19,03 %. Так, в 2013 г. в учреждениях УИС содержалось 55,7 тыс. осужденных женщин, в 2018 г. – 47,7 тыс., в 2019 г. – 45,1 тыс. Вместе с тем в соответствии со статистическими данными ФСИН России за последние пять лет на фоне снижения общего количества осужденных женщин в местах лишения свободы происходит увеличение количества беременных (с 0,26 до 0,35 %) и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет (с 0,14 до 1,4 %)[2].

Число осужденных беременных женщин и женщин, имеющих детей в домах ребенка при ИК, относительно невелико. Тем не менее они требуют к себе особого внимания и отношения, прежде всего с точки зрения решения ряда проблем матери и ребенка в условиях ИК. Эти и вопросы психологического состояния матери и ребенка, укрепления материнских чувств у осужденной, полноценного развития ребенка и, конечно же, их общего состояния здоровья стоят перед УИС.

Определенным категориям женщин, совершивших преступления, находящихся в состоянии беременности, имеющих малолетних детей, в соответствии с ч. 1 ст. 82 Уголовного кодекса Российской Федерации суд может отсрочить реальное отбывание наказания в виде лишения свободы. В связи с этим проблема совершенствования условий и порядка исполнения наказаний в отношении беременных женщин и женщин, имеющих детей в домах ребенка при ИК, весьма актуальна.

Порядок содержания данной категории осужденных в условиях мест лишения свободы в разные периоды становления отечественной УИС изменялся. В частности, согласно ст. 46 Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1933 г. женщины могли содержаться в исправительно-трудовых

[1] Федеральная служба исполнения наказаний: [сайт]. URL: http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/ (дата обращения: 02.11.2020).

[2] Федеральная служба исполнения наказаний: [сайт]. URL: http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/ (дата обращения: 08.04.2019).

© Мазалева Л. В., 2020

учреждениях совместно с детьми до достижения последними четырехлетнего возраста; с 1949 до 1992 г. возраст детей, до достижении которого допускалось их пребывание в домах ребенка при колониях, был ограничен двумя годами; с 1992 г. до принятия действующего Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее: УИК РФ) в 1997 г. – тремя-четырьмя годами, и условия содержания этих женщин мало чем отличались от условий содержания основой массы осужденных.

Согласно многочисленным психологическим исследованиям, посвященным проблемам физического, интеллектуального и социального развития ребенка важную роль в развитии физиологии организма ребенка и становлении его как личности играет взрослый человек (прежде всего мать, отец, лицо, их заменяющее), особенно в первые три года жизни ребенка, когда происходит его физическое и психическое развитие. Именно в это время закладываются и формируются основные черты характера ребенка и его отношение к окружающей среде, и эта среда в лице взрослого человека должна быть силой, активно помогающей развитию ребенка. Взрослый всегда является для младенца «психологическим центром» всякой ситуации, и смысл ситуации определяется для него в первую очередь именно этим социальным по своему содержанию центром.

Если этот «психологический центр» в лице матери, отца или любого заменяющего их лица не выполняет возложенные на него функции, у младенца появляется ощущение своей незащищенности и беспокойства, которое может прогрессировать, находя выражение в постоянной неуверенности, в случае, если ситуация не изменится в лучшую сторону. Ребенок в раннем возрасте должен воспитываться в атмосфере теплоты и быть эмоционально привязан к матери (либо к лицу, заменяющему мать). Ситуация, при которой ребенок страдает от недостатка подобной связи, приводит к целому ряду нарушений психологического здоровья [Омельченко 2015].

В этом отношении показательны выводы, сделанные Ю. М. Антоняном при исследовании женской преступности. Он отмечает, что «ослабление эмоциональных контактов между родителями и детьми, в чем ведущую роль играет мать, порождает повышенную тревожность людей, их неуверенность в своем социальном положении, самом себе». Автор подчеркивает, что «обеспечение надлежащего детства – самый гуманный и не самый дорогой путь, т. к. правильно воспитанный, не отвергнутый, а желанный человек может дать обществу многое» [Антонян 1992, с. 280].

Таким образом, отмеченные закономерности полноценного развития ребенка и особой роли матери свидетельствуют о целесообразности решения вопроса о совместном проживании некоторой категории осужденных женщин, имеющих детей в домах ребенка при ИК, со своим ребенком.

Существует тесная взаимосвязь между состоянием здоровья матери и ребенка. Изначально у преобладающего числа детей, воспитывающихся в домах ребенка при ИК, неблагополучный биологический анамнез: патологическое течение беременности и родов, заболевания периода новорожденности, – т. е. состояние здоровья детей уже в момент поступления далеко от оптимального. В связи с этим представляется необходимым совершенствование условий и порядка отбывания наказания такой категории осужденных женщин, как беременные и имеющие малолетних детей, с целью обеспечения в условиях исправительного учреждения нормального развития ребенка.

Среди проблем, требующих своего решения, проблема кадрового обеспечения домов ребенка при ИК. Во всех домах ребенка при ИК в связи с уменьшением количества содержащихся там детей идет сокращение обслуживающего персонала: няней, воспитателей, врачей. Это ведет к сокращению количества групп детей путем их объединения, как следствие, не соблюдается индивидуальный режим, в одной группе находятся дети разного возраста, что отрицательно влияет на их общее развитие (в частности, замедляется развитие старших).

Следует учитывать, что даже при наличии достаточного количества медицинского персонала и воспитателей в домах ребенка при ИК существует специфическая социальная микросреда такого типа учреждений. Стандартное оборудование, однотипность вещей и игрушек, малая возможность уединиться, постоянный дефицит индивидуального общения, недостаток впечатлений влияют на общее развитие ребенка, обусловливают замедление темпа обучения, отмечается недостаточность ориентировки в окружающем мире, страдает координация движений, снижается речевая активность [Русина 2012].

В настоящих условиях в домах ребенка при ИК очень трудно организовать эффективную оздоровительно-воспитательную работу, соблюдать индивидуальный режим, соответствующий состоянию здоровья и уровню развития и возрасту ребенка. Представляется целесообразным очень осторожно подходить к решению вопроса приведения в соответствии с фактическим наполнением домов ребенка при ИК детьми штатного расписания обслуживающего персонала. Основной источник финансирования домов ребенка при ИК – государственный бюджет. Деньги на их содержание отпускаются по нормам, установленным в системе здравоохранения. Могут быть и другие источники: прибыль ИК от производственной деятель-

ности, помощь шефских организаций, спонсоров, различных фондов. На добровольных началах соответствующие взносы также могут делать матери и другие родственники детей.

Пребывание детей в домах ребенка при ИК актуализирует вопрос повышения эффективности обучения и оздоровления детей в возрасте до трех лет. Практически во всех домах ребенка при ИК отсутствуют по объективным причинам необходимые условия для нормального развития детей в этом возрасте: не обеспечивается достаточный простор для двигательной активности, отсутствуют широкое общение с жизнью вне ИК, максимальное внимание, ласка и общение с взрослым.

В ходе интервьюирования сотрудников ФКУ ИК-1 УФСИН России по Владимирской области на тему «Ваши предложения по укреплению здоровья детей, находящихся в доме ребенка при ИК?»[1] сотрудники в основном предлагали создать условия для закаливания этих детей (в этих целях предлагалось создать мини-спортзал, бассейн, современные уличные детские площадки), а также изыскать возможность вывозить детей за пределы ИК. Последнее предложение имеет особое значение для тех исправительных учреждений, в которых дома ребенка занимают очень ограниченную (маленькую) площадь. Важно отметить, что в руководстве для начальников домов ребенка при ИК особо подчеркивается важность для детей двух-трех лет прогулок, активного общения с природой, наблюдения за трудом взрослых, движением транспорта. Это позволяет ребенку расширять кругозор, удовлетворяет его потребность в движениях.

В решении этого вопроса следует использовать положительный зарубежный опыт. Интересна система исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных женщин, имеющих малолетних детей, в Финляндии, где для лиц, отбывающих тюремное заключение, созданы специальные блоки матери и ребенка с надлежащими условиями. Когда мать занята на работе, ребенок не остается один, за ним присматривают квалифицированные детские работники.

Совместно с детьми в отдельных комнатах содержатся осужденные женщины в тюрьмах Великобритании. На них полностью лежит забота о ребенке, хотя на время работы матери ребенок передается в организованную там детскую комнату, где находится под присмотром специально выделенных осужденных, как правило, также имеющих детей [Омельченко 2015].

В отечественных исправительных учреждениях, в которых организованы дома ребенка, обеспечиваются условия, необходимые для нормального проживания и развития детей. Осужденные женщины могут общаться со своими детьми в свободное от работы время без ограничения. Им может быть разрешено совместное проживание с детьми (ч. 1 ст. 100 УИК РФ). Реализация данного права зависит от усмотрения администрации исправительного учреждения. Можно согласиться, что такое право следует предоставлять не всем осужденным, а лишь тем, кто заботится о своих детях и не страдает заболеваниями, препятствующими их совместному нахождению с детьми. В то же время совместное проживание сделает менее вероятным оставление ребенка после освобождения, будет способствовать гармоничному росту, физическому, нервно-психическому развитию ребенка.

В ходе интервьюирования сотрудников ИК по вопросу совместного проживания матери и ребенка в условиях ИК были получены следующие ответы: положительно отнеслись к совместному проживанию матери и ребенка 71,3 % опрошенных (из них 49,5 % связывают реализацию этой возможности с поведением осужденной и считают, что в основу разработки критериев предоставления права на совместное проживание должны быть положены интересы ребенка, его благополучие); 23,5 % опрошенных высказали отрицательное отношение к решению этого вопроса; 5 % затруднились с ответом.

Причем сотрудники, из числа положительно ответивших на вопрос, отмечают ряд обстоятельств, свидетельствующих в пользу данного решения: значительно меньшее количество нарушений установленного порядка отбывания наказаний осужденными женщинами, имеющими при себе малолетних детей, по сравнению с общей массой осужденных женщин; опрятность внешнего вида; положительные установки на период после освобождения; осознание вины; позитивные результаты в формировании правопослушного поведения. Цель данного решения заключается и в необходимости каждой матери познать все радости и трудности в воспитании ребенка, пробудить истинные материнские чувства и привязанности и, как следствие, не допустить отказа от ребенка.

Осужденным также был задан этот вопрос. Ответы распределились следующим образом: 61,9 % выступают за совместное проживание матери и ребенка; 30,2 % – против; 7,9 % – безразличны[2].

Таким образом, и сотрудники ИК, и осужденные в подавляющем большинстве положительно

[1] Интервьюирование проводилось в феврале–апреле 2020 г., в нем приняли участие 69 сотрудников ФКУ ИК-1 УФСИН России по Владимирской области.

[2] В анкетировании, проводившемся в феврале–апреле 2020 г. в ФКУ ИК-1 УФСИН России по Владимирской области, приняли участие 74 осужденных.

относятся к совместному проживанию матери и ребенка и воспринимают это как естественное, биологически закономерное явление. В то же время определенный процент лиц, выразивших отрицательное к этому отношение, свидетельствует о сложности решения данной проблемы, ее неоднозначности.

Помимо изложенного выше, сотрудники ИК предлагали при решении вопроса о совместном проживании матери и ребенка учитывать возраст женщины и опыт материнства. На наш взгляд, скорее, это критерии второстепенного порядка. В любом случае необходимо исходить из того, что положительное решение вопроса о возможности проживания матери вместе со своим ребенком администрацией исправительного учреждения будет приниматься лишь при наличии ряда объективных и субъективных условий.

Поскольку сегодня законодательно не определен порядок проживания осужденной женщины совместно с ребенком в исправительном учреждении, представляется правильным закрепить в ведомственном нормативном правовом акте следующий порядок разрешения осужденным женщинам проживать совестно с ребенком.

Основанием для рассмотрения вопроса должно быть заявление осужденной, которое обсуждается на Совете воспитателей отряда (далее: СВО).

СВО поддержит просьбу осужденной, если придет к выводу, что совместное проживание благотворно скажется на состоянии здоровья, развитии и воспитании ребенка, а также послужит позитивному влиянию на осужденную по привитию законопослушного поведения. На СВО должен выступать психолог исправительного учреждения, который на основе всестороннего психологического исследования делает вывод о психологическом состоянии осужденной. Начальник отряда, оперируя характеризующими материалами, ходатайствует перед членами СВО о подержании или отклонении заявления осужденной.

Не подлежат рассмотрению заявления осужденных женщин, не завершивших курса лечения от алкоголизма или наркотической зависимости, а также больных туберкулезом или иными инфекционными заболеваниями.

Заявление осужденной с решением СВО рассматривается на комиссии ИК, возглавляемой ее начальником, который, обстоятельно изучив материалы, принимает окончательное решение. Решение о совместном проживании осужденной с ребенком оформляется приказом начальника колонии.

Утверждение совместного проживания осужденной с ребенком повлечет за собой ряд проблем, которые потребуют своего решения: создание условий для совместного проживания (коммунально-бытовые; организация питания; организация свободного времени); создание условий для работы женщин, имеющих малолетних детей, но желающих трудиться; штатное перераспределение персонала учреждения и ряд других проблем.

Кроме того, могут быть возражения санитарно-гигиенического порядка. Безусловно, дома ребенка при ИК являются медицинскими учреждениями, и, следовательно, вопросы чистоты и гигиены для них имеют первостепенное значение. Однако важность этих факторов не может и не должна перекрывать и полностью отрицать эффективность благотворного влияния на мать и ребенка совместного их проживания. В любом случае это лишь свидетельствует о необходимости учета санитарных и гигиенических норм в качестве основополагающих в ходе организационно-технических мероприятий при создании жилищно-бытовых условий их проживания.

В то же время нужно отметить, что отсутствует законодательное закрепление обязанностей осужденных женщин по отношению к своим детям, находящимся вместе с ними в местах лишения свободы. В результате на практике может возникать ситуация, когда осужденная уклоняется от обязанности по воспитанию ребенка, но «использует» его как основание для получения различных льгот. При этом отсутствует надлежащий механизм корректировки такого поведения осужденных женщин, имеющих детей. Полномочия администрации исправительных учреждений в данном случае не определены, процедура взаимодействия в этой области с органами опеки и попечительства и принятия соответствующего решения в УИК РФ не установлена.

Резюмируя вышеизложенное, мы пришли к заключению, что отсутствие отдельной главы, включающей в себя особенности исполнения и отбывания наказаний женщин в ИК, как, например, гл. 17 УИК РФ «Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях», приводит к некоторым сложностям в правоприменительной деятельности. Нормы, регламентирующие исполнение наказания в отношении осужденных женщин, с учетом их физиологических особенностей, специфики трудовой деятельности, воспитательного воздействия, определенных условий отбывания наказания при беременности и (или) наличии малолетних детей, особенностей совместного проживания матери и ребенка, наличия обязанности по уходу и воспитанию ребенка, должны содержаться в отдельной главе УИК РФ и распространяться только на женщин. Необходимо обучать сотрудников УИС работать с осужденными женщинами; направлять

их усилия на сохранение физического и психического здоровья женщин в условиях лишения свободы, улучшение санитарно-гигиенических и бытовых условий и решение вопросов материнства в местах лишения свободы.

Таковы возможные направления совершенствования регулирования правового положения осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Список цитируемых источников

Антонян 1992 – *Антонян Ю. М.* Преступность среди женщин. М. : Рос. право, 1992. 282 с.

Омельченко 2015 – *Омельченко О. А.* Пробелы в правовом регулировании отбывания наказания осужденными беременными женщинами и женщинами, имеющими малолетних детей, в исправительных учреждениях на территории Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2015. № 5. С. 18–21.

Омельченко 2016 – *Омельченко О. А.* Международные и европейские стандарты в сфере совместного содержания осужденных к лишению свободы женщин с детьми // Российский следователь. 2016. № 5. С. 33–38.

Русина 2012 – *Русина В. В.* Женщины в пенитенциарной системе. Гендерный аспект проблемы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 3. С. 13–18.

References

Antonyan, Yu. M. (1992), *Prestupnost' sredi zhenshchin* [Crime among women], Rossiiskoe pravo, Moscow, Russia.

Omel'chenko, O. A. (2015), "Gaps in the legal regulation of serving sentences by convicted pregnant women and women with young children in correctional institutions on the territory of the Russian Federation", *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie,* no. 5, pp. 18–21.

Omel'chenko, O. A. (2016), "International and European standards in the field of joint detention of women sentenced to imprisonment with children", *Rossiiskii sledovatel',* no. 5, pp. 33–38.

Rusina, V. V. (2012), "Women in the prison system. Gender aspect of the problem", *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie,* no. 3, pp. 13–18.

Информация об авторе

Мазалева Людмила Валерьевна,
кандидат юридических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; liudmila.mazaleva@yandex.ru

Information about the author

Mazaleva Lyudmila V.,
PhD (law), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; liudmila.mazaleva@yandex.ru

Для цитирования

Мазалева Л. В. Проблемы и перспективы содержания осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, в исправительных колониях // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 12–16.

For citation

Mazaleva, L. V. (2020), "Problems and prospects of keeping convicted pregnant women and women with young children in correctional colonies", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 12–16.

УДК 343.823-055.2

Т. В. Попова[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

T. V. Popova[1]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Особенности регулирования труда осужденных к лишению свободы женщин

Features of regulation of labor of women sentenced to imprisonment

Ключевые слова: осужденные женщины; регулирование труда; исправление; гарантии трудовых прав и свобод женщин.

Аннотация. На основе анализа действующего законодательства Российской Федерации выявлены особенности регулирования труда женщин, осужденных к лишению свободы. Сформулированы предложения, направленные на совершенствование уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации в части, касающейся установления дополнительных гарантий трудовых прав осужденным женщинам с учетом выполнения ими общественно значимых функций материнства и воспитания детей.

Key words: convicted women; labor regulation; correction; guarantees of labor rights and freedoms of women.

Abstract. On the basis of an analysis of the current legislation of the Russian Federation, features of the regulation of the work of women sentenced to imprisonment were identified. Proposals have been formulated to improve the penal enforcement legislation of the Russian Federation with regard to the establishment of additional guarantees of labour rights for convicted women, taking into account the fulfilment of socially significant functions of motherhood and the upbringing of children.

В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации общественно полезный труд является одним из основных средств исправления осужденных. В соответствии с положениями ст. 103 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее: УИК РФ) каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений. Администрация исправительных учреждений обязана привлекать осужденных к труду не только с учетом их возраста, трудоспособности, состояния здоровья, специальности, но и с учетом пола. Однако отличия женщин от мужчин обусловлены не только физиологической природой, т. е. полом, но и связаны с выполнением специфических социальных функций и ролей. Проблемы организации и правового регулирования труда осужденных всегда входили в сферу научных интересов ученых в разные периоды развития пенитенциарной системы, но только в настоящее время появляются самостоятельные исследования, отражающие отдельные аспекты исполнения наказаний в отношении осужденных женщин, организации и регулирования их труда [Абасова 2003; Быков, Дроздова, Сайфуллин, Смирнова, Тарасова 2017; Веселова 2019; Жижина 2010; Кашибадзе 2019; Латышева 2018].

Анализ уголовно-исполнительного законодательства в различные исторические периоды развития Российского государства позволяет зафиксировать наличие в нем гендерно ориентированных норм и проследить их эволюцию от положений, имеющих дискриминационный характер по отношению к женщине, к введению для нее определенных привилегий, порождающих гендерную ассиметрию в уголовно-исполнительном праве дореволюционной России [Веселова 2019, с. 26] и Советского государства, и до стремления к гендерному равенству в современном отечественном законодательстве.

Исторически формирование и применение гендерно ориентированных норм определялись не столько фактом принадлежности к женскому полу, сколько положением беременных женщин, наличием у женщин малолетних детей и необходимостью обеспечения их жизни и здоровья. В соответствии с законодательством второй половины XIX – начала XX в. тюремная администрация должна была способствовать тому, чтобы женщины, имеющие грудных младенцев, были задействованы в работах, которые не мешали бы им осуществлять надлежащее попечение о своих детях. Женщинам, кормящим грудью, находящимся в местах заключения или в ссылке, работы следовало облегчить в той мере, чтобы не нанести вред самой матери и младенцу [Веселова 2019, с. 24]. В советский период исправительно-трудовое законодательство изменялось в части расширения преимуществ, предоставляемых осужденным беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей. Если Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. устанавливал преимущества только заключенным женщинам, начиная с пятого месяца беременности (они не подлежали посылке на работы вне места заключения без их на то согласия (ст. 58), то согласно Исправительно-трудовому кодексу РСФСР 1933 г. условия труда лишенных свободы женщин регулирова-

© Попова Т. В., 2020

лись общими правилами Кодекса законов о труде РСФСР, касающимися труда женщин. Осужденные женщины пользовались льготами, установленными этим кодексом для беременных и кормящих грудью женщин. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1970 г., действовавший до 1996 г., закрепил обязанность каждого осужденного трудиться, при этом женщинам с беременностью свыше четырех месяцев и женщинам, имеющим детей в домах ребенка при исправительных учреждениях, разрешалось трудиться по их желанию. Осужденные женщины, чьи дети находились в домах ребенка при исправительно-трудовых колониях, имели право на получение пособия по уходу за ребенком. В действующем в настоящее время в России уголовно-исполнительном законодательстве слабо урегулированы условия труда осужденных с учетом их гендерной принадлежности и четко не установлены гарантии трудовых прав и свобод осужденных женщин, в том числе с семейными обязанностями.

Согласно статистическим данным по состоянию на 1 октября 2020 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) содержатся 40 053 женщины (8,1 % от общей численности лиц, содержащихся в учреждениях УИС). Из них 30 662 женщины содержатся в исправительных колониях, лечебных исправительных учреждениях, лечебно-профилактических учреждениях и 9 391 – в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при колониях[1]. С каждым годом численность осужденных к лишению свободы женщин уменьшается. Так, с января 2009 г. число осужденных женщин уменьшилось более чем на 39 %, что, безусловно, является положительным фактом. Это объясняется, с одной стороны, тем, что в отношении осужденных женщин чаще исполняются альтернативные виды наказаний, не связанные с лишением свободы, такие как исполнение наказаний в виде исправительных, обязательных или принудительных работ, а также применяются условное осуждение и осуждение с отсрочкой отбывания наказания, с другой стороны, уменьшается и число преступлений, совершаемых с участием женщин[2]. В 2018 г. под наблюдением в учреждениях УИС находились 1 269 беременных женщин, что составляет около 3 % от общей численности осужденных женщин (2017 г. – 1 272, 2016 г. – 1 521). Численность женщин с детьми в возрасте до трех лет по состоянию на 1 января 2019 г. составила 527 чел. (более 1 % от общей численности осужденных женщин) и, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, снизилась на 14,3 %, в том числе в следственных изоляторах содержатся 28 женщин, в исправительных колониях – 480, в колониях-поселениях – 19[3]. Численность осужденных женщин, имеющих несовершеннолетних детей, составляет около 50 %[4]. Таким образом, почти половина осужденных женщин принадлежит к категории матерей, а следовательно, требует особого внимания со стороны государства, которое посредством надлежащего правового регулирования призвано защищать значимые в общественном плане социальные функции и роли. В настоящее время такой важный элемент статуса осужденной женщины, как ее материнство фактически не создает никаких правовых преимуществ для женщины и ее детей, остающихся в изоляции от матери на время отбывания ею наказания.

Государственные гарантии трудовых прав и свобод граждан России установлены Трудовым кодексом Российской Федерации (далее: ТК РФ). Особенности регулирования труда отдельных категорий граждан, ограничивающие применение общих норм трудового права, устанавливаются как ТК РФ, так и иными федеральными законами. Особенности регулирования труда осужденных установлены УИК РФ без предоставления особых трудовых привилегий осужденным женщинам. Так, обязанность трудиться определена для всех осужденных. По желанию привлекаются к оплачиваемому труду и к работам без оплаты труда только осужденные, достигшие возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости, а также осужденные, являющиеся инвалидами первой или второй группы. Данные категории осужденных имеют право на более высокий минимальный относительный размер начисленной заработной платы, зачисляемый на их лицевой счет, – не менее 50 %. Перечень работ, на которых запрещается использование труда осужденных независимо от пола, определен Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденными приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295[5]. Время привлечения осужденных к оплачиваемому труду засчитывается им в общий трудовой стаж. Допускается суммированный учет рабочего времени. Работающие осужденные женщины, как и мужчины, имеют право на ежегодный оплачиваемый отпуск продолжительностью 12 рабочих дней, который может быть увеличен до

[1] Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы. URL: http://xn--h1akkl.xn--p1ai/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS (дата обращения: 17.10.2020).

[2] Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых. URL: http://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/ (дата обращения: 17.10.2020).

[3] В Краснодаре открылось IV Всероссийское совещание начальников домов ребенка, созданных при женских исправительных учреждениях ФСИН России. URL: http://fsin.gov.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=460353 (дата обращения: 01.07.2020).

[4] Статистические данные УФСИН России по Владимирской области.

[5] URL: http://www.pravo.gov.org.ru (дата обращения: 17.10.2020).

18 рабочих дней осужденным, которые перевыполняют нормы выработки или образцово выполняют установленные задания на тяжелых работах, а также на работах с вредными или опасными условиями труда, на предприятиях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, либо категориям осужденных, работающих по своему желанию. Учитывая ограничения применения труда женщин на тяжелых работах и работах с вредными или опасными условиями труда[1], рассчитывать на увеличение продолжительности отпуска женщинам по данному основанию нельзя. Отметим также низкие фактические показатели выполнения нормы выработки осужденными женщинами. По статистическим данным УФСИН России по Владимирской области, средний процент выполнения норм выработки сдельщиками в женских колониях Владимирской области составляет 68%, не выполняют нормы выработки 69% осужденных женщин, и только 11% осужденных женщин их перевыполняют (а следовательно, имеют право на увеличение продолжительности отпуска). Главными причинами таких показателей являются низкая квалификация осужденных и отсутствие у них мотивации к труду.

Особые гарантии трудовых прав установлены уголовно-исполнительным законодательством для осужденных беременных женщин и женщин, имеющих детей в домах ребенка при исправительных учреждениях, однако только в части установления минимального процента начисленной заработной платы, зачисляемой на лицевой счет (не менее 50%) и привлечения к работам без оплаты труда беременных женщин (по их желанию). Иные особенности касаются материально-бытового обеспечения осужденных женщин, осужденных беременных женщин, осужденных кормящих матерей и осужденных женщин, имеющих детей в домах ребенка при исправительных учреждениях. Кроме того, осужденным женщинам, имеющим вне исправительной колонии несовершеннолетнего ребенка-инвалида, ребенка в возрасте до 14 лет, могут предоставляться дополнительные длительные свидания с ребенком в выходные и праздничные дни с проживанием (пребыванием) вне исправительного учреждения, а также могут быть разрешены краткосрочные выезды без начисления им заработной платы. Краткосрочные выезды разрешены осужденным женщинам, имеющим детей в домах ребенка при исправительных колониях, для устройства детей у родственников либо в детском доме. Следует отметить, что выезды для свидания с ребенком предусмотрены не только осужденным женщинам, но и осужденным мужчинам, являющимся единственным родителем. Особые льготы, права и гарантии для названных категорий женщин уголовно-исполнительным законодательством, кроме описанных выше, не установлены. Предполагается, что осужденным беременным женщинам, кормящим матерям, женщинам, имеющим при себе детей, предоставляются соответствующие трудовые гарантии, права и льготы, которыми обладают свободные женщины согласно трудовому законодательству. Однако лишение свободы уже не позволяет обеспечить равенство возможностей в осуществлении трудовых прав осужденных и свободных женщин с учетом их общественно значимых особенностей. Исключение составляют беременные женщины. Например, для осужденных беременных женщин так же, как и свободных, законодательством предусмотрено уменьшение норм выработки и норм обслуживания либо перевод на работу, исключающую воздействие неблагоприятных производственных факторов, их не привлекают к сверхурочной работе, работе в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни. Лишение свободы приводит к ограничению трудовых прав и свобод осужденных женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет в домах ребенка при исправительных учреждениях. Это связано с наличием возможности осуществлять фактический уход за ребенком. В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 15 октября 2001 г. №727 «О порядке обеспечения пособиями по обязательному государственному социальному страхованию осужденных к лишению свободы лиц, привлеченных к оплачиваемому труду»[2] осужденным матерям, отбывающим наказание в колониях-поселениях, фактически осуществляющим уход за ребенком, выплачивается ежемесячное пособие по уходу за ребенком, следовательно, таким женщинам предоставляется отпуск по уходу за ребенком, который засчитывается в общий и непрерывный трудовой стаж. Во время нахождения в отпуске по уходу за ребенком женщина может работать на условиях неполного рабочего времени или на дому с сохранением права на получение указанного пособия. Осужденные женщины-матери, отбывающие наказание в исправительных колониях, и имеющие детей в возрасте до трех лет, содержатся в колониях, на территории которых ор-

[1] Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин : Правительства Рос. Федерации от 25 февр. 2000 г. №162 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. №10, ст. 1130 ; О новых нормах предельно допустимых нагрузок для женщин при подъеме и перемещении тяжестей вручную : постановление Правительства Рос. Федерации от 6 февр. 1993 г. №105 // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. №7, ст. 566 ; Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин : приказ Минтруда России от 18 июля 2019 г. №512н. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 17.10.2020).

[2] Российская газета. 2001. 24 окт.

ганизованы дома ребенка. По состоянию на 1 августа 2020 г. при женских колониях функционирует 13 домов ребенка, в которых проживает 372 ребенка[1]. Дома ребенка созданы в 13 регионах России, в том числе и во Владимирской области. При ФКУ ИК-1 УФСИН России по Владимирской области – колонии общего режима для женщин, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, действует дом ребенка на 50 детей. Дома ребенка создаются с целью круглосуточного содержания, воспитания, оказания медицинской и социальной помощи, комплексной медико-психологической и педагогической реабилитации, защиты прав и законных интересов детей. Таким образом, одной из функций дома ребенка являются обеспечение воспитания детей и уход за ними, который в силу ограничений не в состоянии обеспечить осужденная мать. Уголовно-исполнительным законодательством четко не обозначена обязанность осужденных женщин, имеющих детей в домах ребенка при исправительных учреждениях в возрасте до трех лет, трудиться. Однако, исходя из норм ст. 100 УИК РФ, разрешающих осужденным женщинам общаться с детьми, помещенных в дома ребенка при исправительных учреждениях без ограничения в свободное от работы время, косвенно следует, что данная категория женщин все же обязана трудиться и не имеет права на отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет. При этом законодатель разрешает женщинам совместное проживание с детьми, но не везде созданы такие условия. По данным ФСИН России, в 11 домах ребенка из 13 действующих создано 219 мест для совместного проживания осужденных женщин и их детей, что составляет 57% от необходимого количества. Как неоднократно утверждалось на всероссийских совещаниях начальников домов ребенка, созданных при женских исправительных учреждениях ФСИН России, совместное проживание осужденных женщин со своими детьми является положительным примером формирования физического и психического здоровья ребенка и матери. Дети реже болеют, а у осужденных женщин-матерей развивается чувство материнства и ответственности за своего ребенка, а процесс их ресоциализации происходит наиболее активно[2]. Применительно к данной категории женщин действенным средством исправления осужденных, по нашему мнению, становится уже не общественно полезный труд, а формы и методы воспитательной и психологической работы, направленные на развитие качеств женщины как матери и материнских чувств, так как не все осужденные женщины добросовестно выполняют свои материнские обязанности, и после их освобождения существует риск добровольного отказа от воспитания детей или лишения родительских прав. В 2012 г. в доме ребенка при ФКУ ИК-1 УФСИН России по Владимирской области был открыт центр совместного проживания матери и ребенка «Радуга», рассчитанный на 16 малышей и их мам. Учитывая ограниченное количество мест, осужденные женщины переводятся в центр по решению комиссии исправительного учреждения. При этом учитываются законопослушное поведение матерей на рабочих местах и в быту, проявление внимательного и заботливого отношения матери к ребенку, а также медицинские показания по состоянию здоровья ребенка. Преимущества предоставляются матерям, имеющим детей в возрасте до 1 года. В случае, если осужденная женщина допускает нарушения установленного порядка отбывания наказания, создает конфликтные ситуации в коллективе, не соблюдает требования по обеспечению пожарной безопасности, техники безопасности и своим поведением отрицательно влияет на других осужденных, то она переводится из центра в отряд. Проведенные исследования показывают, что администрация женской исправительной колонии старается предоставлять больше возможностей для совместного общения матерей с малолетними детьми и активного участия в их воспитании. Исполняя законодательно установленную обязанность по привлечению осужденных к труду, администрация организует труд осужденных женщин, имеющих малолетних детей в доме ребенка, по уходу за детьми в должности няни после прохождения соответствующего обучения в профессиональном образовательном учреждении при исправительном учреждении. Однако большая часть осужденных женщин привлекается к труду в центре трудовой адаптации осужденных и имеет возможность общаться с детьми только в свободное от работы время.

Таким образом, правовое регулирование труда осужденных женщин, по нашему мнению, нуждается в совершенствовании с учетом выполнения ими общественно значимых функций материнства и воспитания детей. В связи с этим в УИК РФ следует установить дополнительные льготы, права и гарантии осужденным женщинам, имеющим детей в домах ребенка при исправительных учреждениях, с внесением соответствующих изменений в гл. 14.

Во-первых, осужденных женщин, совместно проживающих с детьми в домах ребенка, следует привлекать к труду по их желанию до достижения детьми возраста трех лет.

Во-вторых, работающим осужденным женщинам, имеющим детей в домах ребенка при исправительных учреждениях, необходимо установить неполный рабочий день (смену) или неполную ра-

[1] Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы.

[2] В Краснодаре открылось IV Всероссийское совещание начальников домов ребенка, созданных при женских исправительных учреждениях ФСИН России.

бочую неделю с оплатой труда пропорционально отработанному времени или в зависимости от выполненного объема работ.

В-третьих, осужденным женщинам, имеющим вне исправительного учреждения ребенка в возрасте до 14 лет, нужно увеличить продолжительность ежегодного оплачиваемого отпуска с обязательным выездом за пределы исправительного учреждения для совместного проживания (пребывания) с ребенком (с учетом личности и поведения женщины во время отбывания наказания).

Предложенные нами дополнительные гарантии трудовых прав отдельным категориям осужденных женщин направлены на решение государственной задачи формирования и поддержания материнских чувств у осужденных женщин, привития им гуманных социальных навыков и качеств и обеспечения благополучного их возвращения из мест лишения свободы в семью и общество.

Список цитируемых источников

Абасова 2003 – *Абасова С. А.* Проблемы исполнения наказания в исправительной колонии общего режима для осужденных к лишению свободы женщин : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Махачкала, 2003. 32 с.

Быков, Дроздова, Сайфуллин, Смирнов, Тарасова (2017) – К вопросу о правовых гарантиях осужденных женщин при организации труда в местах лишения свободы / А. И. Быков [и др.] // Социально-политические науки. 2017. № 4. С. 56–59.

Веселова 2019 – *Веселова А. П.* Правовое регулирование исполнения наказаний в отношении осужденных женщин в дореволюционной России: аналитический обзор. Новокузнецк : Кузбас. ин-т ФСИН России, 2019. 32 с.

Жижина 2010 – *Жижина И. В.* Правовое регулирование труда женщин, осужденных к лишению свободы : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. 36 с.

Кашибадзе 2019 – *Кашибадзе А. Г.* Труд осужденных женщин в колонии-поселения // Вестник науки. 2019. Т. 4, № 5(14). С. 138–144.

Латышева 2018 – *Латышева Л. А.* Особенности содержания и ресоциализации женщин, имеющих малолетних детей, в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 1(41). С. 69–75.

References

Abasova, S. A. (2003), Problems of execution of sentences in a General regime penal colony for women sentenced to imprisonment, Ph. D. Thesis, criminal law, criminology, penal law, Dagestan State University, Makhachkala, Russia.

By'kov, A. I., Drozdova, E. A., Saifullin, R. R., Smirnov, I. S. and Tarasova, M. I. (2017), "On the issue of legal guarantees of convicted women in the organization of work in places of deprivation of liberty", *Social'no-politicheskie nauki,* no. 4, pp. 56–59.

Kashibadze, A. G. (2019), "Work of convicted women in penal settlements", *Vestnik nauki,* vol. 4, no. 5(14), pp. 138–144.

Laty'sheva, L. A. (2018), "Features of detention and re-socialization of women with young children in penitentiary institutions of foreign countries", *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie,* no. 1(41), pp. 69–75.

Veselona, A. P. (2019), *Pravovoe regulirovanie ispolneniya nakazanii v otnoshenii osuzhdenny'kh zhenshchin v dorevolyutsionnoi Rossii: analiticheskii obzor* [Legal regulation of the execution of sentences against convicted women in pre-revolutionary Russia: analytical review], Kuzbasskii institut FSIN Rossii, Novokuznetsk, Russia.

Zhizhina, I. V. (2010), Legal regulation of the work of women sentenced to imprisonment, Abstract of Ph. D. dissertation, criminal law, criminology, penal law, Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia, Nizhy Novgorod, Russia.

Информация об авторе

Попова Тамара Владимировна,

кандидат экономических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; aroma.79@mail.ru

Information about the author

Popova Tamara V.,

PhD (economy), associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; aroma.79@mail.ru

Для цитирования

Попова Т. В. Особенности регулирования труда осужденных к лишению свободы женщин // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 17–21.

For citation

Popova, T. V. (2020), "Features of regulation of labor of women sentenced to imprisonment", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 17–21.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

ACTUAL ISSUES OF THE RUSSIAN LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICES

УДК 343.98+37

А. В. Агарков[1]
Е. А. Медюшко[2]
[1]Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация
[2]ФКУ ИК-5 ГУФСИН России по Нижегородской области, Нижний Новгород, Российская Федерация

A. V. Agarkov[1]
E. A. Medyushko[2]
[1] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation
[2] FKU IK-5 of the GUFSIN of Russia in the Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Оперативно-розыскная педагогика: осознание необходимости новой науки

Operational-search pedagogy: awareness of the need for a new science

Ключевые слова: педагогические знания; оперативно-розыскная деятельность; педагогика; воздействие; оперативно-розыскная педагогика; оперативно-розыскная психология.

Аннотация. В статье предлагается и обосновывается идея о формировании новой науки – оперативно-розыскной педагогики, призванной разрешать педагогические вопросы, возникающие в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Key words: pedagogical knowledge; operational-search activity; pedagogy; impact; operational-search pedagogy; operational-search psychology.

Abstract. The article proposes and substantiates the formation of a new science – operational-search pedagogy, designed to resolve pedagogical issues arising in the course of the implementation of operational-search activities.

Оперативно-розыскная деятельность (далее: ОРД) регламентирована законодательством Российской Федерации и ведомственными нормативными актами, но в то же время, с нашей точки зрения, является творческим многоаспектным процессом, в котором участвуют не только должностные лица субъектов, уполномоченных на ее осуществление в соответствии со ст. 13 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[1] (далее: ФЗ «Об ОРД»), но иные лица, так или иначе вовлеченные в сферу ОРД.

При этом оперативные сотрудники, решая задачи, предусмотренные ст. 2 ФЗ «Об ОРД», осуществляют как оперативно-розыскные мероприятия, так и иные действия разнопланового характера, в основном связанные с общением с другими людьми [Овчинников 2019, Овчинников 2020]. Мы считаем возможным выделить следующие основные сферы оперативно-розыскной коммуникации: оперативный сотрудник (начальник) – оперативный сотрудник (подчиненный); оперативный сотрудник – оперативный сотрудник (в процессе взаимодействия); оперативный сотрудник – конфидент; оперативный сотрудник – объект ОРД; конфидент – объект ОРД.

Заслуживает внимания справедливое, по нашему мнению, утверждение профессора О. Г. Ковалёва о том, что в процессе ОРД ее субъекты реализуют педагогическую (обучающе-воспитательную) функцию, содержание которой определяется задачами обучения и воспитания подчиненных, регламентируемыми ведомственными нормативными актами, а также спецификой участия сотрудников в предупреждении преступлений, проведении профилактических мероприятий с потенциальными преступниками, различными категориями граждан, психолого-педагогическим воздействием на них [Ковалёв 2003, с. 122]. Таким образом, мы приходим к выводу, что в ходе ОРД оперативные сотрудники в большинстве приведенных выше сфер оперативно-розыскной коммуникации осуществляют педагогическое воздействие, необходимость которого обусловлена как решением общих задач ОРД, так и частных, тактических задач, предусмотренных ведомственными нормативными актами.

Следующим этапом наших рассуждений является утверждение, что для осуществления эффективного педагогического воздействия необходимо владение его субъектом соответствующими знаниями, умениями и навыками, позволяющими использовать соответствующие закономерности и формировать в сознании обучающегося требуемые компетенции в той или иной сфере (в рассматриваемом нами случае – в области ОРД). Таким образом, мы приходим к выводу о необходимости владения оперативными сотрудниками прикладными педагогическими методиками. Вместе с тем предпринятый нами научный поиск показал отсутствие в открытой печати материалов о каких-либо педагогических приемах, предназначенных для оперативных сотрудников. Нам удалось обнаружить отдельные аспекты педагогического воз-

[1] Российская газета. 1995. 18 авг.

© Агарков А. В., Медюшко Е. А., 2020

действия на конфидентов в закрытых работах А. Ф. Возного и некоторых иных авторов, труды которых составляют основу теории ОРД. Однако приходится констатировать, что комплексные исследования использования педагогики в ОРД, а также разработка прикладных методик в современных публикациях отсутствуют, тема использования педагогических приемов и знаний в области ОРД в науке не рассматривалась.

Следует подчеркнуть, что, начиная с 1963 г., в СССР и России активно развивается пенитенциарная (ранее исправительно-трудовая) педагогика, объектом которой является воспитательная система исправительных учреждений, охватывающая педагогическую составляющую деятельности этих учреждений, а ее предметом – закономерности воспитания и особенности их проявления в рамках исполнения уголовного наказания как меры государственного принуждения [Тюгаева 2016, с. 181–185]. Кроме того, в 60–70-е гг. XX в. на стыке ОРД и юридической психологии сформировалась оперативно-розыскная психология, предметом изучения которой являются объективные закономерности возникновения и развития тех групп явлений, отношений, фактов, которые определяют применение прежде всего негласных сил, средств и методов воздействия на криминальную среду [Синилов 2008, с. 19]. Это современные прикладные самостоятельные отрасли научных исследований, призванные решать как теоретические, так практические задачи оказания на осужденных положительного воздействия и психологического обеспечения решения задач ОРД.

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем признать необходимость формирования новой прикладной науки – **оперативно-розыскной педагогики.**

Профессор Г. К. Синилов отмечал, что «право на самостоятельное существование в качестве науки приобретает такая система знаний, которая в своем содержании имеет специфические закономерности, отличающие ее от других наук» [Синилов 2008, с. 17]. В чем же заключается специфичность оперативно-розыскной педагогики?

Во-первых, мы считаем необходимым выделить особенности объектов педагогического воздействия. Они характеризуются разнообразием типов (оперативные сотрудники – подчиненные, оперативные сотрудники – коллеги, конфиденты, объекты ОРД), имеют различные системы социальных установок, в первую очередь связанные с отношением к соблюдению законодательства, и в силу особой оперативно-розыскной системы правоотношений в корне отличаются от объектов общей педагогики, значительно – от объектов юридической и пенитенциарной педагогики.

Во-вторых, следует подчеркнуть особые условия применения педагогических приемов, характеризующиеся в основном незначительным количеством времени их применения и в ряде случаев стрессовым характером взаимоотношений, обусловленным разнообразными факторами, либо стрессовым состоянием объекта воздействия. В этих условиях первоначальной и непростой задачей является обеспечение психологической готовности объекта к педагогическому воздействию, активизация его познавательных процессов.

В-третьих, особый характер имеет цель педагогического воздействия. Она может быть представлена в предотвращении нежелательного поведения; в приобретении объектом каких-либо специфических знаний, умений и навыков; в формировании мотивации к дальнейшей работе и т. д.

В-четвертых, конспиративность встреч и конфиденциальность общения в ходе применения педагогических приемов, обусловленная закрытым характером передаваемой информации и (или) взаимоотношений сторон.

Необходимо подчеркнуть, что на начальном этапе формирования оперативно-розыскной педагогики следует осознать целесообразность существования такой науки, определить ее объект и предмет, разработать ее структуру и выявить (скорее всего, эмпирическим путем) ее основные закономерности. Впоследствии необходимы соответствующий научный инструментарий, разработка понятийного аппарата, принципов, адаптация педагогических знаний к условиям осуществления ОРД. Следующим этапом будет проведение прикладных исследований, призванных обеспечить оперативных сотрудников специализированными методиками в области оказания педагогического воздействия на различные категории лиц.

Особо следует отметить, что педагогика носит творческий характер – «наука только изучает существующее или существовавшее, а искусство стремится творить то, чего еще нет, и перед ним в будущем несется цель и идеал его творчества» [Ушинский 1953]. Творческой является и ОРД [Ковалёв 2003, с. 132], следовательно, формирующаяся на стыке педагогики и ОРД оперативно-розыскная педагогика также будет иметь творческий характер.

Подводя некоторые итоги, подчеркнем, что мы отдаем себе отчет в смелости внесенного нами предложения. Однако считаем, что предлагаемое нами новое направление научных исследований имеет право претендовать на статус самостоятельной отрасли научных знаний, имеющей прикладной характер и направленной на решение педагогических вопросов, возникающих в ходе осуществления ОРД. Ни в коем случае не претендуя на безупречность высказанного мнения, мы предлагаем дальнейшее научное обсуждение данного вопроса.

Список цитируемых источников

Ковалёв 2003 – *Ковалёв О. Г.* Оперативно-розыскная деятельность: историко-правовой и психологический анализ. Владимир : ВЮИ Минюста России, 2003. 192 с.

Овчинников 2019 – *Овчинников О. М.* Педагогический потенциал служебной деятельности оперативного сотрудника уголовно-исполнительной системы // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24, № 3(77). С. 214–218.

Овчинников 2020 – *Овчинников О. М.* Педагогические возможности оперативного сотрудника в условиях воспитательной колонии // Школа будущего. 2020. № 2. С. 166–173.

Синилов 2008 – *Синилов Г. К.* Введение в оперативно-розыскную психологию. М. : Норма, 2008. 48 с.

Тюгаева 2016 – *Тюгаева Н. А.* Пенитенциарная педагогика как отрасль педагогической науки // Вестник Кузбасского института. 2016. № 3(28). С. 181–185.

Ушинский 1953 – *Ушинский К. Д.* Избранные педагогические сочинения. В 2 т. Т. 1. М. : Учпедгиз, 1953. 640 с.

References

Kovalev, O. G. (2003), *Operativno-rozy'sknaya deyatel'nost': istoriko-pravovoi i psikhologicheskii analiz* [Operational-search activity: historical, legal and psychological analysis], VYuI Minyusta Rossii, Vladimir, Russia.

Ovchinnikov, O. M. (2019), "Pedagogical potential of the service activity of an operational officer of the penal system", *Psikhopedagogika v pravookhranitel'ny'kh organakh,* vol. 24, no. 3(77), pp. 214–218.

Ovchinnikov, O. M. (2020), "Pedagogical capabilities of an operational officer in the conditions of an educational colony", *Shkola budushchego,* no. 2, pp. 166–173.

Sinilov, G. K. (2008), *Vvedenie v operativno-rozy'sknuyu psikhologiyu* [Introduction to operational investigative psychology], Norma, Moscow, Russia.

Tyugaeva, N. A. (2016), "Penitentiary pedagogy as a branch of pedagogical science", *Vestnik Kuzbasskogo instituta,* no. 3(28), pp. 181–185.

Ushinsky, K. D. (1953), *Izbranny'e pedagogicheskie sochineniya, v 2 t., t. 1* [Selected pedagogical works, in 2 vol., vol. 1], Uchpedgiz, Moscow, USSR.

Информация об авторах

Агарков Алексей Вячеславович,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; agarkov2107@rambler.ru

Медюшко Елизавета Андреевна,
ФКУ ИК-5 ГУФСИН России по Нижегородской области, Нижний Новгород, Российская Федерация; ea0057@bk.ru

Information about the authors

Agarkov Aleksei V.,
PhD (law), associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; agarkov2107@rambler.ru

Medyushko Elizaveta A.,
FKU IK-5 of the GUFSIN of Russia in the Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Russian Federation; ea0057@bk.ru

Для цитирования

Агарков А. В., Медюшко Е. А. Оперативно-розыскная педагогика: осознание необходимости новой науки // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 24–26.

For citation

Agarkov, A. V. and Medyushko, E. A. (2020), "Operational-search pedagogy: awareness of the need for a new science", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 24–26.

УДК 343.1

Е. Ю. Андреева[1]
Е. В. Быкадорова[1]
С. А. Емельянов[2]
[1] *Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация*
[2] *Патрульно-постовая служба полиции отделения Министерства внутренних дел Российской Федерации по Тосненскому району Ленинградской области, Тосно, Ленинградская область, Российская Федерация*

E. Yu. Andreeva[1]
E. V. By'kadorova[1]
S. A. Emel'yanov[2]
[1] *St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation*
[2] *Patrol service of the police of the department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Tosno district of the Leningrad region, Tosno, Leningrad region, Russian Federation*

Некоторые аспекты избрания мер пресечения в уголовном судопроизводстве

Some aspects of selecting preventive measures in criminal proceedings

Ключевые слова: мера пресечения; запрет определенных действий; обвиняемый; уголовно-процессуальное принуждение.

Аннотация. Статья посвящена актуальным аспектам, возникающим в правоприменительной практике при разрешении вопроса об избрании той или иной меры пресечения, установленной российским законодательством, и возможным путям их разрешения в существующей системе права. Авторы обращают внимание на проблему применения новой меры пресечения «запрет определенных действий»; рассматривают возможные варианты позитивного изменения законодательства в сфере уголовного судопроизводства, касающиеся мер пресечения; вносят предложение о введении в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации новой меры пресечения, соответствующей актуальным проблемам, которые возникают при расследовании преступлений, позволяющей усовершенствовать расследование преступлений, подозреваемые в совершении которых госпитализированы в психиатрическое лечебное учреждение; анализируют статистические сведения о применении мер пресечения, требующих судебного разрешения в рамках использования их на практике; проводят краткое сравнение отечественного уголовно-процессуального законодательства о практике применения мер пресечения с уголовно-процессуальным законодательством США; предлагают внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство с целью оптимизации процесса расследования, а именно, объединение принятия решений о продлении срока предварительного следствия и продления меры пресечения.

Key words: preventive measure; prohibition of certain actions; accused; criminal procedural coercion.

Abstract. The article is devoted to topical aspects that arise in law enforcement practice when resolving the issue of choosing a particular measure of restraint established by Russian legislation, and possible ways to resolve them in the existing legal system. The authors draw attention to the problem of applying the new preventive measure "prohibition of certain actions"; consider possible options for positive changes in the legislation in the field of criminal proceedings related to preventive measures; make a proposal to introduce into the Criminal procedure code of the Russian Federation a new measure of restraint that corresponds to the current problems that arise in the investigation of crimes, allowing to improve the investigation of crimes suspected of committing which are hospitalized in a psychiatric medical institution; analyze statistical data on the application of preventive measures that require judicial permission in the framework of their use in practice; a brief comparison of the domestic criminal procedure legislation on the practice of applying preventive measures with the criminal procedure legislation of the United States is made; amendments to the criminal procedure legislation are proposed in order to optimize the investigation process, namely, combining decision-making on the extension of the preliminary investigation period and the extension of the preventive measure.

Защита прав и свобод граждан является основополагающей задачей правоохранительных органов. И поскольку в Конституции Российской Федерации нет никаких разграничений между гражданами исходя из их уголовно-процессуального статуса, то требование о защите касает-

© Андреева Е. Ю., Быкадорова Е. В., Емельянов С. А., 2020

ся не только лиц, признанных потерпевшими от преступного деяния, свидетелей и очевидцев, но также и лиц, подозреваемых/обвиняемых в совершении преступлений. Важной конституционной гарантией выступает и право каждого лица на свободу и личную неприкосновенность. В то же время ограничение данного права допускается только в случаях, прямо предусмотренных федеральным законодательством, например, при применении мер пресечения при расследовании уголовного дела.

В последнее время законодательство в сфере уголовного судопроизводства постоянно совершенствуется. Так, Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста»[1] введена ст. 105.1 «Запрет определенных действий» как более мягкая альтернатива домашнему аресту и заключению под стражу. Следует отметить, что новая мера пресечения подразумевает вариативную возможность выбора конкретных ограничений, подходящих соответствующему случаю. Подобная форма избрания мер пресечения существует в США, где сама мера пресечения избирается в зависимости от совершенного преступления в виде наложения запрета на осуществление определенных действий. Однако в США само избрание меры пресечения носит ситуативный характер и полностью зависит от решения судьи, сторона обвинения лишь выносит ходатайство об избрании той или иной меры пресечения[2]. Существенное различие в данном случае состоит в том, что в российской уголовно-правовой системе данная вариативность используется непосредственно в одной конкретной мере пресечения, а в уголовно-правовой системе США – относительно каждого отдельного случая избрания меры процессуального принуждения, применяемого в отношении подозреваемого/обвиняемого в совершении преступления. Кроме того, отличием уголовно-процессуального права США является и то, что нет общего законодательного закрепления конкретных правил и норм касательно меры пресечения, за исключением 4, 5 и 6-й поправок к Конституции США[3], так как используется прецедентное право. Положительным фактором, позволяющим по законодательству США защитить жертв домашнего насилия, является так называемый запретительный приказ, который предписывает лицу совершать какие-либо действия в отношении другого человека, либо, наоборот, воздержаться от действий. Так, суд может обязать лицо соблюдать дистанцию с потерпевшим или свидетелем, не приближаться к его собственности, жилью, месту работы или учебы, запретить высказывать в отношении него угрозы в любой форме[4]. Причем за нарушения такого запрета, наложенного судом, может последовать гражданско-правовая или уголовной ответственность.

В связи с вышеизложенным полагаем оправданным добавить в отечественное действующее уголовно-процессуальное законодательство подобный вид запретительного действия с учетом высокого процента совершаемых в нашей стране преступлений против личности на бытовой почве. Данной точки зрения придерживаются и другие авторы, полагая, что «содержание запрета общения с определенными лицами, в том числе и защищаемыми участниками уголовного процесса, должно быть дополнено и запретом приближения к ним на определенное расстояние, обеспечивающее их безопасность» [Андреева, Зайцев, Епихин 2018, с. 225–229]. Кроме того, открытый перечень запретов в новой мере пресечения давал бы возможность суду выбирать определенный вид запрета в зависимости от личности подозреваемого, характера совершенного им преступления, что способствовало бы более эффективному расследованию преступлений. Эту нашу позицию разделяют и другие исследователи [Яковлева, Кутянина 2019].

Вообще выбор меры пресечения при задержании лица, совершившего преступление, играет важную роль в предварительном расследовании. Однако в современных реалиях российского права на вышеуказанный выбор влияют не только рамки законодательства, но и сложившаяся практика в отдельных субъектах. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее: УПК РФ) регламентирует восемь мер пресечения: подписка о невыезде и надлежащем поведении; личное поручительство; наблюдение командования воинской части; присмотр за несовершеннолетним подозреваемым обвиняемым; запрет определенных действий; залог; домашний арест; заключение под стражу. Регламентированы и иные меры процессуального принуждения: обязательство о явке; привод; временное отстранение от должности; наложение ареста на имущество. На практике же в основном применяются: подписка о невы-

[1] Российская газета. 2018. 20 апр.

[2] Human Rights and Pre-trial Detention : a handbook of international standards relating to pre-trial detention. Centre for Human Rights, Geneva : Crime Prevention and Criminal Justice Branch, Vienna. United Nations, New York and Geneva, 1994. P. 15.

[3] The Constitution of the United States. URL: www.archives.gov (дата обращения: 10.08.2020).

[4] What are the differences between a peace bond and a restraining order? URL: stepstojustice.ca (дата обращения: 10.08.2020).

езде; домашний арест; заключение под стражу; обязательство о явке и привод. На законодательном уровне закреплены четыре меры пресечения, требующие судебного решения: запрет определенных действий, залог, домашний арест, заключение под стражу. Однако в сложившейся правоприменительной практике наиболее часто используемой из указанных мер является заключение под стражу –применяется почти в 93 % случаях. Каждый год (с 2013 по 2017 г.) на основании судебного решения было удовлетворено около 90 % ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу. За тот же период домашний арест применялся в 47 131 случае (6,8 %), а залог – всего в 3 866 (0,6 %)[1]. Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что судебная система в рассматриваемый отрезок времени отдавала предпочтение применению более жестких мер в отношении лица, подозреваемого/обвиняемого в совершении преступления, а мера пресечения в виде домашнего ареста как альтернатива заключению под стражу была недостаточно эффективна. С введением новой меры пресечения в виде запрета определенных действий ситуация выглядит следующим образом: за 2018 г. заключение под стражу в качестве меры пресечения применялось в 13 977 случаях, залог – в 21, домашний арест – в 935, запрет определенных действий – в 47 случаях; за 2019 г. заключение под стражу в качестве меры пресечения применялось в 14 573 случаях, залог – в 13, домашний арест в 1 037, запрет определенных действий – в 14 573 случаях[2]. Таким образом, новая мера пресечения в совокупности с возможностью ее применения по преступлениям любой категории тяжести создает предпосылки для ее использования как альтернативной заключению под стражу и домашнему аресту.

Обратимся к еще одной немаловажной проблеме в области применения мер пресечения. УПК РФ регламентирует применение меры пресечения в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступления, или, в исключительных случаях, при наличии оснований для избрании меры пресечения, подозреваемых в совершении преступления, при условии, что в течение 10 дней с момента вынесения постановления об избрании меры пресечения (в случае с заключением под стражу – с момента фактического задержания лица) необходимо предъявить обвинение лицу, в отношении которого была избрана мера пресечения. По сути, на этапе предъявления лицу обвинения должны быть собраны достаточные доказательства, указывающие на виновность данного лица. Если же за указанные 10 дней обвинение не предъявлено, то мера пресечения отменяется (за исключением случаев, указанных в ч. 2 ст. 100 УПК РФ). В такой ситуации должностное лицо, осуществляющее предварительное расследование, должно собрать все необходимые доказательства за вышеуказанный период, в связи с чем возникает вопрос: если все доказательства, необходимые для предъявления, собраны, то почему предварительное следствие на этом этапе не оканчивается и дело не передается в суд, а следователь/дознаватель продолжает расследование? Однако срок предварительного следствия составляет 2 мес. В таком случае есть ли необходимость предъявления обвинения при избрании меры пресечения? По данным Судебного департамента Российской Федерации, из всего числа уголовных дел, направленных в суд, обвинительный приговор был вынесен 291 662 лицам, а оправдано было всего 759 чел. (по данным судебной статистики за I полугодие 2019 г.)[3]. Подобное количество обвинительных приговоров указывает на эффективность российской системы правосудия, однако следует понимать, что 759 оправдательных приговоров означает, что в отношении 759 чел. было незаконно выдвинуто обвинение. В целях сокращения числа подобных прецедентов необходимо полное и всеобъемлющее расследование всех доказательств совершения преступления лицом, подозреваемым в совершении преступления. Однако для изучения всей доказательственной базы порой не хватает отведенных на предъявление обвинения 10 суток, чтобы полностью удостовериться в виновности лица и оправданности предъявленного обвинения. С одной стороны, подобное условие предполагает обоснованность принятия решения сотрудником, осуществляющим предварительное расследование, но с другой стороны, создает рамки, ограничивающие следователя/дознавателя во времени, а это нельзя назвать приемлемым при условии, что данное решение влияет на судьбу человека. Даже при наличии реабилитирующих обстоятельств и соблюдении тайны следствия информация о том, что лицу было предъявлено обвинение (хотя и неоправданно), станет известной его окружению и может иметь негативные для него последствия.

[1] Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2013, 2014, 2015, 2016 и 2017 годы // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: http://www.cdep.ru/ (дата обращения: 10.08.2020).

[2] Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2018, 2019 годы // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: http://www.cdep.ru/ (дата обращения: 10.08.2020).

[3] Судебный департамент Российской Федерации : [сайт]. URL: http://www.cdep.ru/ (дата обращения: 10.08.2020).

В связи с вышеизложенным считаем необходимым внести изменения в действующее законодательство, а именно – увеличить срок предъявления обвинения с 10 суток до 2 мес., что будет соответствовать сроку предварительного следствия, и до 30 суток для дознания. Однако нужно исключить в данном случае такие меры пресечения, как заключение под стражу и домашний арест ввиду того, что эти меры пресечения в наибольшей степени затрагивают права и свободы человека. Следует принимать во внимание тот факт, что указанные меры пресечения наиболее часто избираются в отношении обвиняемых/подозреваемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, расследование которых чаще всего значительно превышает срок предварительного следствия – 2 мес. В данном случае решение об избрании указанных мер пресечения принимают судебные органы, а следователь лишь выносит ходатайство перед судом, представляя суду доказательства виновности лица в совершении преступления. Суд объективно рассматривает предоставленные доказательства и выносит решение о применении конкретной меры пресечения или освобождения лица. Однако вынесенное судебное решение ограничено временными рамками, в соответствии с которыми следователю необходимо обращаться в суд с ходатайством о продлении срока меры пресечения, и суд каждый раз выносит решение о том, продлить срок меры пресечения или освободить лицо, что, возможно, нецелесообразно. Обвиняемый вправе обжаловать вынесенное судом решение о заключении под стражу или домашнем аресте, а также подать мотивированное ходатайство об изменении меры пресечения на менее строгую. Обязанность продлевать срок меры пресечения создает лишние бюрократические барьеры, учитывая, что при этом также продлевается и сам срок предварительного следствия. Для решения этой проблемы необходимо объединить обязанность разрешения ходатайства о продлении срока предварительного следствия и продлении срока меры пресечения и делегировать это судебным органам.

Кроме того, нужно изучить вопрос о применении меры пресечения к лицам, госпитализированным сразу после задержания в психиатрические лечебные учреждения, ввиду того, что проведение следственных действий в данном случае весьма ограничено, ибо подобные заведения не подразумевают наличие отдельных палат для лиц, подозреваемых/обвиняемых в совершении преступления, а также весьма затруднительно принять решение о применении той или иной меры пресечения в отношении указанной категории лиц, так как из-за их психического состояния они не могут объективно осознавать характер применяемой в отношении них меры пресечения. Осложняет принятие своевременного решения и то обстоятельство, что психиатрические лечебные учреждения своевременно не сообщают о выписке подозреваемого/обвиняемого в совершении преступления, и за упущенное время преступник имеет возможность скрыться от органов предварительного следствия и суда. Во избежание подобного следует госпитализировать лицо не по месту проживания или совершения преступления, а в учреждения со стационаром, осуществляющие психолого-психиатрические судебные экспертизы, где специалисты могут сразу проводить необходимые наблюдения. Таким образом, целесообразно закрепить данное предложение на законодательном уровне в целях оптимизации процесса расследования, а именно, дополнить иные меры процессуального принуждения *помещением в специализированное лечебное учреждение* в случае, когда состояние задержанного по подозрению в совершении преступления требует незамедлительной госпитализации в психиатрическое лечебное учреждение. Назначение данной меры пресечения следует применять на основании мотивированного постановления о ходатайстве следователя перед судом на помещение в специализированное учреждение. При поступлении в такие учреждения подозреваемого/обвиняемого в совершении преступления специалист обязан принять объективное решение о рекомендации следователю на помещение указанного лица в стационар в течение 48 ч с момента его госпитализации. Данные рекомендации должны быть незамедлительно переданы следователю. При этом специалист, осуществляющий лечение поступившего лица, обязан сообщать следователю о нормализации состояния пациента и рекомендовать последнему назначать дополнительные экспертные исследования, а следовательно, продлить нахождение данного лица в указанном учреждении. Следователь в свою очередь обязан в течение 24 ч с момента получения рекомендаций специалиста предоставить указанное ходатайство с рекомендациями в суд для решения законности помещения лица в специализированное лечебное учреждение. При нормализации состояния пациента и проведении с ним необходимых в данных случаях экспертиз специалист своевременно уведомляет следователя, который незамедлительно принимает решение о применении иной соответствующей меры пресечения.

Как уже указывалось выше, при принятии решения об избрании той или иной меры пресечения лицо, ведущее предварительное расследование, учитывает фактор личности самого подозре-

ваемого/обвиняемого. Так, в ст. 97 УПК РФ указаны основания для избрания меры пресечения, при наличии которых следователь вправе принять процессуальное решение. В ч. 1 ст. 108 УПК РФ также указаны обязательные обстоятельства, наличие которых позволяет избрать такую строгую меру пресечения, как заключение под стражу. Например, в п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ указано, что одним из таких обстоятельств является отсутствие у подозреваемого/обвиняемого в совершении преступления постоянного места жительства на территории Российской Федерации. Однако нет никакой уверенности в том, что при наличии постоянного места жительства лицо не станет скрываться от органов предварительного следствия и суда. Следует отметить, что в данном пункте указано наличие постоянного места жительства на территории Российской Федерации, т. е. если лицо совершило преступление в г. Санкт-Петербурге, а зарегистрировано и постоянно проживает оно в г. Владивостоке, а иных обстоятельств применить в отношении данного лица меру пресечения в виде заключения под стражу (при условии наличия оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ) нет, то, по сути, ходатайство следователя в данном случае будет отклонено судом. Существует риск того, что лицо скроется и не будет являться на проведение следственных действий к следователю. Однако проще искать лицо в субъекте, где ведется расследование, а не отправлять поручение на розыск лица и направлять сотрудников в командировку для доставления лица к месту ведения следствия. В связи с вышеизложенным п. 1 ч. 1 ст. 108 УПК РФ требует уточнения, а именно, следует указать на необходимость наличия у лица постоянного места жительства на территории субъекта, в котором было совершено преступление. Таким образом, данное обстоятельство будет более эффективным при разрешении вопроса о вынесении решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Подводя итог, отметим, что наличие нововведения о включении новой меры пресечения в УПК РФ, подразумевающей выбор той или иной ограничительной меры, соответствующей характеру преступления и личности лица, в отношении которого применяется мера пресечения, означает положительные изменения в сторону вариативных мер пресечения, дающих возможность выбора. Законодательные органы заинтересованы в совершенствовании системы уголовного судопроизводства, в связи с чем намечаются тенденции к введению новых мер пресечения впоследствии. Например, речь идет о такой мере пресечения, как помещение в специализированное лечебное учреждение, которая хоть и будет носить временный характер (до нормализации состояния лица, в отношении которого избрана), но она значительно упростит работу следователя при расследовании преступлений, в которых в качестве подозреваемого/обвиняемого в совершении преступления фигурируют указанные лица.

Список цитируемых источников

Андреева, Зайцев, Епихин 2018 – *Андреева О. И., Зайцев О. А., Епихин А. Ю.* Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 225–229.

Яковлева, Кутянина 2019 – *Яковлева С. А., Кутянина А. С.* Проблемы соотношения запрета определенных действий с другими мерами уголовно-процессуального пресечения // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2019. Т. 5, № 1. С. 87–96.

References

Andreeva O. I., Zaitsev, O. A. and Epikhin, A. Yu. (2018), "Prohibition of certain actions as a new measure to ensure personal security in criminal proceedings", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta,* no. 436, pp. 225–229.

Yakovleva, S. A. and Kutyanina, A. S. (2019), "Problems of correlation between the prohibition of certain actions and other measures of criminal procedure", *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya "Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki",* vol. 5, no. 1, pp. 87–96.

Информация об авторах

Андреева Екатерина Юрьевна,

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация; nauka2020-bykadorova@mail.ru

Information about the authors

Andreeva Ekaterina Yu.,

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation; nauka2020-bykadorova@mail.ru

Быкадорова Елена Владимировна,
Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация; nauka2020-bykadorova@mail.ru

Емельянов Семён Алексеевич,
патрульно-постовая служба полиции отделения Министерства внутренних дел Российской Федерации по Тосненскому району Ленинградской области, Тосно, Ленинградская область, Российская Федерация; nauka2020-bykadorova@mail.ru

By'kadorova Elena V.,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation; nauka2020-bykadorova@mail.ru

Emel'yanov Semen A.,
Patrol service of the police of the department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Tosno district of the Leningrad region, Tosno, Leningrad region, Russian Federation; nauka2020-bykadorova@mail.ru

Для цитирования
Андреева Е. Ю., Быкадорова Е. В., Емельянов С. А. Некоторые аспекты избрания мер пресечения в уголовном судопроизводстве // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 27–32.

For citation
Andreeva, E. Yu., By'kadorova, E. V. and Emel'yanov, S. A. (2020), "Some aspects of selecting preventive measures in criminal proceedings", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 27–32.

УДК 347.4

Ю. А. Борзенко[1]
Е. С. Брылякова[1]
[1] *Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Новокузнецк, Кемеровская область, Российская Федерация*

Yu. A. Borzenko[1]
E. S. Bry'lyakova[1]
[1]*Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, Novokuznetsk, Kemerovo region, Russian Federation*

Принцип добросовестности в контрактной системе

Principle of achievement in a contract system

Ключевые слова: добросовестность; принцип добросовестности; добросовестное поведение; контрактная система; институт заверений об обстоятельствах; ответственность участника контрактной системы; преддоговорная ответственность; механизм защиты госзаказчика.

Аннотация. В статье осуществляется общетеоретический анализ принципа добросовестности, рассматриваются особенности его проявления в гражданском законодательстве, законодательстве о контрактной системе, механизм реализации в отношениях государственного заказчика и участников. В статье обозначается проблематика отсутствия легального закрепления принципа добросовестности как основного начала Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». При этом авторами предпринята попытка разобраться с правовой природой института заверений об обстоятельствах как инструмента реализации принципа добросовестности. Приводятся примеры правоприменительной практики, свидетельствующие о реализации принципа добросовестного поведения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Как следствие, авторами обосновывается возможность применения принципа добросовестности в контрактной системе в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд путем закрепления в Федеральном законе от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ.

Key words: good faith; the principle of good faith; good behavior; the contract system; the institution of assurances of circumstances; the responsibility of a participant in the contract system; pre-contractual liability; the mechanism for protecting the state customer.

Abstract. The article provides a General theoretical analysis of the principle of good faith, examines the features of its manifestation in civil legislation, legislation on the contract system, the mechanism of implementation in the relations of the state customer and participants. The paper defines the problem of lack of legal consolidation of the principle of good faith as the primary origin of the current legislation of the Russian Federation in the Federal law from 05.04.2013 No 44 "On contract system in procurement of goods, works, services for state and municipal needs". At the same time, the authors attempt to understand the legal nature of the institution of assurances about circumstances as a tool for implementing the principle of good faith. Examples of law enforcement practice are given that demonstrate the implementation of the principle of good behavior in the field of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs. As a result, the authors substantiate the possibility of applying the principle of good faith in the contract system in the field of procurement of goods, works and services for state and municipal needs by fixing it in Federal law No. 44 of 05.04.2013.

В 2020 г. продолжается реформирование самого, пожалуй, нестабильного нормативного правового акта – Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[1] (далее: Закон № 44-ФЗ). Если посмотреть на логику изменений, то во главе угла – мероприятия, направленные на соблюдение принципов, изложенных в ст. 6 Закона № 44-ФЗ, определяющих основные направления государственной политики в сфере закупок и функционирование системы в целом.

Следует отметить, что антимонопольные органы и судебная система активно восприняли большинство заложенных принципов, часто буквально реализуя многие спорные положения, не принимая во внимание сопутствующие факторы или смягчающие ответственность государственных заказчиков обстоятельства. Так, принцип обеспечения конкуренции, направленный на создание равных условий для участников закупки, получил сильного сторонника в лице Федеральной антимонопольной службы, зорко следящей за необоснованными ограничениями числа участников закупок заказчиком, отменяющей результаты торгов, расторгающей заключенные контракты, привлекающей субъектов к

[1] Российская газета. 2013. 12 апр.

© Борзенко Ю. А., Брылякова Е. С., 2020

ответственности, следуя простой логике: чем больше участников, тем выше конкуренция и, следовательно, выше эффективность закупок. На наш взгляд, это не всегда бесспорно, поскольку погоня за повышением конкурентности участников, качества закупаемых товаров, работ и услуг для обеспечения государственных нужд, условий их амортизации может привести к неэффективному расходованию бюджетных средств.

В то же время западноевропейская практика в рамках контрактной системы работает по принципу «эффективность = качество». Так, нормативно-правовая база управления заказами Германии построена таким образом, что государство как хозяйствующий субъект обязано действовать в конкурентной среде. Контракт заключается с тем поставщиком, который предложил наиболее экономически выгодные условия с учетом указанных выше критериев. Таким образом, конкуренция обеспечена не только критерием цена/качество, но и в том числе через преимущество. Оно предоставляется опытному, свободному в финансовом плане и надежному победителю конкурса. Немецкий опыт надежности контрагента в государственных закупках заставляет обратиться еще к одному «немецкому институту» – институту добросовестности.

Принцип добросовестности (Treu und Glauben) в немецком праве является сегодня основополагающим принципом всего правового оборота как между равными субъектами права, так и между лицами, находящимися между собой в отношениях власти и подчинения в области публичного права [Нам 2018, с. 97–98].

Принцип добросовестности, по немецкому законодательству, требует, чтобы каждая сторона, участвующая в переговорах по заключению соглашения, учитывала обоснованные и известные ей интересы другой стороны. Тот, кто последующим поведением противоречит своему прежнему поведению и тем самым нарушает доверие другой стороны, не вправе ссылаться на свое формально существующее право по отношению к другой стороне. Недобросовестное, или недопустимое, осуществление права является существенным для правового положения не только должника, но и кредитора. Должник не должен исполнять свои обязательства, если они для него неприемлемы в силу принципа добросовестности. При этом неприемлемость исполнения может заключаться в том, что поведение кредитора противоречит его предыдущим действиям или нормам закона. Рассматриваемые положения пронизывают всю систему права в Германии, не является исключением и институт государственных закупок.

В отечественном законодательстве о контрактной системе добросовестность упоминается только в контексте принципа конкуренции в ч. 2 ст. 8 Закона № 44-ФЗ: «Конкуренция при осуществлении закупок должна быть основана на соблюдении принципа добросовестной ценовой и неценовой конкуренции…». Вместе с тем нельзя сказать, что российской правовой системе рассматриваемый принцип незнаком.

В соответствии с п. 3 ст. 1 ГК РФ, «при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно». Согласно п. 4 ст. 1 ГК РФ, никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. В этой связи весьма интересна позиция профессора А. Н. Кузбагарова, который раскрывая категорию «добросовестность» в статье «Добросовестность потребителя: материально- и процессуально-правовой аспекты» [Кузбагаров 2017, с. 418] говорит о принципе «недопустимости недобросовестности», ссылаясь на Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»[1]. Профессор А. Н. Кузбагаров доказывает наличие в гражданском законодательстве Российской Федерации бремени добросовестного поведения потребителя, неоднократно используя в тексте статьи термины «добросовестность» и «добрая совесть», и, как следствие, говорит о таком принципе, как принцип «доброй совести» [Кузбагаров 2017, с. 424]. В связи с этим, основываясь на мнении А. Н. Кузбагарова и проанализировав п. 3 ст. 1 ГК РФ «Основные начала гражданского законодательства» мы позволили себе допустить возможность интерпретации слов «действовать добросовестно» в контексте принципа добросовестности как тождественного принципу «недопустимости недобросовестности».

Дальнейшее раскрытие сути принципа можно найти в п. 3 ст. 307 ГК РФ, согласно которому стороны обязаны действовать добросовестно на всех этапах обязательства: при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения. По мнению К. В. Нама, содержание данного принципа проявляется «…в обязанности лояльного поведения по отношению к другим лицам, участвующим в правоотношении» [Нам 2019, с. 173]. Данный автор также отмечает, что противоречивое, непоследовательное поведение правом не должно запрещаться, а принцип добросовестности призван вмешиваться в конкретных ситуациях с учетом всех обстоятельств, только в случаях, если будет установлено, что формально правомерное поведение идет вразрез с целями правового

[1] Российская газета. 2013. 11 янв.

регулирования и при этом наносится существенный ущерб правам и интересам другой стороны. Представляется, что изложенное должно рассматриваться и в контексте государственных закупок.

В частности, согласно ст. 31 Закон № 44-ФЗ заказчик при осуществлении закупки устанавливает требования к ее участникам. При этом потенциальные участники подтверждают соответствие установленным требованиям путем предоставления, например, декларации. Однако встречаются случаи предоставления участниками недостоверных сведений, при обнаружении которых согласно п. 9 ст. 31 Закона № 44-ФЗ заказчик обязан отстранить участника закупки от участия в определении поставщика или отказаться от заключения контракта с победителем определения поставщика под страхом административной ответственности (ст. 7.32 КоАП РФ). Таким образом, предоставление недостоверных сведений участниками закупок с целью заключения контракта можно рассматривать как нарушение принципа добросовестности.

По общему правилу п. 5 ст. 10 ГК РФ, добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное. Согласно п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»[1], оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей. Однако от действий участников контрактной системы – субъектов предпринимательской деятельности, исходя из цели предпринимательства (получение прибыли), сложно ждать поведения, учитывающего интересы государственного заказчика и радеющих за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд (ст. 12 Закона № 44-ФЗ). Тогда как заказчик, который несет личную ответственность за эффективность осуществления закупок, практически лишен инструментов для привлечения недобросовестного контрагента к ответственности. Так, согласно письму ФАС России от 16 марта 2017 г. № ИА/16790/17 «По вопросам включения информации в Реестр недобросовестных поставщиков», «предоставление ложных сведений не является нарушением условий контракта и, следовательно, не может повлечь в качестве санкции включение в Реестр недобросовестных поставщиков»[2].

Выходом из сложившейся ситуации на современном этапе выступает институт заверений из обстоятельств (ст. 431.2 ГК РФ), являющийся, на наш взгляд, механизмом реализации принципа добросовестности. Данный институт позволяет обезопасить участника от имущественных потерь не только на стадии исполнения обязательств, но и при ведении переговоров. Ведь не случайно в научном сообществе институт заверений об обстоятельствах в широком смысле рассматривается как один из вариантов преддоговорной ответственности [Рудоквас 2017, с. 31].

В этом контексте декларация участника закупки о соответствии требованиям, предусмотренным ч. 1 ст. 31 Закона № 44-ФЗ, видится нам не чем иным, как заверением об обстоятельствах в рамках ст. 431.2 ГК РФ. Институт заверения об обстоятельствах появился в гражданском законодательстве России после принятия Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»[3], и время, прошедшее со дня вступления в действие данного института, позволяет оценить его содержание и эффективность.

Так, анализ содержания ст. 431.2 ГК РФ позволяет сделать вывод, что заверения распространяют свое действие не только на уже существующие, но и на будущие обстоятельства. У заказчика появляется более широкий спектр средств защиты: не только односторонний отказ от договора, признание договора незаключенным или недействительным, но и требования о возмещении убытков или уплаты неустойки. При этом ГК РФ лишает виновную сторону права ссылаться на то, что ей не было известно о недостоверности таких сведений, а добросовестность субъектов предпринимательской деятельности презюмируется, исходя из п. 4 ст. 431.2 ГК РФ.

Как справедливо отмечает Г. Александров, «сторона, заявляющая, что требования являются ложными, соответственно, должна доказывать обстоятельства, на которых она основывает требование о взыскании убытков или уплате неустойки, а именно, наличие заверений и их недостоверность», т. е. заказчику необходимо доказать факт предоставления недостоверных заверений, факт причинения убытков, их размер и причинно-правовая связь между предоставлением ложных заверений и указанными убытками [Александров 2019, с. 33].

Относительно формы заверения об обстоятельствах ГК РФ не содержит каких-либо указаний. По мнению В. А. Хохлова, ничто не мешает считать предоставлением заверения направление контрагенту обычного письма о наличии тех или иных обстоятельств. Вместе с тем заверение может быть как включено в текст договора, так и оформлено

[1] Российская газета. 2015. 30 июня.

[2] URL: http://zakupki-inform.ru>pismo-fas-rossii-ot-16-03-2017 (дата обращения: 16.07.2020).

[3] Российская газета. 2015. 13 марта.

дополнительным соглашением [Хохлов 2016]. В частности, участник закупки, действуя с разумной осторожностью, может уточнить необходимые для исполнения контракта вопросы путем направления запроса о разъяснении положений документации. При этом согласимся с позицией Г. Александрова, который расценивает ответ на запрос участника закупки как заверение об обстоятельствах, если он отвечает требованиям ст. 431.2 ГК РФ, а следовательно, воспользоваться п. 4 ст. 450.1 ГК РФ при отказе от договора участник может, следуя разумности и добросовестности. В судебной практике также прослеживается сентенция о том, что действия сторон в рамках предоставления и получения заверений должны основываться на принципе добросовестности [Александров 2019].

Как отмечает М. Н. Апестина, анализируя постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, можно определить заверения об обстоятельствах как явное и недвусмысленное заверение (гарантию), данное стороне по договору об обстоятельствах, как связанных, так и не связанных непосредственно с предметом договора, но имеющих значение для заключения договора, его исполнения или прекращения [Апестина 2020]. В связи с этим видится важным и логичным в рамках реформирования законодательства о контрактной системе дополнить ст. 6 Закона № 44-ФЗ принципом добросовестности участников.

В заключение следует отметить, что в существующих условиях необходимости максимальной поддержки предпринимательства представляется возможным для повышения эффективности закупок для государственных нужд законодательно предусмотреть условия для применения принципа добросовестности, используя институт заверений об обстоятельствах в контрактной системе в целях минимизации существующего системного недостатка – недобросовестного поведения участников.

Список цитируемых источников

Александров 2019 – *Александров Г.* Заверения об обстоятельствах в государственных закупках // Прогосзаказ.рф. 2019. № 9. С. 33–42.

Апестина 2020 – *Апестина М. Н.* Заключение и исполнение договоров. М. : Ред. «Российской газеты», 2020. Вып. 1. 144 с.

Кузбагаров 2017 – *Кузбагаров А. Н.* Добросовестность приобретателя: материально- и процессуально-правовой аспекты // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2017. Т. 159, № 2. С. 418–425.

Нам 2018 – *Нам К. В.* История принципа добросовестности (Treu und Glauben) до принятия Германского гражданского уложения // Lex Russica. 2018. № 5(138). С. 97–108.

Нам 2019 – *Нам К. В.* Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М. : Статут, 2019. 278 с.

Рудоквас 2017 – *Рудоквас А. Д.* Некоторые проблемы применения ст. 431.2 ГК РФ в связи с принципом добросовестности // Вестник гражданского права. 2017. № 2. С. 31–47.

Хохлов 2016 – *Хохлов В. А.* Юридически значимые заверения в гражданском праве России // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 63–71.

References

Aleksandrov, G. (2019), “Assurances about circumstances in public procurement”, *Progoszakaz. RF,* no. 9, pp. 33–42.

Apestina, M. N. (2020), *Zaklyuchenie i ispolnenie dogovorov* [Conclusion and execution of contracts], Redaktsiya Rossiiskoi Gazety, Moscow, Russia, issue 1.

Khokhlov, V. A. (2016), “Legally significant assurances in the civil law of Russia”, *Zhurnal rossiiskogo prava,* no. 2, pp. 63–71.

Kuzbagarov, A. N. (2017), “Conscientiousness of the acquirer: material and procedural legal aspects”, *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta, Seriya “Gumanitarnye nauki”,* vol. 159, no. 2, pp. 418–425.

Nam, K. V. (2018), “History of the principle of good faith (Treu und Glauben) before the adoption of the German civil code”, *Lex Russica,* no. 5(138), pp. 97–108.

Nam, K. V. (2019), *Printsip dobrosovestnosti: razvitie, sistema, problemy’ teorii i praktiki* [The principle of integrity: development, system, problems of theory and practice], Statut, Moscow, Russia.

Rudokvas, A. D. (2017), “Some problems of application of article 431.2 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the principle of good faith”, *Vestnik grazhdanskogo prava,* no. 2, pp. 31–47.

Информация об авторах

Борзенко Юлия Александровна,
кандидат юридических наук, доцент, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Новокузнецк, Кемеровская область, Российская Федерация; borzenkoua@mail.ru]

Брылякова Екатерина Станиславовна,
кандидат юридических наук, доцент, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Новокузнецк, Кемеровская область, Российская Федерация; kots_es@mail.ru

Information about the authors

Borzenko Yuliya A.,
PhD (law), associate professor, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, Novokuznetsk, Kemerovo region, Russian Federation; borzenkoua@mail.ru

Bry'lyakova Ekaterina S.,
PhD (law), associate professor, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service, Novokuznetsk, Kemerovo region, Russian Federation; kots_es@mail.ru

Для цитирования

Борзенко Ю. А., Брылякова Е. С. Принцип добросовестности в контрактной системе // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 33–37.

For citation

Borzenko, Yu. A. and Brylyakova, E. S. (2020), "Principle of achievement in a contract system", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 33–37.

УДК 343.91

К. В. Брежнева[1]
[1]*Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Российская Федерация*

K. V. Brezhneva[1]
[1]*Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russian Federation*

Криминологические детерминанты профессиональной преступности и отдельные проблемы ресоциализации рецидивистов

Criminological determinants of professional crime and some problems of resocialization of repeat offenders

Ключевые слова: уголовная субкультура; тюремная иерархия; рецидивисты; профессиональные преступники; «криминальная карьера»; ресоциализация.

Аннотация. Автор рассматривает различные факторы, влияющие на становление некоторых лиц в качестве профессиональных преступников, специфику идеологической приверженности преступников-рецидивистов к криминальной субкультуре, а также проблемные вопросы и пробелы в законодательстве, мешающие их успешной ресоциализации после освобождения из мест лишения свободы.

Key words: criminal subculture; prison hierarchy; repeat offenders; professional criminals; «criminal career»; resocialization.

Abstract. The author of the article considers various factors influencing the formation of some individuals as professional criminals, the specifics of the ideological adherence of repeat offenders to the criminal subculture. The article also addresses some of the problematic issues and omissions in the legislation that impede their successful resocialization after release from prison.

В цивилизованном обществе в целях карательного воздействия на преступников за содеянные противоправные деяния и предотвращения совершения новых таких лиц изолируют от общества в микросреду себе подобных. Однако вместо того, чтобы эта изоляция повлияла на сознание оступившихся индивидов в положительную сторону, вселила ясность, какие порой страшные злодеяния совершаются людьми, что далеко не всегда их и «людьми» назвать приемлемо, как сильно каждый из них своими поступками разлагает атмосферу мира и добропорядка в социуме, и что тот преступный путь, который они избрали, ведет только к негативным и страшным последствиям, к духовной и физической деградации, они продолжают придерживаться своего преступного выбора и в местах лишения свободы.

Еще в первые годы становления советской власти (1917–1929 гг.) в стране не имелось четкого механизма борьбы с преступностью, в связи с чем тюрьмы превращались в «школы преступного мастерства», где зарождался преступный мир, приобретая все новые, потребные для своей деятельности, силы [Анисимков 1993, с. 20].

Атмосфера, царящая в современных учреждениях изоляции России, надо признаться, не самая располагающая к глубокомыслию, духовному переосмыслению своих поступков в жизни или приобретению высоких морально-этических идеалов. Для многих, кто попадает туда, такая трансформация в силу изначально низкого духовно-нравственного, психофизиологического и социально-образовательного уровня развития крайне затруднительна, если вообще вероятна.

Руководство такой категорией наиболее внушаемых преступников и берут в свои руки «воровские движения», пополняя ряды своих сподвижников. Особое внимание лидеры преступных формирований уделяют массовой вербовке и приобщению к «блатной» романтике, уголовной субкультуре, рекрутированию в профессиональные преступники молодого поколения как в местах изоляции от общества, где атмосфера к этому наиболее располагающая, так и на свободе.

В связи с этим исторически сложилась неутешительная практика: длительное пребывание в местах лишения свободы среди специфического «тюремного населения» не просто не меняет мышление оступившихся, но и «плодит новые кадры», только уже более криминализированные, всецело и прочно поглощенные преступной субкультурой.

Тюрьма во многом является той благоприятной почвой, которая способствует насаждению неформальных норм и традиций, особенно среди молодого незрелого поколения. Места принудительной изоляции от общества иногда еще называют «криминальными институтами» страны. Отечественные исправительные учреждения превращаются в центры по подготовке профессиональных и закоренелых преступников, уголовников-рецидивистов, деятельность которых носит ярко выраженный антиобщественный и идеолого-антагонистический характер [Корсаков 2017, с. 72].

© Брежнева К. В., 2020

Таким образом, даже приводя приговор в исполнение, карательный механизм уголовно-исполнительной системы, нацеленный на исправление лица, преступившего закон, и возвращение его в общество, часто не достигает намеченного.

Конечно, есть те, кто переосмысливает случившееся с ним под воздействием стрессовых ситуаций. Нельзя забывать и о страхе перед новым наказанием.

В то же время мы имеем неутешительную официальную статистику по освободившимся из мест отбывания наказания. Учитывая немалый процент рецидива преступлений среди них (каждое второе (58,7%) расследованное преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления[1]), благожелательный вариант развития событий после освобождения, начало новой правосознательной страницы жизни таких людей – скорее исключение из правил, чем само правило.

Как уже было отмечено выше, среди всей уголовной массы велик количественный уровень тех, кто не просто по сложившимся жизненным обстоятельствам перешел в категорию лиц, поправших уголовный закон, а таких, кто сознательно избрал преступный путь как норму своей жизни.

Неоднократно судимые профессиональные преступники считают, что их опыт отбывания в местах лишения свободы не отрицательный, а скорее, наоборот. Многочисленные судимости повышают их значимость в криминальных кругах, поэтому по отбытии срока наказания они стараются вернуться в места изоляции как в единственно для них приемлемую, привычную среду существования.

Многие из них не смогли, не захотели либо не успели в перерывах между сроками заключения создать в обыденной жизни такие основополагающие платформы, как крепкие родственные связи, семейный очаг, получение профессионального образования, духовное совершенствование, стабильная работа и законный заработок, дружеские отношения и поддержка близких, окружение из добропорядочных людей и др. Эти платформы сохраняют человека в правосознательном поле, создают определенный надлежащий уровень его морально-нравственных и духовных ориентиров и ценностей, формируют характер, твердость духа, силу воли, удерживают от необдуманных, импульсивных либо расчетливо-осознанных противоправных действий со всеми негативно вытекающими последствиями.

Помимо этого, если в местах заключения осужденный успешно самоутвердился, был в почете, обладал определенным авторитетом и властными полномочиями, то на свободе у таких людей присутствует внутренний психологический страх, что такого же веса, значимости они не смогут достичь в обычной жизни, или же для этого следует приложить невероятные усилия, которые, как им кажется, с малой долей вероятности будут оправданы. В мире без тюремно-воровских понятий они просто «бывшие уголовники».

«Криминальная карьера» связана с большими жертвами и усилиями. Лицо, занимающее высшее положение в «криминальном обществе», дорожит этим, понимая, что при отказе от преступной деятельности и своих позиций в криминальной среде оно в легалистском обществе окажется на нижних этажах социальной иерархии. Это один из сильных мотивов приверженности криминальному миру и активного противостояния государственно-правовой системе [Долгова 2013, с. 78–79].

Общество к «бывшим уголовникам» относится крайне скептически, настороженно, по большому счету, отрицательно и дает негативную оценку не только после совершения ими преступления, отправляя их в места лишения свободы, но и по отбытии назначенного судом наказания, навешивая ярлык юридического последствия, называемого судимостью. Судимость накладывает определенные ограничения и доставляет потенциальные неудобства и осложнения ее носителю с точки зрения его дальнейшего проживания в законном обществе. Не случайно у каждого рецидивиста вкупе с уже сформированной внутриличностной деформацией и деградацией в мышлении, заложена своя особая философия жизни и, вероятно, имеются свои субъективные оправдания совершенных против этого общества поступков. И обвиняет он в них не себя, а тот социум, в котором проживал. Именно поэтому профессиональные преступники – многократные рецидивисты отрицают все те порядки, которые им навязывает большинство, считают себя выше легитимных норм, придерживаясь принципа, что «правила существуют для того, чтобы их нарушать».

На практике складывается ситуация, когда человек, отбывший срок наказания (иногда и очень длительный срок, в течение которого жизнь людей в обществе успела кардинально поменяться), выходит на свободу, и становится он никому особо не нужен. Официальные службы о его существовании прочно забывают (конечно, если ему нигде не нужно отмечаться) ровно до той поры, пока он не попадет снова в поле зрения правоохранительных органов.

Исправились такие лица или нет – это очень сложный вопрос, однозначно ответить на который нельзя, принимая во внимание разные факторы, в том числе формализацию и бюрократизацию, распространенные во всех государственных системах и ведомствах. А человек при этом может быть и не

[1] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2019 года. URL: http://мвд.рф/reports/item/19412450/ (дата обращения: 20.05.2020).

совсем здоров как психически (морально), так и физически, и нуждаться в определенной помощи. Систематически у некоторых из них могут наблюдаться отклонения в эмоционально-психическом состоянии, серьезные расстройства, и в таком случае они по-прежнему опасны для общества. Для того чтобы решить этот проблемный вопрос, нужна соответствующая законодательная база (которой пока нет), устраняющая равнодушие работников медицинских организаций к психически нездоровым и освобожденным из мест лишения свободы лицам, у которых диагноз заболевания не исключает вменяемости. По всей вероятности, законодателю видится, что раз такие люди смогли отбыть назначенный им срок наказания в исправительном учреждении, и не было оснований к их освобождению по ст. 81 УК РФ, то их можно спокойно отпустить в «свободное плавание» по жизни. Однако цена такого легкомыслия может быть слишком высока, а негативные последствия необратимы. И вину уже возложить будет не на кого.

На основании вышеизложенного можно заключить, что в нашей стране не существует самостоятельных специализированных служб контроля за освободившимися лицами, которые могли бы предоставить последним необходимую качественную профессиональную помощь и разного рода поддержку в ресоциализации и отказе от дальнейшей преступной жизни.

Подобные функции (и то, как правило, на непродолжительное время) возлагаются на различные структурные подразделения ведомств, учреждений и органов. Это и служба участковых уполномоченных полиции, которые контролируют условно-досрочно освободившихся осужденных; и социальные службы исправительных учреждений, приобретающие им проездные документы к месту жительства и подготавливающие им в рамках своих усеченных полномочий «почву» для освобождения; и уголовно-исполнительные инспекции, ведущие учет лиц, которым лишение свободы заменено на иное, более мягкое, наказание, например, на ограничение свободы; и государственные юридические бюро, предоставляющие бесплатную юридическую помощь; и центры социальной защиты граждан, оказывающие при обращении осужденного с заявлением единовременную денежную выплату; и соцгостиницы, соцприюты – центры социальной адаптации граждан, временно предоставляющие жилье нуждающимся, и т. д.

И хотя многими учеными-юристами и практическими работниками высказывались предложения по созданию, как минимум, профильных волонтерских организаций, занимающихся данными вопросами, к сожалению, до настоящего времени образование отдельного независимого органа или организации, консолидирующих в себе различный спектр оказываемых услуг, контролирующих и предоставляющих полную профессиональную и эффективную помощь лицам, освободившимся из мест лишения свободы, не было предусмотрено законодательством Российской Федерации [Минина 2015]. Отсюда бесконтрольность и безнадзорность за категорией людей, потенциально предрасположенных к нарушению законности и правопорядка, и как следствие:

– организация ими своего окружения на свободе из числа себе подобных, ранее судимых граждан, с устойчивыми криминогенными и маргинальными характеристиками и преобладанием антиобщественных жизненных установок;

– безработица и не всегда легальный поиск источников дохода;

– повторное совершение общественно опасных деяний;

– устойчивое приобщение к криминальной субкультуре;

– целенаправленное построение профессиональной преступной «карьеры», продвижение вверх по иерархической лестнице в криминальных кругах;

– следование по жизни тюремно-воровским понятиям и их зловредное распространение, со всеми вытекающими последствиями, как для самого индивида, так и для законных интересов и прав граждан, национальной безопасности и общественного порядка.

Таким образом, мы приходим к выводу о наличии острой необходимости в принятии в российском обществе организационно-правовых мер по созданию отдельных специализированных служб контроля и помощи лицам, освободившимся из мест лишения свободы. Таким службам в своей деятельности особо пристальное внимание следует обращать на неоднократно судимых граждан, стараясь всеми возможными силами и средствами продолжить процесс их исправления, начатый еще в местах изоляции от общества, уже на свободе.

Список цитируемых источников

Анисимков 1993 – *Анисимков В. М.* Тюремная община: «вехи» истории. Историко-публицистическое повествование. М. : [б. и.], 1993. 72 с.

Долгова 2013 – Личность организованного преступника: криминологическое исследование / под ред. А. И. Долговой. М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. 368 с.

Корсаков 2017 – *Корсаков К. В.* Криминологический и уголовно-правовой анализ современной организованной преступности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 67–84.

Минина 2015 – *Минина И. Н.* Анализ проблем социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 2. С. 126–131.

References

Anisimkov, V. M. (1993), *Tyuremnaya obshchina: "vekhi" istorii* [Prison community: "milestones" of history], s. n., Moscow, Russia.

Dolgova, A. I. (ed.) (2013), *Lichnost' organizovannogo prestupnika: kriminologicheskoe isslrdovanie* [The identity of an organized criminal: a criminological study], Norma, INFRA-M, Moscow, Russia.

Korsakov, K. V. (2017), "Criminological and criminal law analysis of modern organized crime", *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya RAV,* vol. 17, issue 3, pp. 67–84.

Minina, I. N. (2015), "Analysis of problems of social rehabilitation of citizens released from prison", Ugolovno-ispolnitel'noe pravo, no. 2, pp. 126–131.

Информация об авторе

Брежнева Ксения Валерьевна,

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Российская Федерация; kisena_olcay@mail.ru

Information about the author

Brezhneva Kseniya V.,

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russian Federation; kisena_olcay@mail.ru

Для цитирования

Брежнева К. В. Криминологические детерминанты профессиональной преступности и отдельные проблемы ресоциализации рецидивистов // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 38–41.

For citation

Brezhneva, K. V. (2020), "Criminological determinants of professional crime and some problems of resocialization of repeat offenders", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 38–41.

УДК 343.241

Н. А. Горшкова[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

N. A. Gorshkova[1]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Назначение осужденным к лишению свободы наказаний за повторные преступления: проблемы и перспективы

Appointment of consumed to deprivation of freedom of punishment for repeated crimes: problems and prospects

Ключевые слова: наказание; назначение наказания; лишение свободы; совокупность приговоров; рецидив преступлений.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности назначения наказания судами общей юрисдикции осужденным, совершающим повторные преступления в период отбывания ими наказания в виде лишения свободы. Анализируются специальные правила, которые, наравне с общими, подлежат обязательному применению судами при рассмотрении подобных категорий дел. Делаются выводы о перспективах развития законодательной и правоприменительной деятельности в этой области.

Key words: punishment; sentencing; deprivation of liberty; a set of sentences; recidivism.

Abstract. The article discusses the specifics of sentencing by courts of general jurisdiction to convicts who commit repeated crimes while they are serving a sentence of imprisonment. Special rules are analyzed, which, along with general ones, are subject to mandatory application by courts when considering such categories of cases. Conclusions are made about the prospects for the development of legislative and law enforcement activities in this area.

В Российской Федерации осуществляется уголовно-правовая политика, суть которой в буквальном смысле сводится к расширению сферы применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Если исходить из анализа показателей количества лиц, ежегодно осуждаемых к наказанию в виде реального лишения свободы, тенденция к снижению масштабов применения мер, связанных с изоляцией осужденных от общества, очевидна: в 2015 г. – 211 170 чел., в 2016 г. – 206 372 чел., в 2017 г. – 200 225 чел., в 2018 г. – 190 325 чел., в 2019 г. – 175 122 чел.[1]

Концентрация, хотя и сравнительно небольшого количества, осужденных в местах лишения свободы не снимает, однако, проблем, связанных продолжением их преступной деятельности в период отбывания наказания. Совершение осужденными в исправительных учреждениях (далее: ИУ) повторных преступлений само по себе говорит об их сложной исправимости и требует поиска оптимальных путей по недопущению преступной активности. Самым мощным стимулом к правопослушному поведению, как ни странно, выступает само уголовное наказание. Вместе с тем процедура назначения наказания за повторные преступления, совершаемые осужденными в ИУ, является весьма сложной.

В первую очередь обращает на себя внимание необходимость в отдельных случаях правоприменителем соблюдать требования ст. 70 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ), регламентирующей назначение наказания по совокупности приговоров. Так, суду необходимо четко зафиксировать, исходя из предоставленных документов, какое количество дней, месяцев и лет осталось у осужденного недоотбытыми на момент избрания меры пресечения в виде содержания под стражей за вновь совершенное преступление, либо, если заключение под стражу не избиралось, учету подлежит тот срок, который остался ко времени постановления последнего приговора. На это особо обратил внимание Верховный Суд Российской Федерации в п. 55 постановления Пленума от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»[2].

Однако особенностью является то, что в период проведения предварительного расследования за повторно совершенное преступление осужденные, как правило, помещаются под стражу в следственный изолятор уголовно-исполнительной системы (далее: СИЗО), а срок наказания по первому приговору продолжает идти. Ими приобретается еще один статус – подозреваемого (а далее – обвиняемого), при этом сохраняется юридический

[1] Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 мес. 2015 г. – 12 мес. 2019 г. (форма № 10.1) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: http:// www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894 (дата обращения: 10.09.2020).

© Горшкова Н. А., 2020

[2] Российская газета. 2015. 29 дек.

статус осужденного по первому приговору. Если на момент постановления приговора по повторному преступлению у осужденного истек срок лишения свободы по первому приговору, то правила назначения наказания по совокупности приговоров применять нельзя.

Спорным в теории уголовного права является вопрос о вступлении объявленного публично обвинительного приговора в законную силу. Одни авторы стоят на позиции, согласно которой приговор вступает в законную силу с момента его провозглашения [Крупская 2007, с. 6; Чернова 2001, с. 9], другие же полагают, что приговор считается вступившим в законную силу с момента истечения десяти дней, предоставленных уголовно-процессуальным законодательством для его обжалования [Жинкина 2002, с. 85–87; Урчуков 2008, с. 7].

Данный юридический диспут небезоснователен, поскольку долгое время высшая судебная инстанция не давала однозначный ответ на этот вопрос. Речь идет о значимом юридическом факте, который разграничивает возможность и невозможность применения правил ст. 70 УК РФ. Существуют примеры, когда осужденные после провозглашения в отношении их обвинительного приговора нападали на сотрудников конвоя, СИЗО, других лиц. В этой ситуации, на наш взгляд, следует руководствоваться следующим постулатом, закрепленным в п. 56 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»: «…вынесение приговора завершается его публичным провозглашением…». При этом Верховный Суд Российской Федерации далее делает оговорку, что, хотя приговор в момент его провозглашения еще не считается вступившим в законную силу, преступное поведение лица с момента провозглашения приговора следует оценивать с применением правил, установленных в ст. 70 УК РФ.

Таким образом, при назначении наказания за повторное преступление, совершенное осужденным в период отбывания наказания по предыдущему приговору, правильным будет разграничивать юридические конструкции «с момента провозглашения обвинительного приговора» и «с момента вступления приговора в законную силу». В рассматриваемом нами аспекте приговор, еще не вступивший в законную силу, а только зачитанный судьей, уже считается юридическим фактом, подлежащим учету при последующем возможном преступном поведении осужденного.

При помещении осужденного на время предварительного расследования в СИЗО на суд ложится обязанность зачесть срок его содержания под стражей в срок нового наказания, исходя из критериев, определенных ч. 3.1, 3.2, 3.3 ст. 72 УК РФ [Зезюлина, Горшкова 2018, с. 82–85]. Анализ данных положений уголовного закона позволяет нам говорить о том, что в рассматриваемых случаях осужденные, как правило, могут претендовать на зачет срока содержания под стражей в срок нового наказания в виде лишения свободы из расчета один день за один день. Исключения могут составлять лишь случаи назначения таким лицам отбывания наказания в воспитательной колонии либо исправительной колонии общего режима (один день содержания в СИЗО засчитывается за полтора дня отбывания наказания) либо отбывания наказания в колонии-поселении (один день содержания в СИЗО засчитывается за два дня отбывания наказания).

Относительно выбора вида и размера самого наказания, назначаемого повторно осужденному к лишению свободы, отметим, что здесь также есть особенности.

Выбор вида наказания, как известно, ограничен рамками санкции той статьи (тех статей) УК РФ, по которой (которым) осуждается виновный. Для рассматриваемой нами категории осужденных наиболее приемлемым, безусловно, является выбор аналогичного вида наказания, схожего с тем, что они уже отбывают, т. е. лишения свободы. Исключение в сторону выбора более строгого вида наказания (пожизненного лишения свободы) может быть только в случае осуждения за совершение в ИУ особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности (ч. 1 ст. 57 УК РФ). Исключения в сторону выбора менее строгого наказания, чем лишение свободы (исправительные работы, обязательные работы, принудительные работы, ограничение свободы), также возможны. Например, в ИУ распространены преступления, предусмотренные ст. 115, 116, 116.1 УК РФ. Однако в санкциях этих статей законодателем не предусмотрен такой вид наказания, как лишение свободы. Следовательно, при назначении наказания за повторно совершенное преступление, охватываемое какой-либо из этих норм, выбор суда очевиден в пользу наказания, не связанного с лишением свободы.

Напрашивается вывод о том, что назначение таким категориям виновных наказаний, не связанных с лишением свободы, – это не заниженная оценка общественной опасности их самих и совершенных ими преступлений, а следование букве закона, не позволяющего выбрать более строгую меру ответственности. Однако, по правилам уголовного закона, осужденный не может одновременно отбывать два и более основных вида нака-

зания, поэтому в таких ситуациях судам необходимо применять правила, закрепленные в ст. 71 УК РФ. Сроки вновь назначенного наказания, если оно не является лишением свободы, переводятся в сроки лишения свободы. В связи с этим фактически осужденный будет продолжать отбывать лишение свободы, даже несмотря на то, что по второму приговору ему назначено наказание без изоляции от общества.

Наконец, окончательный размер повторно назначаемого наказания по совокупности приговоров суд должен определить, руководствуясь положениями ч. 4 ст. 70 УК РФ таким образом, чтобы окончательное наказание было больше как наказания, назначенного за вновь совершенное преступление, так и неотбытой части наказания по первому приговору. Подход здесь еще более индивидуален, но при этом верхний максимально возможный предел срока наказания в виде лишения свободы по совокупности приговоров установлен в количестве 30 лет (35 лет – в случаях совершения преступлений, перечисленных в ч. 5 ст. 56 УК РФ).

Вместе с тем нам представляется совершенно справедливой точка зрения многих ученых о том, что согласно действующим правилам назначения наказания по совокупности приговоров (ч. 1 ст. 70 УК РФ) осужденный совершением нового преступления освобождает себя от отбывания части срока наказания по первому приговору. Речь здесь идет о ситуации, когда к наказанию, назначенному по последнему приговору суда, частично присоединяется неотбытая часть наказания по предыдущему приговору суда.

Проведенный нами анализ отдельных приговоров судов, постановленных за период с 2015 по 2019 г., показал, что в подавляющем большинстве случаев суды присоединяли ко вновь назначенному наказанию только часть срока лишения свободы по предыдущему приговору. В частности, нами установлено, что в 88,3 % случаев при назначении наказания за насильственные преступления против здоровья, совершенные в период отбывания наказания в виде лишения свободы, суды к наказанию, назначенному по последнему приговору суда, частично присоединяли неотбытую часть наказания по предыдущему приговору. И только 11,7 % приговоров было постановлено по правилу полного сложения наказаний [Горшкова 2018, с. 137]. Это касается и тех случаев, когда оставшийся срок наказания по предыдущему приговору существенно мал. Например, приговором от 21 февраля 2020 г. А. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 321 УК РФ. Неотбытый срок наказания на дату постановления обвинительного приговора составлял девять дней. За вновь совершенное преступление ему было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на два года. В приговоре суд указал: «В соответствии со ст. 70 УК РФ, по совокупности приговоров, к наказанию, назначенному по данному приговору, частично присоединить неотбытую часть наказания по приговору Каменского городского суда Пензенской области от 29 ноября 2016 года, и окончательно назначить А. наказание в виде лишения свободы на срок 2 (два) года 3 (три) дня с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима, исчисляя срок наказания со дня вступления приговора в законную силу»[1].

Безусловно, в конечном счете срок лишения свободы увеличивается, осужденный переводится в более строгий вид ИУ, ему избираются более строгие условия отбывания наказания, но насколько такой подход справедлив, если рассматривать каждое из совершенных им преступлений обособленно, – вопрос спорный. По нашему мнению, использование судами только части срока наказания от первого приговора может осознаваться самим осужденным как прощение его криминального прошлого и способствовать укреплению чувства безнаказанности. Выход из сложившейся ситуации может быть только один, и состоит он в упразднении слова «частично» из текста ч. 1 ст. 70 УК РФ.

Наконец, при назначении осужденному к лишению свободы наказания за повторное преступление судам следует учитывать наличие или отсутствие рецидива преступлений, руководствуясь положениями ст. 68 УК РФ. При любом виде рецидива окончательное наказание не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ.

Таким образом, процедура назначения наказания за повторное преступление, совершенное осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы, является довольно сложной. Суды обязаны соблюдать большое количество специальных правил назначения наказания. Совершенствование уголовного законодательства в этой области, на наш взгляд, не должно идти по пути ослабления уголовной репрессии, в противном случае правовые механизмы, удерживающие большинство осужденных к лишению свободы от повторного преступного поведения, не будут работать.

---

[1] Приговор № 1-86/2020 от 21 февраля 2020 г. по делу № 1-86/2020. URL: sudact.ru/regular/doc/MxMFllWtyaHt/ (дата обращения: 12.09.2020).

Список цитируемых источников

Горшкова 2018 – *Горшкова Н. А.* Назначение наказания за насильственные преступления против здоровья, совершаемые в исправительных учреждениях: опыт и вопросы совершенствования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 266 с.

Жинкина 2002 – *Жинкина Е. Ю.* Назначение наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. 174 с.

Зезюлина, Горшкова 2018 – *Зезюлина Т. А., Горшкова Н. А.* Зачет времени содержания под стражей в срок наказания: новеллы уголовного законодательства // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 3(48). С. 82–85.

Крупская 2007 – *Крупская Н. Н.* Назначение наказания по совокупности преступлений и приговоров : дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 201 с.

Урчуков 2008 – *Урчуков В. М.* Совокупность приговоров по российскому уголовному праву : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2008. 26 с.

Чернова 2001 – *Чернова Т. Г.* Назначение наказания по совокупности приговоров по уголовному праву России : дис. … канд. юрид. наук. Йошкар-Ола, 2001. 187 с.

References

Chernova, T. G. (2001), Appointment of punishment based on the totality of sentences in the criminal law of Russia, Ph. D. Thesis, criminal law, criminology, penal law, Udmurt State University, Yoshkar-Ola, Russia.

Gorshkova, N. A. (2018), Appointment of punishment for violent crimes against health committed in correctional institutions: experience and improvement issues, Ph. D. Thesis, criminal law, criminology, penal law, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Krupskaya, N. N. (2007), Appointment of punishment for the totality of crimes and sentences, Ph. D. Thesis, criminal law, criminology, penal law, Rostov Law Institute of the MIA of Russia, Rostov-on-Don, Russia.

Urchukov, V. M. (2008), Aggregate of sentences on Russian criminal law, Abstract of Ph. D. dissertation, criminal law, criminology, penal law, North Causasian State Technological University, Stavropol, Russia.

Zezyulina, T. A. and Gorshkova, N. A. (2018), "Set off the time of detention in the term of punishment: novels of criminal legislation", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(48), pp. 82–85.

Zhinkina, E. Yu. (2002), Appointment of punishment for cumulative crimes and cumulative sentences, Ph. D. Thesis, criminal law, criminology, penal law, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Информация об авторе

Горшкова Наталья Андреевна,
кандидат юридических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; natva33@mail.ru

Information about the author

Gorshkova Natal'ya A.,
PhD (law), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; natva33@mail.ru

Для цитирования

Горшкова Н. А. Назначение осужденным к лишению свободы наказаний за повторные преступления: проблемы и перспективы // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 42–45.

For citation

Gorshkova, N. A. (2020), "Appointment of consumed to deprivation of freedom of punishment for repeated crimes: problems and prospects", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 42–45.

УДК 343.359.2

П. И. Иванов[1]
А. С. Шитов[1]
[1] *Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*

P. I. Ivanov[1]
A. S. Shitov[1]
[1]*Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

Транснациональная организованная налоговая преступность как угроза налоговой безопасности (меры оперативно-розыскного противодействия)

Transnational organized tax crime as a threat to tax security (measures of operational and investigative counteraction)

Ключевые слова: оперативно-розыскное противодействие; транснациональная организованная преступность; транснациональная организованная налоговая преступность; налоговые преступления; налогово-бюджетная сфера.

Аннотация. Авторы на основе изучения и анализа международного законодательства, научных публикаций рассматривают проблему, связанную с оперативно-розыскным противодействием транснациональной организованной налоговой преступности; формулируют определение понятия «транснациональная организованная налоговая преступность», до недавнего времени даже не упоминавшегося в теории оперативно-розыскной деятельности.

Key words: operational and investigative counteraction; transnational organized crime; transnational organized tax crime; tax crimes; fiscal sphere.

Abstract. In this article, based on the study and analysis of international legislation and scientific publications, the authors consider the problem related to operational-search counteraction to transnational organized tax crime. The paper provides a definition of the concept of "transnational organized tax crime", which until recently was not even mentioned in the theory of operational investigative activities.

Реализация стратегии глобального мира сопровождается значительной трансформацией экономических отношений (интеграция экономик новых государств в рынки товаров, услуг, производств), что влечет в свою очередь, наряду с позитивными последствиями, возникновение теневого сектора экономики, его транснационализации. Одновременно наблюдается слияние в существующие схемы международной преступной деятельности как общеуголовного характера, так и экономической. Иначе говоря, глобализация и все расширяющаяся интеграция различных сфер общественной жизни создают предпосылки для дальнейшей трансформации преступности в проблему макроуровня, т. е. глобального порядка, разрешение которой невозможно без объединения усилий всех, без исключения, государств.

Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем выступлении на расширенном заседании коллегии ФСБ России в феврале 2020 г. говорил о необходимости более активного очищения от криминала стратегически важных отраслей экономики, использования положительного опыта по выявлению преступных схем, в том числе и в налоговой сфере[1]. В основе этой деятельности, как нам представляется, лежит потребность в реализации государственной налоговой политики, суть которой сводится к формированию, исходя из необходимости стимулирования позитивных структурных изменений в экономике, последовательного снижения совокупной налоговой нагрузки, качественного улучшения налогового администрирования. Иначе говоря, проводимое государством все последние годы облегчение налогового бремени путем снижения налоговых ставок, отмены отдельных налогов и снятия неоправданных ограничений должно создавать оптимальные условия для ведения бизнеса и исполнения налоговых обязательств. При этом качественное налоговое администрирование является одним из условий эффективного функционирования налоговой системы и экономики государства[2].

Возвращаясь к словам Президента Российской Федерации, следует заметить, что не случайно глава государства выразил свою озабоченность положением дел в налоговой сфере, причем увязывая его с механизмом противодействия криминальным проявлениям.

Особое беспокойство, скорее всего, вызвано тем, что, с одной стороны, неуплата налогов ведет к сокращению бюджетных поступлений и рас-

[1] Текст официального выступления Президента Российской Федерации В. В. Путина на расширенном заседании коллегии ФСБ России 20 февраля 2020 года. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/62834 (дата обращения: 09.05.2020).

© Иванов П. И., Шитов А. С., 2020

[2] Об утверждении концепции системы планирования выездных налоговых проверок : приказ ФНС России от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333@ // Экономика и жизнь. 2007. № 23. В этом документе содержатся сведения о схемах преступной минимизации налоговых обязательств.

ходованию средств [Иванов, Шитов 2020a, с. 147–150; Иванов, Шитов 2020b, с. 57–60; Иванов, Шитов 2020c, с. 147–150]. В свою очередь, уменьшение доходов бюджетов является одной из основных причин недофинансирования расходов на социальные нужды, прежде всего на здравоохранение, образование, культуру, спорт, правоохранительную деятельность. С другой стороны, считаем, оно связано с увеличением темпов роста транснациональной преступности[1], которая пытается контролировать отрасли многих национальных экономик главным образом путем отмывания доходов от криминальной деятельности. Международное сообщество давно высказывает свою озабоченность в части проникновения ее на легальные финансовые рынки[2]. По некоторым подсчетам экспертов, среди финансовых преступлений[3] в мире не менее распространенными считаются налоговые преступления. На этом фоне деятельность правоохранительных органов выходит на новый уровень, предполагающий тесное сотрудничество с зарубежными коллегами.

Это означает, что любые решения Координационного совета руководителей органов налоговых (финансовых) расследований государств – участников СНГ[4] являются документами прямого действия (руководством к действию), а принятые по рассматриваемому вопросу международные договора различного уровня (межгосударственные, межправительственные и межведомственные) также должны исполняться на национальном уровне, чтобы создавать атмосферу всеобщей нетерпимости и готовности принять действенные меры по противодействию налоговой преступности как международного правового явления. В системе мер наиболее значимым продолжает оставаться создание необходимых условий для эффективного сотрудничества государств (разработка механизма борьбы с преступностью в сфере экономики, финансов и налогообложения, оказание правовой помощи по делам о финансовых преступлениях, взаимный обмен информацией об уклонении от уплаты налогов).

В рамках настоящей статьи основной акцент нами сделан на транснациональном аспекте постсоветской организованной преступности, хотя поднятая в работе проблема гораздо масштабнее.

Специалисты, изучавшие эту проблему, утверждают, что современная организованная преступность на постсоветском пространстве является многонациональным феноменом со сложнейшей организацией и огромными доходами. В частности, более 200 криминальных группировок имеют транснациональные связи, распространили то или иное влияние и контакты на Запад, особенно в Западную Европу и США. Они демонстрируют высокий уровень профессионализма при совершении тяжких преступлений, что значительно затрудняет розыскные действия, расследование и реальное привлечение преступников к уголовной ответственности [Воронин 2016, с. 16].

Транснациональные криминальные сообщества не могли оставить без внимания прибыльные сферы экономики, избрав их сферой своего влияния. Об этом свидетельствуют выводы многих исследователей. Вот как характеризует Ю. А. Воронин влияние указанных сообществ: «…взрывоопасный рост организованной преступности в бывших советских республиках породил, таким

[1] К транснациональным экономическим преступлениям, помимо уклонения от уплаты налогов, относят мошенничество, хищение денежных средств и ценных бумаг, отмывание денег. Нередко преступления в налоговой сфере связаны с контрабандой, фальшивомонетничеством, легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем. Более того, нередко скрытые от налогообложения суммы используются в дальнейшем в ходе осуществления иных видов криминальной деятельности, таких как легализация денежных средств, незаконное предпринимательство, незаконные операции в сфере валютного регулирования.

[2] Об актуальности противодействия транснациональной преступности во многом свидетельствуют также принятые на международном уровне следующие документы: Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок, принятая Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) 21 ноября 1997 г. Российская Федерация присоединилась к настоящей Конвенции Федеральным законом от 1 февраля 2012 г. № 3-ФЗ (Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 6, ст. 622); Многосторонняя конвенция по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения, заключенная в г. Париже 24 ноября 2016 г. Данный документ ратифицирован Федеральным законом от 1 мая 2019 г. № 79-ФЗ (Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 10, ст. 1281); Модельная конвенция ООН «Об устранении двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и на капитал»; Типовая конвенция ООН «Об избежании двойного налогообложения в отношениях между развитыми и развивающимися странами».

[3] Многие государства к финансовым преступлениям относят и таможенные преступления. Среди них самым «популярным» видом налоговых преступлений является уклонение от их уплаты, которое может совершаться в форме непредставления в налоговые органы информации о доходах, сокрытия реальных доходов посредством внесения ложных или искаженных сведений в финансовые документы, а также использования поддельных документов.

[4] На территории государств – участников СНГ действует модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (О модельном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» : постановление Межпарламент. Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 6 дек. 1997 г. № 10-12 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1998. № 16).

образом, серьезную и еще не вполне осознанную угрозу интересам безопасности всего мирового сообщества. Свое конкретное выражение эта угроза находит в целом ряде проявлений, в частности:

– криминальные синдикаты в бывших советских республиках подрывают международные договоренности о нераспространении опаснейших видов вооружения и радиоактивных веществ;

– эти синдикаты играют все более важную роль во всемирной торговле запрещенными наркотиками;

– упомянутые криминальные сообщества экспортируют свои операции и сетевые структуры, сотрудничают с зарубежными криминальными организациями в отмывании грязных денег;

– незаконное перемещение мигрантов через границы этими мафиозными группировками представляет серьезную угрозу государствам Европы и США;

– наконец, в более широком контексте есть основания утверждать, что постсоветская организованная преступность угрожает подрывом легальной экономики, правопорядка и политической стабильности в посткоммунистической Евразии» [Воронин 2016, с. 16].

Как видим, легальная экономика может оказаться под угрозой разрушения. Значит, есть основания утверждать о существовании транснациональной организованной налоговой преступности как разновидности транснациональной организованной преступности[1]. При анализе юридической литературы и научных изысканий мы не встретили ни одной работы, посвященной проблеме противодействия транснациональной организованной налоговой преступности. Даже термин «транснациональная организованная налоговая преступность» нигде не употребляется, хотя при характеристике транснациональной организованной преступности отдельные авторы приводят в числе признаков те, которые, на наш взгляд, присущи и анализируемой нами разновидности преступности.

Так, профессор И. М. Мацкевич, изучая транснациональную организованную преступность, признаки последней рассматривает в узком и широком смысле. В широком смысле он выделяет десять наиболее характерных признаков. Внимательное ознакомление с каждым из них позволило нам утверждать о том, что почти все они присущи и транснациональной организованной налоговой преступности. Автор насчитал двадцать наиболее распространенных видов деятельности транснациональной организованной преступности, среди них (13-й по счету) и финансовая преступность (легализация (отмывание) денежных средств, фиктивное банкротство, финансовое обеспечение офшоров и т. п.). Как нам представляется, это дополнительное свидетельство о наличии транснациональной организованной налоговой преступности как разновидности транснациональной организованной преступности.

Проанализировав признаки и виды преступной деятельности, профессор И. М. Мацкевич делает выводы следующего содержания: «1) транснациональная организованная преступность – это одно из наиболее опасных общесоциальных явлений; 2) мафия представляет собой тайную преступную организацию, со сложноподчиненными элементами, члены которой считают себя связанными кровными узами, имеющую не просто коррумпированные связи, но опосредованное, а иногда даже прямое влияние на представителей органов государственной власти, а также обладающую важным социально-ролевым статусом в иерархии криминальной действительности и занимающуюся криминальным предпринимательством в больших масштабах; 3) транснациональная преступность имеет не столько интернациональный, сколько наднациональный характер» [Мацкевич 2017, с. 75–76]. Представляется, в приведенных выводах автор делает акцент в большей степени на общественную опасность анализируемого явления.

Мы обратились для сравнения к другому определению, сформулированному И. В. Щеблыкиной и В. В. Звягинцевым: «…транснациональная организованная преступность есть функционирование преступных формирований различной степени организованности, иерархичности и структурирования, состоящих из граждан двух или более государств или лиц без гражданства, характеризующееся сложными видами организованной преступной деятельности, осуществляемой с использованием транснациональных связей, включая коррумпированные связи, и заключающейся в распространяющихся на территории двух или более государств планировании, совершении или последствиях совершения преступных деяний, в целях получения экономической выгоды, а также создания условий, позволяющих получать максимальную прибыль в виде сверхприбыли» [Щеблыкина, Звягинцев 2014, с. 251–252]. На наш взгляд, в таком виде это определение больше соответствует пониманию транснациональной организованной налоговой преступности.

[1] Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. не содержит понятия «транснациональная преступность», ограничиваясь определением организованной преступной группы, под которой понимается структурно оформленная группа в составе трех или более лиц, существующая в течение определенного периода и действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную выгоду (Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 40, ст. 3882).

Учитывая то обстоятельство, что в научном обороте понятие «транснациональная организованная налоговая преступность» по непонятной нам причине отсутствует, мы предприняли попытку предложить читателям свой вариант определения данного понятия.

При формулировании определения мы исходили из трех взаимосвязанных концептуальных положений, а именно: 1) в данном случае имеем дело со сложным социально-правовым явлением, заключающимся в совокупности уголовно наказуемых преступлений налоговой направленности и лиц, их совершивших; 2) причем эти преступления имеют место на территории не одного государства, а двух и более; 3) различные акты криминального поведения лиц нацелены на получение сверхприбыли (сверхдохода). При этом было принято во внимание и то обстоятельство, что транснациональная организованная налоговая преступность – это сложное специфическое системно-структурное образование, компоненты которого отражают наиболее существенные ее признаки. Содержание рассматриваемого вида преступности характеризуют ее признаки. Вместе с тем ему присущи и общие признаки[1], которые, как правило, учитываются при анализе транснациональной организованной преступности.

Укажем лишь некоторые специфические признаки транснациональной организованной налоговой преступности. К их числу мы относим: корыстные цели; инвестирование части дохода в легальные экономические структуры; использование завуалированных способов (схем) при совершении налоговых преступлений, а также современных информационных и компьютерных технологий; быстрая адаптация к нововведениям национального и международного законодательства в части ужесточения ответственности за совершение финансовых преступлений; осуществление своей финансовой, хозяйственной, предпринимательской и торговой деятельности с помощью коррупции, создающей благоприятные условия для ухода от налогового контроля; совершение операции (сделки), носящей запутанный характер, не имеющей очевидного экономического смысла или очевидной законной цели; использование иностранных юридических лиц и образований (трастов), зарегистрированных преимущественно в стране с льготным налогообложением; выявление неоднократного совершения операций (сделок), характер которых дает основание полагать, что цель их осуществления – уклонение от уплаты налогов (сборов).

Исходя из вышеизложенного и опираясь на работы известных отечественных криминологов А. В. Козаченко, В. Д. Малкова, И. М. Мацкевича, В. В. Меркушина, А. Л. Репецкой, И. В. Щеблыкина и других, мы решили предложить два варианта дефиниции транснациональной организованной налоговой преступности – в традиционном и несколько видоизмененном (авторском).

В первом случае мы под транснациональной организованной налоговой преступностью понимаем уголовно-правовое явление, связанное с противоречиями, сопровождаемыми процессом глобализации международных отношений (в том числе расширением межнациональных финансовых (валютных) сетей), складывающееся из транснациональных преступных групп и сообществ, а также из совокупности финансовых (налоговых) преступлений (в основном тяжких или особо тяжких), совершенных ими с целью получения экономической выгоды на объектах налогово-бюджетной сферы иностранных государств. В этом определении мы решили особо подчеркнуть несколько характеризующих ее свойств. Это все же разновидность транснациональной организованной преступности. Средой проявления транснациональной организованной налоговой преступности является налогово-бюджетная сфера иностранного государства. Сам объект воздействия специфический – финансовые (налоговые) преступления. Способы совершения указанных преступлений во многом отличаются от других видов уголовно наказуемых деяний. Наконец, меры противодействия регулируются национальным и международным законодательством.

Второй вариант, на наш взгляд, может быть представлен в следующем виде: транснациональная организованная налоговая преступность есть уголовно-правовое явление, выражающееся в широкомасштабной деятельности транснациональных организованных преступных групп и сообществ (на территории нескольких иностранных государств) по перемещению материальных и нематериальных средств через государственные границы с целью получения, используя прежде всего рыночную конъюктуру и коррупционные связи, сверхдохода посредством уклонения от уплаты налогов (сборов) и сокрытия средств и иного имущества от налогообложения.

Формулирование определения понятия «транснациональная организованная налоговая преступность» является не самоцелью, а предпосылкой для разработки системы мер оперативно-розыскного противодействия, которая должна выстраиваться с учетом принципов и норм международного права, а также существующих осново-

[1] Транснациональной организованной преступности в узком смысле присущи следующие признаки: наличие организации и участие в ней; непрерывность функционирования организации; реализация корыстных целей и решение заведомо противоправных задач; противоправные способы достижения корыстных целей, в том числе с циничным нарушением правовых запретов любых иностранных государств.

полагающих идей в национальных законодательствах и иных нормативных правовых актах.

Применительно к теме настоящей статьи мы решили привести в качестве примера совокупность принципов, которыми в настоящее время руководствуются как правоохранительные, так и налоговые органы Российской Федерации. В частности, ими являются: режим наибольшего благоприятствования для добросовестных налогоплательщиков; своевременность реагирования на признаки возможного совершения налоговых правонарушений; неотвратимость наказания налогоплательщиков в случае выявления нарушений законодательства о налогах и сборах; обоснованность выбора объектов проверки; двухсторонняя ответственность налогоплательщиков и налоговых органов[1]. Помимо этих и общих принципов оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД)[2], мы предлагаем еще три: баланс интересов подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации и налоговых органов, комплексное использование сил и средств ОРД при выявлении и пресечении налоговых преступлений, самостоятельность сотрудников оперативных подразделений полиции в выборе применяемых ими средств и методов ОРД при проведении выездных налоговых проверок.

Меры оперативно-розыскного противодействия, направленные на своевременные выявление и пресечение преступлений налоговой направленности, носящих транснациональный характер, затрагивают не только гласные, но и негласные оперативно-розыскные мероприятия. Назовем лишь некоторые из них. Вначале отметим, что Европейский суд по правам человека в своих решениях обращает особое внимание на правомерность применения полицейскими специальных средств расследования (ОРД). Часто возникает вопрос об их пропорциональности (соразмерности). Отвечая на него, суд исходит из того, что должно быть рациональное соответствие между целью, которую преследует та или иная мера, и используемыми для ее достижения средствами (выясняют, имеет ли место разумный баланс между целью и средствами).

Среди методов расследования (в контексте оперативно-розыскных мероприятий) следует назвать:

– *негласное наблюдение* за членами транснациональной организованной преступности, проникших на легальные финансовые рынки путем отмывания доходов от криминальной деятельности, которые в рамках юрисдикции обеспечивает получение в отношении них необходимой доказательственной информации. Благодаря данному мероприятию полицейским удается обойти даже такие права, как недопустимость вмешательства в частную и семейную жизнь, право на неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции;

– *проведение агентурных операций*, предполагающее сбор прямых доказательств в отношении лидеров и активных членов транснациональных организованных преступных групп и сообществ. Разрабатываемые правоохранительными органами сложные оперативные комбинации (многоступенчатые) не позволяют криминальным структурам разгадать их замысел, что дает возможность сохранять внезапность их реализации. Как показывает опыт их проведения, они обладают большим эффектом;

– *негласные операции* как комплекс координированных действий правоохранительных органов, объединенных единой целью – изобличение лидеров и активных членов транснациональных криминальных структур, выступают образцом оперативного искусства, благодаря в тайне разработанному плану операции, что позволяет обнаружить и зафиксировать доказательственную информацию. Такого рода операции чаще всего проводятся с целью получения доказательств уже совершенных преступлений, а потому предварительно как бы провоцируют их совершение. В рамках негласных операций возможно проведение и агентурных операций в качестве их разновидности. Не исключается возможность проведения правоохранительными органами различных государств совместных операций;

– *провокация* (заманивание в ловушку). Здесь речь идет об имитации. Такое мероприятие, как правило, осуществляется с помощью негласного сотрудника с целью получения доказательств совершаемого правонарушения.

Отдельные республики бывшего СССР, на наш взгляд, отчасти переняли международный опыт при принятии у себя законов об ОРД. Так, в частности, среди оперативно-розыскных мероприятий Закон Республики Армения «Об оперативно-розыскной деятельности» называет и «имитацию получения взятки или дачи взятки»[3]. Законодатель тем самым разграничивает данное мероприятие и провокацию взятки. Согласно ст. 304 УК РФ провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд считается преступлением против правосудия. Как видим, национальные государства,

[1] Об утверждении концепции системы планирования выездных налоговых проверок : приказ ФНС России от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333@.

[2] Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33, ст. 3349.

[3] Об оперативно-розыскной деятельности : закон Респ. Армения от 19 нояб. 2007 г. № ЗР-223. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=52390 (дата обращения: 09.05.2020).

исходя из своих интересов, общесоциальные нормы возводят в закон.

Подавляющее большинство оперативно-розыскных мероприятий проводится с использованием возможностей осведомителей (информаторов). Ориентирующая информация, получаемая от них, способствует изучению образа жизни, поведения и материальной обеспеченности активных членов транснациональных организованных преступных групп и сообществ.

Несмотря на предпринимаемые меры по противодействию транснациональной организованной налоговой преступности, проблема поиска наиболее эффективного механизма его осуществления продолжает оставаться, среди прочих вопросов, наиглавнейшей. Эта работа, на наш взгляд, должна строиться путем определения перспективных направлений совершенствования деятельности правоохранительных органов по противодействию рассматриваемому виду преступности.

Многие специалисты (Р. Ш. Абакарова, К. А. Амиянц, В. В. Варсеев, Ю. А. Воронин, Л. И. Ларионова, Е. Ч. Мурзагалиев, А. Ю. Панов, В. П. Ревин, И. Н. Соловьев, А. Е. Шалагин и др.) предлагают считать перспективными следующие направления совершенствования (мы их условно разделили на правовые и организационные).

К правовым следует отнести проведение унификации национальных законодательных актов, регулирующих деятельность по противодействию транснациональной организованной налоговой преступности, на основе международных стандартов и норм. Многие авторы предлагают криминализировать факт использования при совершении операций (сделок) закамуфлированных фирм, налоговое мошенничество.

Национальные государства, ставя перед собой задачу совершенствования своего законодательства, должны исходить прежде всего из необходимости уберечься от проникновения транснациональных криминальных структур. Для того чтобы этого не допустить, исследователи предлагают учесть в законотворческой работе совокупность факторов, значительно облегчающих криминальное проникновение, среди них: заметное ослабление внешнеэкономической деятельности, пограничного, таможенного, налогового контроля; наличие существенного различия в экономическом, социальном и культурном развитии многих стран (экономически слабые государства становятся более уязвимыми для проникновения организованного криминала и ведения на их территории преступного бизнеса); существующее серьезное расхождение в уголовном законодательстве и правоприменительной практике различных государств; проникновение представителей организованной криминальной среды во властные и коммерческие структуры, формирование надежной системы защиты от социального контроля [Антонян 2012, с. 428–429].

Говоря об унификации, полагаем необходимым отметить одно широко обсуждаемое в научном сообществе обстоятельство: важнейшее отличие уголовных законодательств зарубежных стран от российского законодательства заключается в том, что на Западе к ответственности может привлекаться юридическое лицо. В юридической литературе высказывается также мнение, согласно которому в России возможно было бы ввести в вину организации действия ее работника (служащего), если он совершил их в рамках своих должностных обязанностей и преследовал интересы фирмы.

Посредством совершенствования нормативной и законодательной базы следует в первую очередь устранить существующие «лазейки», которые криминальные структуры используют для уклонения от уплаты налогов (сборов). В этом плане, на наш взгляд, заслуживает внимания зарубежный опыт. Так, в США, помимо прямо установленных налоговым законодательством норм, применяются некоторые особые в целях борьбы с неуплатой налогов (базирующиеся на судебной практике принципы отделения обычной коммерческой деятельности от сознательных действий налогоплательщика, направленных на обход налоговых законов). В США реализуется весьма жесткий подход к налогоплательщику: широкое применение уголовных мер, криминализация значительного числа составов. Преступлением является даже несвоевременная подача декларации, если будет доказано, что обвиняемый умышленно опоздал с ее составлением [Хлучина, Потокина 2017, с. 182].

Для того чтобы приоритетные направления в области права претворялись в реальную жизнь, нужны соответствующие организационные предпосылки.

Представляется, что существуют реальные предпосылки для создания международного налогового суда, а также межведомственного и межгосударственного аналитического органа с целью разработки мер по борьбе с международными налоговыми правонарушениями (типа мониторингового центра). Такие предложения уже высказывались в юридической литературе [Мурзагалиев 2011, с. 157], и мы полностью с ними согласны.

Накладывает свой отпечаток на организацию противодействия транснациональной организованной налоговой преступности и организационно-структурное построение органов, занятых осуществлением этой функции. Например, в США расследование налоговых дел ведет исключительно налоговая служба, в которой создан специальный департамент доследственных проверок [Васильева, Портнова, Тюленинова 2013, с. 247].

Главным подразделением финансовой разведки США является Управление по борьбе с финансовыми преступлениями, к основным задачам которого относятся защита финансовой системы от незаконного вмешательства в ее нормальное функционирование, борьба с легализацией незаконных доходов [Варсеев, Ларионова 2018, с. 136].

Отрадно, что усилиями правительств на национальном уровне предлагается разработать единый согласованный план действий, в котором предусмотреть используемые формы и методы ОРД, информационные системы, вопросы координации действий правоохранительных органов, проводимые совместные операции, а также основные направления совершенствования уголовного и налогового законодательства. Такая работа всецело должна быть подчинена интересам выработки всесторонней стратегии по противодействию налоговым преступлениям.

Для упорядочения противодействия транснациональной организованной налоговой преступности мы считаем целесообразным определить компетенцию органов обеспечения налоговой (экономической) безопасности зарубежных государств. Этому процессу должна предшествовать систематизация международного законодательства, регламентирующего уголовно-правовые основы борьбы с налоговыми (финансовыми) преступлениями. Оправдано выделение в международных соглашениях из экономических преступлений налоговых в отдельную категорию.

Подводя итог, отметим следующее.

Во-первых, транснациональная организованная налоговая преступность – сложное социально-правовое явление, состоящее из множества структурных компонентов, характеризующих ее содержание. Сущность данного вида транснациональной организованной преступности заключается в совокупности финансовых (налоговых) преступлений, обусловленных реализацией концепции глобализации, стремлением к получению сверхприбыли посредством расширения и монополизации рынка незаконных товаров и услуг.

Во-вторых, без предварительного определения понятия «транснациональная организованная налоговая преступность» не представляется возможным уяснить сущность и содержание данного вида транснациональной организованной преступности. Решение этой принципиально важной задачи нами адресовано теории ОРД, поскольку она как наука способна углубленно исследовать закономерности механизма совершения указанных видов преступлений и противодействия криминальной среды.

В-третьих, только на основе единого понимания транснациональной организованной налоговой преступности правоохранительные органы разных государств способны организовать оперативно-розыскное прогнозирование, документирование и наиболее приемлемый выбор методов и форм борьбы с рассматриваемым видом транснациональной организованной преступности.

Список цитируемых источников

Антонян 2012 – *Антонян Ю. М.* Криминология. М. : Юрайт, 2012. 523 с.

Варсеев, Ларионова 2018 – *Варсеев В. В., Ларионова Л. И.* Зарубежный опыт противодействия финансовым преступлениям // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3. С. 134–138.

Васильева, Портнова, Тюленинова 2013 – *Васильева М. В., Портнова Г. В., Тюленинова Д. С.* Мероприятия по предупреждению налоговой преступности в России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 1(17). С. 246–248.

Воронин 2016 – *Воронин Ю. А.* Крупнейшие транснациональные криминальные сообщества и составные виды их преступной деятельности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2016. Т.16, № 4. С. 13–21.

Иванов, Шитов 2020a – *Иванов П. И., Шитов А. С.* К вопросу о выявлении налоговых преступлений в сфере потребительского рынка // Закон и право. 2020. № 1. С. 147–150.

Иванов, Шитов 2020b – *Иванов П. И., Шитов А. С.* Оперативно-розыскное противодействие налоговой преступности: поисковые признаки и их учет в правоприменительной деятельности // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1(54). С. 57–60.

Иванов, Шитов 2020c – *Иванов П. И., Шитов А. С.* Особенности оперативно-розыскного обеспечения деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции по выявлению и раскрытию налоговых преступлений на потребительском рынке, совершаемых путем «искусственного дробления бизнеса» // Закон и право. 2020. № 2. С. 147–150.

Мацкевич 2017 – *Мацкевич И. М.* Транснациональная организованная преступность: понятие и признаки // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2017. № 4. С. 69–77.

Мурзагалиев 2011 – *Мурзагалиев Е. Ч.* Борьба с международной налоговой преступностью в международном налоговом праве: методы и способы // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2011. № 3. С. 157–168.

Хлучина, Потокина 2017 – *Хлучина П. Д., Потокина С. А.* Противодействие налоговым преступлениям в России и за рубежом // Экономика и управление: актуальные проблемы и тенденции разви-

тия. Тамбов : ТГУ, 2017. С. 180–186.

Щеблыкина, Звягинцев 2014 – *Щеблыкина И. В., Звягинцев В. В.* Транснациональная организованная преступность как угроза безопасности государств – участников Содружества Независимых Государств: некоторые проблемы теории и практики // Пространство и время. 2014. № 4(18). С. 249–254.

References

Antonyan, Yu. M. (2012), *Kriminologiya* [Criminology], Yurait, Moscow, Russia.

Ivanov, P. I. and Shitov, A. S. (2020a), "On the issue of detecting tax crimes in the consumer market", *Zakon i parvo,* no. 1, pp. 147–150.

Ivanov, P. I. and Shitov, A. S. (2020b), "Operational-search counteraction to tax crime: search signs and their registration in law enforcement activities", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(54), pp. 57–60.

Ivanov, P. I. and Shitov, A. S. (2020c), "Features of operational and investigative support for the activities of economic security and anti-corruption units to identify and disclose tax crimes in the consumer market committed by "artificial business fragmentation", *Zakon i parvo,* no. 2, pp. 147–150.

Khluchina, P. D. and Potokina, S. A. (2017), "Countering tax crimes in Russia and abroad", *E'konomika i upravlenie: aktual'ny'e problemy' i tendentsii razvitiya* [Economics and management: current problems and development trends], TGU, Tambov, Russia, pp. 180–186.

Matskevich, I. M. (2017), "Transnational organized crime: concept and characteristics", *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 11, Pravo,* no. 4, pp. 69–77.

Murzagaliev, E. Ch. (2011), "The fight against international tax crime in international tax law: methods and means", *Vestnik RUDN, Seriya "Yuridicheskie nauki",* no. 3, pp. 157–168.

Shchebly'kina, I. V. and Zvyagintsev, V. V. (2014), "Transnational organized crime as a threat to the security of member States of the Commonwealth of Independent States: some problems of theory and practice", *Prostranstvo i vremya,* no. 4(18), pp. 249–254.

Varseev, V. V. and Larionova, L. I. (2018), "Foreign experience in countering financial crimes", *Vestnik e'konomicheskoi bezopasnosti,* no. 3, pp. 134–138.

Vasil'eva, M. V., Portnova, G. V. and Tyuleninova, D. S. (2013), "Measures to prevent tax crime in Russia", *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl',* no. 1(17), pp. 246–248.

Voronin, Yu. A. (2016), "Major transnational criminal communities and their component criminal activities", *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya "Pravo",* no. 4, pp. 13–21.

Информация об авторах

Иванов Пётр Иванович,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; Bab13.92Ash@yandex.ru

Шитов Артём Сергеевич,
Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; Bab13.92Ash@gmail.com

Information about the authors

Ivanov Petr I.,
doctor of law, professor, honored lawyer of the Russian Federation, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Bab13.92Ash@yandex.ru

Shitov Artem S.,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Bab13.92Ash@gmail.com

Для цитирования

Иванов П. И., Шитов А. С. Транснациональная организованная налоговая преступность как угроза налоговой безопасности (меры оперативно-розыскного противодействия) // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 46–53.

For citation

Ivanov, P. I. and Shitov, A. S. (2020), "Transnational organized tax crime as a threat to tax security (measures of operational and investigative counteraction)", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 46–53.

УДК 343.1

А. В. Ильин[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

A. V. Il'in[1]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Проблемы приостановления предварительного расследования в отношении отдельных обвиняемых (подозреваемых) по групповым преступлениям

Problems with suspending a preliminary investigation in relation to individual accused (suspects) of group crimes

Ключевые слова: приостановление предварительного расследования; неотвратимость уголовной ответственности; предъявление обвинения; уголовное дело.

Аннотация. Статья посвящена вопросам реализации института приостановления предварительного расследования по уголовным делам о групповых преступлениях. Особое внимание уделено соблюдению принципов и решению задач уголовного судопроизводства при вынесении постановления о приостановлении расследования. Автор предлагает ряд существенных изменений норм действующего законодательства, направленных на совершенствование уголовно-процессуальной деятельности.

Key words: suspension of preliminary investigation; inevitability of criminal responsibility; indictment; criminal case.

Abstract. The article is devoted to the implementation of the Institute of suspension of preliminary investigation in criminal cases of group crimes. Particular attention is paid to compliance with the principles and tasks of criminal proceedings when making a decision to suspend the investigation. The author suggests a number of significant changes to the current legislation aimed at improving criminal procedure.

В уголовном процессе одним из востребованных в практической деятельности институтов является институт приостановления предварительного расследования.

В то же время существующий определенный дисбаланс между количеством ежедневно совершаемых преступлений и возбуждаемых по этим фактам уголовных дел и штатной численностью подразделений следствия и дознания требует дифференцированного подхода к деятельности последних.

Так, процент нераскрытых преступлений за 2019 г. составил около 46 %, что при незначительном улучшении в целом является достаточно стабильным показателем[1]. Как сообщается на сайте МВД России, более 915 тыс. преступлений в России остались нераскрытыми в 2019 г.[2]

Учитывая, что главной задачей действующего уголовно-процессуального законодательства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, при постоянном росте возбужденных уголовных дел уделить каждому из них необходимое внимание при неограниченном сроке расследования было бы невозможным.

Будучи впервые введенным с принятием Судебных уставов в 1864 г., институт приостановления расследования был призван снизить нагрузку на органы следствия по истечении срока расследования (что в первую очередь касалось неочевидных преступлений) без прекращения производства по уголовному делу.

В настоящее время кардинального изменения данного института не произошло. Основная идея приостановления, вызванная проблемами привлечения к участию в производстве следственных действий такого субъекта, как обвиняемый (подозреваемый), осталась незыблемой. Участие иного уголовно-процессуального субъекта, в том числе потерпевшего, свидетеля, специалиста, эксперта, не оказывает влияния на течение сроков расследования.

Основания и условия приостановления производства предварительного расследования достаточно подробно регламентированы ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее: УПК РФ), но лишь в отношении преступлений, совершенных одним лицом. Они достаточно подробно проанализированы в работах А. В. Гриненко [Гриненко 2016], В. В. Рябчикова [Рябчиков 2006], В. Ю. Стельмаха [Стельмах 2020], которые выявили и обосновали множество спорных вопросов применения данного института, к сожалению, оставив в стороне проблемы, связанные с приостановлением групповых преступлений. Между тем приостановление производства по уголовным делам о групповых преступлениях при наличии оснований для приостановления только в отношении отдельных соучастников вызывает определенные трудности в практической деятельности и серьезные споры в научной среде.

[1] URL: https://rosinfostat.ru/prestupnost/ (дата обращения: 08.09.2020).

[2] URL: https://ria.ru/20200127/1563947139.html (дата обращения: 08.09.2020).

© Ильин А. В., 2020

Так, ч. 3 ст. 208 УПК РФ указывает на то, что в случае привлечения по уголовному делу двух или более обвиняемых и наличия оснований для приостановления только в отношении отдельных из них следователь *вправе* выделить в отдельное производство и приостановить уголовное дело в отношении именно этих обвиняемых.

Из содержания рассматриваемой нормы следует:

1) что приостановление предварительного расследования возможно либо в отношении всех обвиняемых при наличии оснований для приостановления хотя бы в отношении одного из них либо только в отношении этого соучастника, но *при выделении* уголовного дела в отдельное производство;

2) выделение уголовного дела в отдельное производство при наличии оснований для приостановления в отношении отдельных обвиняемых является не обязанностью, а только лишь *правом* следователя;

3) приостановление производства допускается только в отношении отдельных *обвиняемых*. В отношении подозреваемых и лиц, не обладающих процессуальным статусом, такие действия не предусмотрены.

Мы считаем, что решение о приостановлении всего производства по уголовному делу о групповом преступлении, не все участники которого могут быть привлечены в данный момент к уголовной ответственности в силу наличия объективных обстоятельств, в целом ограничивает действие принципа публичности и, как следствие, не приводит к неотвратимости наказания.

Именно принцип публичности обязывает органы уголовной юстиции в каждом случае обнаружения признаков преступления в пределах своей компетенции принять все предусмотренные законом меры к изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления (ч. 2 ст. 21 УПК РФ).

В свою очередь, возможность выделения уголовного дела в отдельное производство согласно ч. 2 ст. 154 УПК РФ[1] непосредственно зависит от степени влияния на всесторонность и объективность предварительного расследования и разрешения уголовного дела и ограничена случаями, когда это вызвано большим объемом уголовного дела или множественностью его эпизодов.

Однако не все уголовные дела о преступлениях, совершенных в соучастии, характеризуются множественностью эпизодов преступной деятельности и требуют необходимости выполнения большого числа процессуальных действий. Отсутствие таких обстоятельств исключает возможность разрешения вопроса уголовного преследования обвиняемого отдельно от остальных соучастников.

Таким образом, реализация следователем права на выделение материалов уголовного дела в отдельное производство по групповым преступлениям и его приостановление в отношении тех лиц, по которым обстоятельства приостановления налицо, имеет существенные ограничения.

На наш взгляд, наделение лица процессуальным статусом обвиняемого обусловлено наличием достаточных доказательств, указывающих на присутствие в его действиях всех признаков состава преступления, что отражается в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого согласно ч. 2 ст. 170 УПК РФ. Это исключает односторонний и необъективный подход к исследованию обстоятельств расследуемого деяния и позволяет принимать решение о движении уголовного дела в отношении такого соучастника отдельно от остальных.

Дополнительным аргументом в пользу обязательного выделения материалов уголовного дела в отношении тех обвиняемых в групповых преступлениях, основания для приостановления предварительного расследования по которым отсутствуют, выступает применение к ним меры пресечения. Несмотря на то, что уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает обязанности отмены меры пресечения по приостановленному уголовному делу, ограничение любого гражданина в правах и свободах до его признания виновным в совершении преступления судом не может быть бессрочным.

Вынося решение о приостановлении предварительного расследования, следователь не может знать заранее о продолжительности его действия, так как устранение любого из оснований приостановления не зависит от полномочий и способностей следователя. В качестве исключения может выступать лишь временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого, удостоверенное медицинским заключением (п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), однако и в этом случае не каждый врач способен определить конкретные сроки выздоровления больного.

Согласно Методике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96[2], использование в тексте норм слова «вправе» указывает на коррупциогенность их конструкции, предоставляя правоприменителю необоснованно широкие пределы усмотрения. Именно эта формула и была использована законодателем при создании ст. 54 УПК

[1] Полагаем, что ст. 154 УПК РФ является общей по отношению к ч. 3 ст. 208 УПК РФ, так как регламентирует именно вопросы выделения уголовного дела в отдельное производство, поэтому применение положений ч. 3 ст. 208 УПК РФ требует соблюдения общих условий, закрепленных в ст. 154 УПК РФ.

[2] Российская газета. 2010. 5 марта.

РФ «Выделение уголовного дела» и ч. 3 ст. 208 УПК РФ «Основания, порядок и сроки приостановления предварительного следствия», что, на наш взгляд, требует соответствующего реагирования.

В целях устранения отмеченных выше противоречий в законодательстве мы предлагаем следующую редакцию ч. 3 ст. 208 УПК РФ:

«3. Если по уголовному делу основания для приостановления предварительного расследования относятся не ко всем обвиняемым, то следователь обязан выделить в отдельное производство и приостановить уголовное дело в отношении тех из них, которые перечислены в пунктах 1–3 части первой настоящей статьи. Выделение уголовного дела в отношении обвиняемых, перечисленных в пункте 4 части первой настоящей статьи, должно быть обусловлено длительностью лечения подозреваемого или обвиняемого, установленного медицинским заключением».

Кроме того, необходимо внести следующие изменения и в редакцию ч. 1 ст. 154 УПК РФ «Выделение уголовного дела»:

«1. Дознаватель, следователь при наличии к тому оснований выделяет из уголовного дела в отдельное производство другое уголовное дело в отношении…».

Список цитируемых источников

Гриненко 2018 – *Гриненко А. В.* Приостановление предварительного расследования: законодательные и правоприменительные проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2018. № 1. С. 139–148.

Рябчиков 2006 – *Рябчиков В. В.* Приостановление и возобновление предварительного расследования : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 26 с.

Стельмах 2020 – *Стельмах В. Ю.* Приостановление и возобновление предварительного расследования. Процессуальный порядок объявления розыска подозреваемого (обвиняемого) : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург : УрЮИ МВД России, 2020. 148 с.

References

Grinenko, A.V. (2018), “Suspension of preliminary investigation: legislative and law enforcement problems”, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, Seriya “Yurisprudentsiya”,* no. 1, pp. 139–148.

Ryabchikov, V. V. (2006), Suspension and resumption of preliminary investigation, Abstract of Ph. D. dissertation, criminal procedure, criminalistics and forensic examination; operational and investigative activities, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia.

Stel’makh, V. Yu. (2020), *Priostanovlenie i vozobnovlenie predvaritel’nogo rassledovaniya. Protsessual’ny’i poryadok ob”yavleniya rozy’ska podozrevaemogo (obvinyaemogo)* [Suspension and resumption of preliminary investigation. Procedural procedure for declaring a search for a suspect], UrYuI MVD Rossii, Yekaterinburg, Russia.

Информация об авторе

Ильин Андрей Владимирович,
кандидат юридических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; an.iljin-0301@yandex.ru

Information about the author

Il’in Andrei V.,
PhD (law), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; an.iljin-0301@yandex.ru

Для цитирования

Ильин А. В. Проблемы приостановления предварительного расследования в отношении отдельных обвиняемых (подозреваемых) по групповым преступлениям // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 54–56.

For citation

Il’in, A. V. (2020), “Problems with suspending a preliminary investigation in relation to individual accused (suspects) of group crimes”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 54–56.

УДК 347.4

С. В. Комиссарова[1]
[1] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

S. V. Komissarova [1]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Права, обязанности и ответственность сторон по договору каршеринга: анализ судебной практики

Rights, obligations and responsibilities of the parties under a carshering agreement: analysis of juridical practice

Ключевые слова: каршеринг; онлайн-аренда; договор присоединения; ненадлежащее исполнение обязательств; компенсация; штраф; возмещение ущерба.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса правового регулирования отношений сторон по договору каршеринга. На примере договоров ведущих каршеринговых компаний России были изучены права и обязанности сторон, проанализирована гражданско-правовая ответственность на примере материалов судебной практики. Автором определена правовая природа договора каршеринга как договора поминутной аренды транспортного средства без экипажа; сделан вывод о необходимости принятия единого закона, регулирующего данные правоотношения.

Key words: car sharing; online lease; accession agreement; improper performance of obligations; compensation; fine; compensation for damage.

Abstract. The article is devoted to the consideration of the issue of legal regulation of relations between the parties under a car-sharing agreement. On the example of contracts of the leading car-sharing companies in Russia, the rights and obligations of the parties were studied, civil liability was analyzed using the example of court practice materials. The author has determined the legal nature of a car-sharing agreement as an agreement for a per-minute lease of a vehicle without a crew. The author pays attention to the need to adopt a unified law that regulates the studied legal relationship.

Среди жителей крупных городов каршеринг стал популярным способом онлайн-аренды имущества, который характеризуется тем, что клиент оформляет такой договор на месте, принимая на себя предусмотренные в нем права, обязанности и в случае ненадлежащего их исполнения должен нести ответственность по принятым обязательствам в соответствии с нормами гражданского законодательства об аренде транспортного средства без экипажа (гл. 34 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее: ГК РФ) и о возмещении вреда в полном объеме лицом, причинившим вред (гл. 59 ГК РФ).

В настоящий момент в научной среде опубликовано достаточно работ [Бубновская, Суворов 2018; Дигилина, Миронова 2019], содержащих теоретический материал, позволяющий определить правовую природу каршеринга, проследить тенденции развития данного направления аренды имущества, выделить плюсы и минусы для каждой стороны договора. Мы ставим перед собой задачу охарактеризовать права и обязанности сторон по договору каршеринга, а также на примерах материалов судебной практики проанализировать возникающую по разным причинам ответственность сторон, предусмотренную таким договором и нормами гражданского законодательства, регулирующего арендные правоотношения между участниками.

В Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2025 года[1] говорится о перспективе развития сервисов общего пользования автомобилем, которые удовлетворяют потребности пользователей в осуществлении перевозок без личного владения автомобилем и позволяют избежать издержек владения транспортным средством. В связи с этим большую популярность приобретает каршеринг, представленный такими компаниями, как «Делимобиль», Anytime, «Яндекс.Драв», BelkaCar и др. Правоотношения данных компаний с клиентами регулируются нормами ГК РФ об аренде транспортного средства без экипажа.

Некоторые исследователи считают, что каршеринг – это договор проката, и к нему применяются правила о публичном договоре. Мы в свою очередь, учитывая факт отсутствия единого закона, регулирующего поминутную аренду автомобиля, придерживаемся юридической позиции о том, что договор каршеринга не является публичным по своей природе [Комиссарова 2020, с. 89]. Наш вывод основывается на изучении текстов договоров, размещенных на сайтах каршеринговых компаний (например, п. 2.10 Условий использования сервиса «Яндекс.Драйв» содержит следующую формулировку: «Яндекс оставляет за собой право на свое усмотрение отказать пользователю

© Комиссарова С. В., 2020

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 19, ст. 2804.

в доступе к сервису с использованием его учетной записи или полностью заблокировать учетную запись»[1]. В договоре аренды транспортного средства компании «Делимобиль» прописано: «Настоящий договор не является договором проката»[2], который по своей юридической характеристике согласно п. 3 ст. 626 ГК РФ является публичным), а также на результатах анализа судебной практики, показывающих, что суды не удовлетворяют требования истцов признать такой договор публичным договором проката[3]. Данные судебные споры также доказывают отсутствие четкого правового механизма, регулирующего правоотношения между клиентами и каршеринговыми компаниями, в том числе в части, касающейся правовой ответственности сторон за ненадлежащее исполнение обязательств.

На официальном сайте компании «Яндекс. Драйв» размещено утверждение: «Аренда машины в приложении, о которой можно не думать»[4]. Действительно, не имея в собственности автомобиль, лицо освобождается от бремени содержания имущества. Однако при заключении договора юристы советуют помнить о возникающих двухсторонних обязательствах между компанией и клиентом, когда арендатор присоединяется к уже утвержденным арендодателем условиям (стороны заключают настоящий договор, руководствуясь положениями ст. 421 ГК РФ «Свобода договора» и ст. 428 ГК РФ «Договор присоединения»[5]), не всегда имея возможность ознакомиться с правами и обязанностями сторон ввиду того, что заключение такого соглашения происходит онлайн через специальное приложение. Когда пользователь успешно зарегистрировался в программе, принял условия использования сервиса и лицензионное соглашение, он фактически подписал договор[6]. В большинстве случаев клиенты не всегда изучают условия такого договора и опрометчиво расставляют «галочки» в чекбоксах о согласии с правилами пользования. Соответственно, пользователь, который своевременно не ознакомился с условиями договора, принимает на себя все риски, связанные с поминутной арендой автомобиля по договору каршеринга. Следует отметить, что гражданско-правовой договор как юридический инструмент существует для удобства решения многих частноправовых споров [Ешкилева 2019, с. 123]. Однако по причине того, что большинство потребителей, управляя каршеринговым автомобилем, не изучают условия данного договора, возникают разногласия, которые стороны пытаются решать в претензионном и судебном порядке.

В связи с этим в рамках рассматриваемого договора особое внимание следует уделить изучению прав и обязанностей сторон по договору каршеринга. Обратимся к основным положениям такого договора на примере условий компаний BelkaCar, «Делимобиль» и «Яндекс.Драйв». Отсутствие прямых законодательно установленных норм в регулировании отношений по договору каршеринга позволяет компаниям определять свои правила. Ярким примером, подтверждающим такой факт, являются существующие ограничения по возрасту и стажу вождения для клиентов. На сайте компании «Яндекс.Драйв» данное условие сформулировано следующим образом: «…мы пускаем в машины людей, которым исполнился 21 год и есть два года стажа вождения в категории “B”»[7]. В условиях договора компании BelkaCar (п. 1.3 и 1.4 договора) указано: «Минимальный возраст пользователя должен составлять не менее 21 года в случае пользования сервисом BelkaCar X, либо 25 лет в случае пользования сервисом BelkaBlack. Водительский стаж пользователя должен составлять не менее двух лет в случае пользования сервисом BelkaCar X, либо не менее 5 лет в случае пользования сервисом BelkaBlack (водительское удостоверение категории “B”)»[8]. При изучении условий компании «Делимобиль» следует уделить внимание п. 4.3 договора, согласно которому его заключение возможно при соответствии пользователя критериям по возрасту и стажу вождения: «… лицо имеет действительное водительское удостоверение (без указания конкретного стажа) и возраст составляет не менее 18 лет». Необходимо отметить, что в отношении аренды конкретных марок автомобилей компания «Делимобиль» устанавливает другие возрастные ограничения (26 лет – при аренде авто Mercedes-Benz E200, GLC, 24 года при арен-

[1] Условия использования сервиса Яндекс.Драйв. URL: https://yandex.ru/legal/drive_termsofuse/ (дата обращения: 01.09.2020).

[2] Договор аренды авто. URL: https://delimobil.ru/terms/vehicle-rental-contract (дата обращения: 01.09.2020).

[3] Решение Лефортовского районного суда г. Москвы от 25 декабря 2018 г. по делу № 02-3451/2018. URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/lefortovskij/services/cases/civil/details/b014a7dd-443c-4fb9-bf10-2555899d3346?participants=энитайм (дата обращения: 10.05.2020).

[4] Свобода – когда своей машины нет. URL: https://yandex.ru/drive/svoboda/index (дата обращения: 01.09.2020).

[5] Договор присоединения. URL: https://belkacar.ru/legal/contract.pdf (дата обращения: 01.09.2020).

[6] Условия договора аренды Яндекс.Драйв. URL: https://carsher.ru/usloviya-dogovora-arendy-yandeks-drajv/ (дата обращения: 01.08.2020).

[7] Самый каршеринг в Москве. URL: https://yandex.ru/drive/ (дата обращения: 01.09.2020).

[8] Договор присоединения. URL: https://belkacar.ru/legal/contract.pdf (дата обращения: 01.09.2020).

де – BMW, Audi, Fiat, Mini Cooper) и ряд дополнительных условий, таких как отсутствие виновности в дорожно-транспортном происшествии (далее: ДТП) и исполнительных производств в отношении пользователя[1].

Включение таких условий в текст договора еще раз подтверждает, что договор каршеринга не является публичным и по своей правовой природе есть договор присоединения (ст. 428 ГК РФ).

Анализируя положения договоров каршеринга указанных выше компаний в части, касающейся прав потребителя, следует отметить, что они являются одинаковыми и включают в себя такие условия, как право требовать от арендодателя исполнения им своих обязательств по договору, пользоваться электронным сервисом компании, оплатить дополнительную страховку, уменьшающую размер ответственности. Договором компании BelkaCar, например, для клиента предусмотрено право по своей инициативе (при предварительном согласовании со службой поддержки) и за собственный счет пополнять уровень топлива разрешенной марки в арендованном автомобиле[2]. Причем данный пункт договора говорит о том, что в будущем, в случае оплаты стоимости бензина при заправке автомобиля по своему усмотрению, клиент не сможет обратиться к компании за компенсацией расходов. Такие ограниченные права арендаторов составляют содержание договора каршеринга. Более подробно в тексте договора каршеринга прописаны обязанности клиента, за неисполнение или ненадлежащее исполнение которых на арендатора налагаются предусмотренные договором штрафы. Основными обязанностями арендатора по договору каршеринга являются: лично осуществлять управление автомобилем, соблюдать правила дорожного движения и действующего законодательства Российской Федерации, обеспечивать сохранность авто и имущества в нем, вносить платежи, предусмотренные договором, использовать транспортное средство только в пределах разрешенной зоны с учетом ограничений[3], по окончании использования автомобиля, возвратить его арендодателю в надлежащем техническом состоянии, включая находящиеся в машине документы и имущество, в порядке, предусмотренном договором, самостоятельно отслеживать изменения условий договора и приложений к нему, а также изменения территории использования сервиса на сайте и/или в приложении, при обнаружении видимых повреждений автомобиля (внутренние и внешние, в том числе загрязнение салона), а также при обнаружении утраты или повреждения имущества и документов, до начала использования автомобиля (сессии) и подписания акта приема-передачи автомобиля сообщить об этом в службу поддержки и отправить фотографию повреждений либо загрязнений[4]. В договорах всех компаний включены условия о должном поведении клиента внутри салона автомобиля. В соответствии с требованиями компаний арендаторам каршеринговых автомобилей запрещается курить, употреблять электронные сигареты, кальяны, алкогольные напитки и наркотические средства, а равно находится в состоянии опьянения[5]. Учитывая перечисленные права и обязанности арендатора, каждая каршеринговая компания в своих договорах прописывает размеры штрафных санкций за неисполнение или ненадлежащее исполнение установленных обязательств, которые клиенты приняли на себя в момент согласования всех существенных условий данного соглашения.

Весь комплекс обязанностей арендаторов, которые компании включают в содержание договора, составляют предмет судебных споров между арендодателем и клиентом компании. Перечислим основные проблемы судебных разбирательств между каршеринговыми компаниями и арендаторами: требования о выплате штрафов в связи с управлением авто в состоянии алкогольного опьянения, опасным вождением (дрифт), предоставлении авто третьим лицам, взыскании ущерба, причиненного ДТП, незаконном списании денежных средств с банковской карты клиента и др.

Суды, рассматривая исковые требования компаний к арендаторам в связи с причинением вреда транспортному средству в результате ДТП, с учетом того, что последними в большинстве случаев не предоставляются доказательства, опровергающие доводы истца, выносят решения в пользу арендодателей и обязывают клиентов возместить ущерб, расходы по оплате эвакуации, расходы на проведение оценки ущерба, расходы по хранению транспортного средства на платной стоянке (такое условие о хранении авто прямо предусмотрено п. 4.2.17 договора в компании «Делимобиль»). Нормами гражданского законодательства (ст. 633 ГК РФ) и условиями договора предусмотрена обязанность арендатора возвратить арендодателю по окончании срока аренды имущество в том состоянии, в котором оно было получено, с учетом нор-

[1] Договор Делимобиль. URL: https://delimobil.ru/terms/contract (дата обращения: 01.09.2020).

[2] Договор присоединения. URL: https://belkacar.ru/legal/contract.pdf (дата обращения: 01.09.2020).

[3] Договор Делимобиль. URL: https://delimobil.ru/terms/vehicle-rental-contract (дата обращения: 01.09.2020).

[4] Договор присоединения. URL: https://belkacar.ru/legal/contract.pdf (дата обращения: 01.09.2020).

[5] Договор Делимобиль. URL: https://delimobil.ru/terms/vehicle-rental-contract (дата обращения: 01.09.2020).

мального износа. В связи с этим в большинстве случаев при попадании арендованного авто в ДТП клиент обязан выплатить, помимо ущерба, штрафы, предусмотренные договором в зависимости от марки машины. Именно поэтому в разных компаниях в отношении отдельных транспортных средств установлены определенные суммы в виде штрафа за повреждения автомобиля при ДТП. В компании «Делимобиль» эти суммы составляют от 70 000 до 100 000 руб., а в компании BelkaCar – до 150 000 руб. В таком случае клиенту необходимо самостоятельно доказать свою невиновность в совершенном ДТП. В п. 7.9.2 договора компании «Делимобиль» указано: «Арендатор самостоятельно обеспечивает сбор и своевременное предоставление арендодателю доказательств отсутствия своей виновности»[1].

Рассмотрим правовое регулирование ответственности сторон по договору каршеринга на примере материалов судебной практики. В 2019 г. Гагаринским районным судом г. Москвы рассматривалось дело по иску ООО «Каршеринг Руссия» к Багдасаряну А. С.[2], который совершил ДТП в состоянии алкогольного опьянения, находясь за рулем арендованного автомобиля. Из материалов дела можно определить, что клиент компании нарушил условия договора о запрете использовать автомобиль в состоянии алкогольного опьянения. Суд удовлетворил исковые требования компании о взыскании: ущерба в счет суммы восстановительного ремонта транспортного средства в размере 500 000 руб., судебных расходов в размере 8 798 руб. 85 коп., штрафа за нарушение условий договора об управлении авто в размере 50 000 руб., расходов по оплате услуг эксперта в размере 6 812 руб. 88 коп., расходов по оплате платной стоянки в размере 850 руб.

В апреле 2019 г. было принято аналогичное решение об удовлетворении исковых требований о взыскании денежных средств в виде штрафа за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения (п. 7.2 договора компании «Делимобиль»: «…ненадлежащее исполнение арендатором условий договора влечет за собой обязательство по уплате неустойки (штрафы, пени) в размере, определенном договором»[3]; п. 7.2.9 компании BelkaCar предусматривает штраф в размере 50 000 либо 150 000 руб.[4]), а также штрафа за эвакуацию авто, предусмотренные в договоре[5].

Отметим, что одной из причин популярности каршеринга является возможность своего рода протестировать конкретную марку автомобиля. В связи с этим судебной практике известны такие случаи, когда истец (каршеринговая компания) предъявлял арендатору требования о взыскании штрафа за дрифт при использовании автомобиля. Например, компания BelkaCar устанавливает штраф при совершении пользователем различных маневров, таких как: дрифт, «полицейский разворот» и иных опасных маневров, угрожающих безопасности других участников дорожного движения, – в размере 50 000 либо 150 000 руб. в случае пользования сервисом BelkaCar, кроме того, арендатор возмещает причиненный автомобилю ущерб (при наличии такового) (п. 7.2.11 договора)[6]. Из данного пункта следует, что доказать совершение дрифта возможно только в том случае, если он привел к повреждению автомобиля. Данный пункт позволяет компании, при условии доказанности ненадлежащего исполнения условия договора, взыскивать штраф в пределах указанных сумм. Следует отметить, что каршеринговая компания должна доказать факт совершения дрифта (установленные в арендованной машине датчики отслеживают все параметры движения) и не списывать денежные средства с банковского счета клиента без объяснения причин.

Так, 23 июня 2020 г. Нижегородский областной суд вынес апелляционное определение по иску Пашкова Д. И. к ООО «Каршеринг Руссия» о защите прав потребителя[7]. В апреле 2019 г. истцу пришло уведомление на электронную почту, что на него наложен штраф в размере 100 000 руб. за нарушение, которое выразилось в выполнении дрифта, запрещеного договором компании. В подтверждение данного факта ответчиком были представлены доказательства в виде видеофайла, который позволил определить, что истец совершал дрифт, а также данных геолокации о нахождении арендованного авто в месте совершения резкого

---

[1] Договор Делимобиль. URL: https://delimobil.ru/terms/vehicle-rental-contract (дата обращения: 01.09.2020).

[2] Решение Гагаринского районного суда г. Москвы № 02-5256/2019 от 16 декабря 2019 г. по делу № 02-5256/2019. URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/gagarinskij/services/cases/civil/details/9d5fcb23-8cfb-4953-b8f3-3124c5babb40 (дата обращения: 01.08.2020).

[3] Договор Делимобиль. URL: https://delimobil.ru/terms/vehicle-rental-contract (дата обращения: 01.09.2020).

[4] Договор присоединения. URL: https://belkacar.ru/legal/contract.pdf (дата обращения: 01.09.2020).

[5] Решение Гагаринского районного суда г. Москвы № 02-0823/2019 от 8 апреля 2019 г. по делу № 02-0823/2019. URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/gagarinskij/services/cases/civil/details/e63fc2b1-2308-4e61-adca-cfa67012dc7e?caseNumber=2-823/2019 (дата обращения: 01.08.2020).

[6] Договор присоединения. URL: https://belkacar.ru/legal/contract.pdf (дата обращения: 01.09.2020).

[7] Решение Нижегородского областного суда № 33-5077/2020 от 23 июня 2020 г. по делу № 33-5077/2020. URL: http://судебныерешения.рф/50398361 (дата обращения: 01.09.2020).

движения. Действующее законодательство о защите прав потребителей позволяет исполнителю услуг требовать лишь взыскания реально понесенных убытков, которые ему нанесены потребителем при оказании услуг. В соответствии с этим судебное решение было оставлено без изменения: суд взыскал с арендатора 100 000 руб. В 2019 г. Стадник Д. А. предъявил исковые требования к ООО «Каршеринг Руссия»[1], где просил внести изменения в текст договора, касающиеся уменьшения размера штрафа со 100 000 до 10 000 руб. за опасное вождение, в том числе дрифт (применение управляемых заносов) и отменить оставленный ответчиком в безакцептном порядке штраф. Выше уже было доказано положение о том, что договор каршеринга является договором присоединения. В п. 2 ст. 450 ГК РФ закреплено, что по требованию одной из сторон договор может быть изменен только при существенном нарушении договора со стороны каршеринговой компании. Из фабулы судебного дела следует, что нарушений со стороны арендодателя не было. Требования истца не были удовлетворены. Данная правовая ситуация свидетельствует о том, что каршеринговым компаниям необходимо указывать определенный размер штрафа в условиях договора, чтобы в будущем избежать затяжных судебных разбирательств по причине того, что ответчик будет оспаривать взыскиваемую истцом денежную сумму в сторону ее уменьшения до минимального размера, предусмотренного соглашением сторон.

Проанализированные судебные решения позволяют заключить, что в большинстве случаев арендаторы недобросовестно относятся к исполнению условий договора, нарушая согласованные обязанности, которые возникают с момента аренды каршерингового автомобиля на определенный срок. Только за 2019 г. было рассмотрено более 90 исковых заявлений между ООО «Каршеринг Руссия» и клиентами[2]. В то же время арендаторы также предъявляют требования к каршеринговым компаниям за ненадлежащее исполнение установленных договором и пользовательскими соглашениями обязательств. Так, в июле 2020 г. Подольский городской суд частично удовлетворил исковые требования Звягинцевой Е. А. к ООО «Каршеринг Руссия»[3], взыскав с ответчика расходы: по возмещению вреда здоровью в сумме 18 204 руб., морального вреда – 20 000 руб., на представителя – 30 000 руб., оплату нотариальных расходов – 31 500 руб., а также штраф – 15 000 руб., – в связи с тем, что клиенту был предоставлен технически неисправный автомобиль (программный сбой сервиса и техническая неисправность), не давший истице возможности завершить услугу аренды автомобиля. Рассмотренный случай демонстрирует наступление ответственности каршеринговой компании за ненадлежащее выполнение обязательств по договору.

Анализируя проблемы реализации и применения ответственности в рамках договора каршеринга [Арутюнова, Левицкая 2015], следует уделить внимание тому факту, что во всех компаниях предусмотрены разные штрафные санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение условий договора. Проведенный анализ положений договоров говорит о том, что компании самостоятельно определяют права и обязанности клиента и содержат сложные юридические конструкции, в которых простому пользователю тяжело разобраться. Мы считаем необходимым отметить тот факт, что в самих решениях судов часто используются понятия «прокат» и «аренда» в отношении юридической характеристики договора каршеринга. Сегодня в юридическом сообществе нет единой точки зрения в отношении правовой конструкции договора каршеринга, что создает определенные сложности в регулировании таких правоотношений.

Договор каршеринга следует признать самостоятельным видом договора аренды либо путем принятия отдельного закона, регулирующего права, обязанности и ответственность сторон, либо путем внесения дополнений в гл. 34 ГК РФ, а именно в § 3, дополнив его подразделом «Каршеринг» или «Аренда транспортного средства по договору каршеринга». При условии принятия отдельного закона «О каршеринге» целесообразно создать единую сетку штрафов в соответствии с основными обязанностями клиентов компаний, а также разработать положения об ответственности каршеринговых компаний за ненадлежащее исполнение обязательств. Данный вопрос о принятии единого закона в сфере каршеринга, является актуальным, поскольку в настоящее время Государственная Дума Российской Федерации готовит самостоятельные нормы по регулированию краткосрочной аренды автомобилей. Одним из нововведений будет четкая процедура регистрации на сервисах каршеринговых компаний через портал госуслуг.

---

[1] Решение Ростовского областного суда № 33-21597/2019 от 2 января 2020 г. по делу № 33-21597/2019. URL: http://судебныерешения.рф/47139324 (дата обращения: 01.08.2020).

[2] URL: https://www.mos-gorsud.ru/search?caseNumber=&letterNumber=&courtAlias=&instance=&participant=каршеринг+руссия&processType=&uid=& (дата обращения: 01.08.2020).

[3] Решение Подольского городского суда Московской области по делу № 2-2060/2020 от 20 июля 2020. г. URL: http://судебныерешения.рф/52342356 (дата обращения 01.09.2020).

Список цитируемых источников

Арутюнова, Левицкая 2015 – *Арутюнова А. А., Левицкая Е. А.* Проблемы правового регулирования ответственности сторон по договору перевозки груза железнодорожным транспортом // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2015. № 5. С. 28–34

Бубновская, Суворов 2018 – *Бубновская Т. А., Суворов Ю. Б.* К вопросу о каршеринге: правовые аспекты // Юрист. 2018. № 7. С. 32–37.

Дигилина, Миронова 2019 – *Дигилина О. Б., Миронова Т. Г.* Перспективы развития каршеринга в России и за рубежом // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 2, № 3. С. 92–98.

Ешкилева 2019 – *Ешкилева Н. А.* Правовая природа предварительного договора // Актуальные вопросы совершенствования российского законодательства и деятельности уголовно-исполнительной системы. Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2019. С. 123–130.

Комиссарова 2020 – *Комиссарова С. В.* Каршеринг как пример эскалации мобильности в современном обществе: правовые основы и особенности явления // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 3(56). С. 85–91.

References

Arutyunova, A. A. and Levitskaya, E. A. (2015)," Problems of legal regulation of liability of the parties under the contract of carriage of cargo by rail", *Intellektual'ny'e resursy' – regional'nomu razvitiyu,* no. 5, pp. 28–34.

Bubnovskaya, T. A. and Suvorov, Yu. B. (2018), "On the issue of car sharing: legal aspects", *Yurist,* no. 7, pp. 32–36.

Digilina, O. B. and Mironova, T. G. (2019), "Prospects for the development of car sharing in Russia and abroad", *Ekonomika i upravlenie: problemy', resheniya,* vol. 2, no. 3, pp. 92–98.

Eshkileva, N. A. (2019), "The legal nature of the preliminary agreement", *Pravovaya priroda predvaritel'nogo dogovora* [Topical issues of improving Russian legislation and the activities of the penal system], VYuI FSIN Rossii, Vladimir, Russia, pp. 123–130.

Komissarova, S. V. (2020), "Carsharing as an example of escalation of mobility in a modern society: legal bases and features of the phenomenon", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(56), pp. 85–91.

Информация об авторе

Комиссарова Светлана Владимировна,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; sveta_stepanova@mail.ru

Information about the author

Komissarova Svetlana. V.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; sveta_stepanova@mail.ru

Для цитирования

Комисарова С. В. Права, обязанности и ответственности сторон по договору каршеринга: анализ судебной практики // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 57–62.

For citation

Komissarova, S. V. (2020), "Rights, obligations and responsibilities of the parties under a carshering agreement: analysis of juridical practice", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 57–62.

УДК 343.14

А. В. Коробейников[1,2]
[1]Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
[2]Ижевский линейный отдел на транспорте, Ижевск, Российская Федерация

A. V. Korobeinikov[1,2]
[1]Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation
[2]Izhevsk Line Department of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation for Transport, Izhevsk, Russian Federation

Производство следственных действий в ходе раскрытия и расследования преступлений: к вопросу о неотлагательстве

The proceeding of investigative actions during the disclosure and investigation of crimes: to the question of the impact

Ключевые слова: случаи, не терпящие отлагательства; следственные действия; доказательства; следователь.

Аннотация. Статья посвящена вопросам производства следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства. Автором рассматриваются проблемные аспекты и предлагаются пути их разрешения.

Key words: urgent cases; investigative actions; evidence; investigator.

Abstract. The article is devoted to the issues of the production of investigative actions in cases that do not tolerate delay. The author examines problematic aspects and suggests ways to resolve it.

В современном российском уголовно-процессуальном законе регламентированы обстоятельства, подлежащие доказыванию (ст. 73 УПК РФ), и перечень видов доказательств, допускаемых в ходе производства по уголовным делам (ст. 74–80, 84 УПК РФ), обеспечивая таким образом гарантии соблюдения интересов граждан, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. Основным средством доказывания определено производство следственных действий, фиксация результатов которых производится путем оформления соответствующих протоколов (ст. 83–86 УПК РФ).

В свою очередь, следственные действия, выступая в уголовном процессе основным инструментом выявления (обнаружения), закрепления (фиксации) и проверки доказательств, также подчинены соответствующим правилам [Балашов, Рудаков 2015, с. 516–517; Зархин 1997, с. 20–28; Лупинская 2009, с. 508]. Так, они могут производиться только должностными лицами правоохранительных органов (ст. 37–41 УПК РФ), с соблюдением соответствующих процессуальных сроков (ст. 128–130 УПК РФ) и отвечать определенным свойствам: относимости, достоверности, допустимости и достаточности [Зуев, Сутягин 2016, с. 93].

В законодательстве учтены и случаи, когда следователи и дознаватели оказываются перед фактами разрешения исключительных ситуаций, когда промедление в их решениях и действиях может повлечь за собой потерю значительной доказательной информации. В данном случае, по нашему мнению, с одной стороны, неотлагательность, безусловно, предполагает быстроту действий должностных лиц правоохраны, с другой – такая поспешность может вызвать и соответствующие ошибки в фиксации следов преступлений (а в УПК РФ по этому поводу содержится достаточно строгая норма об их недопустимости – (ст. 75). Вместе с тем отлагать следственное действие на другое, более позднее, время нельзя, так как могут резко измениться погодные и иные условия (выпадет снег или пойдет дождь, начнутся строительные или ремонтные работы на месте нахождения следов преступлений и пр.). Не случайно рассматриваемой тематике уделяется постоянное и пристальное внимание исследователей [Казачек 2018, с. 141–146; Кутуев 2019, с. 274–298; Маслов, Шавин 2018, с. 26–28; Михайлов 2006, с. 141–176; Фомичев 2016, с. 234; Шейфер 2004, с. 184], которые указывают на важность следственных действий как основных средств собирания доказательств.

Среди ряда исключений из правил в УПК РФ закреплено производство следственных действий, не терпящих отлагательства (ч. 5 ст. 165). В то же время следует заметить, что в уголовно-процессуальном законе (в частности, в п. 19 ст. 5 ст. 157), ведомственных[1] и межведомственных[2] нормативных правовых актах внимание уделяется не «следственным

[1] Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : приказ МВД России от 29 авг. 2014 г. № 736 // Российская газета. 2014. 14 нояб.

[2] О едином учете преступлений : приказ Генер. прокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 дек. 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 // Российская газета. 2006. 25 янв.

© Коробейников А. В., 2020

действиям, производимым в случаях, не терпящих отлагательства», а «неотложным следственным действиям». Более того, в УПК РФ до настоящего времени сохраняются противоречия как между отдельными нормами, регламентирующими производство неотложных следственных действий, так и положениями указанных нормативных правовых актов.

Так, в ч. 1 ст. 144 УПК РФ предоставляется право следователю (равно, как и иным уполномоченным законом лицам) при проверке сообщения о преступлении (фактически, до принятия решения о возбуждения уголовного дела) осуществлять такие следственные действия, как: получение образцов для сравнительного исследования, изъятие документов и предметов, назначение судебной экспертизы и ее производство, производство осмотра места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, производство документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов. Вместе с тем содержание ч. 1 ст. 157 УПК РФ предписывает названным должностным лицам сначала вынести постановление о возбуждении уголовного дела и лишь потом производить неотложные следственные действия. Конкретизация последних законодателем дается в п. 19 ст. 5 УПК РФ, где буквально говорится следующее: «неотложные следственные действия – действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования».

Не разрешается рассматриваемая проблема и положениями ч. 5 ст. 165 УПК РФ, где законодателем вводится новая категория «исключительные случаи, не терпящие отлагательства», в рамках которых следователю и дознавателю предоставляется право производства осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, личного обыска, а также выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, наложение ареста на имущество, указанное в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ (конфискация имущества), на основании постановления следователя или дознавателя без получения судебного решения (с последующим документальным отчетом в течение не позднее трех суток с момента начала производства следственного действия у судьи и прокурора о производстве следственного действия.

Разъяснение исключительных случаев, не терпящих отлагательства, указанных в ч. 5 ст. 165 УПК РФ, содержится в ч. 2 п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)»[1]. Так, Пленум разъясняет, что «к исключительным случаям, в которых производство следственного действия не могло быть отложено, относятся, например, ситуации, когда необходимо реализовать меры по предотвращению или пресечению преступления; промедление с производством следственного действия позволит подозреваемому скрыться; возникла реальная угроза уничтожения или сокрытия предметов или орудий преступления; имеются достаточные основания полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится какое-либо следственное действие, скрывает при себе предметы или документы, могущие иметь значение для уголовного дела». Не трудно заметить, что в рассматриваемом документе высшего судебного органа также речь идет о производстве следственных действий, не терпящих отлагательства, до принятия решения о возбуждении уголовного дела (полагаем, такой вывод следует исходя из того, что в тексте данного постановления Пленума к исключительным случаям относятся меры по предотвращению или пресечению преступления)[2].

Таким образом, в уголовно-процессуальном законодательстве продолжают оставаться проблемы в четкой регламентации категории, определяющей исключительность ситуаций при производстве следственных действий. Естественно, такое положение дел правоприменителя вводит в замешательство, ибо, с одной стороны, он не может не производить следственные действия, требующие неотлагательства, в частности, до возбуждения уголовного дела, согласно положениям ч. 1 ст. 144 УПК РФ, с другой – положения п. 19 ст. 5 и ст. 157 УПК РФ позволяют их производство лишь после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Безусловно, такая проблема в законе должна быть разрешена.

В теории уголовного процесса и законодательстве исследуемая проблема «…сохраняется еще и потому, что полемика об оценочных понятиях почти не затронута в уголовно-процессуальной науке… в работах ученых-процессуалистов можно встретить лишь отдельные, разрозненные сведения по данному вопросу, имеющие в основном прикладное значение» [Безруков 2003, с. 3; Иванов 2010, с. 165].

В этой связи полагаем, что ныне действующее название п. 19 ст. 5 УПК РФ следует исключить,

[1] Российская газета. 2017. 9 июня.

[2] Предотвратить – отвести заранее, устранить (в частности, предотвратить опасность), пресечь – прекратить сразу, остановить резким вмешательством (в частности, пресечь злоупотребления) (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1999. С. 580, 584).

заменив его на «производство следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства», и изложить содержание в следующей редакции: « – действия, осуществляемые следователем, дознавателем, должностными лицами органа дознания как до принятия решения о возбуждении уголовного дела[1], так и при производстве по уголовным делам, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования».

Соответственно, полагаем целесообразным в ст. 157 УПК РФ внести следующие изменения:

1. Название статьи изложить в следующей редакции: «Производство следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства».

2. В ч. 1 слова «неотложные следственные действия» заменить словами «решает вопросы о возбуждении уголовного дела и производит следственные действия, не терпящие отлагательства».

3. В ч. 2 и 3 слова «неотложные следственные действия» заменить словами «следственные действия, не терпящие отлагательства».

Таким образом, обозначенная проблема, с одной стороны, безусловно, требует своего переосмысления в свете теоретико-правовых представлений, с другой – предлагаемые нами изменения и дополнения в УПК РФ, надеемся, позволят усовершенствовать законодательство и практику производства следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства.

Список цитируемых источников

Балашов, Рудаков 2015 – *Балашов А. И., Рудаков Г. П.* Правоведение. СПб. : Питер, 2015. 544 с.

Безруков 2003 – *Безруков С. С.* Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве России. Омск : Ом. акад., 2003. 174 с.

Зархин 1997 – *Зархин Ю. М.* Доказывание в уголовном процессе. М. : ЮИ МВД России, 1997.

Зуев, Сутягин 2016 – *Зуев С. В., Сутягин К. И.* Уголовный процесс. Челябинск : ЮУрГУ, 2016. 563 с.

Иванов 2010 – *Иванов А. В.* Некоторые проблемы правового положения начальника органа дознания // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 150-летию образования следственного аппарата России) : в 3 ч. М. : Акад. упр. МВД России, 2010. Ч. 1. С. 162–165.

Казачек 2018 – *Казачек Е. Ю.* Вопросы допустимости доказательств, полученных в случаях, не терпящих отлагательства (по материалам судебно-следственной практики) // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 4-2. С. 141–146.

Кутуев 2019 – Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс) / под ред. проф. Э. К. Кутуева. СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России ; Фонд «Университет», 2019. 584 с.

Лупинская 2009 – *Лупинская П. А.* Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. М. : Юристъ, 2009. 1072 с.

Маслов, Шавин 2018 – *Маслов А. В., Шавин М. Ю.* Правовая регламентация уголовного преследования по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года // Центральный научный вестник. 2018. Т. 3, № 5(46). С. 26–28.

Михайлов 2006 – Курс уголовного судопроизводства : в 3 т. / под ред. В. А. Михайлова. М. : МПСИ ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2006. 856 с.

Фомичев 2016 – *Фомичев П. В.* Процессуальные основания проведения следственных действий в российском уголовном судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2016. 234 с.

Шейфер 2004 – *Шейфер С. А.* Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2004. 184 с.

References

Balashov, A. I. and Rudakov, G. P. (2015), *Pravovedenie* [Law], Piter, St. Petersburg, Russia.

Bezrukov, S. S. (2003), *Otsenochny'e ponyatiya i terminy' v ugolovno-protsessual'nom zakonodatel'stve Rossii* [Evaluative concepts and terms in the criminal procedure legislation of Russia], Omskaya akademiya, Omsk, Russia.

[1] Актом возбуждения уголовного дела начинается публичное уголовное преследование от имени государства в связи с совершенным преступным деянием и создаются правовые основания для последующих процессуальных действий органов дознания, предварительного следствия и суда. В соответствии с этим правила о порядке возбуждения дела предваряют регулирование расследования, т. е. той досудебной стадии уголовного процесса, в ходе которой на специальные указанные в законе органы и должностных лиц возлагаются обязанности по раскрытию преступлений, изобличению виновных, формулированию обвинения и его обоснованию, для того чтобы уголовное дело могло быть передано в суд, разрешающий его по существу и тем самым осуществляющий правосудие (По жалобе гражданки Шевелевой Ларисы Анатольевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 4 части первой статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 14 дек. 2004 г. № 452-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Fomichev, P. V. (2016), Procedural grounds for conducting investigative actions in Russian criminal proceedings, Ph. D. Thesis, criminal procedure, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia.

Ivanov, A. V. (2010), "Some problems of the legal status of the chief of the body of inquiry", *Problemy' sovremennogo sostoyaniya i puti razvitiya organov predvaritel'nogo sledstviya (k 150-letiyu obrazovaniya sledstvennogo apparata Rossii), v 3 ch., ch. 1* [Problems of the current state and ways of development of preliminary investigation bodies (to the 150th anniversary of the formation of the investigative apparatus of Russia) in 3 part, part 1], Akademiya upravleniya MVD Rossii, Moscow, pp. 162–165.

Kazachek, E. Yu. "Questions of the admissibility of evidence obtained in cases that do not suffer delay (based on the materials of judicial and investigative practice)", *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki,* no. 4-2, pp. 141–146.

Kutuev, E. K. (ed.) (2019), *Ugolovno-protsessual'noe pravo (ugolovny'i protsess)* [Criminal procedure law (criminal procedure)], Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, Fond "Universitet", St. Petersburg, Russia.

Lupinskaya, P. A. (2009), *Ugolovno-protsessual'noe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Criminal procedure law of Russian Federation], Yurist, Moscow, Russia.

Maslov, A. V. and Savin, M. Yu. (2018), "Legal regulation of criminal prosecution under the Charter of criminal proceedings of 1864", *Tsentral'ny'i nauchny'i vestnik,* vol. 3, no. 5(46), pp. 26–28.

Mikhailov, V. A. (ed.) (2006), *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva, v 3 t., t. 2* [Criminal justice, in 3 vol., vol. 2], MPSI, NPO "MODEK", Moscow, Voronezh, Russia.

Sheifer, S. A. (2004), *Sledstvennye deistviya. Osnovaniya, protsessual'nyi poryadok i dokazatel'stvennoe znachenie* [Investigative actions. Grounds, procedural order and evidentiary value], Samarskii universitet, Samara, Russia.

Zarkhin, Yu. M. (1997), *Dokazyvanie v ugolovnom protsesse* [Proof in criminal proceedings], YuI MVD Rossii, Moscow, Russia.

Zuev, S. V. and Sutyagin, K. I. (2016), *Ugolovny'i protsess* [Criminal procedure], YuUrGU, Chelyabinsk, Russia.

Информация об авторе

Коробейников Алексей Васильевич,

Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, Ижевский линейный отдел на транспорте, Ижевск, Российская Федерация; korobenikovalex@gmail.ru

Information about the author

Korobeinikov Aleksei V.,

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation, Izhevsk Line Department of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation for Transport, Izhevsk, Russian Federation; korobenikovalex@gmail.ru

Для цитирования

Коробейников А. В. Производство следственных действий в ходе раскрытия и расследования преступлений: к вопросу о неотлагательстве // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 63–66.

For citation

Korobeinikov, A. V. (2020), "The proceeding of investigative actions during the disclosure and investigation of crimes: to the question of the impact", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 63–66.

УДК 343.98+343.72

А. В. Кудрявцев[1,2,3]
И. В. Крюков [4,5]
[1] *Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация*
[2] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
[3] *Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*
[4] *ФКУ СИЗО-2 ГУФСИН России по Нижегородской области, Нижегородская область, Кстовский район, пос. Дружный, Российская Федерация*
[5] *Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Российская Федерация*

A.V. Kudryavtsev [1,2,3]
I. V. Kryukov [4,5]
[1] *Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation*
[2] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*
[3] *Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation*
[4] *FKU SIZO-2 GUFSIN of Russia for the Nizhny Novgorod region, Kstovo district, Druzhny village, Russian Federation*
[5] *Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russian Federation*

Оперативно-розыскные ситуации, возникающие в процессе деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по раскрытию мошенничеств, совершаемых с использованием средств мобильной связи и Интернета: содержание и специфика

Operational-search situations arising in the course of the activity of operational divisions of the penal system to disclose frauds committed using mobile communications and the Internet: content and specifics

Ключевые слова: оперативно-розыскная ситуация; оперативно-розыскная деятельность; мошенничество; средства мобильной связи и Интернет.

Аннотация. В статье рассматривается сущность оперативно-розыскных ситуаций, возникающих в процессе деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по раскрытию мошенничеств, совершаемых с использованием средств мобильной связи и Интернета. С учетом нестандартности данных ситуаций авторами обоснован вывод о необходимости разработки методики действий оперативных работников в специфических условиях каждой из них.

Key words: operational-search situation; operational-search activity; fraud; mobile communication facilities and the Internet.

Abstract. The article examines the essence of operational-search situations that arise in the course of the activity of operational units of the penal system to disclose frauds committed using mobile communications and the Internet. Taking into account the specifics of these situations, the authors substantiated the conclusion about the development of methods of action for operational employees in the specific conditions of each of them.

Современные тенденции преступности характеризуются, помимо прочего, резким увеличением числа преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Так, количество данных преступлений в период с января по июль 2020 г. увеличилось на 94,6 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Половина таких преступлений (50,9 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких – 138,9 тыс. (+129,7 %); больше половины (57,1 %) совершается с использованием сети «Интернет» – 155,7 тыс. (+86,9 %), почти половина (42,5 %) совершается с использованием средств мобильной связи – 116,0 тыс. (+103,7 %)[1]. К данной группе преступлений следует отнести и мошенничества, совершаемые осужденными с использованием средств мобильной связи и Интернета.

Особенности раскрытия мошенничеств, совершаемых осужденными с использованием средств мобильной связи и Интернета в условиях исправительных учреждений, зависят от складывающихся оперативно-розыскных ситуаций, в которых и действуют оперативные работники. Это предопределяет необходимость уяснения их сущности и особенностей развития.

Возникновение оперативно-розыскной ситуации обусловливает так называемая криминальная ситуация. Под ней принято понимать совокупность условий и обстоятельств, создаваемых сочетанием элементов криминального поведения и факторов обстановки, в которой оно проявляется, ограниченную пространственно-временными рамками [Давыдов 2017, с. 79]. В аспекте рассматриваемой нами темы возникновению оперативно-розыскной ситуации предшествуют, во-первых, формирование криминального поведения осу-

[1] Состояние преступности в России за январь–июль 2020 года. URL: мвд.рф/reports/item/20901417/ (дата обращения: 15.10.2020).

© Кудрявцев А. В., Крюков И. В., 2020

жденного, цель которого – совершение мошенничества с использованием средств мобильной связи и Интернета, во-вторых, факторы, влияющие на реализацию преступного замысла.

Определение понятия оперативно-розыскной ситуации можно найти в работах ряда авторов. При этом одни из них (С. И. Давыдов, В. Г. Самойлов) определяют ее как оперативно-розыскную, вторые – как оперативно-тактическую (А. С. Борщев, С. С. Овчинский), третьи – как сыскную (А. Ю. Шумилов).

Не вступая в дискуссию по данному вопросу, применительно к рассматриваемой нами проблеме определим оперативно-розыскную ситуацию как складывающуюся в процессе деятельности оперативных подразделений по выявлению и раскрытию конкретного преступления в исправительном учреждении либо в районе его дислокации реальную обстановку, которую необходимо оценить с целью оптимального выбора оперативно-розыскных сил, средств и методов для решения поставленных задач [Кудрявцев 2013, с. 286].

Изучение практики противодействия мошенничествам рассматриваемой категории позволяет констатировать, что встречаются различные ситуации, отличающиеся спецификой проведения мероприятий по их раскрытию.

Первая оперативно-розыскная ситуация – орудия преступления обнаруживаются и изымаются у осужденных в процессе проведения режимных или иных мероприятий.

Оперативным работникам необходимо учитывать, что процесс подготовки и совершения мошенничеств с использованием средств мобильной связи и Интернета предполагает получение соответствующих технических устройств (сотовых телефонов, sim-карт, зарядных устройств, компьютерной техники, а также наставлений, инструкций, прайс-листов, в которых излагаются технические возможности конкретных средств связи).

Кроме того, могут быть изъяты документы с данными о предполагаемых или реальных жертвах преступления, сведениями о способах обналичивания средств, полученных при совершении мошенничеств, данные об участниках планируемого или совершенного преступления и т. п.

В подобных случаях при задержании осужденного и обнаружении у него указанных предметов, сотрудникам оперативного аппарата исправительного учреждения в первую очередь необходимо сконцентрироваться на правильности оформления соответствующих документов, фиксирующих факт изъятия, и обратить особое внимание на их содержание с учетом правовых последствий, которые могут наступить. Опрос оперативных сотрудников показал, что данные документы не всегда своевременно оформляются, а также имеют место ошибки при их составлении, которые не позволяют в дальнейшем использовать их в рамках уголовного процесса (38,5 %)[1].

Данная оперативно-розыскная ситуация будет иметь основание для раскрытия преступления, если будут выявлены дополнительные сведения о мошенничествах, совершенных с использованием средств мобильной связи и Интернета. В противном случае эти предметы будут изъяты в качестве запрещенных к использованию осужденными.

Данные ситуации встречаются на практике довольно часто, на что указали 64 % опрошенных респондентов из числа оперативных работников исправительных учреждений.

Вторая оперативно-розыскная ситуация – имеются официальные данные об обнаружении преступления органами внутренних дел (например, по заявлениям потерпевших в результате совершения мошенничеств с использованием средств мобильной связи и Интернета на территории исправительного учреждения), но не установлены лица, которые их совершили.

Как отмечает А. А. Нуждин, наиболее распространенными (78 % случаев) поводами возбуждения уголовных дел по делам о мошенничестве, совершенном осужденными в учреждениях уголовно-исполнительной системы с использованием средств сотовых систем подвижной связи, являются заявления потерпевших [Нуждин 2013, с. 63]. При этом заявления о мошенничествах поступают от родственников и знакомых потерпевших, так как потерпевшими нередко являются лица пожилого возраста, в связи с чем сами за помощью обратиться не могут. В такой ситуации раскрыть преступление без помощи лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям уголовно-исполнительной системы, порой невозможно или крайне затруднительно. Это подтверждают и результаты опроса оперативных работников учреждений уголовно-исполнительной системы. Так, при ответе на вопрос, возможно ли раскрыть мошенничество, совершенное осужденными с использованием средств мобильной связи и Интернета, без помощи лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям уголовно-исполнительной системы, 81,2 % опрошенных ответили отрицательно.

Целенаправленность раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных с использованием средств мобильной связи и Интернета в исправительных учреждениях в условиях неочевидности, во многом зависит от того, насколько своевременно реализуются оперативно-розыскные мероприя-

[1] В рамках исследования были опрошены 158 сотрудников оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы в Нижегородской, Владимирской, Ивановской областях.

тия и как используется информация, полученная при их проведении. Для разрешения следственных ситуаций требуется взаимодействие следователя с оперативными работниками. В процессе исследования было установлено, что такое взаимодействие не всегда осуществлялось своевременно, а это препятствует оперативному и эффективному раскрытию преступлений. На это указали 41,4 % опрошенных оперативных работников. Повышению результативности взаимодействия следователей и оперативных работников, на наш взгляд, мешает излишний формализм при его установлении. При этом совместная деятельность должна осуществляться во всех известных в науке и практике формах (как процессуальных, так и непроцессуальных).

Третья оперативно-розыскная ситуация – информация о готовящихся или совершаемых осужденными мошенничествах с использованием средств мобильной связи и Интернета получается из негласных источников, используемых оперативными работниками учреждений уголовно-исполнительной системы.

В этой ситуации перед оперативными работниками стоят задачи по установлению и фиксации следующих групп фактических данных:

– характеризующих все проявления объективной стороны рассматриваемого преступления;

– отражающих сведения, позволяющие установить конкретных лиц, имеющих отношение к противоправным деяниям;

– характеризующих способы совершения и сокрытия мошенничеств рассматриваемого вида, криминальные связи с иными лицами в исправительном учреждении и на свободе;

– характеризующих лиц, являющихся возможными очевидцами совершения мошенничеств с использованием средств мобильной связи и Интернета, которые могут оказать содействие в раскрытии преступления и участвовать в уголовном процессе в качестве свидетелей.

Особенностью деятельности оперативных работников исправительных учреждений во всех указанных оперативно-розыскных ситуациях является необходимость их взаимодействия с оперативными сотрудниками подразделений МВД России. Это подтверждают 79,8 % респондентов, по мнению которых невозможно эффективное раскрытие мошенничеств, совершенных в исправительных учреждениях с помощью средств мобильной связи и Интернета, без взаимодействия с оперативными подразделениями органов внутренних дел.

На основании результатов анализа теории и практики организации работы оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы и органов внутренних дел, а также проведенных исследований можно выделить следующие наиболее распространенные формы их взаимодействия в рамках раскрытия мошенничеств, совершаемых осужденными с использованием средств мобильной связи и Интернета: обмен оперативно-розыскной и иной информацией, представляющий взаимный интерес для раскрытия преступлений данного вида; взаимное выполнение заданий взаимодействующими оперативными подразделениями; взаимное использование имеющихся у взаимодействующих субъектов сил и средств; исполнение запросов о наведении справок по учетам различных видов; совместное планирование и осуществление оперативно-розыскных мероприятий; изучение и использование передового опыта совместной деятельности оперативных подразделений по организации и осуществлению взаимодействия; повышение уровня профессиональной подготовки сотрудников оперативных подразделений; анализ и подведение итогов совместной деятельности по результатам взаимодействия; согласованная (в пределах их компетенции) деятельность по созданию или изменению нормативных правовых актов, регламентирующих отдельные направления взаимодействия, а также тактики и методов борьбы с мошенничествами, совершаемыми осужденными с использованием средств мобильной связи и Интернета.

На наш взгляд, необходимо дополнить данный перечень такой формой, как организация и совместное определение тактики использования оперативной информации в доказывании по уголовным делам. Эта форма нашла свое закрепление в практической деятельности взаимодействующих органов.

Таким образом, изучение содержания и специфики оперативно-розыскных ситуаций, возникающих в процессе деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по раскрытию мошенничеств, совершаемых с использованием средств мобильной связи и Интернета, имеет не только теоретическое, но и сугубо прикладное значение. Учитывая нестандартность возникающих в практической деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по раскрытию мошенничеств, совершенных с использованием средств мобильной связи и Интернета, оперативно-розыскных ситуаций, требуется разработка методики действий оперативных работников в специфических условиях каждой из них.

Список цитируемых источников

Давыдов 2017 – *Давыдов С. И.* Понятие «оперативно-разыскная ситуация»: генезис, развитие, место в оперативно-разыскной теории // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1(41). С. 78–83.

Кудрявцев 2013 – *Кудрявцев А. В.* Теоретические и прикладные проблемы оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе России. Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2013. 331 с.

Нуждин 2013 – *Нуждин А. А.* Расследование мошенничества, совершенного осужденными в учреждениях УИС с использованием средств сотовых систем подвижной связи : дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2013. 232 с.

References

Davy'dov, S. I. (2017), "The concept of "operational-search situation": genesis, development, place in the operational-search theory", *Trudy' Akademii upravleniya MVD Rossii,* no. 1(41), pp. 78–83.

Kudryavtsev, A. V. (2013), *Teoreticheskie i prikladny'e problemy' operativno-rozy'sknoi deyatel'nosti v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme Rossii* [Theoretical and applied problems of operational-search activity in the penal system of Russia], VYI FSIN Rossii, Vladimir, Russia

Nuzhdin, A. A. (2013), Investigation of fraud committed by convicts in penal institutions using mobile cellular systems, Ph. D. Thesis, criminalistics, forensic activity, operational-seach activity, Academy of Law and Management of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

Информация об авторах

Кудрявцев Алексей Вадимович,
доктор юридических наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация, kudriavcev.ru@mail.ru

Крюков Илья Александрович,
ФКУ СИЗО-2 ГУФСИН России по Нижегородской области, Нижегородская область, Кстовский район, пос. Дружный, Российская Федерация, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Российская Федерация, kabelb@mail.ru

Information about the authors

Kudryavtsev Aleksei V.,
doctor of law, associate professor, Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation,Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; kudriavcev.ru@mail.ru

Kryukov Il'ya V.,
FKU SIZO-2 GUFSIN of Russia for the Nizhny Novgorod region, Kstovo district, Druzhny village, Russian Federation, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russian Federation; kabelb@mail.ru

Для цитирования

Кудрявцев А. В., Крюков И. В. Оперативно-розыскные ситуации, возникающие в процессе деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по раскрытию мошенничеств, совершаемых с использованием средств мобильной связи и Интернета: содержание и специфика // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 67–70.

For citation

Kudryavtsev, A.V. and Kryukov, I. V. (2020), "Operational-search situations arising in the course of the activity of operational divisions of the penal system to disclose frauds committed using mobile communications and the Internet: content and specifics", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 67–70.

УДК 347.6

А. А. Кулакова[1]
А. О. Николаева[1]
[1] *Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*

A. A. Kulakova[1]
A. O. Nikolaeva[1]
[1] *Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation*

Медиация как средство защиты интересов семьи в Российской Федерации

Mediation as a mean of family interests' protection in the Russian Federation

Ключевые слова: семья; институт брака; медиация; медиатор.

Аннотация. Статья посвящена институту медиации, нашедшему свою реализацию в семейной сфере через осуществление действий профессиональных медиаторов в области бракоразводных процессов, решения вопросов дальнейшего воспитания детей и раздела имущества супругов. Авторы рассматривают некоторые аспекты процедуры медиации, концентрируя внимание на ее специфических особенностях. Делают вывод о необходимости популяризации данной процедуры, а в качестве одного из способов предлагают создание централизованной государственной службы (органа), уполномоченного на осуществление деятельности в области семейной медиации.

Key words: family; marriage institution; mediation; mediator.

Abstract. The article is devoted to the institution of mediation, which has found its realization in the family sphere through the implementation of the actions of professional mediators in the field of divorce proceedings, solving issues of further raising children and dividing the property of spouses. The authors consider some aspects of the mediation procedure, focusing on its specific features. They conclude that it is necessary to popularize this procedure, and as one of the methods, they propose the creation of a centralized public service (body) authorized to carry out activities in the field of family mediation.

Согласно Конституции Российской Федерации семья, материнство и отцовство, детство, институт брака обеспечиваются государственной защитой. Поддержка, укрепление и защита семьи и ценностей семейной жизни, создание необходимых условий для выполнения семьей ее функций, повышение качества жизни семей и обеспечение прав членов семьи в процессе ее общественного развития провозглашена Концепцией государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года[1]. Именно степень защищенности семьи служит индикатором уровня и качества предоставляемых государством социальных гарантий в семейной сфере.

Семья является основой общества в социальном аспекте, поскольку предполагает сосуществование мужчины и женщины, обоюдно связанных обязательствами, в том числе выражающимися в обеспечении имеющимся детям благополучных условий жизни (материальных и психологических), должного воспитания, образования, разностороннего развития, поддержания здоровья.

Однако, несмотря на конституционное закрепление приоритета в государстве интересов семьи, современная среднестатистическая семья все же является недостаточно защищенным объединением. В первую очередь отсутствует гарантия соединения в брачном союзе двух абсолютно здоровых в психологическом плане людей, что приводит к возникновению таких негативных проявлений в семейной жизни, как абьюзивные отношения, сопровождающиеся насильственным ограничением свободы супруга (супруги), физической или психологической, унижениями и жестокостью, возникающие, как правило, вследствие психического нездоровья одного из супругов либо психологических проблем, травм, полученных ранее.

Рождение в семье с неблагополучной психологической (моральной) обстановкой детей рано или поздно приводит к проявлению имеющихся проблем. Система дошкольного и школьного образования, органы опеки и попечительства не в полной мере справляются не только с поставленными перед ними задачами, но и с выявлением таких «нездоровых» семей. Возможны также ситуации, при которых вполне благополучно существовавшие семьи, в том числе с детьми, в равной степени любящими собственных родителей, распадаются, порой по причинам, которые спустя определенное количество времени кажутся незначительными, ничтожными, а психологическая травма при этом уже нанесена и супругам (одному из супругов), и детям.

Таким образом, есть все основания говорить о том, что в современной России внимание, оказываемое государством в отношении семьи, представляется недостаточным.

[1] Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 25 авг. 2014 г. № 1618-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 35, ст. 4811.

© Кулакова А. А., Николаева А. О., 2020

Специфической особенностью семейного права как правовой отрасли является комбинирование правового регулирования отношений с социально психологическими особенностями поведения субъектов. Сегодня наиболее распространенной и урегулированной на уровне семейного и гражданско-процессуального законодательства формой защиты и процедурой разрешения спора супругов при расторжении брака является судебное разбирательство.

С принятием Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[1](далее: Закон о медиации), благодаря усилиям профессиональных медиаторов, государственной поддержке в этой области, ситуация с защитой семьи стала улучшаться, однако недостаточность информирования супругов о медиаторских возможностях негативно влияет на степень ее популярности. Тем не менее услуги медиаторов в современной России следует назвать одним из эффективных способов защиты семейных, супружеских и родительских отношений в системе иных известных мер государственной поддержки и защиты семьи. Об этом свидетельствует официальная статистика судов, органов загс и самих служб медиаторов.

Парадокс заключается в том, что институт медиации в настоящее время реализуется на бесплатной основе за счет президентских грантов исключительно в сфере бракоразводных процессов, т. е. в целях предотвращения распада семей. Другие категории семейных взаимоотношений, так или иначе потенциально приводящие к разрушению семьи независимо от официального расторжения брачных отношений, рассматриваются на платной основе.

В любом случае Российская Федерация должна стремиться к тому, чтобы медиативная процедура в семейной сфере осуществлялась на бесплатной основе либо с условием возможности компенсирования в дальнейшем понесенных расходов. Платная основа медиации способна усложнить рассмотрение отдельных категорий дел, повысить уровень конфликтности, исключить минимальные финансовые затраты, т. е. возложить на стороны процедуры дополнительное бремя [Величкова 2017, с. 52] (материальное и психологическое, гнетущее стороны обязательством выделять дополнительные средства на решение собственных проблем и невозможностью их компенсации). Фактически деятельность по семейной медиации должна проводить государственная структура, финансируемая из бюджетной системы (региональной либо федеральной).

Рассмотрим некоторые нюансы процедуры медиации, свидетельствующие о необходимости развития данного направления в системе мер государственной поддержки и защиты семьи.

Институт медиации – относительно новый междисциплинарный правовой институт, имеющий социально полезную, в том числе семейно-правовую, направленность. Официально определенного понятия «семейная медиация» в системе российского законодательства не существует, принято использовать категорию «медиация в семейной сфере», но оперирование понятием «семейная медиация» не вызывает сомнений по вопросу его смысловой нагрузки. Семейная медиация в качестве целевого содержания следует конституционным положениям о защите семьи. Она создана именно для разрешения споров между супругами, родителями и детьми по вопросам воспитания, ухода за престарелыми родителями и их содержания, братьями, сестрами, супругами по вопросам усыновления (удочерения) детей.

При возникновении спора о расторжении брака супруги решают вопрос о сохранении или прекращении этого правового статуса и, соответственно, о сохранении или прекращении прав и обязанностей, обусловленных статусом супругов. При этом причины могут быть различными [Шумова, Долотова 2020]. Семейный кодекс Российской Федерации не содержит исчерпывающего перечня оснований, при наличии которых брак должен или может быть расторгнут. В этом случае лишь самим супругам предстоит принять решение о возможности и необходимости дальнейшего совместного проживания и сохранения семьи. Качественное, обоснованное решение, не отягощенное бременем взаимных обид и претензий, может быть принято только в случае, если будет лишено эмоциональной окраски. Проанализировать конфликтующим сторонам особенности своей жизненной ситуации в большинстве случаев достаточно сложно ввиду обоюдной высокой эмоциональной напряженности, отсутствия необходимой компетенции и навыков по цивилизованному регулированию споров и конфликтов. В такой ситуации сторонам целесообразно добровольно переадресовать право управления конфликтом компетентному лицу, медиатору с целью его продуктивного улаживания в порядке, установленном Законом о медиации.

Судебное разбирательство спора в пределах заявленного иска, как правило, неизбежно приводит к изживанию доверительных отношений, поскольку в процессе правового урегулирования конфликта между сторонами возникает неконтролируемый поток претензий, споров, выяснений отношений, все более усиливающихся при запрете их выхода в случае неуместности во время судебных процедур. Неурегулированные противоборствующие мнения сторон, как правило, имеют тенденцию к сохранению даже после официального расторжения брака, что особенно опасно в распадающихся семьях с детьми.

Применение медиативного инструментария способно не только обеспечить более мирное расторжение брака, но и потенциально предотвратить разру-

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31, ст. 4162.

шение семьи в принципе. Медиация способна устранить первопричину возникшего спора исключительно усилиями супругов при правильном задании медиатором вектора разрешения конфликтной ситуации, тем самым исключая впоследствии возврат к повторному выяснению спорных отношений.

Процесс медиации предполагает выяснение вопросов, разработку вариантов и принятие решений, что способствует преобразованию конфликта в конструктивное решение проблем. Медиация обеспечивает неконфронтационную альтернативу судебному разбирательству: нейтральный посредник действует таким образом, что участники стремятся анализировать свои проблемы, сообщать о потребностях и интересах, изучать различные допустимые решения. Медиатор руководит процедурой развода, профессионально управляет конфликтом, но ни в коем случае не принимает решения в вопросе исхода конфликта. Вместе с тем он направляет действия супругов на примирительные взаимоотношения с целью сохранения семьи или благополучных отношений при сохранении решения о расставании.

Медиативный процесс исключает выяснение отношений между сторонами, оказание психологический поддержки (при необходимости таковой дополнительно привлекается семейный психолог), в общем потоке обоюдных претензий, эмоций медиатор улавливает именно те конкретные темы, вопросы, ситуацию, способные привести к разрешению спора, и неоднократно в процессе медиации осуществляет возврат сознания сторон к уже озвученным вопросам, тактично направляя к их проработке, переработке, а следовательно, к формированию правильных, плодотворных выводов.

Процедура медиации имеет следующие особенности.

Во-первых, она состоит их определенных стадий, последовательное совершение которых позволяет урегулировать конфликт без участия судебных органов.

Во-вторых, сторонам в разрешении спора содействует медиатор, который ставит своей целью достижение взаимовыгодного решения для обеих сторон.

В-третьих, процедура медиации совершается (начинается, продолжается и заканчивается) исключительно по доброй воле и обоюдному согласию сторон [Баринов, Кирьянова 2016].

Таким образом, медиацию по праву следует считать одной из эффективных современных техник предотвращения распада семьи, защиты ее как таковой. Приоритетом в этом случае служит не прямое следование букве закона, правовым нормам, а именно, признание за институтом брака статуса союза не только граждан страны, но мужчины и женщины, между которыми в процессе совместной жизни могут возникать конфликтные ситуации, накапливаться разногласия. Груз обоюдных обид со временем отягчает любой брак, что неизбежно приводит к преждевременному разладу отношений и распаду семьи. При этом причина может быть настолько незначительной, что со временем приходит понимание о неправильных выводах и действиях, особенно в ситуации, когда в семье воспитываются дети.

Не менее важным фактором высокого качества процедуры семейной медиации является именно добровольность сторон в принятии решения по обращению к профессиональному медиатору. Законодательное введение процедуры обязательного прохождения медиации на определенной стадии судебного разбирательства не в полной мере отвечают принципам и целям, которыми руководствуются в профессиональной деятельности медиаторы. Установление принудительной медиации неизбежно приведет к тому, что стороны процесса будут относиться к медиативной процедуре с позиции обязательного прохождения одной из стадий уже начавшегося бракоразводного процесса, исключая ее потенциально спасительный характер и разрушая веру в возможности разрешения возникшего конфликта. Насаждение и установление обязательной процедуры прохождения медиации, привлечение посредника, если сами супруги против такого порядка, приведет к негативным последствиям, усугубит и без того конфликтную ситуацию между супругами, а также повысит неблагоприятную статистику исхода медиативных процедур.

Таким образом, семейная медиация – это одно из специальных средств (процедур) альтернативной защиты права, урегулирования возникших между супругами споров, направленная на защиту семейных прав и интересов, которая предполагает участие незаинтересованной стороны – медиатора. Деятельность медиатора основывается на принципах уважения сторон конфликта, принятии позиции обоих участников, умении слушать и слышать, при обязательном соблюдении конфиденциальности. Сохранение конфиденциальности является основным условием при обращении к услугам медиаторов, поскольку не каждый готов сообщать подробности личной семейной жизни, которыми могут овладеть недобросовестные лица, а медиация требует именно полного раскрытия всех соответствующих фактов в целях более качественного разбора конфликтной ситуации. Кроме того, для эффективности разрешения имущественных споров при распаде брака откровенный обмен информацией о доходах и активах приобретает особое значение.

Медиация находит реализацию как при уже состоявшемся инициировании бракоразводного процесса в суде (или в органах загс), так и в досудебном порядке, т. е. служит внесудебной формой защиты прав супругов, альтернативной судебному способу урегулирования семейных споров и кон-

фликтов. В этом случае принятое сторонами медиативное соглашение, как правило, закладывается в основу судебного мирового соглашения и тем самым подкрепляется государственным принуждением (при необходимости).

Несмотря на несогласие авторов с необходимостью установления обязательных рамок проведения процедуры медиации, именно на этапе становления обязательный порядок направления конфликтующих сторон для прохождения медиации должен присутствовать ввиду довольно низкого правосознания граждан, приравнивающих медиацию к семейной терапии.

Государство в лице судебных органов и органов загс должно стремиться к повышению ориентированности граждан на возможность и необходимость сохранения семьи. Несомненно, в период широкого распространения медиация позволит разгрузить суды и значительно повысить эффективность урегулирования споров по бракоразводным делам, сохранить семьи от разрушения или выйти из конфликтной ситуации способом делового сотрудничества. Между тем в настоящее время существуют проблемы, связанные с «узнаванием» потенциальными клиентами преимуществ процедуры медиации и оплатой (компенсацией) медиативных услуг. Общественное непонимание процедуры медиации присутствует и спустя десять лет с момента принятия Закона о медиации, а информирование судейским составом о возможности прохождения данной процедуры целесообразно лишь в отношении участников судебных процессов. Проблема информационного оповещения состоит и в отсутствии единого сильного, узнаваемого органа, обеспечивающего предоставление медиативных услуг аккредитованным посредником.

Таким образом, семья и детство являются согласно действующему законодательству приоритетными направлениями социальной политики Российской Федерации. В связи с этим Закон о медиации и семейное законодательство нуждаются в поэтапном совершенствовании с учетом предложений представителей научной сферы, медиаторов-практиков. Необходимо создание централизованной государственной службы (органа), уполномоченной на осуществление деятельности в области семейной медиации, что позволит более эффективно отладить механизмы медиативного процесса по разрешению семейных споров, конфликтов, организовать закономерное государственное финансирование медиативных услуг, обеспечение высокого профессионального уровня медиаторов.

Список цитируемых источников

Баринов, Кирьянова 2016 – *Баринов А. В., Кирьянова Е. С.* Применение примирительного процесса (медиации) при разрешении семейных споров // Юридический мир. 2016. № 1. С. 50–54.

Величкова 2017 – *Величкова О. И.* Совершенствование семейного законодательства по вопросам медиации // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 50–55.

Шумова, Долотова 2020 – *Шумова К. А., Долотова Д. В.* Приоритетность судебной медиации как формы преодоления семейно-правового конфликта // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 143–146.

References

Barinov, A. V. and Kir ’yanova, E. S. (2016), “Application of the reconciliation process (mediation) in resolving family disputes”, *Yuridicheskii mir,* no. 1, pp. 50–54.

Shumova, K. A. and Dolotova, D. V. (2020), “Priority of judicial mediation as forms of overcoming a family-legal conflict”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 143–146.

Velichkova O. I. (2017) “Improvement of family legislation on mediation issues”, *Actual’ny’e problemy’ rossiiskogo prava,* no. 5, pp. 50–55.

Информация об авторах

Кулакова Анна Александровна,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; annakulakova33@yandex.ru

Николаева Анастасия Олеговна,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; zookoala@yandex.ru

Information about the authors

Kulakova Anna A.,
PhD (law), associate professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; annakulakova33@yandex.ru

Nikolaeva Anastasiya O.,
Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; zookoala@yandex.ru

Для цитирования

Кулакова А. А., Николаева А. О. Медиация как средство защиты интересов семьи в Российской Федерации // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 71–74.

For citation

Kulakova, A. A. and Nikolaeva, A. O. (2020) “Mediation as a mean of family interests’ protection in the Russian Federation”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 71–74.

УДК 34.721

К. Н. Курысев[1,2]
А. А. Гофман[2]
О. К. Курысева[3]
[1] *Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*
[2] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
[3] *Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Владимирской области, Владимир, Российская Федерация*

K. N. Kury'sev[1,2]
A. A. Gofman[2]
O. K. Kury'seva[3]
[1] *Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation*
[2] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*
[3] *Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation across Vladimir region, Vladimir, Russian Federation*

Некоторые правовые ограничения применения квадрокоптеров на частных территориях

Some legal restrictions on the use of quadrocopters in private territories

Ключевые слова: квадрокоптер; дрон; фотосъемка; видеосъемка; нарушение неприкосновенности частной жизни; личная и семейная тайны; борьба с дронами.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые правовые аспекты использования квадрокоптеров, ведущих фото- или видеосъемку объектов на частных земельных участках. Анализируются возникающие при этом проблемы и вносятся предложения по их решению.

Key words: quadrocopter; drone; photography; video shooting; violation of privacy; personal and family secrets; the fight with the drones.

Abstract. The article discusses some legal aspects of the use of quadrocopters that conduct photo or video shooting of objects on private land plots. The problems that arise in this case are analyzed and some solutions are proposed.

В последнее время в Российской Федерации все чаще поднимается проблема использования малогабаритных беспилотных летательных аппаратов (далее: МБЛА), поскольку круг решаемых им задач постоянно расширяется. Многие задачи, ранее не возможные, сегодня можно решить с помощью МБЛА или, как еще их называют, квадрокоптеров, беспилотных летательных аппаратов (далее: БПЛА), дронов. Это в полной мере относится к проведению фотосъемки земной поверхности для целей уточнения границ земельных владений, для контроля состояния линий электропередач, газопроводов, посевов, а также других объектов, и доставке почтовой корреспонденции и небольших объектов по заказам потребителей [Андреева, Морозов, Панычев, Самоцвет, Суровцев 2016]. Кроме того, квадрокоптеры существенно упрощают решение проблем в сфере обеспечения безопасности публичных мероприятий, предупреждения чрезвычайных ситуаций, проведения поисково-спасательных работ, исследования опасной местности (особенно актуально, когда речь идет о лесных пожарах), в сельском хозяйстве, правоохранительной деятельности и других направлениях деятельности человека.

В то же время все чаще в прессе появляются факты противоправного использования данных аппаратов. Наибольший вред приносит использование МБЛА для доставки запрещенных предметов в учреждения уголовно-исполнительной системы и ведения фото- и видеосъемки закрытых объектов и территорий. Для борьбы с такими действиями МБЛА правоохранительными органами и подразделениями Минобороны России разрабатываются как организационные, так и технические способы противодействия незаконной деятельности владельцев данных систем [Андреева, Морозов, Панычев, Самоцвет, Суровцев 2016].

Однако сегодня все большую популярность набирает приобретение данных технических средств исключительно в развлекательных целях, в том числе для осуществления видео- и фотосъемки, что создает почву для злоупотреблений со стороны некоторых граждан, поскольку современные МБЛА позволяют осуществлять видео- и фотосъемку объектов с высоким качеством и с достаточно больших расстояний.

В Российской Федерации нормативное регулирование использования квадрокоптеров частными лицами только формируется, и сегодня существует очень много пробелов в данной сфере права, в частности, это касается вопросов соблюдения конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени.

Статья 23 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого человека и гражданина

© Курысев К. Н., Гофман А. А., Курысева О. К., 2020

на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Однако, как показывает практика, люди жалуются на проблему вторжения квадрокоптеров в их частную жизнь. Так, в г. Коврове Владимирской области в редакцию «Ковровские вести» поступила жалоба следующего содержания: «Наш дом в деревне стоит на отшибе, обнесен высоким забором. Ни с улицы, ни из соседних домов не видно, что происходит на участке. К нам в гости часто приезжают друзья. Из-за своей профессиональной деятельности они люди закрытые – не ходят по ресторанам, не гуляют на корпоративах. А у нас в деревне они могут позволить себе сменить строгие костюмы на шорты, каблуки – на сланцы, ходить без прически и макияжа. Мы накрываем стол на веранде, готовим на костре, играем в мафию, танцуем, отдыхаем душой и телом. В этом году наш летний отдых был испорчен. Стоило к нашему дому подъехать чужой машине, как через некоторое время над участком зависал чей-то дрон. Случалось это не раз и не два. Мы уже стол в доме накрывать стали. Но стоило мужчинам выйти на балкон покурить, дрон тут как тут. Зависает в паре метров от них, видимо, видеосъемку ведет. Выяснить, кто у нас в деревне такой любопытный, нам не удалось. Но многие соседи тоже жаловались, что прилетает он и к ним. Друзья, понятное дело, приезжать стали реже. Не хотят они увидеть видео или фото со своим участием где-нибудь в Интернете. Еще одна жительница района пожаловалась на квадрокоптер, что зависает над ее участком, когда она выходит загорать у себя на участке. Жалуется, топлес в шезлонге не полежишь. У нас рядом с деревней сады коллективные. Скорее всего, дрон из них прилетает – молодежь развлекается»[1].

Соответственно, возникает вопрос: каким образом пресечь их незаконные действия по фото- и видеосъемке событий и фактов, отнесенных к личной и семейной тайне, установить владельцев такого дрона и привлечь их к ответственности за нарушение конституционного права на неприкосновенность частной жизни?

В данном случае действия операторов МБЛА можно квалифицировать и по ст. 137 УК РФ, если информация, полученная в результате фото- или видеосъемки с дрона будет распространена в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, в том числе и сети «Интернет». Кроме того, может иметь место и нарушение Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»[2], если полученные фотоматериалы будут использованы для идентификации личности [Курысев, Дядькин 2018].

Итак, проблема существует, а есть ли пути ее нормативного разрешения для простых граждан, находящихся на своих земельных участках?

В настоящее время в соответствии с п. 3.2 ст. 33 Воздушного кодекса Российской Федерации (далее: ВК РФ) предназначенные для выполнения полетов беспилотные гражданские воздушные суда с максимальной взлетной массой от 0,25 до 30 кг, ввезенные в Российскую Федерацию или произведенные в Российской Федерации, подлежат государственной регистрации (учету) в порядке, установленном Правительством Российской Федерации[3]. Федеральное агентство воздушного транспорта осуществляет учет беспилотных воздушных судов с использованием системы учета данных о беспилотных воздушных судах, включающей в себя базу данных о беспилотных воздушных судах и информационного портала, являющегося функциональной подсистемой базы данных.

Согласно ст. 13 ВК РФ, а также п. 114 и 116 Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 130[4] (далее: Правила) для квадрокоптеров предусмотрен разрешительный порядок использования воздушного пространства, а именно, требуется направление плана полета в Единую систему организации воздушного движения и получение разрешения соответствующего уполномоченного лица. Помимо указанного разрешения, в случае прохождения полетов над населенными пунктами, требуется получение разрешение от органов местного самоуправления, а в городах федерального значения – соответствующих органов исполнительной власти (п. 49 Правил) [Трусов 2020, с. 5].

Нарушение указанных требований влечет за собой административную ответственность в соответствии с ч. 1 ст. 11.4 КоАП РФ (для граждан – в виде штрафа в размере от 20 тыс. до 50 тыс. руб.), а в случае если это деяние повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека, то наступает уголовная ответственность по ст. 271.1 УК РФ.

---

[1] *Кабанов Я.* Законны ли полеты квадрокоптера над частными домами? // Ковровские вести : [сайт]. URL: http://ковровскиевести.рф/stati/obshestvo/19620-onovyy-divnyy-mir.html (дата обращения: 05.11.2020). ; *Его же.* О новый дивный мир! // Ковровские вести. 2019. – 8 окт. С. 12.

[2] Российская газета. 2006. 29 июня.

[3] Об утверждении Правил учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,25 килограмма до 30 килограммов, ввезенных в Российскую Федерацию или произведенных в Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 25 мая 2019 г. № 658. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905300028 (дата обращения: 18.08.2020).

[4] Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 12, ст. 1649.

Для сравнения, в США за отказ от прохождения процедуры регистрации БПЛА предусмотрен штраф в размере 27 тыс. долл. [Вигант 2017].

Находясь на земельном участке, граждане не знают, кому принадлежит пролетающий над ними квадрокоптер и с какой целью он ведет фото- или видеосъемку. Трудно идентифицировать принадлежность данного технического средства конкретному человеку. Ввиду того, что вышеуказанные правила не всегда работают, можно предложить установить обязательное требование оборудования квадрокоптеров еще на стадии продажи физическим и юридическим лицам системой мониторинга ГЛОНАСС/GPS, позволяющей контролировать местоположение и маршрут данного технического средства. Тогда, в случае осуществления квадрокоптером полета над частной территорией, гражданин сможет подать в межрегиональное территориальное управление воздушного транспорта соответствующего района Федерального агентства воздушного транспорта заявление о предоставлении сведений о правообладателе, указав географические координаты (кадастровый номер соответствующего земельного участка), дату и время пролета квадрокоптера. При подтверждении факта пролета квадрокоптера над находящимся в частной собственности земельным участком, в отношении виновного лица наступает ответственность в соответствии с вышеуказанными статьями КоАП РФ и УК РФ. Одновременно гражданину следует подать заявление о проведении проверки в порядке ст. 144–145 УПК РФ в территориальный орган Следственного комитета Российской Федерации на предмет наличия в действиях лица состава преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни».

С учетом вышеизложенного, если сведения распространены в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, собрать доказательственную базу не составит труда. Однако сложнее будет доказать факт незаконного собирания сведений о личной жизни. То же самое касается и привлечения к административной ответственности по ч. 1 или 2 ст. 13.11 КоАП РФ «Нарушение установленного законом порядка сбора, хранения, использования или распространения информации о гражданах (персональных данных)».

Однако подобное предложение вряд ли может быть несостоятельным, поскольку всем известен подобный опыт внедрения аналогичных систем в области автотранспорта, особенно личного: системы установили, а как они работают, пока непонятно.

Тут возникает другая проблема – проблема пресечения незаконных действий в режиме реального времени, т. е. когда гражданин наблюдает дрон над своим земельным участком. Если дрон улетит, а на нем была установлена работающая видеокамера, владелец квадрокоптера спокойно снимет камеру с технического средства, скопирует видеозапись на жесткий носитель, и впоследствии никто не сможет доказать, что с его квадрокоптера велась незаконная видеозапись. Многие из видеокамер, установленных на дронах, не имеют своей карты памяти и передают картинку владельцу в режиме реального времени, а запись осуществляется на запоминающее устройство планшета, телефона или компьютера.

Вне населенных пунктов существует много зон, где полеты дронов полностью запрещены (аэропорты, военные базы, учреждения уголовно-исполнительной системы и т. п.), и летательный аппарат могут сбить на законных основаниях.

Согласно п. 62 постановления Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации»[1] ношение и использование оружия осуществляется на основании выданных Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации или ее территориальными органами лицензий либо разрешений на хранение и ношение, хранение и использование конкретных видов, типов и моделей оружия с учетом ограничений, установленных Федеральным законом от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»[2], в частности, гражданами Российской Федерации во время охоты, проведения спортивных мероприятий, тренировочных и учебных стрельб, а также в целях самообороны.

Ситуация, когда гражданин решит сбить пролетающий над его участком квадрокоптер, ни к одному из перечисленных в вышеназванном постановлении случаев не относится. Кроме того, еще существует запрет на применение охотничьего огнестрельного оружия на расстоянии до 200 м от ближайшего жилого дома.

Кроме того, следует учитывать, что повреждение квадрокоптера может быть квалифицировано как умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, если эти деяния повлекли причинение значительного ущерба (ч. 1 ст. 167 УК РФ) и если сбитый дрон упал за пределами земельного участка лиц, за которыми он наблюдал.

В Интернете есть масса предложений о продаже глушителей Wi-Fi и радиочастот, предназначенных для борьбы с дронами. Продавцы утверждают, что их товар глушит сигнал управления дроном, и квадрокоптер теряет управление. Использовать подавители сотовой связи и GPS возможно после их регистрации в соответствии с требованиями постановления Правительства Российской Феде-

[1] Российская газета. 1998. 20 авг.

[2] Там же. 1996. 18 дек.

рации от 12 октября 2004 г. № 539 «О порядке регистрации радиоэлектронных средств и высокочастотных устройств»[1]. Однако стоимость таких устройств может превышать стоимость дрона, и целесообразность их покупки простыми гражданами становится весьма сомнительной.

Таким образом, получается, что в современном законодательстве Российской Федерации отсутствуют действенные способы пресечения незаконных действий владельцев квадрокоптеров. В качестве варианта можно предложить, во-первых, ввести в ВК РФ запрет полетов квадрокоптеров над частными территориями (определяемыми по публичной кадастровой карте), а во-вторых, КоАП РФ дополнить статьей об административной ответственности владельцев квадрокоптеров при осуществлении полетов над частными земельными участками. Однако вопрос о поиске владельцев таких дронов остается открытым.

Список цитируемых источников

Андреева, Морозов, Панычев, Самоцвет, Суровцев 2016 – Борьба с малоразмерными беспилотными летательными аппаратами в УИС / О. А. Андреева [и др.] // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы. Воронеж : Науч. кн., 2016. С. 3–6.

Вигант 2017 – *Вигант М.* Летательный исход // Техника молодежи. 2017. № 13. С. 28–31.

Курысев, Дядькин 2018 – *Курысев К. Н., Дядькин О. Н.* Административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения: административно-правовые и организационные аспекты // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 2(47). С. 84–90.

Трусов 2020 – *Трусов А. И.* Административно-правовое регулирование полетов квадрокоптеров в России // Российская юстиция. 2020. № 4. С. 64–66.

References

Andreeva, O. A., Morozov, V. O., Pany'chev, S. N., Samotsvet, N. A. and Suvorovtsev, S. V. (2016), "Fight against small-sized unmanned aerial vehicles in the UIS", *Bor'ba s malorazmerny'mi bespilotny'mi letatel'ny'mi apparatami v UIS* [Equipment and safety of objects of the penal system], Nauchnaya kniga, Voronezh, Russia, pp. 3–6.

Kury'sev, K. N. and Dyad'kin, O. N. (2018), "The administrative ban on visiting of venues of official sports competitions in days of their carrying out: administrative-legal and organizational aspects", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(47), pp. 84–90.

Trusov, A. I. (2020), "Administrative and legal regulation of quadrocopter flights in Russia", *Rossiiskaya yustitsiya,* no. 4, pp. 64–66.

Vigant, M. (2017), "Flight outcome", *Tekhnika molodezhi,* no. 13, pp. 28–31.

Информация об авторах

Курысев Константин Николаевич,
кандидат технических наук, доцент, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; kkn124@bk.ru

Гофман Александр Анатольевич,
доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; gofman.a.a@rambler.ru

Курысева Ольга Константиновна,
Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Владимирской области, Владимир, Российская Федерация; gorodnichevask@yandex.ru

Information about the authors

Kury'sev Konstantin N.,
PhD (technology), associate professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; kkn124@bk.ru

Gofman Aleksandr A.,
associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; gofman.a.a@rambler.ru

Kury'seva Ol'ga K.,
Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation across Vladimir region, Vladimir, Russian Federation; gorodnichevask@yandex.ru

Для цитирования

Курысев К. Н., Гофман А. А., Курысева О. К. Некоторые правовые ограничения применения квадрокоптеров на частных территориях // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 75–78.

For citation

Kury'sev, K. N., Gofman, A. A. and Kury'seva, O. K. (2020), "Some legal restrictions on the use of quadrocopters in private territories", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 75–78.

[1] Российская газета. 2004. 21 окт.

УДК 343.13

Л. В. Лазарева [1,2]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
[2]*Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*

L. V. Lazareva[1,2]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*
[2]*Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation*

Использование специальных знаний в условиях цифровизации уголовного судопроизводства

Use of special knowledge in the context of digitalization of criminal proceedings

Ключевые слова: специальные знания; специалист; компетенция специалиста; уголовный процесс; информационные технологии.

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные проблемы, возникающие с использованием специальных знаний при производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере информационных технологий. Статистическая отчетность о преступлениях в данной сфере не отражает объективную картину ввиду их высокой латентности. Предметом анализа стали вопросы использования специальных знаний при производстве отдельных следственных действий по уголовным делам в условиях цифровизации, а также комплекс закономерностей и проблемных ситуаций, возникающих с использованием специальных знаний при проведении отдельных следственных действий, требующих научного разрешения. Показано, что положения действующего уголовно-процессуального законодательства в недостаточной мере осуществляют регулирование использования специальных знаний, особенно при расследовании преступлений в сфере высоких технологий. Сформулированы рекомендации по оптимизации использования специальных знаний, а также рекомендации организационно-управленческого характера.

Key words: special knowledge; specialist; authority of the expert; the criminal process; information technology.

Abstract. The article deals with the actual problems that arise when using special knowledge in the production of criminal cases of crimes in the field of information technology. Statistical reporting on crimes in this area does not reflect an objective picture due to their high latency. The subject of the review was the use of special knowledge in the production of individual investigative actions in criminal cases in the context of digitalization, as well as a set of patterns and problem situations that arise when using special knowledge in the conduct of individual investigative actions that require scientific resolution. It is shown that the provisions of the current criminal procedure legislation insufficiently regulate the use of special knowledge, especially in the investigation of crimes in the field of high technologies. Recommendations for optimizing the use of special knowledge, as well as recommendations of an organizational and managerial nature are formulated.

Современный этап развития общества характеризуется влиянием цифровой революции на все сферы человеческой деятельности, в том числе на право. Как справедливо отмечает В. Д. Зорькин, «сегодня зарождается новое право – “право второго модерна”, регулирующее экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, больших данных, роботов, искусственного интеллекта»[1]. Образовывающаяся цифровая среда становится новым объектом различных отраслей права, одновременно с этим – и новым вызовом, последствия которого пока недостаточно изучены. Цифровые технологии, внедряясь в различные институты права, влияют и на существующие общественные отношения, в связи с чем появляются новые проблемы и вопросы, требующие своего решения. Это в первую очередь относится к уголовному судопроизводству, одной из задач которого является защита прав и свобод личности. Среди различных институтов уголовно-процессуального права, которых коснулась глобальная цифровизация, можно выделить институт специальных знаний, имеющий прямое отношение к использованию последних достижений современной науки в процессе расследования преступлений.

Сегодня цифровые технологии используются в доказывании по уголовным делам в виде технических средств для фиксации процессуальных и следственных действий, конференц-связи при проведении судебного заседания, электронных документов и др. Однако, как справедливо отмечает Л. А. Воскобитова, «пока это лишь отдельные, робкие “вкрапления” цифровых технологий в сложную, конфликтную, противоречивую, многофакторную процессу-

[1] *Зорькин В. Д.* Право в цифровом мире // Российская газета. 2018. 29 мая.

© Лазарева Л. В., 2020

альную деятельность, осуществляемую преимущественно человеком» [Воскобитова 2019, с. 93].

Внедрение в уголовно-процессуальную деятельность информационных технологий способствует более широкому использованию специальных знаний, но в то же время поднимает вопросы о том, какими компетенциями должны обладать их носители, прежде всего специалист. Безусловно, помощь специалистов, обладающих новыми компетенциями, способствует повышению эффективности расследования преступлений в сфере информационных технологий. Однако, как показывает анализ правоприменительной практики, возможности специальных знаний используются не в полной мере. Причины этого многообразны и касаются правовых, организационных, методических аспектов, что требует детального исследования, выходящего за рамки одной статьи.

В настоящей статье обозначим отдельные аспекты данной проблемы с ориентацией на повышение эффективности использования специальных знаний в условиях цифровизации уголовного судопроизводства. Актуальность рассмотрения данного вопроса также определяется использованием в преступной деятельности информационных технологий и компьютерных средств. Более того, речь идет не только о преступлениях в сфере информационных технологий, но и о преступлениях другого рода.

Мониторинг следственной практики свидетельствует о том, что информационные технологии используются при совершении самых разных преступлений, например, преступления с использованием электронных средств платежа, мошенничество в сфере компьютерной информации, неправомерный оборот средств платежей, нарушение авторских и смежных прав, преступления в банковской сфере, распространение наркотических средств, заведомо ложные сообщения о террористических актах и др.

Более того, рост криминальных деяний данного вида оказал значительное влияние на динамику и структуру преступности в целом. Их доля в общем массиве достигла почти 15% и продолжает расти[1]. По данным правоохранительных органов, в 2019 г. число зарегистрированных в России IT-преступлений выросло на 70% (294 тыс.), они составляют уже 15% от всех регистрируемых в стране преступлений[2].

В условиях, когда цифровизация, с одной стороны, все шире внедряется в уголовный процесс, а с другой, используется преступным миром, у следственных органов возрастает потребность в помощи специалистов, обладающих соответствующими компетенциями, прежде всего в сфере цифровых технологий.

Новые требования, методы и подходы в практике борьбы с киберпреступностью требуют систематического пополнения специальных знаний и овладения современными достижениями науки и техники. Рассматривая вопрос использования специальных знаний, следует остановиться на проблеме выбора специалиста.

Как известно, специалистом может быть лицо, которое ориентируется в области знаний и умений, по которым он привлекается для оказания содействия сторонам, а также для дачи заключения или показаний по специальным вопросам. Однако в условиях цифровизации уголовного судопроизводства становится актуальным изучение требований, которые предъявляются к компетенции специалиста в части информационных знаний и умений, и каким образом они отражены в законе.

Необходимо отметить, что в правоприменительной практике наблюдается интеграция существующих подходов к пониманию профессиональных компетенций, что обусловлено внедрением компетентностного подхода к профессиональному образованию. Сегодня можно выделить два подхода к пониманию компетенции специалиста: первый, процессуальный, включающий круг его полномочий, прав и обязанностей, и второй, профессиональный, содержащий комплекс специальных знаний в области науки, техники и ремесла.

Применительно к конкретному специалисту как участнику уголовного процесса особое значение приобретает его компетентность, т. е. характеристика конкретного человека, получившего квалификацию, которая определяется его профессиональным уровнем. Компетентность как профессиональная характеристика специалиста основана на его профессиональных качествах, интеллекте и опыте.

Очевидно, что с развитием цифровых технологий и их широким внедрением в уголовное судопроизводство возрастает потребность в цифровых компетенциях специалиста. Полагаем, что предъявляемые сегодня практикой требования должны включать как минимум следующие компетенции: общие знания информационных технологий и навыки применения компьютерной техники, включая знания и навыки по созданию, форматированию, копированию текстовых документов, а также знания и навыки работы с информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет». Под-

[1] Выступление министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации 26 февраля 2020 г. URL: https://mvdmedia.ru/news/official/sostoyalos-rasshirennoe-zasedanie-kollegii-mvd-rossii/ (дата обращения: 20.03.2020).

[2] Расследованием киберпреступлений в СКР займется спецотдел. URL: https://tass.ru/proisshestviya/7889859 (дата обращения: 17.04.2020).

черкнем, что указанные требования к компетенциям специалиста в сфере информационных технологий являются минимальными и не отражают специфику его профессиональной деятельности.

Исходя из вышесказанного, можно выделить три уровня компетенций специалиста, необходимых для осуществления им процессуальной деятельности.

1. Базовый уровень, которым должны обладать специалисты, включает знания ассортимента аппаратных средств и их компонентов, особенностей конструкции и принципа работы различных видов электронных носителей. Эти знания специалиста могут потребоваться при производстве следственных действий, направленных на поиск, обнаружение, фиксацию и изъятие электронных носителей информации.

2. Средний уровень знаний по соответствующему профилю позволяет провести изъятие и копирование информации, осмотр электронного носителя информации, а также распознать и нейтрализовать в компьютерной системе вирусы и программы «бомб-ловушек», средств защиты информации, устройств мгновенного уничтожения информации.

3. Повышенный уровень, который дает возможность провести исследования электронных носителей информации, а также смоделировать возможности применения информационных технологий или компьютерных средств в преступном событии. Учитывая, что специалист не проводит исследований, а формулирует выводы на основе своих знаний, знания этого уровня могут быть использованы при назначении судебной компьютерно-технической экспертизы в ходе консультации со специалистом.

Безусловно, объем необходимых специальных знаний будет различаться в зависимости от ситуации и решаемых специалистом задач. Например, при производстве таких следственных действий, как осмотр, выемка, обыск, сопровождающихся изъятием электронных носителей информации и копированием с них информации (ст. 164.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее: УПК РФ), требуются специалисты, которые умеют пользоваться цифровыми технологиями, обладать только цифровой грамотностью уже недостаточно.

В связи с этим приобретает особо важное значение рекомендация по привлечению специалистов в области информационно-компьютерных технологий уже на этапе планирования и подготовки следственных действий, связанных с поиском, обнаружением и фиксацией следов преступления, с целью получения компетентных разъяснений относительно доступности электронных доказательств и необходимости принятия мер к их сохранности [Семикаленова, Рядовский 2019, с. 181]. И все же среди практических работников распространено мнение о необязательном привлечении специалиста к производству названных следственных действий. Действительно, указывая на необходимость привлечения специалиста, законодатель оставляет решение данного вопроса на усмотрение правоприменителя. Объясняется это прежде всего терминологической неопределенностью понятия «электронный носитель информации». УПК РФ не содержит определения понятия «электронный носитель информации», которое может относиться к различным по сложности техническим средствам и включать в себя магнитные носители серверов и иных устройств, флешнакопители, CD-, DVD-диски, мобильные телефоны и т. п. [Козловский, Седельников 2014, с. 17].

Отметим, что аналогичного мнения придерживаются и суды, допуская изъятие электронного носителя информации во время производства обыска или выемки без участия специалиста, если при этом не требуются специальные знания и навыки. Например, решение суда апелляционной инстанции о признании правомерным изъятие у подозреваемого мобильного телефона, являющегося электронным носителем информации, произведенное без участия специалиста. По мнению суда, участие специалиста является обязательным, если при производстве выемки происходит копирование информации на другие носители, что может быть связано с риском ее утраты или изменения. Как следует из материалов уголовного дела, при выемке следователь пользовался обычными функциями телефона без необходимости копирования информации на другие носители, что подтверждает законность следственного действия[1].

Можно предположить, что, испытывая трудности в выборе компетентного специалиста, следователь предпочтет альтернативный вариант – изъятие компьютерной техники в ходе проведения следственных действий, например, обыска. В этом случае можно сосредоточить все внимание на обнаружении и фиксации других следов преступления, а в последующем провести осмотр электронных носителей информации и копирование с них информации с привлечением специалиста. Несмотря на очевидные достоинства данного варианта, все же полагаем, что это не лучший сценарий, поскольку изъятие компьютерной техники может привести к непредсказуемым последствиям: дезорганизации всей работы, ущербу, причиненному предприятию, и т. п.

Однако допускаем, что подобная позиция правоприменителя и суда основана исключительно на

[1] Обзор судебной практики по участию специалиста и производству судебных экспертиз при исследовании цифровой информации. URL: http://www.pravo163.ru (дата обращения: 20.03.2020).

субъективном восприятии ситуации и нежелании отдельных сотрудников «осложнять себе жизнь» выбором специалиста. С нашей точки зрения, потребность правоприменителя в использовании специальных знаний в сфере информационных технологий сегодня – объективная реальность.

Учитывая существующее множество компьютерных и коммуникационных устройств, имеющих особенности конструкции, принципа работы, технической реализации, считаем привлечение специалиста обязательным условием производства таких следственных действий, как осмотр, выемка, обыск, сопровождающихся изъятием электронных носителей информации, что значительно увеличивает возможность обнаружения цифровых следов преступления, к которым относят криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе возникновения данной информации, ее обработки, хранения и передачи [Россинская, Рядовский 2019, с. 6–8].

Нам представляется вполне очевидным, что практика производства отдельных следственных действий, в ходе которых осуществляются изъятие электронных носителей информации и копирование с них информации, была бы иной в случае обязательного участия специалиста. Это обстоятельство, на наш взгляд, представляет собой объективную реальность одного из важнейших элементов повышения эффективности расследования преступлений в сфере информационных технологий. При этом, как отмечается, следователь, не будучи специалистом в сфере компьютерных технологий, должен понимать, какими компетенциями обязан обладать специалист, привлекаемый к проведению следственных действий, какие технические средства будут им применяться, чтобы обеспечить исчерпывающие меры к обнаружению и фиксации доказательств и исключить их утрату [Семикаленова, Рядовский 2019, с. 182].

Между тем несовершенство действующего законодательства, связанное с терминологической неопределенностью, не только носит теоретический характер, но и имеет отражение в практической деятельности.

Изучение следственной практики показывает, что следователей, обладающих так называемыми цифровыми компетенциями, не так уж и много. Между тем даже и те немногие следователи испытывают определенные трудности при изъятии и копировании электронных носителей информации по причине недостаточного уровня владения специальными знаниями. Данная ситуация не является безвыходной, поскольку следователи всегда могут прибегнуть к помощи нужных специалистов в сфере информационных технологий. Однако далеко не любой специалист может справиться с такой задачей, что в настоящее время обусловлено недостаточной разработанностью методик обнаружения, фиксации и исследования цифровых следов, а также их зависимостью от способов совершения преступлений в сфере информационных технологий. Подготовить же самих следователей до уровня знаний специалистов, полагаем, невозможно.

В своих предыдущих работах мы уже подчеркивали, что деятельность специалиста как участника уголовного судопроизводства основана на использовании при ее осуществлении соответствующих знаний. При этом качественные и количественные характеристики зависят от объема знаний, имеющих историко-бытовой характер, и от знаний, приобретаемых в процессе профессионально-практической деятельности, характеризующей специальные знания. Объем таких знаний неограничен и постоянно пополняется не только в процессе образования, но и в процессе повышения квалификации, стажировок, практик и т. д. [Лазарева 2011, с. 69].

В формате настоящего исследования важно остановиться еще на одной проблеме, имеющей практическое значение.

Сравнительно небольшой опыт производства следственных действий, связанных с изъятием электронных носителей информации и копированием с них информации (ст. 164.1 УПК РФ), выявил ряд проблем, одна из которых заключается в недостатке профессиональных кадров. Дело в том, что у следователей имеются затруднения в выборе специалиста, они не всегда точно знают, какими именно компетенциями должен обладать привлекаемый ими специалист, достаточно ли его знаний для производства следственных действий, поскольку область информационно-компьютерных технологий широка. По этой причине в качестве специалистов, обладающих нужными компетенциями, для участия в следственных действиях приглашаются чаще всего профессиональные эксперты, т. е. сотрудники экспертно-криминалистических подразделений правоохранительных органов, реже сотрудники сторонних организаций в сфере компьютерных технологий.

Между тем при выборе того или иного сотрудника в качестве специалиста нужно учитывать некоторые обстоятельства. Сотрудник того же ведомственного учреждения, что и правоприменитель, приглашенный в качестве специалиста, может быть связан с ним профессиональными или личными отношениями, а это уже основание для отвода такого специалиста в уголовном деле.

В то же время специалисты в сфере IT-технологий, являясь сотрудниками сторонних организаций, не обладают юридическими знаниями, не знают даже основ материального, процессуального

права, криминалистики, судебной экспертизы. Такое положение дел не позволяет им в полной мере выполнять функции специалиста, связанные с обнаружением, фиксацией, изъятием и исследованием следов преступления, в частности, цифровых.

Нам представляется, что одним из решений обозначенной проблемы было бы создание в правоохранительных органах службы специалистов-криминалистов, осуществляющих технико-криминалистическую деятельность, которые бы участвовали в производстве следственных действий, оказывали техническую и иную помощь следователю, с наделением их объемом полноценных полномочий, тогда как судебную экспертизу проводили бы исключительно эксперты в созданной единой для всех правоохранительных министерств и ведомств судебно-экспертной службе. В связи с этим представляет интерес международный опыт. Так, в Республике Беларусь функционирует единый Государственный комитет судебных экспертиз, который объединил все судебно-экспертные учреждения, действовавшие ранее разрозненно в структурах различных министерств и ведомств. Использование предложенного подхода позволило бы в некоторой степени снизить нагрузку на экспертов судебно-экспертной службы и способствовало бы повышению качества проведения отдельных следственных действий, а также судебных экспертиз.

Однако проблемы использования специальных знаний при производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере информационных технологий не решить только организационными мероприятиями, требуется совершенствование правового регулирования.

По данному поводу в специальной литературе ранее высказывались мнения о необходимости реформирования действующего уголовно-процессуального законодательства [Торичко, Клишина 2018, с. 183]. И хотя законодателем уже сделаны определенные шаги в этом направлении, в частности, в УПК РФ введена ст. 164.1, но этого оказалось недостаточно.

Расследование преступлений в сфере информационных технологий представляет особую сложность, что обусловливается не только их спецификой и неочевидностью, но и присущим им межрегиональным и международным характером [Волынский 2015]. В настоящее время предварительное расследование преступлений указанной категории производится следователями МВД России, а также следователями ФСБ России. Однако следователю бывает одинаково тяжело хорошо расследовать уголовные дела о незаконном обороте наркотиков, квартирной краже и неправомерном доступе к компьютерной информации, несмотря на помощь сотрудников созданного в МВД России Бюро специальных технических мероприятий (Управление «К»). Кроме того, как справедливо отмечает А. Ф. Волынский, и мы с ним солидарны, «техникоемкость деятельности следователя, оперативного работника приобрела к настоящему времени такие масштабы, когда им самим обеспечить эффективное использование имеющихся в их распоряжении средств (компьютерной техники, видеозаписи, фотосъемки и др.) физически невозможно без ущерба для процесса раскрытия и расследования преступлений» [Волынский 2015, с. 120].

Считаем необходимым отметить, что в ряде зарубежных стран созданы специальные подразделения по борьбе с киберпреступностью (США, Великобритания, Израиль и др.). В связи с этим создание в Следственном комитете Российской Федерации (далее: СК РФ) спецподразделения по расследованию преступлений в компьютерной сфере, следователи которого будут специализироваться на расследовании указанной категории преступлений, можно расценивать только положительно.

В целях совершенствования правоприменительной практики было бы логичным предположить, что следующим шагом законодателя на пути организационно-управленческих реформ стало бы закрепление за следователями СК РФ подследственности путем дополнения п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ ст. 272–274 Уголовного кодекса Российской Федерации. На наш взгляд, такое дополнение способствовало бы объективизации процесса доказывания по уголовным делам о преступлениях в компьютерной сфере, а также обеспечению защиты прав и интересов личности.

Более того, имеет смысл расширить формат взаимодействия следователей СК РФ, расследующих преступления в сфере информационных технологий, и специалистов, обладающих умениями и навыками пользования цифровыми технологиями. Целесообразно привлекать специалистов еще в ходе доследственной проверки при проведении проверочных мероприятий, а также для оказания консультативной помощи, в том числе для постановки вопросов эксперту при назначении судебных компьютерно-технических экспертиз.

Обозначенные проблемы не исчерпывают перечень всех возможных сложностей с использованием специальных знаний при производстве отдельных следственных действий, связанных с обнаружением, фиксацией и исследованием цифровых следов. Предполагаем, что с расширением цифровых технологий в уголовном судопроизводстве у правоприменителя могут возникнуть новые трудности в данном направлении.

В заключение следует указать на необходимость комплексного подхода к теме использования специальных знаний для установления

соответствия криминалистического обеспечения расследования преступлений вызовам цифровой среды, что позволило бы шире использовать человеческие и технические возможности в условиях цифровизации уголовного судопроизводства.

Список цитируемых источников

Волынский 2015 – *Волынский А. Ф.* Республика Беларусь реформировала систему судебно-экспертных учреждений. А Россия? // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях. М.: Проспект, 2015. С. 119–124.

Воскобитова 2019 – *Воскобитова Л. А.* Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // LEX RUSSICA. 2019. № 5(150). С. 91–104.

Козловский, Седельников 2014 – *Козловский П. В., Седельников П. В.* Участие специалиста в изъятии электронных носителей // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 1(52). С. 17–19.

Лазарева 2011 – *Лазарева Л. В.* Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : дис. … д-ра юрид. наук. Владимир, 2011. 470 с.

Россинская, Рядовский 2019 – *Россинская Е. Р., Рядовский И. А.* Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения. Алматы : Алмат. акад. МВД РК им. М. Есбулатова, 2019. С. 6–9.

Семикаленова, Рядовский 2019 – *Семикаленова А. И., Рядовский И. А.* Использование специальных знаний при обнаружении и фиксации цифровых следов: анализ современной практики // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6(103). С. 178–185.

Торичко, Клишина 2018 – *Торичко Р. С., Клишина Н. Е.* Некоторые вопросы совершенствования действующего законодательства, регламентирующего расследование киберпреступлений // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3. С. 179–184.

References

Kozlovsky, P. V. and Sedel'nikov, P. V. (2014), "Participation of a specialist in the seizure of electronic media", *Nauchny'i vestnik Omskoi akademii MVD Rossii,* no. 1(52), pp. 17–19.

Lazareva, L. V. (2011), Conceptual bases of using special knowledge in Russian criminal proceedings, Sc. D. Thesis, criminal procedure, criminalistics, crime detection, Vladimir Law Institute of the FPS of Russia, Vladimir, Russia.

Rossinskaya, E. R. and Ryadovsky, I. A. (2019), "The concept of digital traces in criminalistics", *Ababakirovskie chteniya* [Aubakirov readings], Almatinskaya academiya MVD RK imeni M. Esbulatova, Almaty, Kazakhstan, pp. 6–9.

Semikalenova, A. I. and Ryadovsky, I. A. (2019), "The use of special knowledge in the detection and fixing of digital traces: an analysis of contemporary practices", *Aktual'ny'e problemy' rossiiskogo prava,* no. 6(103), pp. 178–185.

Torichko, R. S. and Klishina, N. E. (2018), "Some issues of improving the current legislation regulating the investigation of cybercrime", *Vestnik ekonomicheskoi bezopastnosti,* no. 3, pp. 179–184.

Volynsky, A. F. (2015), "The Republic of Belarus has reformed the system of forensic institutions. And Russia?", *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy' v sovremenny'kh usloviyakh* [Theory and practice of forensic examination in modern conditions], Prospekt, Moscow, Russia, pp. 119–124.

Voskobitova, L. A. (2019), "Criminal proceedings and digital technologies: compatibility issues", *LEX RUSSICA,* no. 5(150), pp. 91–104.

Информация об авторе

Лазарева Лариса Владимировна,
доктор юридических наук, профессор, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; larisa_vui@mail.ru

Information about the author

Lazareva Larisa V.,
doctor of law, professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; larisa_vui@mail.ru

Для цитирования

Лазарева Л. В. Использование специальных знаний в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 79–84.

For citation

Lazareva, L. V. (2020), "Use of special knowledge in the context of digitalization of criminal proceedings", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 79–84.

УДК 347.939.3

Ю. В. Миронова[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

Yu. V. Mironova[1]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Реализация принципа доступности правосудия в гражданском процессе России посредством использования систем видеоконференц-связи и веб-конференции

Implementation of the principle of accessibility of justice in Russian civil proceedings through the use of video conferencing and web conferencing systems

Ключевые слова: доступность правосудия; допустимость доказательств; электронное правосудие; видеоконференц-связь; веб-конференции; пандемия.

Аннотация. В статье анализируется процедура применения систем видеоконференц-связи и веб-конференции при организации судебных заседаний в гражданском процессе России в условиях пандемии, вызванной распространением коронавирусной инфекции (2019-nCoV).

Key words: accessibility of justice; admissibility of evidence; e-justice; videoconferencing; web conferences; pandemic.

Abstract. The article analyzes the procedure for using videoconferencing and web conferencing systems for organizing court sessions in Russian civil proceedings in the context of a pandemic caused by the spread of coronavirus infection (2019-nCoV).

19 апреля 2020 г. исполнилось двадцать лет с момента первого судебного заседания, проведенного с использованием системы видеоконференц-связи (далее: ВКС) Челябинским областным судом при рассмотрении кассационной жалобы осужденного Муртазина[1]. Например, за рубежом система ВКС ранее применялась только в специфических ситуациях, как то общение осужденных с адвокатами или заслушивание свидетельских показаний [Миронов, Миронова 2019, с. 22]. Таким образом, можно утверждать, что именно в России использование системы ВКС положило начало реализации фундаментальных основ процессуальных отраслей права, расширив сферу ее применения, ограниченную исключительно организационно-вспомогательным характером. Спустя 13 лет использование системы ВКС стало возможным и в гражданском процессе с момента принятия Федерального закона от 26 апреля 2013 г. № 66-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации»[2] (далее: Закон № 66-ФЗ).

Анализируя процедуру применения систем ВКС в отдельных видах судебных процедур, учеными-процессуалистами были высказаны различные точки зрения, в том числе и о ее недостатках.

Так, А. А. Хайдаров считает, что применение систем ВКС является своего рода ограничением принципа непосредственности судебного разбирательства и конституционного права на непосредственное участие в судебном разбирательстве [Хайдаров 2014, с. 23].

Эта точка зрения корреспондируется с мнением практических работников о сильном искажении коммуникации участников процесса с судом. Например, старший юрист Практики разрешения споров международной ЮФ CMS И. Соколов полагает, что для сложных споров с большим объемом доказательств использование ВКС может быть неоправданным и даже рискованным, поскольку очень сильно искажает коммуникацию со свидетелями, а значит, важные фрагменты их показаний могут быть потеряны либо неверно интерпретированы. В связи с этим попытка сэкономить за счет использования современных технологий связи может привести к печальным результатам[3].

Данная позиция представляется нам весьма неоднозначной. К сожалению, указанный автор не счел возможным аргументировать ее более подробно, поэтому представляется не совсем понятным, почему он считает, что экран монитора в режиме реального времени ограничивает лицо, находящееся по «ту сторону», в праве непосредственного участия в процессуальной деятельности. Мы полагаем, что основная цель применения ВКС состоит в том, чтобы дать возможность нуждающейся стороне заслушать показания иных лиц, задать им интересующие его вопросы, ответить на вопросы, направленные в его адрес, присутствовать при исследовании иных доказательств, т. е. реализовать его право на доступ к правосудию. Все ука-

[1] Практика применения видеоконференц-связи в уголовном процессе. URL: https://www.livelawyer.ru/praktika-primenenija-videokonferenc-svjazi-v-ugolovnom-processe/ (дата обращения: 15.06.2020).

[2] Российская газета. 2013. 30 апр.

[3] Видеоконференц-связь в судах: как она работает и какие проблемы с ней возникают. URL: https://pravo.ru/story/201570 (дата обращения: 20.03.2020).

© Миронова Ю. В., 2020

занные действия, по нашему мнению, не сопряжены с необходимостью близкого и непосредственного контакта сторон в процессе, что само по себе доказывает несостоятельность рассматриваемой точки зрения.

Однако, несмотря на различные точки зрения о необходимости применения систем ВКС при организации судебных заседаний, 2020 г., ознаменованный пандемией, вызванной распространением коронавирусной инфекции (2019-nCoV), значительными темпами ускорил приближение идеи виртуального судопроизводства, высказанную еще в 1998 г. Полом Каррингтоном [Kengyel, Nemessanyi 2012]. В соответствии с постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 18 марта 2020 г. № 808 в связи с угрозой распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) судами был ограничен прием граждан. Было рекомендовано подавать документы только через электронные интернет-приемные судов или по почте России, а также указано всем судам при наличии технической возможности инициировать рассмотрение дел путем использования систем ВКС[1].

Таким образом, введенные в Российской Федерации весной 2020 г. меры самоизоляции привели к существенному ограничению принципа доступности правосудия, установленного Конституцией Российской Федерации в ч. 5 ст. 32 (право на участие в отправлении правосудия) и ч. 1 ст. 47 (никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом). Однако, несомненно, система ВКС в этих условиях послужила знаковым средством, обеспечивающим гражданам Российской Федерации максимально эффективную возможность реализации принципа доступности правосудия во всех сферах судопроизводства.

Примечательно, что повсеместному установлению системы ВКС на практике способствовало утверждение постановлением Совета судей Российской Федерации от 11 апреля 2002 г. № 75 «Об информатизации судов» Концепции информатизации судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента, установившей порядок создания Государственной автоматизированной системы (далее: ГАС) Российской Федерации «Правосудие». Так, за период с 18 марта по 20 апреля 2020 г. было проведено 8 тыс. судебных заседаний с использованием систем ВКС. Более 286 млн раз граждане воспользовались интернет-ресурсом ГАС «Правосудие». С 21 апреля 2020 г. отдельные категории дел рассматриваются Верховным Судом Российской Федерации с использованием системы веб-конференции, обеспечивающей безопасную передачу данных[2].

Таким образом, к моменту принятия в России мер самоизоляции система ВКС стала связывать по защищенным каналам более 8 тыс. точек по всей стране (суды, а также 862 учреждения ФСИН России – следственные изоляторы, тюрьмы, воспитательные и исправительные колонии, туберкулезные и психиатрических больницы и т. п.)[3].

Согласно данным, предоставленным пресс-службой Верховного Суда Российской Федерации, с 2018 г. к системе ВКС стали подключаться мировые участки судей. Однако для полномасштабного применения требуется оснастить ею 75 % из 15 тыс. залов судебных заседаний всех 2,4 тыс. федеральных судов (пока ею оснащены лишь 46 % от необходимого числа). Так, на сегодня действующая в судах ВКС позволяет обеспечить одновременно от 3 до 250 подключений к единому мероприятию. Однако в 74 % судов районного звена системой оборудован только один зал для рассмотрения уголовных дел, поэтому чаще всего ВКС используется для рассмотрения дел с участием находящихся под стражей, а также при рассмотрении дел кассационными и апелляционными судами общей юрисдикции, расположенными далеко от суда первой инстанции[4].

По этой причине суды вынуждены часто отклонять ходатайства о дистанционном участии сторон в рассмотрении гражданских, административных и арбитражных дел. Так, в 2019 г., согласно судебной статистике, суды применяли ВКС при рассмотрении 195 тыс. дел и материалов, или в 0,5 % от их общего числа (в 2018 г. – 128 тыс. дел, в 2015 г. – 43 тыс. дел), из них 50 тыс. раз – при рассмотрении гражданских и административных дел, 46 тыс. раз – при рассмотрении дел об административных правонарушениях, 99 тыс. раз – по уголовным делам[5].

Однако, как отметил в своем интервью главный исполнительный директор компании «Pravo.Tech» А. Пелевин, несмотря на стабильно функционирую-

[1] Об ограничительных мерах в судах в связи с угрозой распространения на территории Российской Федерации коронавирусной инфекции (2019-nCoV) : постановление Президиума Верхов. Суда Рос. Федерации и Президиума Совета судей Рос. Федерации от 18 марта 2020 г. № 808 (документ утратил силу). URL: https://www.vsrf.ru/press_center/news/28815/ (дата обращения: 20.03.2020).

[2] Работа отечественных судов в условиях пандемии. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/news/28858/ (дата обращения: 15.06. 2020).

[3] Верховный Суд опробует способ онлайн-участия в процессе через веб-камеры. URL: https://tass.ru/obschestvo/8287385 (дата обращения: 01.06.2020).

[4] Там же.

[5] Веб-конференция в Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/files/28862/ (дата обращения: 07.06.2020).

щий механизм электронного правосудия в период введения карантинных мер в России, «с форматом судебных процессов по видеоконференц-связи проблемы возникли объективно – но они не в части "техники", а в области законодательства. Согласно действующим нормам АПК, ГПК и КоАП, сторонам нужно приходить в суд, чтобы воспользоваться этой системой, то есть соединение идет по принципу "суд с судом". Это позволяет удостоверить личности участников, проверить документы и т. д.

Очевидно, что в условиях "самоизоляции" это, по сути, означает "невозможность проведения заседания в режиме ВКС". Но этот подход можно и нужно менять...»[1].

Еще в начале 2019 г. нами была высказана точка зрения о несовершенстве российского гражданского процессуального законодательства в части, касающейся невозможности проведения судебного заседания по гражданским делам с участником, находящимся не в ином суде по месту его жительства, а в любом удобном для него месте [Миронова 2019а, с. 107], о чем свидетельствует ст. 155.1 ГПК РФ, позволяющая взаимодействие только между двумя судами при организации сеанса ВКС. Между тем, например, гражданское процессуальное законодательство Германии исходит из расширительного толкования этого вопроса [Kengyel, Nemessanyi 2012].

Несомненно, расширение возможности толкования вопроса о месте организации сеанса ВКС опосредует наиболее эффективные условия ее применения. Это будет способствовать в первую очередь тому, что у суда, рассматривающего дело по существу, отпадает необходимость соотносить график рассмотрения судебных дел с судом другого государства [Миронова 2019а, с. 107].

Кроме того, использование системы ВКС в гражданском судопроизводстве наиболее эффективно обеспечивает доступ к правосудию отдельных групп граждан, таких как:

– лица с ограниченными физическими возможностями;

– нетрудоспособные;

– несовершеннолетние;

– лица, признаваемые недееспособными и находящиеся в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях;

– иностранные лица, а также граждане Российской Федерации, проживающие на территории иностранных государств;

– осужденные к лишению свободы.

Таким образом, как отмечает пресс-служба Верховного Суда Российской Федерации, «на данный момент законодательно предусмотрено право участников судебных процессов обращаться в суды с заявлением о своем участии в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи», т. е. по гарантированным каналам связи, которые есть в судах и других госорганах (прежде всего в учреждениях ФСИН России). В связи с этим Верховный Суд Российской Федерации с 2019 г. изучает возможность применения во время заседаний в судах, помимо ВКС, также веб-конференции, которая позволит участникам судебных заседаний подключаться непосредственно через Интернет из своего офиса или дома.

Как отметили в Верховном Суде Российской Федерации, «возможность участия в судебном заседании с использованием веб-видеоконференц-связи из офисных или жилых помещений будет обеспечена внедрением в судебную деятельность технологии биометрической аутентификации участника судебного заседания по лицу и голосу»[2]. Это потребует проведения ряда технических мероприятий в судах. Например, для того чтобы участвовать в судебном заседании посредством веб-конференции, субъекту процесса следует обратиться в суд с ходатайством, а также на портале государственных услуг пройти обязательную процедуру аутентификации участника судебного заседания по лицу и голосу, после чего суд будет принимать решение о возможности участия ходатайствующего лица из удобного для него места нахождения посредством веб-конференции. В случае удовлетворения судом такого заявления участнику судебного заседания направляется в личный кабинет и на электронную почту гиперссылка на подключение к виртуальному залу судебного заседания Верховного Суда Российской Федерации[3].

В целях реализации принципа доступности правосудия Верховный Суд Российской Федерации начал выборочное рассмотрение дел безотлагательного характера с использованием технологии веб-конференции. Так, 21 апреля 2020 г. Верховным Судом Российской Федерации было проведено 6 рассмотрений дел на 9 человек посредством веб-конференции. Как отмечает пресс-служба Верховного Суда Российской Федерации, все они прошли успешно.

Значимость веб-конференции, отметили в суде, не ограничивается снижением рисков здоровью в период пандемии, а имеет более широкий спектр применения: «Сейчас и в дальнейшем данная технология позволит полноценно участвовать в судеб-

[1] Ни в одной другой судебной системе мира нет более совершенных информационных систем, чем в российском правосудии : интервью CEO Pravo.Tech Алексея Пелевина. URL: https://pravo.ru/story/220333/?desc_tv_1= (дата обращения: 20.04.2020).

[2] Верховный Суд опробует способ онлайн-участия в процессе через веб-камеры.

[3] Там же.

ных процессах лицам с ограниченными возможностями, что, безусловно, повысит уровень реализации права на судебную защиту таких лиц»[1], – что свидетельствует об универсальном и многофункциональном характере применяемой технологии.

Верховный Суд Российской Федерации первым получил возможность организовать веб-участие благодаря отечественному производителю многоточечной ВКС «Винтео». Для масштабного применения веб-технологии в других судах «необходимо провести интеграционные и коммуникационные мероприятия, согласование всех процессуальных процедур»[2], поскольку это предусматривает применение негарантированных каналов связи с судом. Однако, на наш взгляд, проблема применения веб-конференции не ограничивается только проблемой совершения организационных мероприятий.

Анализируя первый опыт применения веб-конференции в судебных заседаниях, возникает и ряд вопросов, касающихся как доктрины гражданского процессуального права, так и ее правового закрепления в гражданском процессуальном законодательстве.

Так, под ВКС следует понимать предусмотренную нормами процессуального закона телекоммуникационную технологию, являющуюся непосредственным гарантом основополагающих принципов процессуальных отраслей права и обеспечивающую интерактивное участие двух и более удаленных участников судопроизводства по различным категориям дел, при которой между ними происходит обмен аудио- и видеоинформацией в режиме реального времени.

Веб-конференция – технология и инструментарий для организации онлайн-встреч и совместной работы в режиме реального времени через Интернет, это негарантированные каналы связи. Именно поэтому с организационной точки зрения ее применение предопределяется рядом мероприятий, таких, например, как прохождение ходатайствующим лицом специальной процедуры аутентификации личности через портал госуслуг.

Как мы уже отмечали, использование систем ВКС было установлено в российском гражданском процессе с принятием Закона № 66-ФЗ, дополнившего ГПК РФ ст. 155.1, регулирующей участие в судебном заседании путем использования систем ВКС. Кроме того, в части использования ВКС внесены изменения в следующие статьи ГПК РФ: ст. 55 «Доказательства», ст. 152 «Предварительное судебное заседание», ст. 169 «Отложение разбирательства дела», ст. 177 «Порядок допроса свидетеля», ст. 187 «Исследование заключения эксперта. Назначение дополнительной или повторной экспертизы», ст. 188 «Консультация специалиста», ст. 327 «Порядок рассмотрения дела судом апелляционной инстанции», ст. 391.10 «Порядок и срок рассмотрения надзорных жалобы, представления с делом в судебном заседании Президиума Верховного Суда Российской Федерации», ст. 396 «Рассмотрение заявления, представления о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам».

В последующие годы ГПК РФ также был скорректирован изменениями, касающимися ВКС, в частности, были изменены редакции: ст. 229 «Содержание протокола»[3], ст. 230 «Составление протокола», ст. 379.5 «Порядок рассмотрения дела кассационным судом общей юрисдикции», ст. 390.12 «Порядок рассмотрения кассационных жалобы, представления судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации»[4].

Так, среди вышеперечисленных нами норм особый интерес вызывает абз. 3 ст. 55 ГПК РФ, где указано, что объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей могут быть получены путем использования систем ВКС в порядке, установленном ст. 155.1 ГПК РФ. Это положение корреспондирует с ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации, согласно которой не допускается использование доказательств, полученных с нарушением Федерального закона.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что с точки зрения гражданского процессуального законодательства исследование доказательств, полученных в процессе применения систем ВКС признается законодателем допустимым. Относительно веб-конференции позиция не столь однозначна.

Так, после проведения судебных заседаний посредством веб-конференции Верховным Судом Российской Федерации среди процессуалистов-практиков разгорелась дискуссия о легитимности данного процесса. Противники использования систем веб-конференции мотивируют свою позицию следующим образом: «ни один процессуальный кодекс не предусматривает возможности участия в судебном заседании путем использования видеоконференцсвязи из любых мест, в том числе из дома или из офиса» (адвокат АБ «Инфралекс» М. Гусев); «такое применение результатов технического прогресса совершенно не оправданно и, возможно, поспособствует учащению случаев процессуального злоупотребления» (руководитель практики арбитражных споров Enforce Law Company Н. Зверева); «с фор-

[1] Верховный Суд опробует способ онлайн-участия в процессе через веб-камеры.

[2] Там же.

[3] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 29 июля 2017 г. № 223-ФЗ // Российская газета. 2017. 4 авг.

[4] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 29 июля 2018 г. № 265-ФЗ // Российская газета. 2018. 1 авг.

мальной точки зрения этот механизм не соответствует положениям действующих процессуальных кодексов, которые предусматривают только видеоконференц-связь с заранее установленной процедурой проверки судьей или иным уполномоченным сотрудником полномочий явившейся стороны по делу. Единственным способом изменения заданного порядка будет внесение изменений в положения кодексов, иного пути просто нет» (руководитель практики банкротства АБ «Инфралекс» С. Петров)[1].

Кроме того, по мнению адвоката АБ «Инфралекс» М. Гусева, для обеспечения законности процедуры проведения судебного заседания необходимо внести в процессуальные нормы изменения, за счет которых в ситуации непреодолимой силы, распространения вирусных инфекций (как в случае с коронавирусом) у судов появится возможность обеспечить участие лиц, участвующих в деле, в судебном заседании при возможности у суда заблаговременно проверить полномочия таких лиц: «Представляется, что постановление Пленума ВС РФ не сможет заменить собой процессуальные нормы и в случае принятия будет являться выходом за пределы компетенции Верховного Суда»[2].

Мы позволим себе не согласиться с данным мнением в той части, что сама по себе система веб-конференции, на наш взгляд, является достаточно значимым прорывом в организации судебных заседаний, обеспечивающим доступ к правосудию не только в период пандемии, но и в повседневной жизни для отдельных категорий граждан.

Однако ряд процессуалистов-практиков оправдывают действия Верховного Суда Российской Федерации, объясняя это исключительными условиями, в которых сегодня находится судебная система. «Широкая дискреция ВС, конечно, позволяет ему принимать особые решения, но суды общей юрисдикции и арбитражные суды не могут позволить себе действовать на свое усмотрение и проводить заседания, как они хотели бы. Сложившаяся ситуация, к сожалению, крайне печальна, так как фактически судебная работа полностью обездвижена и нет каких-либо механизмов, которые сегодня позволили бы ее перезапустить иным образом, например посредством веб-конференций», – считает руководитель практики банкротства АБ «Инфралекс» С. Петров. «Таким образом, механизм веб-ВКС не соответствует законодательству, но, скорее всего, его использование не будет приводить к нарушению прав участников процесса и не будет влиять на вынесение законного и обоснованного судебного акта по делу», – к такому заключению приходит партнер «Пепеляев Групп» Ю. Воробьёв[3].

В настоящее время нормативное закрепление использования веб-конференции имеется только в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 29 апреля 2020 № 822[4]. В иных законодательных актах, регулирующих не только гражданско-процессуальную, но и иную сферу судопроизводства, веб-конференции и возможность их использования, не упоминаются.

Конечно, можно предположить, что Верховный Суд Российской Федерации подразумевает веб-конференцию как вид ВКС, однако данное положение легко опровергнуть с учетом формулировки п. 5 постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 29 апреля 2020 г. № 822, где идет речь о рекомендации судам при наличии технической возможности с учетом мнений участников судопроизводства проводить судебные заседания с использованием системы видеоконференц-связи и (или) системы веб-конференции, принимая во внимание опыт Верховного Суда Российской Федерации. То есть можно заключить, что Верховный Суд Российской Федерации разграничивает данные системы, иначе бы слово «веб-конференция» указывалось в скобках.

Подтверждает наши предположения и мнение руководителя судебно-арбитражной практики АБ «Плешаков, Ушкалов и партнеры» А. Подковко, которая подчеркнула, что имеющаяся в действующем процессуальном законодательстве возможность проведения судебного заседания в режиме ВКС и тестируемая Верховным Судом Российской Федерации возможность проведения заседания в режиме веб-конференции – это не одно и то же[5].

С организационно-правовой точки зрения веб-конференции находятся во взаимодействии с установленными в судах системами ВКС. Так, для участия в судебном заседании посредством веб-конференции участники судопроизводства подают в суд заявление в электронном виде с приложением электронных образов документов, удостоверяющих личность и подтверждающих полномочия. В назначенную дату судебного заседания участники судебного процесса **подключаются к систе-**

[1] Верховный Суд приступил к рассмотрению дел в режиме веб-конференций. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/verkhovnyy-sud-pristupil-k-rassmotreniyu-del-v-rezhime-veb-konferentsiy/ (дата обращения: 15.06.2020).

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] О внесении изменений в постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Совета судей Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. № 821 : постановление Президиума Верхов. Суда Рос. Федерации и Президиума Совета судей Рос. Федерации от 29 апр. 2020 г. № 822. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[5] Верховный Суд приступил к рассмотрению дел в режиме веб-конференций.

ме ВКС с помощью личных средств вычислительной техники и связи, в целях подтверждения своей личности авторизуются на портале государственных и муниципальных услуг, их личность и полномочия проверяются судом, после чего они могут быть допущены к участию в судебном заседании[1].

Таким образом, при выборе системы ВКС или веб-конференции разграничение проводится по тому, с помощью каких технических средств, опрашиваемые лица будут участвовать в судебном заседании: либо при участии иного суда, организующего судебное заседание посредством ВКС, либо личных средств вычислительной техники и связи (веб-конференции).

Именно с опорой на приведенные аргументы, несомненно, ГПК РФ, с учетом настоящих технических инноваций в области организации судебных заседаний по гражданским делам, безотлагательно нуждается во внесении значительного количества изменений.

Так, на наш взгляд, было бы целесообразно, при условии тесной взаимосвязи данных технических систем внести изменения в каждую из четырех частей ст. 155.1 ГПК РФ, добавив слова *«и (или) системы веб-конференции»* после каждого словосочетания «использования систем видеоконференц-связи».

В первоочередном порядке изменению также должна быть подвергнута ст. 55 ГПК РФ, где в абз. 3 ч. 1 после словосочетания «использования систем видеоконференц-связи» следует добавить *«и (или) системы веб-конференции»*, что однозначно послужит отражением критерия допустимости доказательств, установленного в ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации, а также ч. 2 ст. 55 ГПК РФ.

Исходя из предложенного, аналогичные изменения должны быть внесены в ст. 152, 169, 177, 187, 188, 229, 230, 327, 379.5, 390.12, 391.10, 396 ГПК РФ.

Несмотря на предложенные изменения, на наш взгляд, используемые в гражданском судопроизводстве системы ВКС и веб-конференций не исчерпывают своего многофункционального значения и могут применяться и при совершении иных процессуальных действий, максимально эффективно реализуя принцип доступности правосудия.

Так, в рамках применения института обеспечения доказательств, который на основании ст. 64 ГПК РФ позволяет исследовать судьей доказательства до проведения судебного заседания, если у сторон есть основания опасаться, что их представление в дальнейшем будет невозможным, системы ВКС и веб-конференции также могут быть востребованы в качестве средства реализации принципа доступности правосудия. При этом одними из наиболее важных процессуальных действий в сфере применения данного института, несомненно, выступают опросы свидетелей, уезжающих в длительные командировки, переезжающих на постоянное место жительства в другие города и страны, а также свидетелей, чье здоровье вызывает опасения. Если первых из них еще можно вызвать к судье и опросить непосредственно, то для последних, несомненно, следует организовывать выезд судьи к месту лечения или нахождения лица. Представляется, данную процедуру также можно существенно упростить, внедрив в ГПК РФ возможность использования систем ВКС и веб-конференций для вышеуказанного института [Миронова 2019b, с. 135].

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости дополнения ст. 64 ГПК РФ абз. 2 следующего содержания: *«При наличии у суда технической возможности, а также ходатайства лица, участвующего в деле, обеспечение доказательства в форме опроса участвующих в деле лиц может осуществляться посредством систем видеоконференц-связи и (или) веб-конференции по правилам ст. 155.1 настоящего Кодекса».*

Особой корреляции с принципом доступности правосудия, а также состязательности и равноправия сторон в гражданском процессе подлежит возможность использования рассматриваемых систем для наиболее эффективного участия в судебном заседании отдельных групп граждан, например, несовершеннолетних как особой категории лиц, имеющих подвижную неокрепшую психику и нуждающихся в отдельных законодательных гарантиях. Примечательно, что в ГПК РФ уделяется особое место допросу несовершеннолетнего свидетеля, что подтверждается отдельным положением ст. 179 ГПК РФ. Однако при этом законодатель не затрагивает проблему опроса несовершеннолетнего истца и ответчика, что, на наш взгляд, является существенным упущением. Несомненно, с точки зрения психологии у опроса несовершеннолетних свидетелей и истцов достаточно много общего. Неокрепшая, незрелая психика опрашиваемых, страхи перед авторитетом взрослых могут стать довольно серьезными причинами необъективности их показаний. Именно поэтому ст. 179 ГПК РФ содержит перечень мер, способствующих более комфортной процедуре допроса свидетелей, не достигших 18 лет. К этим мерам относится участие в процессе опроса педагогического работника, родителей, усыновителей, опекунов и попечителей, удаление кого-либо из лиц, участвующих в деле, которые могли бы своим присутствием оказать воздействие на объективность показаний свидетелей, удаление самого лица, не достигшего возраста 16 лет, из зала суда после дачи им показаний по делу.

[1] Веб-конференция в Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/files/28862/ (дата обращения: 07.06.2020).

Представляет особый интерес то, что как в гражданско-правовом, так и гражданском процессуальном законодательстве в рамках определения гражданско-правовой и процессуальной дееспособности выделяют несколько групп несовершеннолетних, в зависимости от возрастного порога, чей круг прав при переходе на новый возрастной этап существенно расширяется:

– до 6 лет – недееспособные, чьи интересы в суде представляют их родители;

– 6–14 лет – частичная дееспособность, не исключающая правило о представительстве интересов ребенка. Однако законодатель налагает на данную группу несовершеннолетних определенную ответственность, выраженную в высказывании собственного мнения о месте его проживания с одним из родителей, изменении фамилии при усыновлении, дачи согласия на усыновление;

– 14–18 лет – период, когда законодатель по возможности максимально расширяет пределы полномочий несовершеннолетних и позволяет даже в исключительных случаях самостоятельно подавать заявления (например, по трудовым спорам, если несовершеннолетний трудоустроен, и пр.).

– 16–18 лет – исключительные случаи заключения брака несовершеннолетними, эмансипации.

По поводу последних двух групп возникает сомнение: существуют ли психологические исследования, определяющие, насколько в процессе заключения брака и эмансипации у несовершеннолетнего меняется объективная оценка действительности? Так, в случае дачи показаний несовершеннолетними на их объективность могут повлиять несколько факторов: это и сама обстановка в суде, накладывающая ответственность на ребенка давать правдивые показания, взрослые люди, чье влияние в силу их возраста и опыта также может негативно сказаться на полноте его показаний. Представляется, что при рассмотрении вопроса о процедуре допроса несовершеннолетних свидетелей и дачи объяснений лицами, участвующими в деле, нужно разрабатывать его порядок вне зависимости от правового статуса несовершеннолетнего. Как мы уже отметили, ГПК РФ содержит отдельную норму, регулирующую процедуру допроса несовершеннолетних свидетелей. С несовершеннолетними лицами, участвующими в деле, дело обстоит иначе. Здесь законодатель ограничивается оговоркой, что их интересы представляет законный представитель. Однако сам порядок дачи объяснений по делу несовершеннолетним участвующим в деле лицом законодателем не урегулирован, что, несомненно, нуждается в дальнейшей доработке.

Например, одним из путей решения данной проблемы мы считаем введение процедуры использования ВКС и (или) веб-конференции при производстве допроса несовершеннолетних и в ходе дачи ими объяснений. В данном случае достигается сразу несколько целей: во-первых, несовершеннолетний, находящийся в наиболее благоприятной для себя обстановке, может дать более исчерпывающие и полные показания и объяснения по делу; во-вторых, не видя лиц, имеющих возможность оказать на него давление, он также может дать более объективные ответы на поставленные судом вопросы.

Таким образом, предлагаем внести изменения в ст. 174 ГПК РФ, дополнив ее ч. 3 и изложив ее в следующей редакции: *«3. В случае, если лицом, участвующим в деле, является несовершеннолетний, при наличии технической возможности у суда и ходатайства несовершеннолетнего либо его законного представителя, допускается дача им объяснений с использованием систем видеоконференц-связи и (или) веб-конференции по правилам ст. 155.1 настоящего Кодекса».*

Кроме того, на наш взгляд, ст. 179 ГПК РФ необходимо дополнить ч. 4, изложив ее в следующей редакции: *«4. При наличии технической возможности у суда и ходатайства лиц, участвующих в деле допрос несовершеннолетнего свидетеля может быть осуществлен с использованием систем видеоконференц-связи и (или) веб-конференции по правилам ст. 155.1 настоящего Кодекса».*

Кроме несовершеннолетних, особого внимания заслуживает и такая категория, как лица, признаваемые судом недееспособными. Согласно положению абз. 2 ч. 1 ст. 284 ГПК РФ, если личное участие гражданина, признаваемого недееспособным, «в проводимом в помещении суда судебном заседании… создает опасность для его жизни или здоровья либо для жизни или здоровья окружающих, данное дело рассматривается по месту нахождения гражданина, в том числе в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях… с участием самого гражданина».

Традиционно по делам о признании гражданина недееспособным законодатель уделяет особо пристальное внимание его присутствию в зале суда, именно поэтому повестка о вызове в суд по данному делу вручается лицу лично в руки. Таким образом, если лицо, признаваемое недееспособным по причине наличия у него психического расстройства, может быть опасно для себя или окружающих, судья проводит выездное судебное заседание в местонахождении потенциально недееспособного лица. На наш взгляд, существенно облегчило бы рассмотрение указанного дела возможность применения систем ВКС и (или) веб-конференции. Сложность рассматриваемого вопроса заключается в том, что если сегодня практически все суды оборудованы системой ВКС, то медицинские органи-

зации, оказывающие психиатрическую помощь в стационарных условиях, – нет. Однако техническое оснащение медицинских организаций видеоточками существенно облегчило бы процедуру рассмотрения дел о признании граждан недееспособными без организации выездного судебного заседания. Здесь возможно действие по аналогии с учреждениями, исполняющими уголовные наказания в виде лишения свободы, которые по соглашению с Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации оборудованы ВКС. С учетом того, что медицинских организаций, оказывающих психиатрическую помощь в стационарных условиях, значительно меньше, нежели мест лишения свободы, то, на наш взгляд, установление в них оборудования систем ВКС не должно вызывать больших затруднений, что, несомненно, будет способствовать реализации прав лиц, которые ввиду психического состояния не могут давать отчет своим действиям и руководить ими, а значит, потенциально могут нанести вред как себе, так и окружающим.

Таким образом, представляется необходимым внести изменения в абз. 2 ч. 1 ст. 284 ГПК РФ, изложив его в следующей редакции: *«При наличии технической возможности суда и медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, рассмотрение дела о признании гражданина недееспособным, в случае, если личное участие такого гражданина создает опасность для его жизни и здоровья либо для жизни или здоровья окружающих, возможно с применением систем видеоконференц-связи и (или) веб-конференции по правилам ст. 155.1 настоящего Кодекса».*

В рамках проводимого нами исследования целесообразно рассмотреть еще одну группу лиц, которые уже давно находятся под пристальным вниманием общественности и, несомненно, нуждаются в особой защите и правовых гарантиях. Это лица с ограниченными возможностями здоровья. Их доступ к правосудию может быть осложнен следующими обстоятельствами:

1) сложность или невозможность самостоятельного составления ходатайства, заявления, иного процессуального документа, а также его подписания (вследствие отсутствия рук, утраты зрения);

2) невозможность ознакомления с нормами гражданского процессуального законодательства по причине отсутствия зрения или слуха, позволяющего услышать текст;

3) сложность самостоятельного физического участия в судебном разбирательстве в результате ограниченности движений.

В российском гражданском судопроизводстве средством, реализующим принцип доступности правосудия в гражданском процессе для таких лиц, выступает система видеоконференц-связи, кроме того, с учетом пилотного внедрения в апреле 2020 г., и система веб-конференции. Именно система веб-конференции сегодня наилучшим образом решает вопрос с участием в судебном заседании лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Так, в обязанности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, иных организаций входит обеспечение инвалидов беспрепятственным доступом к объектам социальной инфраструктуры[1], одним из которых выступает суд. Отсюда следует, что каждое здание суда должно быть оборудовано специальными пандусами, лифтами, рельсами для инвалидных колясок. Однако, как мы понимаем, внедрение указанного технического оснащения требует значительных финансовых затрат и даже при этом не всегда может быть обеспечено ввиду того, что нередко в нашей стране суды располагаются в старых, не приспособленных к указанной модернизации зданий. Именно поэтому для лиц с нарушением опорно-двигательного аппарата участие в судебном заседании в месте проживания было бы максимально комфортным. То же касается и лиц с нарушениями психики, не сопряженной с признанием таковых недееспособными. Значительный психологический стресс от присутствия в суде также возможно избежать применительно к этим лицам с использованием веб-конференции для их участия при рассмотрении гражданских дел.

В связи с вышеизложенным представляется целесообразным дополнить ст. 155.1 ГПК РФ ч. 5 следующего содержания: *«5. В случае, если для обеспечения участия в деле лиц с ограниченными возможностями здоровья, инвалидов, лиц, находящихся в медицинских организациях, оказывающих психиатрическую помощь в стационарных условиях, а также лиц, находящихся на лечении в медицинских организациях стационарного типа и не имеющих возможности по состоянию здоровья явиться в суд для дачи показаний, необходимо проведение судебного заседания посредством систем видеоконференц-связи и (или) веб-конференции по правилам, предусмотренным настоящей статьей».*

Подводя итог, отметим, что принципы права как отдельная правовая категория, особенно в процессуальных отраслях, не являются статичной единицей, а имеют динамический характер. При этом любые явления правовой действительности, пре-

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов : федер. закон от 1 дек. 2014 г. № 419-ФЗ // Российская газета. 2014. 5 дек.

жде чем быть закрепленными в законе, должны быть предметом теоретико-правового исследования. Именно поэтому апробирование на предмет возможности его включения в процесс регулирования правоотношений в теории гражданского процесса происходит с помощью такой категории, как принципы. Так, принцип доступности правосудия, сформированный в теории права и подразумевающий право каждого гражданина на рассмотрение его дела в суде, с учетом современной действительности и такого глобального и масштабного события, как пандемия, был скорректирован, что позволило расширить средства его реализации, когда Верховный Суд Российской Федерации внедрил возможность использования при проведении судебных заседаний систему веб-конференции, усовершенствовав таким образом применение систем ВКС. У систем ВКС и веб-конференции, несомненно, большое будущее. Однако использование веб-конференции должно найти свое правовое закрепление не только в ГПК РФ, но и системе законодательства иных процессуальных отраслей права, дабы не нарушать один из основных принципов оценки доказательств, установленный в Конституции Российской Федерации, – принцип допустимости.

Список цитируемых источников

Миронов, Миронова 2019 – *Миронов А. Н., Миронова Ю. В.* Использование систем видеоконференц-связи в судебной деятельности // Российский судья. 2019. № 7. С. 22–26.

Миронова 2019a – *Миронова Ю. В.* Международно-правовая регламентация участия иностранных лиц и лиц, постоянно проживающих за пределами Российской Федерации, в гражданском процессе России с использованием систем видеоконференц-связи // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 1(50). С. 103–107.

Миронова 2019b – *Миронова Ю. В.* Некоторые проблемы использования систем видеоконференц-связи на различных стадиях гражданского процесса // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС. Воронеж : Науч. кн., 2019. Ч. 2. С. 134–137.

Хайдаров 2014 – *Хайдаров А. А.* Об участии подсудимого, содержащегося под стражей, в процессуальных действиях в судебном заседании с использованием систем видеоконференц-связи // Российский следователь. 2014. №19. С. 21–24.

Kengyel, Nemessányi 2012 – *Kengyel M., Nemessányi Z.* Electronic technology and civil procedure. New paths to justice from around the world. New York; London : Springer, 2012. 356 p.

References

Kengye, M. and Nemessányi, Z. (eds.) (2012), *Electronic technology and civil procedure. New paths to justice from around the world,* Springer, New York, London, UK.

Khaidarov, A. A. (2014), ”On the participation of the defendant in detention in the proceedings at the hearing using video conferencing systems’, *Rossiiskii sledovatel’,* no. 19, pp. 21–24.

Mironov, A. N. and Mironova, Yu. V. (2019), “Use of videoconferencing systems in judicial activity”, *Rossiiskii sud’ya,* no. 7, pp. 22–26.

Mironova, Yu. V. (2019a), “International legal regulation of participation of foreign persons and persons permanently residing outside the Russian Federation in the civil process of Russia using videoconferencing systems”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(50), pp. 103–107.

Mironova, Yu. V. (2019b), “Some problems of the use of Video conferencing at various stages of the civil process”, *Aktual’ny’e problemy’ deyatel'nosti podrazdelenii UIS, v 2 t., t. 2* [Actual problems of activity of divisions of UIS, in 2 vol., vol. 2], Nauchnaya kniga, Voronezh, pp. 134–137.

Информация об авторе

Миронова Юлия Владимировна,

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; Juliamironova07@mail.ru

Information about the author

Mironova Yuliya V.,

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; Juliamironova07@mail.ru

Для цитирования

Миронова Ю. В. Реализация принципа доступности правосудия в гражданском процессе России посредством использования систем видеоконференц-связи и веб-конференции // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 85–93.

For citation

Mironova Yu. V., (2020), “Implementation of the principle of accessibility of justice in Russian civil proceedings through the use of video conferencing and web conferencing systems”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 85–93.

УДК 343.98

Е. Л. Никитин[1]
Г. В. Дытченко[1]
[1] *Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация*

E. L. Nikitin[1]
G. V. Dy'tchenko[1]
[1]*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation; St. Petersburg, Russian Federation*

Проблемы определения провокации в оперативно-розыскной деятельности

The problem of determining provocations in the operational-search activities

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; провокация преступления; подстрекательство к совершению преступления; правомерное провоцирующее воздействие; имитация преступной деятельности.

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с определением критериев допустимости использования в оперативно-розыскной деятельности правомерного и неправомерного провоцирующего воздействия в отношении лиц, разрабатываемых на причастность к совершению преступления. Подчеркивается принципиальное различие понятий провокации и подстрекательства к совершению преступления. Авторами также обосновывается необходимость совершенствования соответствующей терминологии в доктринальной и законодательной областях.

Key words: operational search activity; provocation of a crime; incitement to commit a crime; lawful provoking influence; imitation of criminal activity.

Abstract. The article deals with topical issues related to the definition of criteria for the admissibility of the use of lawful and unlawful provoking influence in operational search activities in relation to persons who are being developed for involvement in the Commission of a crime. The author emphasizes the fundamental difference between the concepts of provocation and incitement to commit a crime. The authors also substantiate the need to improve the appropriate terminology in the doctrinal and legislative fields.

Решение задач оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД), связанных с выявлением, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений, сопряжено с необходимостью разоблачения различных способов сокрытия следов преступления, в связи с чем такая деятельность основывается на принципах конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств. Вместе с тем определенная вынужденность применения соответствующих способов маскировки реальных целей оперативных разработок от лиц, проверяемых на причастность к преступной деятельности, не может служить оправданием для нарушения конституционных принципов законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Согласно теории прав человека важнейшим критерием их законного ограничения является его соразмерность и недопустимость чрезмерных ограничений [Лукашева 1996, с. 157–165]. Размер и объем таких ограничений, порядок принятия решений об ограничениях конституционных прав и свобод, безусловно, должны регулироваться на законодательном уровне.

В связи с этим возникает необходимость выработки максимально конкретизированного определения и законодательного закрепления пределов применения соответствующих средств и методов ОРД на основе установления однозначных критериев законности их использования и формирования единого понятийного аппарата.

Важно отметить, что неоднозначное толкование тех или иных понятий и терминов, применяемых для определения специфических средств и методов ОРД, приводит к ошибкам при оценке правомерности их использования и негативно сказывается на правоприменительной практике. Так, одним из терминов, который подвергся излишне тенденциозному, а нередко и произвольному толкованию в сфере уголовной юстиции, является термин «провокация», поскольку практически повсеместно он отождествляется с термином-словосочетанием «провокация преступления».

Общеизвестно, что термин «провокация» может использоваться не только в юридической сфере, но и в иных областях – исторической, политической, военной, публицистической и даже медицинской. Термин провокация происходит от лат. provocatio, т. е. вызов. В обыденном смысле под словом «провокация» чаще всего понимается «предательское поведение, подстрекательство кого-либо к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжкие для него последствия»[1]. Использование термина «провокация» в историческом, политическом и публицистическом контексте достаточно часто связывает его с правоохрани-

© Никитин Е. Л., Дытченко Г. В., 2020

[1] *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1997. С. 607.

тельной деятельностью и предполагает такое его толкование, как, например, «предательские действия, совершаемые агентами полиции и реакционных партий, направленные на дискредитацию и в конечном счете на разгром прогрессивных, революционных организаций»[1], привнося в это определение излишне политизированный смысл.

Представляется, что для юридического толкования столь вольные трактовки термина «провокация» не пригодны, поскольку они не содержат в себе соответствующих правовых категорий, позволяющих оценить правомерность или противоправность соответствующих провокационных действий. Примечательно, что на разных исторических этапах имели место как законодательный запрет, так и нормативное дозволение использования провокации в качестве метода ОРД.

В Российской империи провокацию отождествляли с подстрекательством к совершению преступления, разделяя понятия сотрудничества граждан с полицией в рамках закона и собственно провокации, понимаемой как исключительно противоправное и крайне вредное деяние, из чего следует, что провокация преступления была запрещена, хотя имеется множество свидетельств широкого использования этого метода разными чинами полиции. Официальное ведомственное понимание провокации формулировалось и разъяснялось в ряде совершенно секретных циркуляров Департамента полиции, а также в секретной Инструкции по организации и ведению внутреннего агентурного наблюдения в жандармских и розыскных учреждениях, утвержденной по инициативе Департамента полиции П. А. Столыпиным в феврале 1907 г. [Вихарев 2008, с. 20–23].

В период военного коммунизма Инструкцией ВЧК 1918 г. по борьбе со спекуляцией допускалось использование провокации, которая признавалась одним из методов успешной работы разведывательной части, понимаемым как «борьба посредством фикции» [Горяинов, Овчинский, Шумилов 2002, с. 24–25]. Однако уже с 1922 г. была установлена уголовная ответственность за провокацию дачи взятки (ст. 115 УК РСФСР), а с 1926 г. – за провокацию получения взятки (ст. 119 УК РСФСР), определяемую как заведомое создание обстановки и условий, вызывающих предложение или получение взятки в целях последующего изобличения давшего или принявшего взятку.

Уголовное законодательство современной России также запрещает использовать провокацию по отдельным видам преступлений. Так, запрещены:

– провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, понимаемая как определенные действия, производимые в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа (ст. 304 УК РФ);

– нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, совершенное в целях провокации войны или осложнения международных отношений (ч. 2 ст. 360 УК РФ).

Кроме того, в соответствии с п. 4 ч. 8 ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[2] органам (должностным лицам), осуществляющим ОРД, запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация).

Таким образом, термин «провокация» трактуется современным российским законодательством исключительно как противоправное деяние, отождествляемое с подстрекательством к совершению преступления. Разделяя мнение об опасности использования провокационных приемов при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее: ОРМ), с помощью которых лицо, находящееся в оперативной разработке, «склоняется, подстрекается» к совершению преступления [Чупилкин 2018, с. 210–217], мы не можем согласиться с авторами, которые полностью отождествляют подстрекательские действия и провокацию, считая, что они фактически представляют собой идентичные правовые категории [Зенцова 2020, с. 10–15].

Следует признать, что, несмотря на устоявшееся прочное законодательное закрепление противоправного понимания провокации как подстрекательства к совершению преступления, уголовно-правовой закон нормативно разделяет эти понятия, допуская в соответствии со ст. 304 и 360 УК РФ использование термина «провокация» только по отношению к трем конкретным видам преступлений, перечисленным в Особенной части УК РФ (ст. 204, 290, ч. 2 ст. 360 УК РФ), в то время как термин «подстрекательство» в соответствии с ч. 1, 4 ст. 33 УК РФ используется как одна из форм возможного соучастия по отношению к любому преступлению.

Важнейшее значение для теории и практики проблема провокации приобрела после ряда прецедентных решений Европейского суда по правам человека (далее: ЕСПЧ), принятых по жалобам граждан Российской Федерации, на которые стала ориентироваться внутринациональная практика судов Российской Федерации[3]. При этом неко-

[1] Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М. : Совет. энцикл., 1984. С. 1059.

[2] Российская газета. 1995. 18 авг.

[3] Дело «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации» (жалоба № 53203/99) Европ. суда по правам человека : постановление от 15 дек. 2005 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2006. № 7 ; Дело «Худобин (Khudobin) против Российской Феде-

торые авторы полагают, что критерии отграничения правомерного проведения ОРМ от провокации уже в достаточной мере выработаны судебной практикой Верховного Суда Российской Федерации, Конституционного Суда Российской Федерации, а также ЕСПЧ. В частности, данные авторы считают, что провокация исключается, если ОРМ преследуют решение задач ОРД, проводятся при наличии законных оснований, а умысел объекта ОРМ формируется независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений или лиц, оказывающих им содействие [Авхадеев 2016, с. 13–23]. Однако в этих формулировках приводимые критерии являются слишком общими, неконкретными, позволяющими неоднозначное толкование нормативно-правовых положений и различные оценки законности действий оперативных сотрудников в отдельных практических ситуациях, что требует дальнейшей разработки данной проблематики на теоретическом уровне и практических предложений об изменении норм национального законодательства.

Подвергая соответствующему критическому анализу сложившееся нормативно-правовое регулирование по исследуемому вопросу, следует признать, что в современной юридической практике термин «провокация» понимается крайне односторонне, как исключительно противоправное деяние, направленное на побуждение кого-либо к совершению преступления, и ошибочно отождествляется с подстрекательством. Однако, исходя из сущности ОРМ, реализуемых посредством введения в заблуждение разрабатываемых лиц относительно определенных обстоятельств, целью так называемых провоцирующих действий оперативно-розыскных органов (далее: ОРО) являются отнюдь не склонение разрабатываемого лица к совершению преступления (подстрекательство), а только выяснение его субъективного отношения к возможности совершения конкретного преступления и проверка готовности такое преступление совершить. При этом на органы, осуществляющие ОРД, возлагается обязанность создания необходимых условий для свободного волеизъявления разрабатываемого лица, заключающихся в обеспечении ему возможности выбора между правомерным и противоправным поведением. Следовательно, можно прийти к заключению о том, что, наряду с противоправной провокацией, в деятельности ОРО может иметь место и правомерная провокация.

Представляется, что понятие правомерной провокации следует определить как дезинформирование разрабатываемого лица (группы лиц) относительно реального положения дел и обстоятельств, связанных с предполагаемой противоправной деятельностью разрабатываемых, осуществляемое с целью его (их) побуждения к соответствующим действиям (поведению) или предоставлению сведений, содержание которых создает возможность выявить преступный замысел разрабатываемого лица (лиц) и иные обстоятельства, подтверждающие или опровергающие наличие признаков преступления в совершаемом им (ими) деянии.

Дезинформирование может осуществляться разными способами: как непосредственным сообщением ложной информации устно, письменно, посредством любых средств связи, так и созданием соответствующей искусственной обстановки путем симуляции противоправного поведения, восприятие которой позволило бы ввести разрабатываемое лицо в заблуждение и проявить себя. Например, п. 4 ч. 2 ст. 11 Закона Республики Казахстан от 15 сентября 1994 г. № 154-XIII «Об оперативно-розыскной деятельности»[1] предусмотрено такое ОРМ, как применение модели поведения, имитирующей преступную деятельность. Аналогичные действия могут совершаться и в рамках российского ОРМ «оперативное внедрение», а также иметь место при проведении проверочной закупки, оперативного эксперимента и контролируемой поставки (пп. 4, 12, 13, 14 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Таким образом, правомерной может быть признана только такая провокация, при которой у введенного в заблуждение разрабатываемого лица сохраняется возможность выбора между правомерным и противоправным поведением. Иными словами, *правомерной можно признать только такую провокацию, которая будет исключать в своем содержании и составе признаки подстрекательства к совершению преступления*.

По мнению Генеральной прокуратуры Российской Федерации, основанному на анализе ряда решений ЕСПЧ, к «провокации или подстрекательству» к совершению преступления относятся «любые действия, которые могут быть истолкованы как оказание давления на человека с целью совершения

рации» (жалоба № 59696/00) : постановление Европ. суда по правам человека от 26 окт. 2006 г. // Там же. 2007. № 11 ; Дело «Банникова (Bannikova) против Российской Федерации» (жалоба № 18757/06) : постановление Европ. суда по правам человека от 4 нояб. 2010 г. // Российская хроника Европейского суда. 2011. № 4 ; Дело «Веселов и другие (Veselov and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 23200/10, 24009/07 и 556/10) : постановление Европ. суда по правам человека от 2 окт. 2012 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2013. № 4 ; Дело «Лагутин и другие (Lagutin and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 6228/09, 19123/09, 19678/07, 52340/08 и 7451/09) : постановление Европ. суда по правам человека от 24 апр. 2014 г. // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2014. № 3(03) и др.

[1] URL: online.zakon.kz (дата обращения: 02.09.2020).

им правонарушения»[1]. При использовании такой терминологии очевидно, что здесь также принципиально дифференцируются понятия «провокация» и «подстрекательство». Например, при проведении ОРМ «проверочная закупка» к таким действиям могут быть отнесены: проявление излишней инициативы покупателя в контактах со сбытчиком; повторные предложения, несмотря на первоначальный отказ, настойчивые напоминания; повышение цены на наркотическое средство сверх средней; ссылки на абстинентный синдром. Однако нельзя считать провокацией ситуации, когда покупатель начал сотрудничать с полицией либо уже после состоявшейся договоренности на приобретение наркотиков, либо к началу ОРМ или сотрудники полиции располагали достоверными сведениями о достигнутой договоренности сбытчика и покупателя.

Следовательно, определение критериев законности и допустимости использования соответствующих провокационных действий в ОРМ должно заключаться в определении различий между правомерной провокацией, направленной на проявление наличия или отсутствия воли разрабатываемого лица к совершению преступления, и подстрекательством к совершению преступления. Полагаем, что основные различия между правомерной провокацией, совершаемой при проведении соответствующих ОРМ, и подстрекательством к совершению преступления могут быть определены по двум основным критериям: по критерию цели и критерию выбора средств для ее достижения.

Различия в целях правомерной провокации и подстрекательства при этом очевидны. Целями правомерной провокации являются выявление преступного замысла разрабатываемого лица; получение подтверждения его готовности совершить преступление и недопущение реального совершения преступления и наступления его вредных последствий. Цель подстрекательства состоит в склонении другого лица к совершению преступления, когда подстрекатель предвидит возможность вредных последствий преступления и желает их реального наступления. Таким образом, при правомерной провокации, осуществляемой в рамках ОРМ, отсутствуют признаки субъективной стороны подстрекательства, в связи с чем должностные лица ОРО и лица, содействующие им, не могут быть признаны соучастниками преступления, в отличие от подстрекателей.

Сложнее обстоит дело с определением критериев законности средств правомерной провокации, поскольку способы ее осуществления имеют внешнее сходство со способами подстрекательства. Так, существует мнение, что к способам воздействия подстрекателя на сознание иных соучастников следует относить уговоры, подкуп, угрозы, а также физическое насилие, обман и предложение о совершении преступления, отдачу незаконного приказа или распоряжения, а также провокацию преступления, в том числе сотрудниками правоохранительных органов при нарушении законного порядка проведения ОРМ [Лебедев 2017, с. 94]. Вместе с тем полагаем, что простое предложение о совершении преступления, которое достаточно часто используется при проведении таких ОРМ, как «проверочная закупка» или «оперативный эксперимент», не может быть однозначно отнесено к способу совершения подстрекательства, поскольку в нем отсутствуют признаки особого воздействия на волю лица, к которому такое предложение обращено, именно поэтому из законодательного определения подстрекательства следует, что подстрекатель достигает своей цели настойчиво – путем уговора, который, очевидно, предполагает более серьезное психологическое воздействие, чем простое предложение.

Кроме того, отнесение провокации преступления при осуществлении ОРД к одной из возможных форм подстрекательства представляется нам ошибочным, поскольку, как уже отмечено выше, уголовный закон разделяет понятия подстрекательства и провокации, определяя их разными правовыми нормами.

Определенные затруднения также вызывает вопрос о допустимости признания того, что у разрабатываемого сохраняется свобода воли при выборе между правомерным и противоправным поведением, если разрабатываемый принял решение совершить преступление под воздействием обмана, на котором, собственно, и основывается любая провокация. Полагаем, что в данном случае следует исходить из того, являлся ли обман основополагающим, главенствующим фактором для принятия разрабатываемым решения о совершении преступления либо обман заключался только в сокрытии информации о правовом статусе инициатора, предложившего совершить преступление. Естественно, когда, например, торговец наркотиками знает, что продать наркотик ему предлагают сотрудники полиции или их агенты, то он примет решение отказаться от сбыта наркотических средств, осознавая, что неминуемо будет привлечен к уголовной ответственности. Если же торговца наркотиками посредством оперативной разработки ввели в заблуждение только относительно статуса приобретателя, которым является сотрудник ОРО или содействующее ему лицо, и предло-

[1] О практике использования рекомендаций Европейского суда по правам человека при производстве проверочной закупки : информ. письмо Генер. прокуратуры Рос. Федерации от 18 февр. 2013 г. № 36-11-2013. Документ опубликован не был.

жили добровольно сбыть наркотическое средство, то следует ли расценивать такой обман как противоправную провокацию?

Представляется, что зависимость свободы воли от достоверности информации, на основе которой введенное в заблуждение разрабатываемое лицо принимает решение о совершении преступления, будет иметь место только в том случае, если сообщаемая ему оперативным сотрудником дезинформация направлена не на введение в заблуждение относительно статуса этого сотрудника, а на подавление воли разрабатываемого. В таком случае разрабатываемое лицо, добросовестно заблуждаясь, считает, что если оно не совершит преступление, то для него или иных лиц наступят вредные, тяжкие последствия, и совершает преступление, пытаясь избежать таких последствий, ошибочно осознавая себя находящимся в состоянии крайней необходимости. Например, лицо сбывает наркотическое средство, под воздействием обмана полагая, что приобретатель умрет, если ему не предоставить наркотическое средство или не помочь сделать инъекцию этого средства.

Исходя из приведенных доводов, следует признать, что правомерная провокация в контексте предлагаемого нами ее толкования является составной частью и основным сущностным элементом таких инициативных ОРМ, как «проверочная закупка», «оперативное внедрение», «контролируемая поставка» и «оперативный эксперимент», а также комплекса различных ОРМ, включающих одно из названных мероприятий в качестве, как правило, завершающего оперативную разработку. Следует также признать, что использование в ОРД методов и приемов, основанных на фикции, дезинформации, введении разрабатываемых лиц в заблуждение, может иметь определенные вредные последствия, как правило, морально-этического характера. Вместе с тем указанные меры принимаются государством в лице органов, уполномоченных на осуществление ОРД, вынужденно, для предотвращения более тяжких вредных последствий, которые могут наступить в результате совершения преступления, и только в исключительных случаях, когда иными способами невозможно пресечь преступление и изобличить виновных в его совершении лиц.

Кроме того, из анализа ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» следует, что законодатель, осознавая радикальность мер, связанных с применением правомерной оперативной провокации, допустил возможность ее применения только для противодействия преступлениям средней тяжести, тяжким или особо тяжким преступлениям, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

В современной правоприменительной практике наиболее часто возникает потребность оценить законность подготовки и проведения таких ОРМ, как «проверочная закупка» (широко используется для выявления преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств) и «оперативный эксперимент» (часто применяется для выявления коррупционных преступлений).

Проверочная закупка представляет собой создание органом, осуществляющим ОРД, ситуации, в которой под оперативным контролем на возмездной основе приобретаются товары или предметы (услуги) без цели потребления или сбыта у лица, обоснованно заподозренного в совершении преступления, с целью получения информации о вероятной преступной деятельности, а также решения иных задач ОРД. Как правило, данное ОРМ представляет собой мнимую сделку купли-продажи, когда покупатель скрывает от продавца истинные цели приобретения товара, а также свое отношение к правоохранительным органам. Проведение проверочной закупки включает в себя своеобразное «приглашение к совершению противозаконных действий».

В свою очередь, оперативный эксперимент – это искусственное создание обстановки, максимально приближенной к реальности, с целью вызвать определенное событие либо провести определенные опыты в полностью управляемых условиях и под контролем органа, осуществляющего ОРД, с вовлечением лица, в отношении которого имеются данные о противоправной деятельности (без уведомления его об участии в оперативном эксперименте), в целях подтверждения совершения этим лицом противоправных действий. Проведение оперативного эксперимента должно быть продиктовано стремлением поставить под контроль, непосредственное наблюдение правоохранительных органов уже начавшиеся процессы, связанные с посягательством на объект уголовно-правовой охраны, и в конечном счете прервать их развитие.

Пресечение преступления с использованием как проверочной закупки, так и оперативного эксперимента должно проводиться на основании проверенной оперативным путем информации, которая носит достоверный характер. Например, за последние 15 лет[1] серьезное влияние на формирование следственной, прокурорской и судебной практики при выявлении, расследовании и рассмотрении уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ, в рамках которых, как правило, изучаются доводы

[1] Дело «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации» (жалоба № 53203/99) и др.

о провокации, оказывает ЕСПЧ[1]. В своих решениях он неоднократно отмечал, что в Российской Федерации отсутствует «ясная и предсказуемая» процедура санкционирования проверочных закупок. Именно по этой причине национальные суды не могут эффективно проверить утверждения подсудимых о провокации преступления. В связи с этим Президиумом Верховного Суда Российской Федерации направлены письма, в которых обращено внимание на необходимость усиления ведомственного контроля и предоставления суду доказательств, опровергающих доводы о провокации[2].

Для принятия решения о проведении проверочной закупки или оперативного эксперимента правоохранительные органы должны установить наличие оснований, предусмотренных ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Отсутствие соответствующих оснований (например, сведений о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела), как правило, влечет вывод суда о наличии провокационных действий оперативных сотрудников. Для проведения таких ОРМ оперативные подразделения обязательно должны располагать достаточной информацией, свидетельствующей о намерении лица совершить преступление. Не могут быть признаны надлежащими сведения о том, что в прошлом лицо привлекалось к уголовной ответственности. Сами по себе (в отсутствии иной конкретной информации) они не подтверждают, что лицо осуществляет какую-то преступную деятельность либо имеет намерение совершить конкретное преступление. В свою очередь, согласно решениям ЕСПЧ элементами, характеризующими противоправную деятельность конкретного лица или намерение ее осуществить в сфере незаконного оборота наркотиков, будут выступать такие данные, как явная осведомленность лица о действующих ценах на наркотические средства, его способность незамедлительно достать наркотики, материальная выгода от совершения сделки и т. п.[3]

Как показывает судебная практика, распространенным недостатком является несоблюдение оперативными сотрудниками требований, предписывающих при принятии решений о проведении «острых и сложных» ОРМ обязательно использовать информацию, полученную ранее в результате проведения предшествующих (иных) ОРМ, относящуюся к проверяемому или разрабатываемому объекту. При этом оценка наличия необходимых сведений (оснований) во многом зависит от качества и объема информации, полученной в рамках иных ОРМ[4]. Вместе с тем нередко такие ОРМ проводятся на основании непроверенной и неподтвержденной оперативным путем информации, полученной от негласного аппарата или по анонимным сообщениям граждан. В силу указанных причин эти ОРМ часто заканчиваются не подтверждением первоначальных данных либо выявлением лишь административных правонарушений. Эти обстоятельства свидетельствует о ненадлежащей проверке первоначальной оперативной информации и фактическом отсутствии оснований для проведения ОРМ.

В связи с этим ЕСПЧ отметил, что «при наличии правдоподобного и даже спорного утверждения о провокации национальные суды обязаны установить в рамках состязательного процесса основания проведения операции, степень участия сотрудников правоохранительных органов в совершении преступного деяния, а также характер какого-либо подстрекательства или давления, которому был подвергнут заявитель», а сам довод о провокации не может рассматриваться «без истребования всех соответствующих материалов, касающихся предполагаемого изначального существования “оперативной информации”, обличающей заявителей, до проведения ОРМ и без допроса тайных агентов о ранних этапах их внедрения»[5].

Очевидно, что применение ОРО соответствующих средств, приемов и методов, имеющих правомерное провоцирующее воздействие в отношении лиц, разрабатываемых на причастность к совершению преступления, должно иметь соответ-

[1] О практике рассмотрения Европейским судом по правам человека жалоб о нарушении прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент» : информ. письмо Генер. прокуратуры Российской Федерации от 25 апр. 2011 г. № 69-12-2011. Документ опубликован не был ; О практике использования рекомендаций Европейского суда по правам человека при производстве проверочной закупки ; О нарушении п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод : информ. письмо Генер. прокуратуры Рос. Федерации от 6 апр. 2015 г. № 69-12-2015. Документ опубликован не был и др.

[2] Об обзоре решений Президиума Верховного Суда Российской Федерации : информ. письмо Генер. прокуратуры Рос. Федерации от 19 июня 2017 г. №12-12-2017. Документ опубликован не был.

[3] О практике использования рекомендаций Европейского суда по правам человека при производстве проверочной закупки.

[4] О практике рассмотрения Европейским судом по правам человека жалоб о нарушении прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент».

[5] Дело «Еремцов и другие (Yeremtsov and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 20696/06, 22504/06, 41167/06, 6193/07 и 18589/07) : постановление Европ. суда по правам человека от 27 нояб. 2014 г. // Российская хроника Европейского суда. 2015. № 2. П. 16.

ствующее законодательное закрепление, предполагающее однозначную трактовку понятий, выражающих сущность соответствующих способов ОРД в общепризнанной терминологии. В этой связи определенный научный и практический интерес представляет поиск подходящего для исследуемого явления термина, обозначающего правомерную оперативную провокацию. Однако следует признать, что термин «провокация», закрепленный в ряде законодательных норм в сугубо негативном значении, однозначно понимаемый как «провокация преступления» и прочно устоявшийся в данном понятии, уже не может быть использован в ином значении на уровне официального нормативно-правового регулирования, оставаясь дискуссионным на доктринальном уровне.

Список цитируемых источников

Авхадеев 2016 – *Авхадеев В. Р.* Практика международных судебных органов в сфере защиты прав человека и ее влияние на законодательство Российской Федерации // Адвокат. 2016. № 3. С. 13–23.

Вихарев 2008 – *Вихарев А. В.* К вопросу о «провокации» в деятельности органов политического сыска России в начале XX века // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2008. № 1. С. 20–23.

Горяинов, Овчинский, Шумилов 2002 – Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. М. : ИНФРА-М, 2002. 832 с.

Зенцова 2020 – *Зенцова В. М.* Провокационно-подстрекательская деятельность сотрудников правоохранительных органов по делам о взяточничестве // Адвокатская практика. 2020. № 1. С. 10–15.

Лебедев 2017 – Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Т. 3 / отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017. 297 с.

Лукашева 1996 – Общая теория прав человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. М. : Норма, 1996. 520 с.

Чупилкин 2018 – *Чупилкин Ю. Б.* Установление истины по делам, по которым проводились оперативно-розыскные мероприятия, допускающие симуляцию преступного поведения // Юридическая истина в уголовном праве и процессе. СПб. : Петрополис, 2018. С. 210–217.

References

Avkhadeev, V. R. (2016), “The practice of international judicial bodies in the field of human rights protection and its impact on the legislation of the Russian Federation”, *Advokat,* no. 3, pp. 13–23.

Chupilkin, Yu. B. (2018), “The truth’s affairs, which was carried out quickly-search actions, allowing the simulation of criminal behavior”, *Yuridicheskaya istina v ugolovnom prave i protsesse* [Legal truth in criminal law and procedure], Petropolis, St. Petersburg, Russia, pp. 210–217.

Goryainov, K. K., Ovchinsky, V. S. and Shumilov, A. Yu. (ed.) (2002), *Operativno-rozysknaya deyatel’nost’* [Operational search activity], INFRA-M, Moscow, Russia.

Lebedev, V. M. (ed.) (2017), *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii,v. 4 t., t. 3* [Commentary on the Criminal code of the Russian Federation, in 4 vol., vol. 3], Yurait, Moscow, Russia.

Lukasheva, E. A. (1996), *Obshchaya teoriya prav cheloveka* [General theory of human rights], Norma, Moscow, Russia.

Vikharev, A. V. (2008), “On the issue of “provocation” in the activities of the Russian political investigation agencies in the early twentieth century”, *Vestnik Chuvashskogo universiteta, Gumanitarnye nauki,* no. 1, pp. 20–23.

Zentsova, V. M. (2020), “Provocation and incitement of law enforcement officers in cases of bribery”, *Advokatskaya praktika,* no. 1, pp. 10–15.

Информация об авторах

Никитин Евгений Львович,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация; gakan73@mail.ru

Дытченко Геннадий Владимирович,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация; dytchencko.genn@yandex.ru

Information about the authors

Nikitin Evgeny L.,
PhD (law), associate professor, St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation; gakan73@mail.ru

Dy’tchenko Gennady V.,
St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation; dytchencko.genn@yandex.ru

Для цитирования

Никитин Е. Л., Дытченко Г. В. Проблемы определения провокации в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 94–100.

For citation

Nikitin, E. L., Dy’tchenko, G. V. (2020), “The problem of determining provocations in the operational-search activities”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, no. 4(57), pp. 94–100.

УДК 34.03:33

С. С. Новиков[1]
Р. И. Кудряков[2]
[1] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
[2] *Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*

S. S. Novikov[1]
R. I. Kudryakov[2]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*
[2] *Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation*

Специфика формирования нормативно-правового регулирования инновационной деятельности в Центральном федеральном округе Российской Федерации

The specifics of the formation of legal regulation of innovative activity in the Central federal district of the Russian Federation

Ключевые слова: инновационная деятельность; нормативно-правовое обеспечение; регулирование инновационной сферы; инновации.

Аннотация. В статье раскрываются особенности нормативно-правового регулирования инновационной деятельности в субъектах Российской Федерации. На основе детального анализа состояния нормативно-правового обеспечения инновационной сферы в Центральном федеральном округе выявляется характер направленности нормативных правовых актов по секторам экономики; определяются ключевые проблемы и предлагаются рекомендации по устранению негативных факторов при осуществлении регулирования данного направления.

Key words: innovation activity; regulatory support; regulation of the innovation sphere; innovation.

Abstract. This study reveals the peculiarities of legal regulation in innovative activities in the constituent entities of the Russian Federation. The peculiarities of the article is to conduct a detailed analysis of the state of the regulatory and legal support of the innovation sphere in the Central Federal District with the identification of the nature of the orientation of regulatory legal acts by sectors of the economy in its subjects. Also, the key problems were identified, as well as the development of recommendations to eliminate negative factors in the implementation of regulation of this area.

В современном мире использование инноваций вышло на уровень постоянного использования. Это связано с тем, что у потребителей под действием трендов и моды постоянно меняются потребности в товарах или услугах. Именно поэтому разработка новых технологий и высокотехнологичной продукции является необходимым условием поддержания потребностей у населения, тем самым формируя благоприятную среду, которая способствует позитивному развитию различных отраслей и секторов экономики в государстве как на федеральном, так и на региональном уровнях. Не случайно развитие инновационной деятельности в настоящее время является приоритетной задачей для государства. При рассмотрении вопроса об инновационной деятельности авторами был сформирован необходимый теоретико-понятийный аппарат для лучшего понимания предмета данного исследования.

Впервые определение понятия «инновация» было сформулировано австро-американским ученым-экономистом Й. Шумпетером в 1911 г. Он полагал, что инновация – это новейшая коллаборация производственных активов с высоким уровнем мотивации хозяйственного духа[Шумпетер, с. 117–128]. Однако существуют и другие интерпретации данного термина. Например, американский ученый-экономист П. Друкер считает инновацию новой разработкой и продуктом, ранее не созданным и оказывающим положительное влияние на потребителя [Drucker 1985, p. 117–123], а по мнению российского экономиста И. Милославского, инновация – это не всякое нововведение, а только то, которое оказывает эффективное воздействие на действующую систему производственного комплекса[1]. Однако, по мнению авторов статьи, все приведенные выше определения являются не доработанными по логическому и смысловому объему. В связи с этим авторы предлагают свою дефиницию понятия «инновация»: это комплексный и систематизированный процесс, используемый при разработке технологии или продукта, улучшающий их качественные и функциональные характеристики для получения максимального эффекта от его реализации.

Кроме того, важным теоретическим аспектом является инновационная деятельность (далее: ИД). В современном понимании ИД – это комплекс мероприятий научного, технологического, финансового и организационно-коммерческого характера, направленный на реализацию нового

[1] *Милославский И.* Новизна с последствиями // Известия. 2009. 8 июня. С. 4.

© Новиков С. С., Кудряков Р. И., 2020

продукта, технологии или услуги с достижением максимального коммерческого эффекта. Однако ведение ИД как процесса обеспечивается нормативно-правовым регулированием, так как без институциональной основы управление такой деятельностью является невозможным.

Рассматривая основные нормативные правовые акты Российской Федерации, регламентирующие деятельность инновационного характера, необходимо выделить из них следующие, обладающие ключевым значением:

– Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»[1], который определяет функции государственных органов и служб в управлении научно-технической сферой;

– Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 254ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О науке и государственной научно-технической политике”»[2], регламентирующий форму, порядок и меры по стимулированию инновационной деятельности в России путем субсидирования, дотации, налоговых льгот и кредитования по уменьшенной ставке и др.;

– Гражданский кодекс Российской Федерации, часть четвертая которого регламентирует использование патентов как инструмента патентного права на технический образец, полезную модель, и т. д., а в частности, ст. 1255, 1256, 1258, 1259, 1273 и др. обеспечивают регулирование вопросов авторского права в инновационном профиле;

– постановление Правительства Российской Федерации от 17 апреля 1996 г. № 360 (последняя редакция от 1 февраля 2020 г.) «О государственной поддержке развития науки и научно-технических разработок»[3], регламентирующие способы и инструменты формы государственной поддержки научно-технических разработок.

При этом существует документ, который определяет и выстраивает направление по развитию экономики на долгосрочный период – это Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года, который разработан Минэкономразвития России[4].

Вышеперечисленные нормативные правовые акты относятся к документам федерального уровня [Кабачевская 2016]. Вместе с тем существуют и нормативные правовые акты, регламентирующие данные вопросы на региональном и местном уровнях. При этом комплекс действий нормативно-правового регулирования ИД на уровне региона должен предопределяться следующий спецификой:

«– особенностями региона, развитием производства, полномочиями органов власти, источниками финансирования;

– взаимодействиями органов государственной власти Российской Федерации, представителей учреждений науки и высшего образования, представителей бизнеса и общественных организаций;

– возможностью разработки и применением программ в сфере развития инновационной деятельности» [Кабачевская 2016].

В рамках настоящей статьи авторы подробно остановятся на вопросах нормативно-правового регулирования ИД в Центральном федеральном округе Российской Федерации.

Центральный федеральный округ (далее: ЦФО) имеет основополагающее значение для государства. Он состоит из 18 субъектов Российской Федерации: Белгородская, Брянская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Костромская, Курская, Липецкая, Московская, моногород Москва, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская и Ярославская области. Анализ нормативно-правового регулирования ИД ЦФО позволяет заключить, что оно не обладает идентичным характером, а зависит от сектора экономики региона. Для понимания особенностей регулирования ИД, авторы считают необходимым обратиться к теории секторов экономики. В настоящее время экономисты выделяют пять секторов экономики, используя модель Фишера – Кларка с методологией Хатта и Брутто. На рисунке представлена модель секторизации экономики.

Модель пяти секторов экономики по модели Фишера – Кларка с методологией Хатта и Брутто

Данная модель четко определяет сферы деятельности и их систематизирует в одну единую систему. Исходя из данных рисунка, авторы предположили, что в каждом секторе эконо-

[1] Российская газета. 1996. 3 сент.

[2] Там же. 2011. 26 июля.

[3] URL: https://standartgost.ru (дата обращения: 26.10.2020).

[4] URL: http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf (дата обращения: 26.10.2020).

мики специфика нормативно-правового регулирования будет своя, основанная на направленности конкретного субъекта Российской Федерации.

В нижеприведенной таблице авторы распределили нормативные правовые акты, регулирующие ИД по регионам ЦФО, в соответствии с приведенными на рисунке секторами экономики.

Нормативные правовые акты, регулирующие ИД в регионах ЦФО

Регион ЦФО	Нормативные правовые акты	Сектор экономики				
		первичный	вторичный	третичный	четвертичный	пятеричный
1	2	3	4	5	6	7
Белгородская область	Закон Белгородской области от 24 сентября 2009 г. № 296[1]; постановление губернатора Белгородской области от 19 августа 2010 г. № 60[2]	+	+	+		
Брянская область	Закон Брянской области от 9 июня 2006 г. № 39-З[3]	+		+	+	
Владимирская область	Закон Владимирской области от 5 апреля 1999 г. № 17[4]		+	+	+	+
Воронежская область	Закон Воронежской области от 11 декабря 2003 г. № 68-ОЗ[5]; Закон Воронежской области от 5 июня 2006 г. № 43-ОЗ[6]	+		+	+	
Ивановская область	Закон Ивановской области от 13 декабря 2007 г. № 181-ОЗ[7]		+	+	+	
Калужская область	Закон Калужской области от 4 июля 2002 г. № 134-ОЗ[8]		+	+	+	+
Костромская область	Закон Костромской области от 10 марта 2009 г. № 449-4 ЗКО[9]		+	+	+	
Курская область	Закон Курской области от 29 октября 2013 г. № 97-ЗКО[10]	+		+	+	
Липецкая область	Закон Липецкой области от 27 октября 2010г. № 425-ОЗ[11]	+	+			
г. Москва	Закон г. Москвы от 7 октября 2015 г. № 55[12] Закон г. Москвы от 20 февраля 2019 г. № 5[13]		+	+	+	+

[1] Об инновационной деятельности и инновационной политики на территории Белгородской области : закон Белгор. обл. от 1 окт. 2009 г. № 296 // Белгородские известия. 2009. 9 окт.

[2] О межведомственной комиссии при Губернаторе области по развитию наноиндустрии в Белгородской области : постановление губернатора Белгор. области от 19 авг. 2010 г. № 60. URL: http://www.rockopedia.ru/index.php?ds=927568 (дата обращения: 26.10.2020).

[3] О науке, научно-технической и инновационной деятельности в Брянской области : закон Брян. обл. от 9 июня 2006 г. № 39-з// Брянский рабочий. 2006. 20 июня.

[4] О научно-технической политике и мерах государственной поддержки научной, научно-технической деятельности и инноваций во Владимирской области : закон Влад. обл. от 5 апр. 1999 г. № 17-ОЗ. URL: https://vlad-gov.ru/doc/72015 (дата обращения: 26.10.2020).

[5] Об инновационной политике на территории Воронежской области : закон Воронеж. обл. от 11 дек. 2003 г. № 68-ОЗ // Коммуна. 2003. 20 дек.

[6] О технопарках Воронежской области : закон Воронеж. обл. от 5 июня 2006 г. № 43-ОЗ // Коммуна. 2006. 8 июня.

[7] Об инновационной деятельности в сфере науки и высшего образования : закон Иван. обл. от 13 дек. 2007 г. № 181-ОЗ // Собрание законодательства Ивановской области. 2007. № 49.

[8] О государственной поддержке субъектов инновационной деятельности в Калужской области : закон Калуж. обл. от 4 июля 2002 г. № 134-ОЗ // Вестн. 2002. 9 июля.

[9] О науке и научно-технической деятельности в Костромской области : закон Костром. обл. от 10 марта 2012 г. № 449-4 ЗКО // СП-нормативные документы. 2009. 13 марта.

[10] О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Курской области : закон Кур. обл. от 29 окт. 2013 г. № 97-ЗКО // Курская правда. 2013. 2 нояб.

[11] Об инновационной деятельности в Липецкой области : закона Липец. обл. от 27 окт. 2010 г. № 425-ОЗ // Липецкая газета. 2010. 2 нояб.

[12] О промышленной политике города Москвы : закон г. Москвы от 7 нояб. 2015 г. № 55 // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2015. № 59.

[13] Об инновационном кластере города Москвы : закон г. Москвы от 20 февр. 2019 г. № 5 // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2009. № 12.

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7
Московская область	Закон Московской области от 10 февраля 2011 г. № 15/2011-ОЗ[1]		+	+	+	+
Орловская область	Закон Орловской области от 5 июня 2015 г. № 1794-ОЗ[2]	+	+	+		
Рязанская область	Закон Рязанской области от 13 ноября 2016 г. № 138-ОЗ[3]; Закон Рязанской области от 9 ноября 2012 г. № 85-ОЗ[4]	+	+	+		
Смоленская область	Закон Смоленской области от 7 июля 2003 г. № 48-з[5]; Закон Смоленской области от 6 октября 2017 г. № 86-з[6]	+	+	+		
Тамбовская область	Закон Тамбовской области от 25 апреля 2003 г. № 119-З[7]	+	+			
Тверская область	Закон Тверской области от 25 июня 1998 г. № 22-ОЗ-2[8]		+	+	+	+
Тульская область	Закон Тульской области от 2 февраля 1998 г. № 73-ЗТО[9]		+	+	+	+
Ярославская область	Постановление правительства Ярославской области от 27 марта 2014 г. № 257-п[10]		+	+	+	

Результаты анализа данных таблицы позволяют утверждать, что распределение по секторам экономики связано с ключевой сферой деятельности региона, например, в Ивановской области нормативно-правовое регулирование ИД ориентировочно на вторичный сектор экономики из-за развитой сферы легкой промышленности, а в Воронежской области – на первичный сектор экономики в связи с развитым агропромышленного комплекса и сферы животноводства. Таким образом, можно заключить, что специфика правового обеспечения ИД в Российской Федерации формируется на основе региональных особенностей развития экономики, и создание нормативно-правового поля основывается на субъектном опыте регионов, при этом единый консолидированный закон, обеспечивающий регуляторные функции на федеральном уровне, отсутствует, а следовательно, отсутствует и единый механизм контроля за исполнением деятельности субъектов Российской Федерации в рамках реализации ИД. Это является основополагающей проблемой в регулировании данной сферы, так как нет фиксированных требований и критериев оценки деятельности субъектов, в связи с этим возникает сложность в обеспечении и оказании поддержки организациям, ведущим инновационную предпринимательскую деятельность.

Вследствие этого политика популяризации наукоемких разработок высокотехнологического характера является малоэффективной, а реальный потенциал использования инноваций в Российской Федерации составляет всего 10 %[11]. Это обусловлено недостаточностью финансирования такой сферы в связи с высокими рисками и уменьшением приоритета инвестиций из государствен-

[1] Об инновационной политике органов государственной власти Московской области : закон Моск. обл. от 10 февр. 2011 г. № 15/2011-ОЗ // Ежедневные новости. Подмосковье. 2011. 19 февр.

[2] О государственной поддержке инновационной деятельности на территории Орловской области : закон Орл. обл. от 5 июня 2015 г. № 1794-ОЗ // Орловская правда. 2015. 9 июня.

[3] Об инновационном развитии и государственной инновационной политике Рязанской области : закон Ряз. обл. от 13 нояб. 2016 г. № 138-ОЗ // Рязанские ведомости. 2006. 16 нояб.

[4] О государственной поддержке инновационной деятельности в Рязанской области : закон Ряз. обл. от 9 нояб. 2012 г. № 85-ОЗ. URL: http://docs.cntd.ru/document/453122611 (дата обращения: 26.10.2020).

[5] О государственной поддержке научной и научно-технической деятельности на территории Смоленской области : закон Смол. обл. от 7 июля 2003 г. № 48-з // Смоленская газета. 2003. 17 июня.

[6] О промышленной политике в Смоленской области : закон Смол. обл. от 6 окт. 2017 г. № 86-з. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 26.10.2020).

[7] О научно-технической политике, научной и инновационной деятельности в Тамбовской области : закон Тамб. обл. от 25 апр. 2003 г. № 119-З // Тамбовская жизнь. 2003. 16 мая.

[8] О науке и научно-технической политике Тверской области : закон Твер. обл. от 25 июня 1998 г. № 22-ОЗ-2 // Тверские ведомости. 1998. 10–16 июля.

[9] Об осуществлении научной, научно-технической и инновационной деятельности на территории Тульской области : закон Тул. обл. от 2 февр. 1998 г. № 73-ЗТО // Тульские известия. 1998. 19 марта.

[10] Об утверждении государственной программы Ярославской области «Экономическое развитие и инновационная экономика в Ярославской области» на 2014–2021 годы : постановление правительства Яросл. обл. от 27 марта 2014 г. № 257-п // Документ-Регион. 2014. № 32.

[11] *Белкина А.* Как развиваются инновации в России // Ведомости&. 2019. 9 окт.

ного бюджета, а также привлечением инвестиций частного характера. Текущая ситуация сложилась в результате недоработки нормативно-правовой базы, касающейся определения специфики и конкретизации отраслей инновационного направления, методики проведения оценки ИД в субъектах Российской Федерации и механизмов поддержки и контроля за реализацией этого направления.

На настоящий момент утверждено более 450 нормативных правовых актов, где используется термины «инновационная деятельность», однако они носят только субъективно-формальный характер, что не способствует решению конкретной проблемной ситуации. Кроме того, есть еще одна проблема, связанная с данным направлением, по мнению авторов, это использование тендерной системы закупок как на государственно-муниципальном, так и коммерческом уровнях.

Тендерная система в Российской Федерации регулируется федеральными законами от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О конкретной системе в сфере закупок, работ, услуг, для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[1] (далее: ФЗ № 44) и от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»[2] (далее: ФЗ № 223). Проблема в этом аспекте состоит в том, что в указанных законах не делается акцент на качестве при выполнении поставок товаров и услуг, особенно в инновационной сфере, а высокий уровень аффилированности предполагает сложность в формировании конкурентной среды между участниками инновационной хозяйственной деятельности.

В связи с вышеизложенным авторы предлагают рекомендации, которые могут способствовать устранению негативных аспектов, возникших в данной сфере:

1. Разработать на основе опыта регионального законодательства единый закон «О проведении инновационной деятельности в Российской Федерации», который будет содержать общий свод правил и механизмов, связанных с реализацией ИД.

2. Оптимизировать механизм правовой поддержки с помощью интернет-площадки, где будут представлены информационно-справочные материалы правового характера для поиска клиентами решений при возникновении у них проблемных ситуаций, с возможностью онлайн-консультирования у специалиста.

3. Модернизировать механизм финансовой поддержки инновационной деятельности, с предоставлением системы прогрессирующей мотивации и критериев оценки мотивационного сценария с целью повышения конкурентоспособности в качественных характеристиках инновационных продуктов, выпускаемых отечественными предприятиями.

4. Оптимизировать функциональность ФЗ № 44 и ФЗ № 223 в рамках внедрения во все формы закупок критерия оценки качества и подтверждения этих характеристик при проведении выбора претендента на выполнение обязательств по поставке или выполнению работ во всех сегментах хозяйственной направленности, включая инновационный сектор. Это повысит уровень качества проведения закупок и уменьшит потенциал аффилированности между участниками и комиссией, определяющей выбор потенциального исполнителя закупки.

Список цитируемых источников

Кабачевская 2016 – *Кабачевская Е. А.* Нормативно-правовое регулирование инновационной деятельности // Концепт. 2016. Т. 41. С. 110–115.

Шумпетер 2007 – *Шумпетер Й. А.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М. : Эксмо, 2007. 862 с.

Drucker 1985 – *Drucker P. F.* Innovation and entrepreneurship. New York : Harper & Row, Publishers, 1985. 278 p.

References

Drucker, P. F. (1985), *Innovation and entrepreneurship,* Harper & Row, Publishers, New York, USA, NY.

Kabachevskaya, E. A. (2016), “Normative and legal regulation of innovation activity”, *Kontsept,* vol. 41, pp. 110–115.

Schumpeter, J. A. (2007), *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [The theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy], Eksmo, Moscow, Russia.

[1] Российская газета. 2013. 12 апр.

[2] Там же. 2011. 22 июля.

Информация об авторах

Новиков Сергей Степанович,
доктор исторических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; novikov-sergey@bk.ru

Кудряков Роман Игоревич,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; r.kudryakov-vlsu@bk.ru

Information about the authors

Novikov Sergei S.,
doctor of history, associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; novikov-sergey@bk.ru

Kudryakov Roman I.,
Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; r.kudryakov-vlsu@bk.ru

Для цитирования

Новиков С. С., Кудряков Р. И. Специфика формирования нормативно-правового регулирования инновационной деятельности в Центральном федеральном округе Российской Федерации // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 101–106.

For citation

Novikov, S. S. and Kudryakov, R. I. (2020), "The specifics of the formation of legal regulation of innovative activity in the Central federal district of the Russian Federation", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 101–106.

УДК 343.347.2

С. А. Пичугин[1]
И. А. Тараканов[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

S. A. Pichugin[1]
I. A. Tarakanov[1]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation*

Специфика уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил в условиях распространения новой коронавирусной инфекции

Specifics of criminal liability for violation of sanitary and epidemiological rules in the context of the spread of a new coronavirus infection

Ключевые слова: пандемия; коронавирусная инфекция; санитарно-эпидемиологические правила; уголовная ответственность; безопасность жизни и здоровья.

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния действующего уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических норм (ст. 236 Уголовного кодекса Российской Федерации). Рассматриваются обстоятельства принятия изменений, внесенных в указанную норму права Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. No. 100-ФЗ. В результате проведенного исследования авторами сделаны выводы об обоснованности данных изменений и их роли в профилактике дальнейшего распространения коронавирусной инфекции.

Key words: pandemic; coronavirus infection; sanitary and epidemiological rules; criminal liability; safety of life and health.

Abstract. The article analyzes the current state of the current criminal legislation that provides for liability for violations of sanitary and epidemiological norms (article 236 of the Criminal code of the Russian Federation), and the circumstances of the adoption of changes made to this rule of law by Federal law No 100-FL of April 1, 2020. As a result of the study, conclusions were drawn about the validity of these changes and their role in preventing the further spread of coronavirus infection.

В начале 2020 г. население планеты столкнулось с проблемой глобального характера – пандемией коронавирусной инфекции. Данная инфекция активно распространяется на территориях многих стран, несмотря на принимаемые профилактические меры.

По официальным данным Коммуникационного центра Правительства Российской Федерации совокупное число заболевших в мире превысило 28 млн чел., выздоровевших – 20 млн, а умерших – 924 тыс. В России количество инфицированных коронавирусной инфекцией превысило 1 млн чел., выздоровевших – 876 тыс., умерших – 18 тыс.[1]

Угроза дальнейшего распространения опасной инфекции обусловила необходимость принятия профилактических мер массового характера, затрагивающих практически все сферы жизни общества. Как отмечает Е. Е. Хохлов, негативные последствия пандемии COVID-19 отразились не только на отдельных лицах и семьях, но и на группах населения и сообществах во всем мире. Меры, принимаемые правительствами ряда стран, направленные на сдерживание коронавируса и защиту здоровья граждан, повлекли за собой серьезные изменения в повседневной жизни людей, которым пришлось приспосабливаться к новым условиям. В результате данных глубоких изменений испытали беспрецедентную нагрузку многие традиционные системы социальной, экономической поддержки и общественного здравоохранения, на которые многие люди полагаются в трудные времена, в странах начался экономический спад [Хохлов 2020, с. 73].

Обеспечение безопасности жизни и здоровья населения в условиях пандемии коронавирусной инфекции обусловило необходимость внесения изменений и в уголовное законодательство России. В связи с этим представляет интерес анализ изменений, внесенных в ст. 236 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ), предусматривающую уголовную ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»[2].

В своей первоначальной редакции ст. 236 УК РФ, включенная в гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», состояла из двух частей.

В ч. 1 ст. 236 УК РФ была предусмотрена ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по не-

[1] Официальная информация о коронавирусе в России. URL: стопкоронавирус.рф (дата обращения: 11.09.2020).

© Пичугин С. А., Тараканов И. А., 2020

[2] Российская газета. 2020. 3 апр.

осторожности массовое заболевание или отравление людей, в виде штрафа в размере до 80 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо обязательных работ на срок до 360 часов, либо исправительных работ на срок до одного года, либо ограничения свободы на срок до одного года (с учетом изменений). Таким образом, санкция данной нормы не содержала наказания в виде лишения свободы, а указанное преступление было отнесено к категории небольшой тяжести.

Согласно ч. 2 ст. 236 УК РФ то же деяние, т. е. нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности смерть человека, наказывалось обязательными работами на срок до 480 часов, либо исправительными работами на срок от шести месяцев до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок. Указанное преступление относилось к категории преступлений средней тяжести.

Следует обратить внимание, что сам факт нарушения санитарно-эпидемиологических правил, например нарушение карантина, создавшее угрозу распространения массового заболевания, если это не повлекло указанных в законе последствий (массовое заболевание, отравление людей или смерть человека), не предусматривал уголовной ответственности согласно ст. 236 УК РФ.

С учетом этих обстоятельств в условиях пандемии коронавирусной инфекции, включенной постановлением Правительства Российской Федерации в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих[1] (правда, в первоначальном наименовании 2019-nCoV), отечественный законодатель принял экстренные меры по ужесточению ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил.

Депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации В. В. Володиным и П. В. Крашенинниковым был в срочном порядке подготовлен законопроект[2], в пояснительной записке к которому указывалось на несоблюдение санитарно-эпидемиологических правил многими жителями России, что свидетельствовало «о недостаточной мотивации людей в вопросе обеспечения безопасности как своей, так и окружающих. Несоблюдение санитарно-эпидемиологических правил чревато усложнением борьбы с распространением инфекции, носящей характер пандемии»[3].

В целях совершенствования механизмов защиты граждан Российской Федерации от угрозы распространения инфекционных заболеваний, а также повышения гражданской ответственности предлагалось предусмотреть ряд изменений в уголовное законодательство, направленных на усиление ответственности за нарушения санитарно-эпидемиологических правил, повлекшие угрозу массового заболевания или отравления людей[4].

По итогам рассмотрения законопроекта 31 марта 2020 г. Государственная Дума приняла, и в тот же день Совет Федерации одобрил, а 1 апреля 2020 г. Президент Российской Федерации подписал Федеральный закон № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», согласно которому ст. 236 УК РФ была изложена в новой редакции.

Следует отметить, что тексты проекта Федерального закона № 929651-7 и Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ различаются. Например, согласно тексту законопроекта в ч. 2 ст. 236 УК РФ предлагалось установить ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, сопряженное с умышленным созданием угрозы массового заболевания и отравления людей. В тексте Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ ответственность за создание такой угрозы помещена в ч. 1 ст. 236 УК РФ, причем слово «умышленным» по отношению к угрозе отсутствует. Имеются расхождения и в части санкций.

С учетом указанных изменений за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности массовое заболевание или отравление людей либо создавшее угрозу наступления таких последствий (ч. 1 ст. 236 УК РФ), установлено наказание в виде штрафа в размере от 500 тыс. до 700 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до восемнадцати месяцев, либо лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью

[1] Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих : постановление Правительства Рос. Федерации от 1 дек. 2004 г. № 715 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 49, ст. 4916.

[2] В Государственной Думе идет работа по противодействию распространению коронавируса. URL: http://duma.gov.ru/news/48133/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 11.09.2020).

[3] Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 929651-7 «О внесении изменений в статью 236 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (об усилении ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил). URL: http://sozd.duma.gov.ru/download/BF0B5F5A-B353-4492-AA5E-EB6D7CA3B24D (дата обращения: 11.09.2020).

[4] Там же.

на срок от одного года до трех лет, либо ограничения свободы на срок до двух лет, либо принудительных работ на срок до двух лет, либо лишения свободы на тот же срок.

За нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности смерть человека (ч. 2 ст. 236 УК РФ), установлено наказание в виде штрафа в размере от 1 млн до 2 млн руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо ограничения свободы на срок от двух до четырех лет, либо принудительных работ на срок от трех до пяти лет, либо лишения свободы на тот же срок.

Статья 236 УК РФ была дополнена новой частью третьей, предусматривающей повышенную ответственность в случае, если рассматриваемые деяния повлекли по неосторожности смерть двух или более лиц[1].

Так, за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц (ч. 3 ст. 236 УК РФ), предусмотрено наказание в виде принудительных работ на срок от четырех до пяти лет либо лишения свободы на срок от пяти до семи лет.

Таким образом, с учетом сложившейся обстановки повышенной опасности массового заболевания граждан ужесточена уголовная ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, предусмотренная ст. 236 УК РФ.

Кроме того, в указанной статье введена повышенная ответственность за действия, связанные с нарушением санитарно-эпидемиологических правил и создавшие угрозу массового заболевания и отравления людей.

Диспозиция ч. 1 ст. 236 УК РФ является бланкетной, т. е. для раскрытия содержания указанных в ней признаков необходимо обращение к соответствующим нормативным правовым актам, например, Федеральному закону от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»[2], Положению о государственном санитарно-эпидемиологическом нормировании, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 24 июля 2000 г. № 554[3].

Согласно п. 2 указанного Положения нормативными правовыми актами, устанавливающими санитарно-эпидемиологические требования, являются государственные санитарно-эпидемиологические правила (санитарные правила, санитарные правила и нормы, санитарные нормы, гигиенические нормативы), содержащие:

– гигиенические и противоэпидемические требования по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения, профилактики заболеваний человека, благоприятных условий его проживания, труда, быта, отдыха, обучения и питания, а также по сохранению и укреплению его здоровья;

– оптимальные и предельно допустимые уровни влияния на организм человека факторов среды его обитания;

– максимально или минимально допустимое количественное и (или) качественное значение показателя, характеризующего с позиций безопасности и (или) безвредности для здоровья человека тот или иной фактор среды его обитания.

Санитарно-эпидемиологические правила могут быть нарушены как действием, так и бездействием (в зависимости от конкретного правила). Например, нарушение может выразиться в невыполнении требуемых карантинных мероприятий (обязательной госпитализации инфекционных больных) [Рарог 2004b, с. 520].

Обязательным признаком данного состава преступления является наступление альтернативных последствий в виде массового заболевания или отравления людей либо создание угрозы наступления таких последствий.

Массовым заболеванием людей признаются заболевания вирусного, кишечного, бактериального или иного характера, распространенность которых явно превышает средний уровень заболеваемости данной болезнью за определенный период на конкретной территории.

Признаком массового заболевания людей охватывается вред здоровью любой тяжести [Рарог 2004a, с. 420].

В качестве примера массового заболевания можно привести заражение коронавирусной инфекцией 53 чел. в Эжвинской городской больнице Сыктывкара. По данному факту Следственное управление Следственного комитета по Республике Коми назначило проверку[4].

Согласно ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ инфекционными заболеваниями признаются инфекционные заболевания человека, возникновение и распространение которых

---

[1] Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 929651-7 «О внесении изменений в статью 236 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (об усилении ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил).

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 14, ст. 1650.

[3] Там же. 2000. № 31, ст. 3295.

[4] В Коми назначили проверку по факту заражения 53 человек в больнице. URL: https://rg.ru/2020/04/02/reg-szfo/v-komi-naznachili-proverku-po-faktu-zarazheniia-53-chelovek-v-bolnice.html (дата обращения: 11.04.2020).

обусловлены воздействием на человека биологических факторов среды обитания (возбудителей инфекционных заболеваний) и возможностью передачи болезни от заболевшего человека, животного к здоровому человеку. Инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, признаются инфекционные заболевания человека, характеризующиеся тяжелым течением, высоким уровнем смертности и инвалидности, быстрым распространением среди населения (эпидемия).

Между нарушением соответствующих санитарно-эпидемиологических правил и наступлением массового заболевания людей или отравления людей либо созданием угрозы наступления таких последствий должна быть установлена причинная связь. Вместе с тем установление такой связи на практике является сложным с точки зрения доказывания, так как не во всех случаях можно однозначно установить источник заражения, а в условиях пандемии коронавирусной инфекции сделать это крайне сложно. Отчасти этим объясняется редкое применение санкции ст. 236 УК РФ на практике.

Субъект преступления в ст. 236 УК РФ не конкретизирован, но по смыслу закона ответственности по данной статье подлежит физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет, на котором лежала обязанность соблюдать либо обеспечивать соблюдение конкретных санитарно-эпидемиологических правил. С учетом изложенного большинство авторов указывают на то, что субъект рассматриваемого состава преступления является специальным [Рарог 2004а, с. 420].

Обязательным признаком субъективной стороны состава преступления является неосторожная форма вины в виде легкомыслия либо небрежности по отношению к наступившим последствиям в виде массового заболевания или отравления людей (ч. 1 ст. 236 УК РФ), смерти человека (ч. 2 ст. 236 УК РФ) и смерти двух или более лиц (ч. 3 ст. 236 УК РФ). Например, человек возвращается из государства, в котором отмечен высокий уровень инфекционного заболевания, и вместо карантина выходит на работу, рассчитывая, что последствия не наступят, но в результате заражает своих коллег.

При нарушении санитарно-эпидемиологических правил, создавшего угрозу наступления последствий в виде массового заболевания или отравления людей (ч. 1 ст. 236 УК РФ), вина представлена прямым или косвенным умыслом (речь идет о так называемом составе опасности). По мнению А. А. Бимбинова, конструирование состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 236 УК РФ, как состава создания опасности может быть связано с желанием преодолеть проблемы с установлением причинно-следственной связи между нарушением санитарных правил и наступлением указанных в законе последствий, поскольку такие составы относятся к формальным, а это означает, что для их вменения необязательны общественно опасные последствия и причинная связь [Бимбинов 2020, с. 60].

Деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 236 УК РФ, относятся к категории преступлений небольшой тяжести.

Деяния, предусмотренные ч. 2 и 3 ст. 236 УК РФ, совершаются только с неосторожной формой вины и относятся к преступлениям средней тяжести.

Вместе с тем отметим, что санкции за деяния, предусмотренные ст. 236 УК РФ, прежде всего следует рассматривать как сдерживающие, превентивные, упреждающие меры воздействия на сознание лиц, склонных к нарушению профилактических мер по нераспространению массовых заболеваний. Сходного мнения придерживается Г. А. Кибальник, отмечая, что данные меры уголовно-правовой реакции представляют собой вынужденный ответ государственной власти на пандемию коронавируса [Кибальник 2020, с. 41].

Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и один из инициаторов принятия закона об ужесточении ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил В. В. Володин отметил: «Предложения, которые мы вносим в УК РФ, в первую очередь направлены на то, чтобы граждане, которые относятся к окружающим недостаточно ответственно, понимали, что, если будет нанесен вред здоровью тех, кто рядом, наступит наказание. И мы считаем, что это наказание должно быть достаточно жестким, потому что у нас много случаев, когда покидают больницы, покидают карантин, начинают ходить по магазинам, салонам, к родственникам, знакомым и наносят вред здоровью тех, кто рядом. Это… если хотите, для тех людей, кто просто не хочет отдавать себе отчет в том, что рядом находятся люди, их может носитель вируса заразить, но из-за его безответственного поведения кто-то может умереть, кто-то может заболеть»[1].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что изменения, внесенные в ст. 236 УК РФ Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ, во многом были обусловлены опасностью, которую создает стремительное распространение коронавирусной инфекции. Следует с положительной стороны оценить новую редакцию рассматриваемой статьи и признать, что она позволяет обеспечить гораздо большее превентивное воз-

[1] Вячеслав Володин: ГД в приоритетном порядке рассмотрит законопроект об усилении ответственности за нарушение карантина. URL: http://puch-vesti.ru/articles/media/2020/3/25/vyacheslav-volodin-gd-v-prioritetnom-poryadke-rassmotrit-zakonoproekt-ob-usilenii-otvetstvennosti-za (дата обращения: 11.09.2020).

действие, а также максимально дифференцировать ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил. Представляется, что возможность быть привлеченным к уголовной ответственности лишь за создание угрозы массового заражения коронавирусной инфекцией способна удержать лицо от нарушения тех требований предосторожности, которые призваны снизить риск ее дальнейшего распространения. В случае, если лицо все же пренебрегает указанными требованиями, новая редакция статьи позволит назначить ему справедливое наказание, максимально дифференцировав последнее в зависимости от наступивших последствий. Остается выразить надежду, что применение санкций ст. 236 УК РФ не будет носить массового характера.

Список цитируемых источников

Бимбинов 2020 – *Бимбинов А. А.* Уголовная ответственность за распространение коронавируса // Уголовный процесс. 2020. № 5. С. 52–61.

Кибальник 2020 – *Кибальник А. Г.* Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. 2020. № 5. С. 41–44.

Рарог 2004a – Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рарог. Изд. 2-е., перераб. и доп. М. : Проспект, 2004. 639 с.

Рарог 2004b – Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А. И. Рарога. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2004. 696 с.

Хохлов 2020 – *Хохлов Е. Е.* Особенности наркоситуации в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 // Лучшая научная статья 2020. Пенза : Наука и Просвещение, 2020. С. 72–78.

References

Bimbinov, A. A. (2020), “Criminal liability for the spread of coronavirus”, *Ugolovny’i process*, no. 5, pp. 52–61.

Khokhlov, E. E. (2020), “Features of the drug situation in a pandemic of the coronavirus infection COVID-19”, *Luchshaya nauchnaya stat’ya 2020*, [Best scientific article], Nauka i Prosveshchenie, Penza, Russia, pp. 72–78.

Kibal’nik, A. G. (2020), “Criminal law reaction to the coronavirus pandemic”, *Zakonnost’,* no. 5, pp. 41–44.

Rarog, A. I. (2004a) (ed.), *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Comment to the Criminal code of the Russian Federation], Prospekt, Moscow, Russia

Rarog, A. I. (2004b), (ed.), *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya* [Russian Criminal law. The General and Special part], Prospekt, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Пичугин Сергей Андреевич,
кандидат юридических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; penalcode@yandex.ru

Тараканов Илья Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; il8@ list.ru

Information about the authors

Pichugin Sergei A.,
PhD (law), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; penalcode@yandex.ru

Tarakanov Il’ya A.,
PhD (law), associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; il8@list.ru

Для цитирования

Пичугин С. А., Тараканов И. А. Специфика уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил в условиях распространения новой коронавирусной инфекции // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 107–111.

For citation

Pichugin, S. A. and Tarakanov, I. A. (2020), “Specifics of criminal liability for violation of sanitary and epidemiological rules in the context of the spread of a new coronavirus infection”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, no. 4(57), pp. 107–111.

УДК 343.98

С. В. Расторопов [1,2]
[1] *Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*
[2] *Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация*

S. V. Rastoropov [1,2]
[1] *University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*
[2] *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

Технологии и разновидности цифровой криминалистики

Technologies and varieties of digital forensics

Ключевые слова: криминалистика; цифровизация; доказательства; расследование преступлений; цифровые технологии; Интернет.

Аннотация. В статье анализируются новейшие технологии, позволяющие получить цифровые доказательства. Отмечаются тенденции развития цифровой криминалистики, которая преследует три основные цели: 1) сбор информации, хранящейся в электронном виде, в разумной и обоснованной форме; 2) анализ результатов сбора данных; 3) представление результатов либо в рамках судебного разбирательства, либо менее формально для информирования клиента. Автор предлагает развивать такие научные направления специализации в области цифровой криминалистики, как сетевая и автомобильная криминалистика.

Key words: forensics; digitalization; evidence; crime investigation; digital technologies; Internet.

Abstract. The article analyzes the latest technologies for obtaining digital evidence. Trends in the development of knowledge of digital forensics are noted, which pursues three main goals: 1) collection of information stored in electronic form in a reasonable and grounded form; 2) analysis of the results of data collection; 3) presentation of the results either in the framework of legal proceedings, or less formally to inform the client. The author proposes to develop such scientific areas of specialization in the field of digital forensics as network and automotive forensics.

В течение последних 20 лет наблюдается экспоненциальный рост распространенности цифровых технологий, таких как смартфоны, планшеты, ноутбуки, носимые технологии, облачные хранилища, взаимосвязанные бытовые устройства, внешние накопители, игровые приставки и другие устройства, которые могут содержать доказательства. Цифровые технологии активно используются в криминалистических целях при раскрытии и расследовании преступлений [Андреев 2020; Голованова и др. 2019; Трунов 2005].

Основные изменения в ландшафте информационных технологий за последние два десятилетия показали, что коллекции и анализ цифровых свидетельств становится все более важным инструментом для раскрытия преступлений и подготовки судебных дел.

С учетом криминогенной обстановки, географического положения и ряда других факторов отдельные подразделения криминалистики в регионах России оснащены георадарами. Эти приборы предназначены для дистанционного обнаружения металлических и неметаллических объектов в различных средах. Есть эхолоты для обнаружения подводных объектов, тепловизоры, основной задачей которых является обнаружение теплоконтрастных объектов. Нелинейные локаторы обеспечивают поиск электронных устройств (мобильных и др.), а портативные анализаторы паров взрывчатых веществ предназначены для поиска взрывчатых веществ, следов их хранения или ношения[1].

Работа с традиционными типами цифровых доказательств (например, электронная почта, текстовые сообщения, электронные таблицы, текстовые файлы) становится очень удобной, в ее процессе можно многому научиться. Однако цифровые технологии развиваются очень быстро, появляются все более творческие способы поиска информации, в связи с чем распространенность и сложность цифровых доказательств значительно возрастает. Следователи должны знать, что и как можно извлечь из этих устройств.

Проверка электронных документов – это обычная практика в судебных разбирательствах во время электронного обнаружения [Лапина, Баранов 2014]. Во время расследования адвокаты могут использовать инструменты и методы электронного обнаружения, но цели их рассмотрения часто отличаются от целей исследования. Адвокаты, рассматривающие коллекцию документов во время расследования, как правило, должны очень быстро собрать основополагающие факты и идеи. Для этого они могут использовать то же программное обеспечение для проверки электронных документов, которое будет использоваться во время обнаружения. Разница заключается в том, что следователи меньше сосредоточены на под-

[1] След в след. Александр Бастрыкин – о секретной технике для расследования нераскрытых преступлений // Российская газета. 2010. 18 окт.

© Расторопов С. В., 2020

готовке документов, чем на установлении фактов. Таким образом, они могут полагаться на передовые методы поиска и анализа данных, чтобы ускорить их обзор.

Цифровые судебные доказательства, как правило, могут быть транспортированы путем изготовления точных дубликатов, в уровень битов, исходного контента. Это предполагает движение контента по сетям без ограничений, если принимаются адекватные меры предосторожности во время этой транспортировки. Доказательства часто копируются и отправляются в электронном виде, на компакт-дисках или на других носителях. Оригинал копии обычно хранится в надежном месте, чтобы действовать как оригинал доказательств, которые вводятся в судопроизводство. Так, если возникают какие-либо вопросы о битах, содержащихся в доказательствах, можно это решить, вернувшись к оригиналу. Факсимильные свидетельства, распечатки и другие подобные цифровые изображения судебных доказательств также могут перевозиться, но они не являются хорошей заменой для оригинальных цифровых криминалистических доказательств. Например, множество различных битовых последовательностей может привести к тому, что выходные изображения и идентичные битовые последовательности могут производить различные выходные данные изображения. Для того чтобы быть рассмотренными для использования в суде, выявленные доказательства должны быть собраны таким образом, чтобы сохранить их целостность на протяжении всего процесса, включая сохранение информации, связанной с цепочкой хранения, в рамках которой она была собрана и сохранена. Анализ, интерпретация и атрибуция цифровых судебных доказательств также должны быть сопоставимы с нецифровыми доказательствами.

В отличие от способов сбора традиционных типов цифровых доказательств, таких как электронная почта, текстовые сообщения и стандартные компьютерные файлы[1], которыми владеет большинство криминалистов, новые технологии[2] только начинают использоваться в рассматриваемых сферах правоохранительной деятельности. Охарактеризуем некоторые из них.

1. Геотеги (от греч. «гео» – земля и англ. «тег» – ярлык, этикетка; метить), например, встроенные в фотографии со смартфона, являются формой метаданных о местоположении. Геотеги, генерируемые смартфонами, как правило, очень точны и связаны с другими типами метаданных файлов, такими как метки даты и времени. Объединение этих атрибутов показывает, что пользователи смартфонов делают более 150 снимков в месяц, и это уже важные данные, чтобы определить во время расследования, кто, что, когда и где делал.

Геотеги и другие типы данных о местоположении также могут быть встроены в другие типы файлов, такие как видеофайлы и текстовые сообщения – SMS. Другие данные о местоположении сотового телефона могут быть получены из маршрутов, хранящихся в картографических приложениях, подключениях Wi-Fi, вышках сотовой связи, в истории вызовов и таких приложениях, как погода или инструменты недвижимости.

2. Носимые датчики. Мобильные устройства, такие как кардиограф, пульсометр, отслеживают с помощью GPS местоположение, а также такие данные, как пройденное расстояние, количество шагов, время сна и частота сердечных сокращений. Эти устройства сконфигурированы для синхронизации данных с приложениями на смартфонах и персональных компьютерах, а также с облачными сайтами или сайтами социальных сетей. Доказательственные коллекции могут быть собраны из любого из этих источников с использованием стандартных цифровых криминалистических инструментов и методов.

3. Данные от трекеров активов-датчиков и устройств интернета вещей. Преимущества технологий GPS, Wi-Fi и Bluetooth позволяют организациям отслеживать свои движимые активы. Они могут собирать базовые данные о местоположении или могут иметь расширенные функции (сбор такой информации, как диагностика, обмен сообщениями, погодные условия или данные о соответствии требованиям). Они используются для отслеживания дорогостоящих движимых активов (например, автопарка, строительной техники, медицинских приборов) и начинают появляться в растущем массиве потребительских IoT-устройств[3]. Эти данные также доступны для следователей: дают возможность искать клиентскую базу данных или извлекать данные на более совершенную платформу, чтобы контролируемым образом помочь понять и сохранить информацию о том, кто, что, когда и где делал. Структурированные данные должны быть собраны и проверены на ранней стадии расследования, чтобы избежать сполиативных событий, таких как регулярно проводимая чистка базы данных. Обработка структурированных данных должна быть надежно документирована. Если набор данных велик или запросы сложны, следует пригласить консультанта-кри-

[1] Например, обработка текстовых документов, электронных таблиц, презентаций, изображений/фотографий, PDF-файлов.

[2] Five case studies of interest to corporate investigators. URL: https://www.controlrisks.com/campaigns/compliance-and-investigations/five-case-studies-of-interest-to-corporate-investigators (дата обращения: 07.06.2020).

[3] Интернет вещей (internet of things, IoT) – устройство относится к «умным», оснащенным встроенными датчиками и вычислительной мощностью, и подключено к сети для сбора и обмена данными.

миналиста, который разбирается в структурированных данных, поскольку анализ является сложной дисциплиной и не входит в стандартный инструментарий судебной экспертизы.

4. Network forensics – это субспециализация цифровой криминалистики. Она включает в себя анализ данных журналов с серверов и других сетевых инструментов (например, брандмауэров, маршрутизаторов, приложений обнаружения вторжений) для отслеживания или мониторинга сетевой активности. Адвокаты с практикой киберправа стали знакомиться с сетевой криминалистикой, так как это один из основных инструментов для обнаружения вторжений и нарушений. Сетевая криминалистика может включать ретроактивный анализ или мониторинг трафика в реальном времени. Объем собранных данных может быть огромным.

Доступность сетевых данных открывает возможности для расследования действий пользователей в случаях, не связанных с кибербезопасностью (например, похищение коммерческой тайны). Сетевые журналы могут быть проанализированы для выявления массовых перемещений или удалений данных и другой подозрительной активности пользователей.

5. Данные из информационно-развлекательных систем транспортных средств, телематики и систем «черных ящиков».

Транспортные средства приобретают для следственных данных такое же важное значение, как персональные компьютеры или смартфоны. Вот первые пять вещей, которые автомобиль знает о своем водителе:

1) домашний или деловой адрес;

2) список недавно посещенных или часто посещаемых мест;

3) телефонный контакт;

4) электронные письма и текстовые сообщения;

5) данные о скорости, торможении и использовании ремней безопасности.

И это еще не все. Некоторые транспортные средства оснащены веб-браузерами, которые могут хранить историю, файлы cookie и кэшировать информацию. Там также могут быть данные из встроенных производителем приложений, таких как Facebook. Как и в случае с персональными компьютерами, можно идентифицировать устройства, подключенные к компьютеру транспортного средства. Кроме того, в ближайшем будущем можно будет восстановить видеоданные и историю из функций автономного вождения, уже появляющихся в автомобилях.

Установлено, что следующие данные представляют собой так называемую личную информацию:

– IP-адрес, если лицо, владеющее IP-адресом, может связать его с идентифицируемым лицом, даже если это лицо не является конкретным пользователем Интернета;

– данные, собранные работодателями с помощью GPS-устройств в их транспортных средствах, если они могут быть связаны с конкретными сотрудниками, даже если данные не идентифицируют конкретных сотрудников в любое время для всех пользователей системы;

– информация, хранящаяся временными, а также постоянными файлами cookies;

– уникальный идентификатор мобильного устройства, который сам по себе не идентифицирует пользователя, но который может быть связан с реквизитами учетной записи пользователя;

– телематические данные о местоположении, состоянии двигателя и поведении водителя из автопарка работодателя;

– информация о номерном знаке, поскольку она может быть связана с физическими лицами через базу данных регистрации автотранспортных средств.

Автомобильная криминалистика появилась как развивающаяся специализация в области цифровой криминалистики. Уже существует активная пользовательская база в области судебной экспертизы транспортных средств среди следователей по автострахованию, автопроизводителей, компаний по прокату автомобилей, правоохранительных органов и спецслужб.

Таким образом, анализ новых тенденций цифровизации и науки криминалистики [Русанова 2019; Серебренникова 2019; Скобелин 2020; Смушкин 2019; Смушкин 2020; Шевченко 2020], позволил сделать вывод о том, что к основам цифровой криминалистики относятся следующие положения:

– во-первых, цифровая криминалистика преследует три основные цели: 1) сбор информации, хранящейся в электронном виде, в разумной и обоснованной форме; 2) анализ результатов сбора данных; 3) представление результатов либо в рамках судебного разбирательства, либо менее формально для информирования клиента;

– во-вторых, электронные доказательства могут быть мимолетными и хрупкими. Именно поэтому они должны быть собраны обоснованным, методологическим образом, чтобы точно их сохранить и совершить проверку в ходе судебного разбирательства;

– в-третьих, существует много информации, которую пользователь компьютера никогда не видит (например, метаданные, журналы, записи реестра). Эти скрытые свидетельства могут дать богатую информацию о том, кто и что делал, когда и где. Судебные эксперты обучены сохранять, собирать и интерпретировать такого рода доказательства;

– в-четвертых, некоторые цифровые файлы могут быть восстановлены, даже если пользователь пытался удалить их.

Список используемых источников

Андреев 2020 – *Андреев А. С.* Криминалистика в условиях развития цифровых технологий // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2020. № 2. С. 456–461.

Голованова и др. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации / Н. А. Голованова [и др.]. М. : ИЗиСП : Юрид. фирма «Контракт», 2019. 212 с.

Лапина, Баранов 2014 – Ведомственное нормотворчество (теория и практика применения) / под ред. М. А. Лапиной, В. А. Баранова. М. : Проспект, 2014. 240 с.

Русанова 2019 – *Русанова Д. Ю.* Цифровая криминалистика: возможности и перспективы развития // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 12-4(39). С. 142–145.

Серебренникова 2019 – *Серебренникова А. В.* Цифровая криминалистика и ее значение для расследования преступлений // International Law Journal. 2019. Т. 2, № 4. С. 126–133.

Скобелин 2020 – *Скобелин С. Ю.* Цифровая криминалистика: объект и направления развития // Российский следователь. 2020. № 4. С. 42–44.

Смушкин 2019 – *Смушкин А. Б.* К вопросу о наименовании теории «электронная цифровая криминалистика» // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2019. № 1(13). С. 15–20.

Смушкин 2020 – *Смушкин А. Б.* Цели, задачи и функции электронной цифровой криминалистики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1(13). С. 103–107.

Трунов 2005 – Терроризм. Правовые аспекты борьбы. Нормативные и международные правовые акты с комментариями /отв. ред. И. Л. Трунов. М. : Эксмо, 2005. 512 с.

Шевченко 2020 – *Шевченко Д. Н.* Методы цифровой криминалистики и компьютерной форензики для расследования инцидентов информационной безопасности // Проблемы науки. 2020. № 4(52). С. 32–33.

References

Andreev, A. S. (2020), “Forensic science in the development of digital technologies”, *Intellektual’ny’e resursy’–regional’nomu razvitiyu,* no. 2, pp. 456–461.

Golovanova, N. A., Gravina, A. A., Zaitsev, O. A. et al. (2019), *Ugolovno-yurisdiktsionnaya deyatel'nost' v usloviyakh tsifrovizatsii* [Criminal jurisdictional activity in the context of digitalization], IZiSP, Yuridicheskaya firma “Kontrakt”, Moscow, Russia.

Lapina, M. A. and Baranov, V. A. (eds.) (2014), *Vedomstvennoe normotvorchestvo (teoriya i praktika primeneniya)* [Departmental rule-making (theory and practice of application], Prospekt, Moscow, Russia.

Rusanova, D. Yu. (2019), “Digital forensics: opportunities and development prospects”, *Mezhdunarodny’i zhurnal gumanitarny’kh i estestvenny’kh nauk,* no. 12-4(39), pp. 142–145.

Serebrennikova, A. V. (2019), “Digital forensics and its importance for crime investigation”, *International Law Journal,* vol. 2, no. 4, pp. 126–133.

Shevchenko, D. N. (2020), “Methods of digital forensics and computer forensics for the investigation of information security incidents”, *Problemy’ nauki,* no. 4(52), pp. 32–33.

Skobelin, S. Yu. (2020), “Digital forensics: object and directions of development”, *Rossiiskii sledovatel’,* no. 4, pp. 42–44.

Smushkin, A. B. (2019), “On the question of the name of the theory “electronic digital forensics”, *Problemy’ ugolovnogo protsessa, kriminalistiki i sudebnoi ekspertizy’,* no. 1(13), pp. 15–20.

Smushkin, A. B. (2020), “Goals, objectives and functions of electronic digital forensics”, *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra,* no. 1(13), pp. 103–107.

Trunov, I. L. (ed.) (2005), *Terrorizm. Pravovy’e aspekty’ bor'by’. Normativny’e i mezhdunarodn’ye pravovy’e akty’ s kommentariyami* [Terrorism. Legal aspects of the struggle. Normative and international legal acts with comments], Eksmo, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Расторопов Сергей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор, Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; rastoropov_sv@mail.ru

Information about the author

Rastoropov Sergei V.,
doctor of law, professor, University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; rastoropov_sv@mail.ru

Для цитирования

Расторопов С. В. Технологии и разновидности цифровой криминалистики // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 112–115.

For citation

Rastoropov, S. V. (2020), “Technologies and varieties of digital forensics”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 112–115.

УДК 347.453.01

Л. В. Ращупкина[1]
Е. В. Шоргина[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

L. V. Rashchupkina[1]
E. V. Shorgina[1]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Проблемные вопросы аренды имущества для государственных и муниципальных нужд

Problematic questions of rental property for state and municipal needs

Ключевые слова: аренда; возмездное оказание услуг; государственный и муниципальный контракт.

Аннотация. договор; В статье рассматриваются особенности использования терминологии аренды имущества и возмездного оказания услуг в закупочном законодательстве. Авторами проводится анализ понятий аренды и услуги. Делаются выводы о необоснованном включении аренды в понятие «услуга» как в Федеральном законе от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», так и в Каталоге товаров работ услуг и ОКПД2. По мнению авторов, проанализированные правоотношения требуют правового урегулирования вплоть до внесения изменений в федеральное законодательство.

Key words: contract; lease; compensated providing of services; state and municipal contract.

Abstract. The article discusses the features of the use of the terminology of property rental and the provision of services in the procurement legislation. The authors analyze the concepts of rent and services. Conclusions are drawn on the unreasonable inclusion of leases in the concept of a service both in Federal Law dated 05.04.2013 No 44-ФЗ "On the contract system in the field of procurement of goods, works, services to meet state and municipal needs", and in the Catalog of goods for works of services and OKB2. According to the authors, the analyzed legal relations require a legal settlement up to the introduction of amendments to the federal legislation.

Анализ существующих гражданских правоотношений позволяет констатировать, что институт аренды имущества в Российской Федерации является востребованной категорией в гражданском обороте. Кроме того, сегодня правовая конструкция данного института успешно используется в сфере закупки аренды для обеспечения государственных и муниципальных нужд, что позволяет ему активно развиваться, предъявляя все более высокие требования к качеству правового регулирования.

Согласно сведениям, размещенным на сайте в Единой информационной системы закупок[1] (далее: ЕИС), в аренду может предоставляться государственное и муниципальное имущество, например, здания, строения, земельные участки. В таком случае Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования будут являться арендодателями. Помимо этого, указанные субъекты могут быть арендаторами и брать имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование. Арендные правоотношения регулируются гражданским законодательством, а если одной из сторон такого договора выступает государственный или муниципальный орган, то данные правоотношения попадают под действие либо Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[2] (далее: Закон № 44-ФЗ), либо Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»[3] (далее: Закон № 223-ФЗ) при участии в закупке субъектов, перечисленных в ч. 2 ст. 1, и соблюдении еще ряда условий указанного нормативного правового акта. При таких правоотношениях должны соблюдаться положения Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»[4] (далее: Закон № 135-ФЗ). В соответствии с нормами указанных федеральных законов договор аренды будет заключаться посредством проведения закупочных процедур: торгов или закупки у единственного поставщика. Правовое регулирование закупки аренды имущества зависит от способа закупки, цели и организационно-правовой формы участника закупки.

В Законе № 44-ФЗ даются определения государственного и муниципального заказчика, в них перечислены субъекты, которые будут совершать закупку по указанному закону. Это государственный или муниципальный орган, «Росатом», «Роскосмос», орган управления государственным внебюд-

[1] URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.08.2020).

© Ращупкина Л. В., Шоргина Е. В., 2020

[2] Российская газета. 2013. 12 апр.

[3] Там же. 2011. 22 июля.

[4] Там же. 2006. 27 июля.

жетным фондом, государственное и муниципальное казенное учреждение, действующие от имени Российской Федерации, муниципального образования или субъекта Российской Федерации. Основным признаком, объединяющим все эти организации, является то, что они уполномочены принимать бюджетные обязательства в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации от имени Российской Федерации, муниципального образования или субъекта Российской Федерации и осуществлять закупки. Отметим, что унитарные предприятия выделены в отдельный пункт и тоже имеют статус заказчика с правом осуществлять закупки в порядке, предусмотренном как Законом № 44-ФЗ (п. 7 ч. 1 ст. 3, ч. 2.1 ст. 15), так и Законом № 223-ФЗ (п. 5 ч. 2 ст. 1).

Законы № 44-ФЗ и № 223-ФЗ называют закупочными, оба они регулируют закупочные процедуры, между ними, несомненно, имеется ряд существенных отличий, но в то же время они используют похожую терминологию. Проводя сравнение того, как указанные законы формулируют предмет договора, следует обратить внимание на определение государственного, муниципального контракта, указанного в пп. 8 и 8.1 ч. 1 ст. 3 Закона № 44-ФЗ, где сказано, что предметом контракта являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги (в том числе приобретение недвижимого имущества или аренда имущества). Из прямого толкования данной нормы следует, что приобретение и аренда имущества входят в широкое понятие услуги, о чем свидетельствует фраза «в том числе». В данном случае юридическая техника нормы сформулирована не совсем корректно. Законодатель необоснованно включил в перечень оказания услуг, приобретение недвижимого имущества и аренды имущества. В результате отсутствия закрепленной дефиниции понятий «услуга» и «аренда» возникают правовые последствия, которые в свою очередь не дают сторонам правильно сформулировать конструкцию того или иного правоотношения.

В Законе № 223-ФЗ предмет закупки определен как «выполнение работ, оказание услуг, договоров аренды (включая договоры фрахтования и финансовой аренды)». Данное положение закона соответствует нормам Гражданского кодекса Российской Федерации (далее: ГК РФ), который аренду выделяет в отдельный вид договора, а договора фрахтования и финансовой аренды относит к его разновидностям, причем выделение отдельных видов договора аренды произведено в ГК РФ не на основе какого-либо единого классификационного критерия, а в зависимости от того, какой вид имущества сдается в аренду и кто является участниками данных правоотношений.

Еще в период действия Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»[1] аренда не была выделена в отдельную категорию потребностей для государственных или муниципальных нужд. И только в 2010 г. посредством выводов из судебной практики Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что договор по предоставлению в аренду имущества государственным (муниципальным) заказчикам будет являться предметом регулирования указанного выше Федерального закона, главным критерием отнесения гражданско-правового договора к государственному (муниципальному) заказу будет осуществление публичной цели – осуществление государственных или муниципальных нужд и бюджетное финансирование[2].

Минэкономразвития России дал разъяснения по поводу места аренды в системе обязательственного права и, ссылаясь на ГК РФ, указал, что договор арены относится к группе гражданско-правовых договоров, опосредующих передачу имущества, обособленной от группы договоров возмездного оказания услуг[3].

Читая Закон № 135-ФЗ, не возникает сомнения, о каких правоотношениях идет речь: переходы прав владения и (или) пользования называется договорами аренды, безвозмездного пользования, договором доверительного управления имуществом (ст. 17.1).

Проводя анализ информации, указанной на сайте ЕИС, можно сказать, что заказчики закупки размещают ее как «оказание услуг по аренде», например, оборудования, техники, недвижимого имущества. Далее, анализируя такую закупочную документацию, как извещение, проект договора, очевидно, что это имущественный наем, т. е. аренда имущества, а не оказание услуги, так как в указанных договорах имущество передается за плату во временное владение или пользование, в то время как услуга по аренде того или иного имущества подразумевает оказание услуги по поиску определенного имущества и, возможно, правовую помощь в заключении контракта, но тогда это противоречит нормам закупочного законодательства.

Изучение нормативных правовых актов и научной литературы позволил нам выявить, что за-

[1] Документ утратил силу с 1 января 2014 г. в связи с принятием Закона № 44-ФЗ.

[2] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2010 года : постановление президиума Верхов. Суда Рос. Федерации от 16 марта 2011 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О разъяснении норм Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ применительно к отношениям, связанным с арендой имущества : письмо Минэкономразвития России от 2 окт. 2007 г. № 14902-АП/Д04. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

конодательно закрепленное определение «услуга» на настоящий момент отсутствует, а это, в свою очередь, не дает целостного понимания данной правовой категории. Научное исследование, сопоставление и разграничение услуги и аренды являются весьма актуальными и позволят при применении данных норм и понятий правильно использовать их в конкретных правоотношениях.

Ученые-юристы достаточно давно изучают сущность услуги, пытаясь вывести ее определение и понятие, но пока к единому мнению так и не пришли. Кроме того, в научной литературе ведется сравнение понятий «аренда» и «услуга».

По мнению М. В. Подкопаева, основной критерий, разделяющий эти понятия, заключается в том, что услуги, даже при действующем договоре, могут не оказываться, в отличие от аренды, которая действует непрерывно, пока договор не будет прекращен [Подкопаев 2019, с. 36].

О. А. Беляева отличие рассматриваемых договорных конструкций видит в том, что в центре договора возмездного оказания услуг находятся операция или деятельность исполнителя, а сердцевиной договора аренды выступает конкретное имущество [Беляева 2018, с. 312].

Доводы ученых различны, но едины они в одном: аренда и услуга – две различные правовые конструкции.

Мнения судов по данному вопросу также неоднозначны. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что нередко стороны осознанно подменяют одну правовую конструкцию другой, так как от этого зависят правовые последствия и ответственность сторон.

В споре о предоставлении полей рекламной установки, принадлежащих собственнику, для размещения на них изображения заказчика (баннера) суд, определяя предмет заключенного договора, установил, что рекламная установка собственником контрагенту не передавалась, поэтому указанный предмет договора не относится к объектам, которые являются предметом договора аренды, следовательно, положения гл. 34 ГК РФ к данным правоотношениям не применяются[1]. Существует еще одно мнение суда по аналогичному делу, где решение было принято в пользу договора аренды. Суд первой инстанции все же посчитал, что в соответствии с договором было представлено в аренду рекламное место с целью установки ответчиком на данном месте своего рекламного материала. В связи с этим указанные правоотношения попадают под регулирование гл. 34 ГК РФ. Далее, суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции, правомерно исходил из того, что предоставлялись рекламные места, а не рекламная установка, поэтому заключенное между сторонами соглашение является договором оказания услуг[2].

В другом деле ответчик намерено хотел переквалифицировать договор аренды в договор оказания услуг, так как не имел право передавать арендуемое помещение в субаренду, но суд этот довод отклонил, четко определив признаки аренды в договоре передачи помещений, для размещения терминалов[3]. Таким же образом апелляционный суд признал ошибочным квалификацию сделки о предоставлении предпринимателю во временное пользование торговых мест как возмездное оказание услуг по причине того, что торговые места не являются недвижимым имуществом, поэтому не могут быть переданы в аренду. Апелляционный суд мотивировал свое решение тем, что закон не запрещает аренду движимого имущества, поэтому счел необходимым при разрешении спора руководствоваться гл. 34 ГК РФ[4]

Следует отметить, что ст. 128 ГК РФ относит оказание услуг к объектам гражданских прав, причем аренда в указанной статье относится к имущественным правам, так как аренда – это право временного владения и пользования имуществом. Статья 606 ГК РФ содержит определение договора аренды (имущественного найма), согласно которому арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование. И далее, в гл. 34 ГК РФ раскрывается сущность арендных правоотношений, из которой следует, что аренда есть возмездное предоставление во владение или пользование индивидуально-определенного имущества, причем указывается на временность такого предоставления. При этом законодатель, охарактеризовывая предмет аренды, использует именно термин «предоставление», который имеет более широкое значение и включает в себя, кроме непосредственно самой передачи имущества, еще его подготовку к полноценному пользованию, эксплуатационные документы, вопросы капитального ремонта и др. Отметим, что передать имущество может только собственник, который обладает всеми тремя правомочиями в отношении вещей, или уполномоченное на это собственником лицо.

Результат оказания услуг, как и аренда, относится к объектам гражданских прав, и обе эти конструкции являются самостоятельными группами

[1] Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 24 марта 2009 г. № Ф04-1674/2009(2905-А70-16) по делу № А70-4551/2008. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Там же.

[3] Постановление ФАС Московского округа от 10 декабря 2009 г. № КГ-А40/12815-09 по делу № А40-94259/08-23-802. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 14 сентября 2005 г. № А79-10455/2004-СК2-10446. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

объектов гражданских прав. ГК РФ структурно также помещает услугу и аренду в разные главы, разделяя их на разные правовые категории. Если исходить из приоритета ГК РФ над федеральными законами, необходимо привести в соответствие с ним Закон № 44-ФЗ в части, касающейся отношений, укладывающихся в рамки договора аренды и отдельно договора возмездного оказания услуг.

Для того чтобы определить, что будут стороны закупать – аренду или услугу по аренде, и какая из вышеупомянутых норм ГК РФ подлежит применению к отношениям сторон договора на предоставление в пользование какого-либо имущества, следует рассмотреть специфику соответствующих правоотношений. Здесь значение будет иметь цель, с которой заключается тот или иной договор. Арендодатель в пользу арендатора совершает лишь одно действие – передает имущество, которое не подпадает под понятие «услуга», указанное в ст. 779 ГК РФ. Арендатора интересует эксплуатация имущества для получения доходов, а не получение услуг по эксплуатации имущества и доходов от этого. Арендатору нужно само имущество, а не действие по его передаче с последующим оформлением документов.

Специфичным будет также предмет договоров услуги и аренды, а также объект закупки услуги и аренды. Здесь различия ощутимы. Именно предмет договора характеризует его правовую природу, отграничивает один гражданско-правовой договор от другого. Причем объект договора и объект закупки – это не одно и то же. Объект закупки мы можем объединить с предметом договора. Как утверждает Т. Б. Замотаева, это и вносит путаницу при избрании конструкции того или иного договора, если придерживаться точки зрения на предмет договора как на вещь, то происходит отождествление предмета и объекта договора, вследствие чего не представляется возможным определить, например, в чем состоит отличие договора купли-продажи недвижимого имущества от договора аренды, а также затруднительно охарактеризовать цель и предмет таких гражданско-правовых договоров, как договор подряда или возмездного оказания услуг. Посредством указания на действия сторон в отношении объекта договор приобретает свойственную ему специфику и содержание [Замотаева 2002, с. 50].

При составлении закупочной документации, начиная с планов-графиков, заказчиком описывается объект закупки, который включает в себя качественные, функциональные, технические и другие характеристики. Если закупается аренда, то это, согласно ГК РФ, движимые и недвижимые непотребляемые вещи: земельные участки, имущественные комплексы, здания, сооружения, оборудование, транспортные средства и другие вещи, содержащие индивидуальные характеристики и не теряющие своих натуральных свойств в процессе их использования.

При описании объекта закупки услуги указывается конкретное действие, которое должен исполнитель совершить в пользу заказчика, например, оказание услуг по ремонту гидрооборудования, или страхование, или образовательные услуги, а описывая объект закупки аренды, заказчик обозначает, каким должно быть имущество, техника или оборудование, называя закупку при этом «услуга по аренде». Заказчиков вводит в заблуждение Каталог товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (далее: Каталог).

Обязательное требование к заказчикам при планировании и осуществлении закупок указывать наименование объекта закупки строго по Каталогу, содержит определенные условия, указанные в постановлении Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2017 г. № 145 «Об утверждении Правил формирования и ведения в единой информационной системе в сфере закупок каталога товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и Правил использования каталога товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[1]. В настоящее время Каталог формируется и ведется на сайте ЕИС Министерством финансов Российской Федерации. В основе Каталога лежит Общероссийский классификатор продукции по видам экономической деятельности (ОКПД2)[2], разрабатываемый Минэкономразвития России. Как указано в самом тексте, объектами классификации в ОКПД2 является продукция (услуги, работы). При составлении ОКПД2 разработчики не выделили аренду в отдельный объект экономической деятельности, а включили в состав услуги, поэтому мы видим в ОКПД2 отдельную группировку в классе 77 «Услуги по аренде и лизингу», отдельно выделены и сформулированы лишь две позиции ОКПД2, включенные в раздел F: «Аренда кранов и прочего строительного оборудования, которое не предназначено для одной конкретной строительной услуги, с оператором» и «Аренда строительного оборудования с оператором для конкретной строительной услуги». Одна из целей создания Каталога – использование его позиций при описании объектов закупки, которое включается в план-график закупок, в извещение об осуществлении закупки, приглашение

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 7, ст. 1084.

[2] О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД2) ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) и Общероссийского классификатора продукции по видам экономической деятельности (ОКПД2) ОК 034-2014 (КПЕС 2008) : [утв. приказом Росстандарта от 31 янв. 2014 г. № 14-ст]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и документацию о закупке. Планируя и осуществляя закупку аренды имущества, заказчик, пользуясь Каталогом, вынужден указывать одну из предложенных формулировок «услуга по аренде» того или иного имущества. При этом нужно отметить, что Каталог достаточно полный, в него включены такие востребованные позиции, как аренда недвижимого имущества и автомобилей, сельскохозяйственных машин и оборудования, т. е. охватывает достаточно детально все виды аренды, но настойчиво называя все эти виды «услуга по аренде».

Сегодня отсутствие законодательного закрепленного понятия услуги и использование данного понятия при заключении договоров аренды вызывают трудности в практике применения данного института в гражданском обороте, особенно при совершении закупки для государственных и муниципальных нужд. В связи с этим потребность в правовом регулировании таких правоотношений существует и сохранится в будущем.

Требуется на законодательном уровне произвести разграничение понятий «услуга» и «аренда», так как в Законе № 44-ФЗ аренда включается в понятие услуги, а в Законе № 223-ФЗ аренда выделена в самостоятельную договорную модель, что является соответствующим положениям норм ГК РФ. В целях унификации указанных категорий предлагаем в Законе № 44-ФЗ определить предмет государственного или муниципального контракта аналогично тому, как это сделано в Законе № 223-ФЗ: «государственный контракт, муниципальный контракт – гражданско-правовой договор, предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги, приобретение недвижимого имущества, аренда имущества и который заключен от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации (государственный контракт), муниципального образования (муниципальный контракт) государственным или муниципальным заказчиком для обеспечения соответственно государственных нужд, муниципальных нужд».

В дальнейшем, по нашему мнению, необходимо внести изменения в ОКПД2, разграничив в нем такие правовые категории, как аренда имущества и оказание услуг, что позволит заказчикам при составлении закупочной документации более качественно указывать функциональные и технические характеристики объекта закупки, которые ложатся в основу в Каталоге товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Список цитируемых источников

Беляева 2018 – *Беляева О. А.* Корпоративные закупки: проблемы правового регулирования. М. : ИЗиСП : Юриспруденция, 2018. 312 с.

Замотаева 2002 – *Замотаева Т. Б.* Предмет и объект договорного обязательства // Проблемы осуществления гражданских прав. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2002. С. 49–54.

Подкопаев 2019 – *Подкопаев М. В.* Аренда недвижимости предприятием связи: учет расходов на арендные платежи // Услуги связи: бухгалтерский учет и налогообложение. 2019. № 5. С. 36.

References

Belyaeva, O. A. (2018), *Korporativny'e zakupki: problemy' pravovogo regulirovaniya* [Corporate purchases: problems of legal regulation], IZiSP, Yurisprudentsiya, Moscow, Russia.

Podkopaev, M. V. (2019), "Lease of real estate by a communications enterprise: accounting for rental payments", *Uslugi svyazi: bukhgalterskii uchet i nalogooblozhenie,* no. 5, pp. 36.

Zamotaeva, T. B. (2020), "Subject and object of the contractual obligation", *Predmet i ob'ekt dogovornogo obyazatel'stva* [Problems of the implementation of civil rights], Izdatel'stvo Samarskogo universiteta, Samara, Russia, pp. 49–54.

Информация об авторах

Ращупкина Людмила Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; rashhupkina73@mail.ru

Шоргина Елена Васильевна,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; eshorgina@mail.ru

Information about the authors

Rashchupkina Lyudmila V.,
PhD (law), associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; rashhupkina73@mail.ru

Shorgina Elena V.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; eshorgina@mail.ru

Для цитирования

Ращупкина Л. В., Шоргина Е. В. Проблемные вопросы аренды имущества для государственных и муниципальных нужд // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 116–120.

For citation

Rashchupkina, L. V. and Shorgina, E. V. (2020), "Problematic questions of rental property for state and municipal needs", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 116–120.

УДК 343.34+343.91

К. В. Родионов[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

K. V. Rodionov[1]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Незаконный оборот оружия: краткий криминологический анализ основных показателей

Illegal trafficking of weapons: a brief criminological analysis of key indicators

Ключевые слова: оружие; взрывчатые вещества; взрывные устройства; количественные показатели незаконного оборота оружия; качественные показатели незаконного оборота оружия.

Аннотация. Статья посвящена анализу количественно-качественных показателей преступности в области незаконного оборота оружия за период с 2015 по 2019 г. Рассматривается динамика регистрируемых преступлений, предусмотренных ст. 222–226.1 УК РФ, их структура, удельный вес в общем объеме преступности Российской Федерации, а также региональные особенности темпов прироста и снижения показателей в области незаконного оборота оружия. В результате проведенного исследования делаются обоснованные выводы о количественных и качественных показателях преступности в сфере незаконного оборота оружия на федеральном и региональном уровнях.

Key words: weapons; explosives; explosive devices; quantitative indicators of illegal arms trafficking; quality indicators of illegal arms trafficking.

Abstract. The article is devoted to the consideration of quantitative and qualitative indicators of crime in the field of arms trafficking for the period from 2015 to 2019. The dynamics of recorded crimes under Art. 222–226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, their structure, specific gravity in the total crime of the Russian Federation, as well as regional features of the growth and decrease rates in the field of illegal arms trafficking. As a result of the study, reasonable conclusions are made about quantitative and qualitative indicators of crime in the field of arms trafficking at the federal and regional levels.

Борьба с преступностью в Российской Федерации является одним из ключевых направлений государственной внешней и внутренней политики. Ряд отдельных преступлений представляют особую общественную опасность и сопряжены с незаконным использованием их субъектами оружия его основных частей, боеприпасов, а также взрывчатых веществ или взрывных устройств. Вместе с тем сам незаконный оборот оружия как преступное явление, образованное составами преступлений, предусмотренными ст. 222–226.1 УК РФ, представляет отдельное негативное социальное явление.

Согласно исследованиям, проводимым различными учеными в этой области, в законном обращении у граждан России находится порядка 6 млн единиц различного оружия [Дизер, Сургутсков 2015, с. 40]. Если данные показатели лишь косвенно могут указывать на опасность совершения различных преступлений с использованием оружия, то угрозы, возникающие в связи с конфликтами в ряде зарубежных стран, в том числе и с участием российских военнослужащих (например в Сирии), являются куда более чем реальными. Опасность совершения терактов с применением оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств колоссально возросла. Крушение 31 октября 2015 г. российского Airbus A-320 над Синайским полуостровом в Египте в результате срабатывания на борту взрывного устройства – наиболее яркий тому пример. Последний факт не может не вызывать обеспокоенность и обусловливает поиск оптимальных путей по минимизации незаконного оборота оружия в современных условиях.

Разработка соответствующих мер, на наш взгляд, возможна только на основе системного непрерывного криминологического исследования всех закономерностей возникновения, существования и развития наиболее распространенных на территории Российская Федерация противоправных действий, связанных с незаконным оборотом оружия [Невский 2006, с. 56]. Следовательно, анализ количественно-качественных характеристик незаконного оборота оружия на современном этапе позволит выявить основные негативные тенденции в этой области и наметить пути по их последующей минимизации и устранению.

Говоря о количестве ежегодно регистрируемых преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, следует провести данные МВД России. Так, количество таких преступлений, выявленных субъектами учета в 2015 г., по сравнению с 2014 г., увеличилось на 2,4 % и составляло 27 320 деяний, в 2016 г. было зарегистрировано 27 994 преступления данного вида (увеличение на 2,5 %), в 2017 г. – 28 916 (увеличение на 3,3 %), в 2018 г. – 27 452 (снижение на 5,1 %), в 2019 г. – 26 557 (снижение

© Родионов К. В., 2020

на 3,3 %)[1]. В целом нужно согласиться с мнением других исследователей о том, что динамика преступности в этой области является весьма неоднозначной [Авдеев, Авдеева 2019]. Так, анализ приведенных показателей свидетельствует о том, что, во-первых, в предшествующие два года (2018 г. и 2019 г.) наблюдается тенденция к планомерному снижению количества регистрируемых преступлений указанной категории, а во-вторых, в общей массе ежегодно регистрируемых преступлений в России незаконный оборот оружия в среднем за пять лет составляет не более 1,3 %.

Структуру преступлений, подлежащих обязательному учету органами внутренних дел и связанных с незаконным оборотом оружия, составляют деяния, выражающиеся преимущественно в незаконном приобретении, передаче, сбыте, хранении, перевозке или ношении оружия, его основных частей, боеприпасов (ст. 222 УК РФ), в хищении либо вымогательстве оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226 УК РФ), незаконном изготовлении оружия (ст. 223 УК РФ), ненадлежащем исполнении обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 225 УК РФ).

Так, преступлений, предусмотренных ст. 222 УК РФ, в 2015 г. было зарегистрировано 18 076 (это составило 66,2 % от общего количества зарегистрированных преступлений в сфере незаконного оборота оружия в этом году), в 2016 г. – 17 561 (62,7 %), в 2017 г. – 17 494 (60,5 %), в 2018 г. – 16 517 (60,2 %), в 2019 г. – 16 060 (60,5 %).

Количество преступлений, предусмотренных ст. 226 УК РФ (хищение оружия, совершенное в различных формах, либо его вымогательство), в 2015 г. составило 573 (2,1 %), в 2016 г. – 1 355 (4,8 %), в 2017 г. – 1 250 (4,3 %), в 2018 г. – 1 126 (4,1 %), в 2019 г. – 1 049 (3,9 %).

Преступлений, сопряженных с незаконным изготовлением оружия (ст. 223 УК РФ), в 2015 г. было зарегистрировано 4 542 (16,6 %), в 2016 г. – 4 811 (17,2 %), в 2017 г. – 5 010 (17,3 %), в 2018 г. – 4 906 (17,9 %), в 2019 г. – 4 981 (18,7 %)[2].

Ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 225 УК РФ) регистрируется гораздо меньше, чем иных деяний, связанных с незаконным оборотом оружия. За период с 2015 по 2019 г. по ст. 225 УК РФ в среднем регистрировалось по 6 преступлений в год.

Таким образом, в структуре преступлений, сопряженных с незаконным оборотом оружия, большинство связано с незаконным приобретением, передачей, сбытом, хранением, перевозкой или ношением оружия, его основных частей, боеприпасов (ст. 222 УК РФ). Сегодня это самые распространенные общественно опасные деяния в этой области.

Заметим, что преступные деяния, охватываемые ст. 222–226.1 УК РФ, нередко сопряжены с совершением иных преступлений, где субъекты используют те или иные виды оружия, взрывчатые вещества и взрывные устройства для облегчения своей преступной деятельности. Так, по справедливому замечанию О. В. Морозовой, «применение оружия преступными группами в ходе межнациональных конфликтов и военных действий неизбежно приводит к международной дестабилизации, обострению внутригосударственной напряженности, влечет увеличение преступности» [Морозова 2017]. Совершаемые с определенной периодичностью террористические акты в разных регионах Российской Федерации являются прямым тому подтверждением.

Именно ввиду указанных причин преступления, совершенные с использованием оружия, также подлежат отдельному учету. Согласно официальной статистике МВД России в 2015 г. преступлений, совершенных с использованием оружия, было зарегистрировано 6 939, в 2016 г. – 6 031, в 2017 г. – 5 434, в 2018 г. – 6 003, в 2019 г. – 5 571[3]. В общем количестве ежегодно регистрируемых преступлений данные показатели составляют не более 1 % и, как видим, имеют очевидную тенденцию к снижению их количества. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что, как правило, преступления, совершаемые с использованием оружия, уголовным законом отнесены к категориям умышленных тяжких или особо тяжких преступлений и влекут за собой в каждом конкретном случае существенное нарушение прав и законных интересов граждан, общества и государства, в том числе выражающееся в причинении вреда здоровью различной степени тяжести либо смерти потерпевших. В связи с этим такой учет нужен в целях оптимизации работы в направлении профилактики преступлений, совершаемых с использованием оружия.

Далее проведем анализ показателей незаконного оборота оружия на региональном уровне. Очевидно, что каждый регион страны, являясь ее составной частью и функционирующий в соответствии с общефедеральными нормативными актами, имеет и свои особенности. Эти особенности нередко влияют на уровень всей преступности в том или ином регио-

[1] Состояние преступности в России за январь–декабрь 2015 г. по январь–декабрь 2019 г. // МВД России : [сайт]. URL: https://мвд.рф/folder/101762 (дата обращения: 04.06.2020).

[2] Там же.

[3] Там же.

не, а также на превалирование одних преступлений в общей структуре преступности над другими. Исследуя соответствующие региональные показатели в сфере незаконного оборота оружия в 2019 г., мы выделили регионы, характеризующиеся наибольшими темпами прироста данного вида преступлений, а именно: Республика Северная Осетия – Алания (+ 247,7%), Карачаево-Черкесская Республика (+ 65,2%), Магаданская область (+ 58,3%), Чеченская Республика (+ 58,0%)[1].

Среди регионов с наименьшими темпами прироста преступлений в области незаконного оборота оружия в 2019 г. выделим следующие: Республика Марий Эл (– 41,7 %), Ненецкий автономный округ (– 40,0 %), Ленинградская область (– 39,8 %), Республика Дагестан (– 29,4 %), Сахалинская область (– 27,4 %)[2].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что анализируемые преступления в наибольшей степени совершаются в субъектах Российской Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ. Объясняется это, на наш взгляд, в первую очередь тем, что общеизвестные конфликты, длительное время сопровождавшие жизнь граждан этих регионов, открыли весьма объемный поток оружия, которое распределилось не только между участниками незаконных вооруженных формирований и банд, но и среди законопослушных граждан в целях необходимой обороны. Таким образом, и по сей день отголоски тех событий продолжают юридически выливаться в факты незаконного оборота оружия.

Работа в направлении по минимизации количества единиц оружия у населения, в том числе на Северном Кавказе, ведется на законодательном уровне. Так, в связи с принятием Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 306-ФЗ «О внесении изменений в ст. 222 и 223 Уголовного кодекса Российской Федерации»[3] был сделан серьезный шаг в этом направлении. Согласно поправкам, из примечаний к ст. 222 и 223 УК РФ убрана весьма значимая поправка – «если в его действиях не содержится иного состава преступления». Это означает, что даже если человек совершил какие-либо иные преступления, факт добровольной сдачи оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, влечет за собой освобождение его от уголовной ответственности по ст. 222, 222.1, 223, 223.1 УК РФ.

Регионами с наибольшими темпами прироста числа зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием огнестрельного, газового оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в 2019 г. выступили: Камчатский край (+ 200 %), г. Москва (+ 73,8 %), Амурская область (+ 62,8 %), Республика Тыва (+ 57,1 %), Хабаровский край (+ 40 %). Среди регионов с наименьшими темпами прироста таких преступлений в 2019 г. следует назвать: Республику Калмыкия (– 100 %), Чукотский автономной округ (– 50 %), Новгородскую область (– 48,3 %), Республику Мордовия (– 47,8 %), Карачаево-Черкесскую Республику (– 40 %).

Как видим, однородности здесь не прослеживается, но вызывает тревогу тот факт, что среди регионов с наибольшими темпами прироста оказалась столица Российской Федерации. И это при том, что в данном городе, как ни в каком другом, созданы и активно функционируют максимально возможные меры безопасности, способные к предотвращению не только фактов совершения преступлений с использованием оружия, но и в принципе затрудняющие сам незаконный оборот оружия.

Итак, проведенный анализ количественно-качественных показателей преступности в сфере незаконного оборота оружия в Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что динамика преступлений, предусмотренных ст. 222–226.1 УК РФ, выглядит весьма неоднозначной. За период с 2015 по 2019 г. на протяжении трех лет наблюдался планомерный рост числа данных преступлений, только в 2018 и 2019 гг. наступило снижение соответствующих показателей. Самым распространенным преступлением среди прочих в указанной группе является преступление, предусмотренное ст. 222 УК РФ. Неоднородно выглядят и показатели, характеризующие количество совершаемых преступлений с использование различных видов оружия. Однако к 2019 г., по сравнению с 2015 г., количество таких преступлений сократилось на 1 368 деяний, что отмечается нами как положительная динамика. Если говорить о региональном уровне, то темпы прироста соответствующих преступлений в отдельных субъектах Российской Федерации выглядят просто колоссально (например, Республика Северная Осетия – Алания, Камчатский край), что не может не вызывать определенную обеспокоенность в связи с принимаемыми мерами по предупреждению анализируемых преступлений.

Все вышеизложенное подтверждает гипотезу о том, что проблема по выстраиванию мер оптимального противодействия незаконному обороту оружия в Российской Федерации объективно существует. Ее решение видится в первую очередь в грамотном использовании соответствующей информации о количественно-качественных показателях данной преступности как на федеральном, так и на региональном уровнях, и принятии соответствующих мер политического, правового, социального и экономического характера.

[1] Состояние преступности в России за январь–декабрь 2015 г. по январь–декабрь 2019 г.

[2] Там же.

[3] Российская газета. 2013. 11 янв.

Список цитируемых источников

Авдеев, Авдеева 2019 – *Авдеев В. А., Авдеева О. А.* Правовой механизм обеспечения общественной безопасности в контексте национальных угроз, связанных с преступным оборотом оружия // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 44–46.

Дизер, Сургутсков 2015 – *Дизер О. А., Сургутсков В. И.* Гражданское оружие: законодательное регулирование оборота. Ростов н/Д : Феникс, 2015. 109 с.

Морозова 2017 – *Морозова О. В.* Преступность в сфере незаконного оборота оружия // Юрист. 2017. № 24. С. 42–46.

Невский 2006 – *Невский С. А.* Контрабанда оружия // Законность. 2006. № 4. С. 56–58.

References

Avdeev, V. A. and Avdeeva, O. A. (2019), "Legal mechanism for ensuring public security in the context of national threats related to criminal arms trafficking", *Rossiiskaya yustitsiya,* no. 5, pp. 44–46.

Dizer, O. A. and Surgutskov, V. I. (2015), *Grazhdanskoe oruzhie: zakonodatel'noe regulirovanie oborota* [Civilian weapons: legislative regulation of the turnover of], Feniks, Rostov-na-Donu, Russia.

Morozova, O. V. (2017), "Crime in the field of illegal arms trafficking", *Yurist,* no. 24, pp. 42–46.

Nevsky, S. A. (2006), "Arms smuggling", *Zakonnost'*, no. 4, pp. 56–58.

Информация об авторе

Родионов Константин Владимирович,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; rodionov-konstantinv@yandex.ru

Information about the author

Radionov Konstantin V.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; rodionov-konstantinv@yandex.ru

Для цитирования

Родионов К. В. Незаконный оборот оружия: краткий криминологический анализ основных показателей // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 121–124.

For citation

Rodionov, K. V. (2020), "Illegal trafficking of weapons: a brief criminological analysis of key indicators", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 121–124.

УДК 342.9

О. Ю. Таибова[1]
[1]*Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация*

O. Yu. Taibova[1]
[1]*Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation*

Государственная гражданская служба в Российской Федерации: проблемы эффективности и поиски путей повышения эффективности управления

State civil service in the Russian Federation: problems of efficiency and search for ways to improve management efficiency

Ключевые слова: государственная гражданская служба; государственные гражданские служащие; система государственной службы; критерии эффективности.

Аннотация. В статье проведен анализ действующего законодательства в сфере государственной гражданской службы в Российской Федерации, обозначены проблемы ее эффективности. Автором предложены меры, направленные на совершенствование правовых и организационных основ реализации государственной гражданской службы в Российской Федерации для повышения ее эффективности.

Key words: state civil service; government civil servants; civil service system; performance criteria.

Abstract. The article analyzes the current legislation in the field of state civil service in the Russian Federation, identifies the problems of its effectiveness. The author proposes measures aimed at improving the legal and organizational framework for the implementation of the state civil service in the Russian Federation to increase its efficiency.

В настоящее время одной из первостепенных задач административной реформы в условиях современной российской государственности выступает совершенствование организации и прохождения государственной службы на федеральном и региональном уровнях. Институт государственной службы представляет собой сложное, комплексное, многоаспектное правовое явление, имеющее непростую юридическую природу.

Государственная служба служит фундаментом, способствующим укреплению государства, обеспечивающим непрерывное функционирование его структур, имеет определяющее значение в выполнении целей, задач и функций государства, в осуществлении государственного управления всеми сферами общественной жизни.

Двухуровневая система построения государственной службы в Российской Федерации предопределяет особенности ее правового регулирования, которое осуществляется не только на федеральном, но и на региональном уровне. Сегодня в каждом субъекте Российской Федерации осуществляются правовое регулирование и организация государственной гражданской службы путем принятия законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. Так, в региональных нормативных правовых актах, как правило, устанавливаются организационные, трудовые, социальные гарантии гражданских служащих, требования и ограничения их деятельности, а также иные элементы их специального статуса: реестр должностей, классные чины и порядок их присвоения, квалификационные требования к стажу, порядок представления сведений о доходах и имуществе, отпуска, оплата труда, поощрения, пенсионное обеспечение, подготовка кадров, кадровая ротация, кодекс этики и служебного поведения и финансирование государственной гражданской службы. Следует отметить, что многие нормы таких актов не отражают региональной специфики, поскольку во многом дублируют федеральное законодательство.

Реформирование института государственной службы является одним из приоритетных направлений государственного строительства и проводится в целях повышения эффективности функционирования государственного аппарата в интересах развития гражданского общества и укрепления государства. Необходимо отметить, что главой государства вопрос реформирования государственной службы впервые был обозначен в начале XXI в.[1] Однако по-прежнему система государственной службы нуждается в перестройке. Вместе с тем обеспечение единства системы государственной службы – одна из основных проблем, которая должна быть решена в ходе ее развития [Гришковец, Ростовцева, Фомина 2014, с. 94].

Государственная гражданская служба Российской Федерации представляет собой фундамен-

[1] Концепция реформирования системы государственной службы Российской Федерации : [утв. Президентом Рос. Федерации 15 авг. 2001 г. № Пр-1496]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; О Федеральной программе «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003–2005 годы)» : указ Президента Рос. Федерации от 19 нояб. 2002 г. № 1336 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 47, ст. 4664.

© Таибова О. Ю., 2020

тальную основу реализации функционирования и управления любого государства, в том числе и Российской Федерации. Цели и задачи государственной гражданской службы главным образом состоят в практическом осуществлении функций государства и всех его органов власти, решении задач государства, обеспечении благополучия и благосостояния российского общества, удовлетворении публичных интересов на основе принципов, установленных в Конституции Российской Федерации и других нормативных правовых актах. Государственная гражданская служба в России призвана обеспечить реализацию полномочий всех органов государственной власти как федерального, так и регионального уровня. Без нее невозможно представить существование всего государственного аппарата управления в России. Именно поэтому так важно понимать, каковы критерии ее эффективной реализации в нашей стране, в чем заключаются проблемы данного вида (подсистемы) государственной службы и каковы пути их преодоления.

Важная роль в системе государственной службы отводится непосредственно государственным служащим, реализующим возложенные на данный вид службы задачи посредством осуществления соответствующих полномочий. Они являются одной из главных движущих сил при реализации положений Конституции Российской Федерации, в их компетенции находится решение широкого круга внутригосударственных вопросов (от подготовки нормативных правовых актов, непосредственно влияющих на жизнь в государстве и его развитие, до решения самых обычных и насущных проблем граждан и общества). Из этого следует необходимость наличия у гражданского служащего высокого уровня профессиональной подготовки, знаний, умений и навыков в работе с гражданами в той области государственного управления, где осуществляется прохождение государственной службы. Таким образом, качество государственного управления зависит от конкретного государственного служащего, и поэтому отбор кадров для замещения должностей государственной службы имеет важное государственное значение.

Уровень профессиональной подготовки государственных гражданских служащих, составляющих аппарат государственной власти, непосредственно связан с эффективностью решения поставленных перед данным видом государственной службы задач, а государственная гражданская служба как социальный институт оказывает серьезное влияние на развитие общественных структур, формирование норм, правил и системы социальных ценностей.

Правовые основы, регламентирующие порядок поступления на государственную гражданскую службу, закреплены в Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»[1] (далее: Закон № 79-ФЗ), в указах Президента Российской Федерации и иных нормативных правовых актах. Особый порядок поступления на государственную гражданскую службу обусловлен необходимым высоким уровнем профессионализма кадрового состава, но с соблюдением принципа равного доступа граждан к государственной гражданской службе. Данный принцип обеспечивается с помощью системы конкурсного отбора кандидатов на замещение должностей государственной гражданской службы. Конкурс, помимо реализации конституционного права на равный доступ к гражданской службе, создает для служащих условия для должностного роста на конкурсной основе[2]. Конкурсную комиссию составляют: представитель нанимателя, а также уполномоченные гражданские служащие того подразделения, в котором проводится конкурс на замещение должности, представитель органа по управлению государственной службой, представители образовательных и научных организаций, которые приглашаются в качестве независимых экспертов. Состав конкурсной комиссии не должен создавать конфликт интересов, который может повлиять на решение комиссии. Проведение конкурса должно стать справедливым и оптимальным способом для отбора кандидатов [Иванкина, Завгородний 2010, с. 81].

Нужно отметить тот факт, что, к сожалению, конкурсная основа перестает быть главным способом формирования кадрового состава органов государственной власти в Российской Федерации на современном этапе, и сами возможности поступления на гражданскую службу посредством конкурсного отбора значительно сокращаются и ограничиваются. Как заявляет ряд ученых, сегодня наблюдается тенденция к увеличению количества групп должностей, замещение которых происходит без конкурса [Пресняков, Чаннов 2009, с. 35]. Закон № 79-ФЗ значительно ограничил область и сферу применения конкурсного отбора. Конкурс также не проводится при заключении срочного служебного контракта, при переводе на другую должность гражданской службы по состоянию здоровья, при ликвидации органа государственной власти или в связи с сокращением должностей. Нахождение гражданина или гражданского служащего в кадровом резерве также является основанием для непроведения конкурса [Тхабиси-

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31, ст. 3215.

[2] О конкурсе на замещение вакантной должности государственной гражданской службы Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 1 февр. 2005 г. № 112 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 6, ст. 439.

мова, Тхабисимов 2018, с. 183]. Как было отмечено выше, конкурсная основа является гарантией эффективности осуществления в дальнейшем гражданским служащим своей деятельности. Ограничение сферы применения конкурсного отбора кандидатов на должности государственной гражданской службы может негативно влиять на эффективность работы гражданского служащего, так как будет осуществляться непрофессионалами.

Для повышения эффективности государственной гражданской службы главой государства в 2019 г. 24 июня был подписан указ № 288 «Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019–2021 годы» (далее: Указ Президента РФ № 288), в котором устанавливается, что основными направлениями развития государственной гражданской службы в Российской Федерации на период с 2019 по 2021 г. являются: 1) совершенствование порядка назначения на должности государственной гражданской службы Российской Федерации граждан Российской Федерации, государственных гражданских служащих Российской Федерации; 2) стимулирование гражданских служащих к повышению эффективности своей профессиональной служебной деятельности, развитие системы государственных правовых и социальных гарантий на гражданской службе; 3) внедрение новых форм профессионального развития гражданских служащих, в том числе предусматривающих использование информационно-коммуникационных технологий; 4) ускоренное внедрение информационно-коммуникационных технологий в государственных органах в целях повышения качества кадровой работы[1].

Следует отметить, что данные направления являются достаточно общими. Конкретизацией направлений повышения эффективности в большей мере занимается Правительство Российской Федерации. Так, в Указе Президента РФ № 288 Правительству Российской Федерации поручается: обеспечить проведение мониторинга качества подготовки гражданских служащих по дополнительным профессиональным программам; совершенствовать методы оценки (в том числе с использованием информационно-коммуникационных технологий) профессиональных качеств гражданских служащих и лиц, претендующих на замещение должностей гражданской службы и включение в кадровый резерв на гражданской службе; завершить создание нормативно-правовой базы, необходимой для формирования федерального кадрового резерва на гражданской службе; обеспечить возможность проведения проверки сведений, представляемых гражданами Российской Федерации, поступающими на гражданскую службу, и гражданскими служащими, в автоматическом режиме (с использованием федеральной государственной информационной системы в области государственной службы), а также посредством направления в электронном виде запросов в государственные органы, ответственные за предоставление соответствующей информации. Данные нормативные положения, которыми органы государственной власти обязаны руководствоваться в своей деятельности и претворять в жизнь, следует считать критериями эффективности государственной гражданской службы на ближайшую перспективу.

Доктрина также не отстает от нормативных указаний и вырабатывает свои критерии эффективности осуществления государственной гражданской службы в Российской Федерации. Так, выделяют следующие критерии-показатели результативности для государственных гражданских служащих: 1) четкая связь государственной гражданской службы с целями и задачами органов государственной власти; 2) отражение степени вклада каждого государственного служащего в достижение целей и задач гражданской службы; 3) отражение выполнения основных должностных обязанностей государственного служащего [Жильцов 2010, с. 56].

Б. Т. Пономаренко и В. И. Жильцов в свою очередь также называют следующие критерии оценки эффективности государственной гражданской службы: при выделении критериев оценки эффективности государственной гражданской службы как социально-управленческого института прежде всего нужно определить, какие оцениваемые параметры следует признать наиболее существенными для этого. К ним можно отнести: 1) соответствие системным требованиям организации государственного управления; 2) соответствие функциональным требованиям по выполнению полномочий органов государственной власти в области управления общественными процессами; 3) организационную достаточность в осуществлении управленческой деятельности; 4) необходимый уровень легитимности в общественном сознании, обеспечивающий соответствующую степень управленческого авторитета; 5) степень соответствия собственной институционализации современным мировым стандартам в области управления.

Основываясь на выделенных параметрах, можно сформулировать ряд критериев, определяющих эффективность функционирования государственной гражданской службы в качестве социально-управленческого института: 1) четкость определения цели деятельности, объема выполняемых функций; 2) рациональность разделения труда и оптимальность его организации; достаточная деперсонализация действий и объективизация функций; 3) признанность и престиж, какими она (служба)

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 26, ст. 3410.

обладает, по мнению всего населения или его большей части; 4) степень бесконфликтности и структурного включения в глобальную систему институтов; 5) уровень соответствия международным стандартам и рамкам цивилизованного мирового сообщества [Пономаренко, Жильцов 2011, с. 10].

Необходимо отметить, что, несмотря на Указ Президента РФ № 288, который определяет основные направления развития государственной гражданской службы на ближайший период, сегодня все же представляется весьма проблематичным окончательно сформировать основные позиции и предложить завершенную и целостную систему показателей в первую очередь социальной эффективности работы государственной гражданской службы. По мнению некоторых ученых-административистов, таким критерием социальной эффективности выступают доверие и готовность к сотрудничеству и диалогу граждан и их объединений со структурами государственной гражданской службы. В частности, В. А. Столярова считает, что «при определении показателей эффективности труда государственных служащих заслуживает развития и идея разработки и применения в системе стимулирования госслужащих социальных стандартов как инструмента измерения степени социальной защищенности населения, различных социальных групп, конкретного человека» [Столярова 2007, с. 36].

В качестве социально значимых критериев эффективности государственной гражданской службы также необходимо выделять: 1) «качество» кадров государственной гражданской службы, характеризуемое профессиональной подготовленностью и компетенцией, уровнем специального управленческого образования и т. п.; 2) морально-психологические и этические качества государственных гражданских служащих, определяющие принципы их личного и корпоративного поведения и в служебном, и в социально-бытовом аспектах; 3) личные гражданские качества государственных гражданских служащих и их служебно-гражданские ориентации, готовность и способность осознавать свое место в обществе и свои задачи в системе управления им и т. д.

Важно также подчеркнуть, что критерии эффективности государственной гражданской службы находятся в самой тесной связи с общими критериями эффективности государственной службы, такими как: степень соответствия содержания и результатов деятельности управленческих структур и работников тем ее параметрам, которые определены вышестоящими управленческими руководителями; степень соблюдения управляющими правовых и иных установленных норм; степень влияния управленческой деятельности на состояние и развитие управленческих объектов; степень изменения объекта управления в позитивную или негативную сторону; направленность деятельности на улучшение реального положения людей, на реализацию их интересов и потребностей; авторитетность решений и действий управленческих структур и работников [Спатарь 2014].

Для современного российского общества наиболее важной задачей являются построение эффективного государства, преодоление недостатков в организации и функционировании системы органов государственной власти. Решение этой задачи требует модернизации государственной гражданской службы, которая должна стать открытой, конкурентоспособной и престижной, ориентированной на результативную деятельность по обеспечению исполнения полномочий государственных органов, оказанию государственных услуг, активно взаимодействовать с институтами гражданского общества. Именно государственная гражданская служба призвана претворять в жизнь политику государства в сфере экономики, социального развития, культуры и образования [Греков 2014, с. 55]. От уровня профессионализма государственных гражданских служащих, их коррупционной устойчивости, умения своевременно и эффективно решать задачи государственного управления, оказывать качественные публичные услуги зависят не только нормальное функционирование рыночной экономики, но и сохранение социальной стабильности в обществе, обеспечение и защита законных прав и интересов человека и гражданина.

Развитию государственной гражданской службы способствует в первую очередь совершенствование законодательства в этой сфере. Определенные на федеральном уровне власти критерии повышения эффективности государственной гражданской службы должны быть закреплены в Законе № 79-ФЗ, а для практической реализации данных критериев необходимо их внедрение в практическую деятельность органами государственной власти, в которых осуществляется государственная гражданская служба.

На данном этапе развития государственной гражданской службы некоторыми учеными выделяются следующие проблемы ее реализации:

1) недостаточность научного исследования. Отсутствие научно обоснованной и апробированной методики применения норм законодательства Российской Федерации о государственной гражданской службе;

2) неупорядоченность внутренней организации государственной гражданской службы, отсутствие надлежащей регламентации деятельности государственных органов и государственных служащих, способствующих коррупции, злоупотреблениям, бюрократизации отношений между государственными органами, структурными подразделениями государственного органа, а также госу-

дарственных органов с гражданами и структурами общества. Слабая разработанность и неэффективность механизмов противодействия коррупции, а также правовых и организационных мер контроля со стороны гражданского общества за деятельностью государственных органов [Беседин, Ефименко, Козина, Лаптев, Тягай 2014, с. 89];

3) отсутствие разработанных механизмов взаимосвязи государственной гражданской службы с муниципальной службой;

4) недостаточная открытость государственной службы, что способствует в свою очередь проявлениям бюрократизма и коррупции;

5) использование нередко устаревших технологий в работе кадровых служб государственных органов;

6) недостаточная координация практической деятельности структурных подразделений государственных органов, осуществляющих функции, связанные с реализацией законодательства Российской Федерации о государственной службе;

7) отсутствие целенаправленной работы по привлечению молодых специалистов;

8) недостаточная проработанность методики проведения конкурсов на замещение вакантных должностей гражданской службы, квалификационных экзаменов и аттестации государственных служащих;

9) не в полной мере реализация предусмотренных законодательством Российской Федерации механизмов стимулирования государственных гражданских служащих к исполнению должностных обязанностей на высоком профессиональном уровне, что снижает их мотивацию;

10) гендерная диспропорция кадрового состава [Орешин 2017, с. 27].

Данные проблемы государственной гражданской службы обусловливают проблемы недостаточной эффективности, гибкости и слабой приспособленности государственной гражданской службы к решению задач развития общества и рыночной экономики, невосприимчивости к новым методам и формам организации, планирования, ресурсного обеспечения государственных органов и стимулирования профессиональной деятельности государственных служащих.

Повысить эффективность работы государственной гражданской службы можно следующими способами:

1) нормативное закрепление и, что самое главное, практическая реализация критериев повышения эффективности данного вида государственной службы, отмеченных в Указе Президента РФ № 288;

2) повышение профессиональной подготовленности государственных гражданских служащих, овладение ими знаниями по специальностям в области управления, а также повышение компетенции по широкому кругу вопросов социального характера;

3) создание единой кадровой политики всей системы государственного управления (особенно заметно на региональном уровне), что в итоге не дает полного эффекта от внедрения новых прогрессивных нормативных правовых актов, нормативных положений, научных методов и современных типовых решений на всех стадиях прохождения государственной службы [Воронина, Радченко 2015, с. 201];

4) освоение и внедрение идей паритетной демократии, создание условий для фактического обеспечения конституционного принципа равных прав и равных возможностей мужчины и женщины на государственной службе и в целом в политической системе, что необходимо для повышения эффективности и качества государственного управления [Исаева 2007, с. 50];

5) повышение уровня профессиональных знаний законодателя, разрабатывающего федеральные и региональные нормативные правовые акты, касающиеся государственного управления;

6) повышение уровня доверия граждан к государственным гражданским служащим с помощью таких факторов, как: усиление противодействия коррупции в сфере государственной службы, повышение компетентности государственных служащих, строгое соблюдение ими ограничений, установленных законом, нравственное воспитание государственных служащих, повышение корректности государственных служащих во взаимоотношениях с гражданами, активизация мотивации государственных служащих к повышению качества своей профессиональной служебной деятельности [Астафьева 2018, с. 30];

7) создание мотивационных механизмов, повышающих заинтересованность гражданских служащих в результатах их служебной деятельности, и системы комплексной оценки профессиональной деятельности – разработка социально-экономических нормативов простых и понятных для всех слоев населения.

Еще в 2016 г. указом Президента Российской Федерации от 11 августа 2016 г. № 403 «Об Основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016–2018 годы»[1] было поручено Правительству Российской Федерации добиться повышения престижа государственной гражданской службы. В этих целях необходимо завершить мероприятия по совершенствованию системы материального стимулирования государственных гражданских служащих, а также структуры их денежного содержания. Речь идет о совершенствовании системы материального стимулирования государственных гражданских слу-

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 33, ст. 5165.

жащих, увеличения гарантированной части их денежного содержания, а также повышения в оплате труда доли, обусловленной эффективностью их работы. Важно отметить, что идея увеличения в оплате труда государственных гражданских служащих доли, связанной с реальной эффективностью их работы, существует давно, но на практике внедряется с трудом. В этой связи полагаем необходимо разработать индикаторы, позволяющие оценивать уровень профессиональной служебной деятельности, с соответствующей системой материального стимулирования государственных гражданских служащих, занимающихся научной деятельностью, что, безусловно, обеспечит повышение эффективности их профессиональной служебной деятельности. Необходимость увеличения расходов на материальную мотивацию государственных гражданских служащих очевидна.

Целесообразно также совершенствовать деятельность по выявлению конфликта интересов на государственной гражданской службе, что значительно улучшит работу по их выявлению и разрешению.

В соответствии со ст. 20 Закона № 79-ФЗ сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера членов своей семьи представителю нанимателя представляют: 1) гражданин, претендующий на замещение должности гражданской службы, – при поступлении на службу; 2) гражданский служащий, замещающий должность гражданской службы. При этом под членами семьи гражданского служащего понимаются супруг (супруга) и несовершеннолетние дети.

Анализ поступающих сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера государственных (муниципальных) служащих имеет две цели: основную – выявление признаков коррупционных правонарушений государственных (муниципальных) служащих и вспомогательную – определение рисков возникновения конфликта интересов у государственных (муниципальных) служащих. Таким образом, развитие механизма выявления и разрешения конфликта интересов возможно путем совершенствования: а) правовой регламентации круга лиц, информации о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, которую должны представлять поступающие на государственную службу лица и государственные служащие; б) приемов и способов использования данной информации в целях эффективного противодействия коррупции. Круг лиц, информацию о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера которых должны представлять поступающие на государственную службу лица и государственные служащие, нуждается в расширении.

В отличие от российского, в зарубежном законодательстве круг лиц, доходы, расходы, имущество и обязательства имущественного характера, которые подлежат государственному контролю в связи с замещением должности государственной или муниципальной службы либо поступлением на нее, значительно шире, и в указанном отношении представляется полезным изучить и перенять положительный опыт ряда других стран.

Так, законодательством США предусмотрена обязанность государственных служащих представлять в Управление по вопросам этики информацию о своих расходах и доходах, а также расходах и доходах близких родственников, к числу которых относятся не только дети и супруг (супруга), но и родители. В отечественной юридической литературе высказываются предложения о том, чтобы в отношении государственных служащих, замещающих руководящие должности и принимающих ответственные решения, закрепить обязанность представления сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера не только своих супругов и детей, но и всех лиц, связанных с ними отношениями близкого родства или свойства. При регламентации круга лиц, сведения о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, которые должны представляться государственными служащими или поступающими на государственную (муниципальную) службу лицами, целесообразно объединить в два подхода: идентификацию по степени родства и идентификацию по признакам ведения совместного хозяйства. Степень родства в целях противодействия коррупции необходимо понимать максимально широко: в список подконтрольных лиц должны входить родители, супруги, дети, братья и сестры (в том числе сводные), внуки государственных (муниципальных) служащих или поступающих на государственную (муниципальную) службу лиц, а также братья и сестры (в том числе сводные), родители и дети супругов (от иных браков). Необходимость идентификации по признаку ведения совместного хозяйства обусловлена в том числе широким распространением в настоящее время в России фактического брачного сожительства, что предоставляет широкие возможности для легального сокрытия государственными служащими и лицами, поступающими на государственную службу, массива данных о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, что затрудняет проведение антикоррупционного мониторинга, а также оценку рисков возникновения конфликтов интересов [Виноградова 2016, с. 14].

24 марта 2020 г. в Государственную Думу Российской Федерации был внесен на рассмотрение законопроект № 928746-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной граждан-

ской службе Российской Федерации" (в части, касающейся создания правовых и организационных условий для проведения экспериментов, направленных на развитие государственной гражданской службы)»[1]. Предполагается, что принятие этого законопроекта создаст правовые основы и организационные условия для внедрения новых кадровых технологий, направленных на повышение эффективности деятельности государственных органов и профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих. Таким образом, на федеральном уровне будут созданы условия для разработки и внедрения новых кадровых технологий на государственной гражданской службе как на уровне субъекта Российской Федерации, так и в отдельно взятом структурном подразделении государственного органа. Относительно совершенствования отбора и оценки кадров для государственной гражданской службы предполагается создание единого кадрового центра.

Действующее законодательство предусматривает ряд функций государственной службы, которые невозможно осуществлять в силу отсутствия специализированного государственного органа по управлению государственной службой. В связи с этим необходимо создать единый государственный специализированный орган на федеральном уровне (федеральное министерство) со своими территориальными органами, который отвечал бы за формирование кадрового состава государственных органов. Территориальными органами федерального специализированного органа могли бы быть соответствующие управления, выполняющие функции единого кадрового центра (вместо единого кадрового центра).

Начало созданию органов по управлению государственной службой было положено постановлением Правительства Российской Федерации от 6 марта 1992 г. № 145 «Вопросы Главного управления по подготовке кадров для государственной службы при Правительстве Российской Федерации»[2]. Следует отметить, что в ст. 16 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»[3] определены задачи такого органа, а самого органа пока нет. Сегодня в государственной гражданской службе отдельные функции управленческого характера выполняют различные министерства. Создание специализированного государственного органа, занимающегося вопросами организационного обеспечения функционирования государственного аппарата, является важной задачей государства.

Таким образом, именно государственная гражданская служба, обеспечивающая деятельность органов государственной власти, выступает решающим фактором в процессе динамичного развития Российской Федерации. Необходимость совершенствовать правовые и организационные основы реализации государственной гражданской службы в Российской Федерации для ее большей эффективности в настоящее время очевидна.

Список цитируемых источников

Астафьева 2018 – *Астафьева А. С.* Проблемы эффективности государственной гражданской службы России // Молодой ученый. 2018. № 40(226). С. 29–31.

Беседин, Ефименко, Козина, Лаптев, Тягай 2014 – Корпоративные отношения: комплексные проблемы теоретического изучения и нормативно-правового регулирования / А. Н. Беседин [и др.]. М. : Норма : НИЦ ИНФРА-М, 2014. 144 с.

Виноградова 2016 – *Виноградова П. А.* Конфликт интересов на государственной службе // Бизнес, менеджмент и право. 2016. № 4. С. 11–20.

Воронина, Радченко 2015 – *Воронина Л. И., Радченко Т. Е.* Анализ теоретико-методологических и нормативно-правовых основ проведения комплексной оценки результативности профессиональной служебной деятельности гражданских служащих // Вопросы управления. 2015. № 6. С. 196–203.

Греков 2014 – *Греков И. И.* Оценка эффективности государственных программ как показатель эффективности управления // Государственное управление в XXI веке : Российская Федерация в современном мире. М. : ИНФРА-М, 2014. С. 55–59.

Гришковец, Ростовцева, Фомина 2014 – *Гришковец А. А., Ростовцева Ю. В., Фомина С. В.* Государственная гражданская служба / отв. ред. Н. Ю. Хаманева. М. : Дело и сервис, 2014. 624 с.

Жильцов 2010 – *Жильцов В. И.* Государственная служба: показатели и критерии эффективности функционирования. М. : Изд-во РАГС, 2010. 108 с.

Иванкина, Завгородний 2010 – *Иванкина Т. В., Завгородний А. В.* Конкурсный подбор кадров государственных гражданских служащих // Трудовое право. 2010. № 3. С. 81–88.

Исаева 2007 – *Исаева Н. В.* Идеи гендерного равенства в нормативных документах // Гендерный подход в деятельности государственных и муниципальных служащих / под ред. О. А. Хасбулатовой. Иваново : ИвГУ, 2007. 150 с.

[1] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 22, ст. 2063.

Орешин 2016 – *Орешин В. П.* Система государственного и муниципального управления. М. : НИЦ ИНФРА-М, 2016. 320 с.

Пономаренко, Жильцов 2011 – *Пономаренко Б. Т., Жильцов В. И.* Эффективность гражданской государственной службы в Российской Федерации // Социология власти. 2011. № 4. С. 6–12.

Пресняков, Чаннов 2009 – *Пресняков М. В., Чаннов С. Е.* Замещение должностей государственной гражданской службы из кадрового резерва // Кадровик. Трудовое право для трудовика. 2009. № 10. С. 31–37.

Спатарь 2014 – *Спатарь А. В.* Эффективность государственной службы и критерии эффективности // Молодой ученый. 2014. № 8(67). С. 595–598.

Столярова 2007 – *Столярова В. А.* Проблемы государственной гражданской службы. Социальные стандарты и нормативы // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2007. № 1. С. 33–39.

Тхабисимова, Тхабисимов 2018 – *Тхабисимова Л. А., Тхабисимов Х. А.* Особенности поступления и прохождения государственной гражданской службы в Российской Федерации на современном этапе // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 12. С. 180–187.

References

Astaf'eva, A. S. (2018), "Problems of the effectiveness of the state civil service in Russia", *Molodoi ucheny'i,* no. 40(226), pp. 29–31.

Besedin, A. N., Efimenko, E. N., Kozina, E. A., Laptev, V. A. and Tyagai, E. D. (2014), *Korporativny'e otnosheniya: kompleksnye problemy teoreticheskogo izucheniya i normativno-pravovogo regulirovaniya* [Corporate relations: complex problems of theoretical study and legal regulation], Norma, NITs INFRA-M, Moscow, Russia.

Grekov, I. I. (2014), "Evaluation of the effectiveness of government programs as an indicator of management efficiency", *Gosudarstvennoe upravlenie v XX veke: Rossiiskaya Federatsiya v sovremennom mire* [Public administration in the XXI century: the Russian Federation in the modern world], INFRA-M, Moscow, Russia.

Grishkovets, A. A., Rostovtseva, Yu. V. and Fomina, S. V. (2014), *Gosudarstvennaya grazhdanskaya sluzhba* [State civil service], in Khamanaeva, N. Yu. (ed.), Delo i servis, Moscow, Russia.

Isaeva, N. V. (2007), *Idei gendernogo ravenstva v normativnykh dokumentakh* [Ideas of gender equality in regulatory documents], in Khasbulatova, O. A. (ed.), IvGU, Ivanovo, Russia.

Ivankina, T. V. and Zavgorodny, A. V. (2010), "Competitive selection of civil servants", *Trudovoe pravo,* no. 3, pp. 81–88.

Oreshin, V. P. (2016), *Sistema gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [The system of state and municipal government], NITs INFRA-M, Moscow, Russia.

Ponomarenko, B. T. and Zhil'tsov, V. I. (2011), "The effectiveness of the civil service in the Russian Federation", *Sotsiologiya vlasti,* no. 4, pp. 6–12.

Presnyakov, M. V. and Channov, S. E. (2009), "Substitution of positions of the state civil service from the personnel reserve", *Kadrovik. Trudovoe pravo dlya trudovika,* no. 10, pp. 31–37.

Spatar', A. V. (2014), "Civil service efficiency and performance criteria", *Molodoi uchenyi,* no. 8(67), pp. 595–598.

Stolyarova, V. A. (2007), "Public civil service problems. Social standards and norms", *Kadrovik. Kadrovyi menedzhment,* no. 1, pp. 33–39.

Tkhabisimova, L. A. and Tkhabisimov, Kh. A. (2018), "Features of admission and passage of the state civil service in the Russian Federation at the present stage", *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya,* no. 12, pp. 180–187.

Vinogradova, P. A. (2016), "Conflict of interest in public service", *Birnes, menedzhment, pravo,* no. 4, pp. 11–20.

Voronina, L. I. and Radchenko, T. E. (2015), "Analysis of the theoretical, methodological and regulatory framework for conducting a comprehensive assessment of the effectiveness of professional performance of civil servants", *Voprosy upravleniya*, no. 6, pp. 196–203.

Zhil'tsov, V. I. (2010), *Gosudarstvennaya sluzhba: pokazateli i kriterii effektivnosti funktsionirovaniya* [Public service: indicators and criteria for the effectiveness of functioning], RAGS, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Таибова Оксана Юркиновна,

кандидат юридических наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация; taibovao@mail.ru, taibova.2020@mail.ru

Information about the author

Taibova Oksana Yu.,

PhD (law), Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation; taibovao@mail.ru, taibova.2020@mail.ru

Для цитирования

Таибова О. Ю. Государственная гражданская служба в Российской Федерации: проблемы эффективности и поиски путей повышения эффективности управления // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 125–132.

For citation

Taibova, O. Yu. (2020), "State civil service in the Russian Federation: problems of efficiency and search for ways to improve management efficiency", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 125–132.

УДК 343.228

И. А. Тараканов[1]
Е. Е. Александрова[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
I. A. Tarakanov[1]
E. E. Aleksandrova[1]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Необходимая оборона: проблемы применения положений части 3 статьи 37 УК РФ

Necessary defense: problems of applying the provisions of part 3 of article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation

Ключевые слова: необходимая оборона; пределы необходимой обороны; оборонительные действия; общественно опасное посягательство; правомерность причинения вреда; возможность избежать посягательства.

Аннотация. Статья посвящена проблемам, возникающим при применении положений ч. 3 ст. 37 УК РФ в правоприменительной практике. Авторами анализируются положения ст. 37 УК РФ, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», точки зрения ученых-правоведов относительно уголовно-правовой оценки оборонительных действий в ситуации, когда обороняющийся причиняет вред посягающему лицу, однако мог бы прибегнуть к другим мерам защиты без причинения такого вреда. В результате проведенного исследования сделаны выводы о существующих предпосылках проблем применения положений ч. 3 ст. 37 УК РФ в ситуациях, когда оборонявшееся лицо имело возможность избежать посягательства, но предпочло причинить вред посягавшему.

Key words: necessary defense; limits of necessary defense; defensive actions; socially dangerous assault; legality of harm; opportunity to avoid encroachment.

Abstract. The article is devoted to the problems that arise when applying the provisions of part 3 of article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation in law enforcement practice. The authors analyze the provisions of article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation, resolution of the Plenum of the Supreme Court of 27.09.2012 № 19 "About application by courts of legislation on necessary defense, and causing harm when apprehending person, who committed the crime", opinions among legal scholars on the criminal-legal assessment of defensive actions in a situation when the defending harm to an attacker, however, could resort to other protective measures without causing such harm. As a result of the conducted research, conclusions are drawn about the existing prerequisites for the problems of applying the provisions of part 3 of article 37 of the criminal code in situations where the defending person had the opportunity to avoid encroachment, but preferred to harm the encroaching person.

Среди обстоятельств, исключающих преступность деяния, уголовный закон особое место отводит необходимой обороне. Значение института необходимой обороны трудно переоценить, поскольку, как справедливо отмечает В. В. Меркурьев, «в условиях, когда государство не может обеспечить эффективную защиту жизни, здоровья и в целом безопасное существование законопослушного гражданина, оно должно предоставить возможность осуществлять такую защиту самим гражданам» [Меркурьев 2019, с. 9]. Аналогичного мнения придерживается и Н. Э. Мартыненко: «Норма о необходимой обороне дает возможность гражданам защищать свои права и права других лиц, интересы общества и государства от общественно опасного посягательства» [Мартыненко 2019, с. 35].

Согласно ч. 3 ст. 37 УК РФ положения института необходимой обороны в равной мере распространяются на всех лиц независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

Аналогичное указание закреплено в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»[2], при этом конкретизируется, что защищать посредством необходимой обороны можно не только свои права и интересы, но и права других лиц, а также охраняемые законом интересы общества и государства.

Следует заметить, что в ст. 13 ранее действовавшего УК РСФСР рассматриваемое положение было закреплено практически в таком же виде: каждый имеет право на защиту своих прав и законных интересов, прав и законных интересов другого лица,

© Тараканов И. А., Александрова Е. Е., 2020

[2] Российская газета. 2012. 3 окт.

общества, государства от общественно опасного посягательства независимо от возможности избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

Еще в советской юридической литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что необходимая оборона не должна рассматриваться в качестве дополнения к деятельности органов государства, ведущих борьбу с преступностью [Баулин 1991, с. 227; Тишкевич 1969, с. 66; Якубович 1967, с. 39]. Представляется, что именно этим обусловлено наличие возможности причинения вреда посягающему лицу в ситуации, когда защиту от посягательства можно было бы осуществить каким-либо другим образом, например, убежать от нападающего, запереться в квартире или комнате, обратиться за помощью к другим гражданам или сотрудникам полиции. В этом заключается существенное отличие необходимой обороны от крайней необходимости, так как крайняя необходимость предполагает, что причинение вреда выступает единственным способом устранения грозящей опасности.

Цель закрепления в уголовном законодательстве положений, предусмотренных ч. 3 ст. 37 УК РФ, очевидна – повысить активность граждан в противодействии общественно опасным посягательствам. Наделение граждан правом активных оборонительных действий, в том числе в ситуации, когда посягательства можно было бы каким-либо образом избежать, позволяет обеспечить защиту интересов личности, общества и государства.

Однако анализ судебной практики применения института необходимой обороны свидетельствует о том, что далеко не всегда за обороняющимся признается закрепленное уголовным законом право на причинение вреда посягающему лицу, если существовала возможность избежать посягательства. В отдельных случаях суд, осуществляя уголовно-правовую оценку оборонительных действий, расценивает данную возможность как обстоятельство, свидетельствующее о превышении пределов необходимой обороны. Как справедливо отмечает Д. А. Дорогин, ограничение права на необходимую оборону в связи с тем, что лицо могло избежать посягательства, является относительно типичной квалификационной ошибкой [Дорогин 2020, с. 31].

Так, Бутырским районным судом г. Москвы К. была осуждена по ч. 1 ст. 108 УК РФ. Как было указано в приговоре, 1 июня 1997 г. примерно в 22 ч. К., находясь в квартире, принадлежавшей Сафронову, в состоянии алкогольного опьянения из личной неприязни в ссоре вырвала из рук Сафронова кухонный нож и, обороняясь, нанесла ему удар в грудь, от чего он скончался на месте.

Признавая К. виновной в совершении убийства при превышении пределов необходимой обороны, суд в приговоре констатировал, что она, увидев в руках Сафронова нож, могла реально опасаться за свою жизнь, однако, вырвав из его рук нож, т. е. завладев им, К. не попыталась покинуть квартиру или предотвратить конфликт иным путем, менее опасным для жизни Сафронова, а, ненавидя потерпевшего, сознательно допуская возможность причинения смерти, нанесла ему со значительной силой удар ножом в жизненно важную часть тела – грудь, причинив повреждение сердца, от чего он скончался на месте преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда приговор оставила без изменения. Таким образом, одним из условий, в силу которого суд признал К. виновной в совершении данного преступления, являлось то обстоятельство, что она, имея возможность убежать с места происшествия, не сделала этого и нанесла Сафронову удар ножом.

Однако президиум Московского городского суда признал данный вывод ошибочным и прекратил дело за отсутствием в деянии К. состава преступления[1].

Другой пример. Приговором Чапаевского городского суда Самарской области Ф. был осужден за убийство при превышении пределов необходимой обороны по ч. 1 ст. 108 УК РФ. Как было установлено судом, между Ф. и пребывающим в состоянии алкогольного опьянения потерпевшим, приходящимися друг другу отцом и сыном соответственно, на почве длящихся бытовых конфликтов произошла ссора, инициированная потерпевшим, в ходе которой потерпевший кинул ножом в Ф., однако промахнулся, после чего нанес не менее двух ударов по левой ноге Ф. В ходе продолжающегося конфликта, потерпевший оторвал деревянную доску от забора, из которой торчали гвозди, и стал ею замахиваться на Ф., пытаясь его ударить, сопровождая свои действия угрозами. Ф., опасаясь за свою жизнь и здоровье, поднял с земли нож, которым в него кинул потерпевший и, превышая пределы необходимой обороны, в ходе борьбы, нанес потерпевшему удар в область живота, причинив потерпевшему слепое проникающее колото-резаное ранение живота с повреждением поперечно-ободочной кишки, верхней брыжеечной вены и поджелудочной железы, которое в момент его причинения являлось опасным для жизни, т. е. имеет признаки тяжкого вреда здоровью.

Судом было признано, что в результате действий потерпевшего у Ф. имелись реальные основания опасаться за свою жизнь. Однако при этом суд пришел к выводу, что в условиях сложившейся конкрет-

[1] Постановление президиума Московского городского суда от 18 мая 2000 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 6.

ной обстановки Ф. находился в состоянии необходимой обороны, но действовал с превышением ее пределов, поскольку мог, находясь во дворе дома, возле калитки, убежать внутрь дома, закрыться изнутри, чем помешать потерпевшему предпринять другие меры, однако он нанес потерпевшему удар ножом в область живота, что является явно неоправданным[1].

По мнению Д. А. Дорогина, анализировавшего указанное судебное решение, возможность оборонявшегося избежать посягательства хотя и не была рассмотрена в качестве препятствия для констатации необходимой обороны, но была ошибочно оценена в качестве фактора, обусловливающего противоправность содеянного, свидетельствующего о превышении пределов необходимой обороны [Дорогин 2020, с. 24]. В связи с этим он считает, что «вывод суда не основан на законе; пределы необходимой обороны определяются соответствием действий обороняющегося характеру и опасности посягательства и не могут (как и само нахождение лица в состоянии необходимой обороны в принципе) зависеть от возможности избежать такового» [Дорогин 2020, с. 24].

Следует заметить, что попытка лица избежать посягательства, уйти или убежать, не вступая в продолжение конфликта с посягающим, может быть расценена последним как проявление трусости и слабости, что в свою очередь создаст предпосылки для развития конфликта и продолжения посягательства.

Так, приговором Бокситогорского городского суда Ленинградской области С. был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Было установлено, что П. спровоцировал конфликт с С. и О., которые, желая избежать развития инцидента, стали уходить. Однако П. вместе с двумя знакомыми с палками в руках стал преследовать С. и О. Осознавая опасность, О. позвонил жене и попросил вызвать полицию, после чего С. и О. попытались убежать от преследователей. Однако нападавшие догнали их и стали наносить удары палками. Желая отразить удары, С. подобрал палку, которую выронил один из друзей П., и стал защищаться ею, нанося удары П. От полученных повреждений П. скончался.

Постановлением президиума Ленинградского областного суда действия С. были переквалифицированы на ч. 1 ст. 114 УК РФ. Президиум Ленинградского областного суда расценил посягательство на С. и О. как представляющее опасность для их жизни и здоровья, однако при данных обстоятельствах сделал вывод о явном несоответствии способа отражения нападения характеру и опасности посягательства. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор суда и последующие судебные решения отменила, уголовное дело прекратила за отсутствием в действиях С. состава преступления[2].

Таким образом, стремление лица избежать посягательства, не вступая в противоборство с посягающим, может привести к совершенно противоположному результату. Следовательно, готовность граждан к активной защите своих прав, а также прав других граждан, интересов общества и государства позволит снизить уверенность потенциального посягающего в успешности реализации своего преступного умысла.

В юридической литературе высказывались мнения о необходимости ограничения права необходимой обороны от посягательств определенных категорий лиц. Так, А. А. Пионтковский полагал, что если нападения невменяемого лица, о состоянии которого достоверно известно, можно избежать, не причиняя ему вреда, то «применение необходимой обороны нельзя считать правомерным» [Пионтковский 1961, с. 422].

Противоположной точки зрения придерживался В. Н. Козак: «Следует помнить, что иногда действие невменяемых лиц представляет собой большую общественную опасность, чем посягательства лиц, психически нормальных. И в таких условиях требовать от защищающегося, чтобы он использовал право необходимой обороны только при невозможности избежать посягательства или ставить защиту под другие условия, – это значит поставить жизнь и здоровье такого лица в опасность» [Козак 1972, с. 44–45]. Аналогичное мнение высказывал Т. Г. Шавгулидзе, отмечая, что «правомерность причинения вреда посягающему определяется объективной опасностью посягательства, а не субъективным состоянием нападающего» [Шавгулидзе 1966, с. 65].

Представляется, что желание лица избежать посягательства со стороны невменяемого, не причиняя ему вреда, может быть продиктовано соображениями морали, нравственности, обусловлено жалостью по отношению к человеку, страдающему психическим расстройством. В то же время эти соображения не могут являться препятствием для правомерной защиты прав и интересов посредством необходимой обороны. Представляется обоснован-

[1] Приговор Чапаевского городского суда Самарской области от 26 сентября 2014 г. по делу № 1-252/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: http://sudact.ru/regular/doc/FmzTOWByKeHR/ (дата обращения: 21.09.2020).

[2] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2013 г. № 33-Д13-6. URL: dogovor-urist.ru>судебная_практика/дело/33-д13-6/ (дата обращения: 21.09.2020).

ным следующее мнение, высказанное А. В. Невревым: «…из закона следует, что возможность избежать причинения вреда нападающему не только не исключает самостоятельную защиту, но и не должна снижать ее пределы. Коль скоро состояние необходимой обороны уже возникло, при определении ее допустимых пределов нужно руководствоваться исключительно положением о соответствии защиты характеру и опасности посягательства, не допуская расширительного толкования уголовно-правовой нормы» [Неврев 2003, с. 90].

Еще более серьезную проблему представляет ситуация, когда возникает необходимость в защите прав и интересов других лиц. Потенциальные защитники-обороняющиеся, в отношении которых не осуществляются агрессивные действия посягающего, как правило, не будут вмешиваться в конфликт и пресекать посягательство. Иными словами, они предпочтут избежать посягательства, осуществляемого в отношении другого лица, нежели заступиться за потерпевшего и причинить вред посягающему. Причины такого поведения довольно очевидны: во-первых, боязнь стать новой жертвой посягательства (вместо первоначальной или наряду с ней), а во-вторых, опасение подвергнуться привлечению к уголовной ответственности за защитные действия.

Так, следственными органами Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. Москве было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ (покушение на убийство). По данным следствия, 21 июня 2020 г. вблизи одного из магазинов, расположенных по ул. Черкизовской в г. Москве, между группой мужчин произошла драка, в ходе которой одному из участников были нанесены ножевые ранения. Со слов очевидцев, мужчина, получивший ножевые ранения, перед началом драки заступился за незнакомую девушку[1].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что применение положений ч. 3 ст. 37 УК РФ, несмотря на предельно конкретную законодательную формулировку, сопряжено с определенными проблемами. Предпосылками данных проблем могут выступать обвинительный уклон расследования и судебного рассмотрения, соображения морально-нравственного характера, нежелание граждан «вмешиваться не в свое дело», боязнь уголовной ответственности в случае неправильной оценки правоохранительными органами правомерности оборонительных действий. В то же время необходимость противодействия преступности всеми возможными силами и средствами требует от граждан готовности к активной защите, в том числе и с причинением вреда посягающему лицу. Добиться же такой готовности можно лишь в случае, когда граждане будут убеждены в наличии у них права на необходимую оборону независимо от возможности избежать посягательства или обратиться за помощью к кому-либо, а также в том, что данное право будет признано правоохранительными органами при уголовно-правовой оценке оборонительных действий.

Список цитируемых источников

Баулин 1991 – *Баулин Ю. В.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Харьков : Основа, 1991. 360 с.

Дорогин 2020 – *Дорогин Д. А.* Квалификационные ошибки в установлении условий правомерности необходимой обороны // Уголовное право. 2020. № 1. С. 22–31.

Козак 1972 – *Козак В. Н.* Право граждан на необходимую оборону. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1972. 162 с.

Мартыненко 2019 – *Мартыненко Н. Э.* Современная концепция уголовно-правовой охраны личности // Российский следователь. 2019. № 7. С. 34–37.

Меркурьев 2019 – *Меркурьев В. В.* Уголовное право: гражданская самозащита. 2-е изд. М. : Юрайт, 2019. 521 с.

Неврев 2003 – *Неврев А. В.* Необходимая оборона: проблемы квалификации и правоприменения : дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. 166 с.

Пионтковский 1961 – *Пионтковский А. А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть. М. : Госюриздат, 1961. 666 с.

Тишкевич 1969 – *Тишкевич И. С.* Условия и пределы необходимой обороны. М. : Юрид. лит., 1969. 191 с.

Шавгулидзе 1966 – *Шавгулидзе Т. Г.* Необходимая оборона. Тбилиси : Мецниереба, 1966. 158 с.

Якубович 1967 – *Якубович М. И.* Учение о необходимой обороне в советском уголовном праве. М. : Высш. шк., 1967. 100 с.

[1] По факту покушения на убийство на востоке Москвы возбуждено уголовное дело // Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве : [сайт]. URL: https://moscow.sledcom.ru/news/item/1475069/ (дата обращения: 21.09.2020).

References

Baulin, Yu. V. (1991), *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya* [Circumstances that exclude the criminality of the act], Osnova, Kharkov, USSR.

Dorogin, D. A. (2020), "Qualification errors in establishing the conditions for the legality of the necessary defense", *Ugolovnoe pravo,* no. 1, pp. 22–31.

Kozak, V. N. (1972), *Pravo grazhdan na neobkhodimuyu oboronu* [The right of citizens to the necessary defense], Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, Saratov, USSR.

Martynenko, N. E. (2019), "Modern concept of criminal law protection of the individual", *Rossiiskii sledovatel',* no. 7, pp. 34–37.

Merkur'ev, V. V. *Ugolovnoe pravo: grazhdanskaya samozashchita* [Criminal law: civil self-defense], Urait, Moscow, Russia.

Nevrev, A. V. (2003), Necessary defense: problems of qualification and law enforcement, Ph. D. Thesis, criminal law, criminology, penal law, Moscow Institute of Law, Moscow, Russia.

Piontkovsky, A. A. (1961), *Uchenie o prestuplenii po sovetskomu ugolovnomu pravu. Kurs sovetskogo ugolovnogo prava: Obshchaya chast'* [The doctrine of crime in Soviet criminal law. Course of Soviet criminal law: General part], Gosyurizdat, Moscow, USSR.

Shavgulidze, T. G. (1966), *Neobkhhodimaya oborona* [Necessary defense], Metsniereba, Tbilisi, USSR.

Tishkevich, I. S. (1969), *Usloviya i predely' neobhkhodimoi oborony'* [Conditions and limits of necessary defense], Yuridicheskaya literatura, Moscow, USSR.

Yakubovich, M. I. (1967), *Uchenie o neobhodimoi oborone v sovetskom ugolovnom prave* [The doctrine of necessary defense in Soviet criminal law], Vysshaya shkola, Moscow, USSR.

Информация об авторах

Тараканов Илья Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; il8@ list.ru

Александрова Елизавета Евгеньевна,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; lizaichik2000@mail.ru

Information about the authors

Tarakanov Il'ya A.,
PhD (law), associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; il8@list.ru

Aleksandrova Elizaveta E.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; lizaichik2000@mail.ru

Для цитирования

Тараканов И. А., Александрова Е. Е. Необходимая оборона: проблемы применения положений части 3 статьи 37 УК РФ // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С.133–137.

For citation

Tarakanov, I. A. and Aleksandrova, E. E. (2020), "Necessary defense: problems of applying the provisions of part 3 of article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, no. 4(57), pp.133–137.

УДК 343.352

А. С. Тимощук[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

A. S. Timoshchuk[1]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Служебный подлог в образовательной деятельности

Official forgery in educational activities

Ключевые слова: образовательное право; преступления в сфере образования; служебный подлог; ведомость; зачетная книжка; коррупция; ст. 292 УК РФ; злоупотребление служебным положением; превышение служебных полномочий; неформальные отношения в сфере образования.

Аннотация. Автор анализирует применение ст. 292 УК РФ по отношению к преподавателям; раскрывает на примерах уголовных дел всю серьезность возможных последствий такой практики, как заполнение ведомости на отсутствующих обучающихся; помимо стандартных судебных решений, разбирает кейс профессора права Е. А. Трещевой, которой были предъявлены обвинения в фальсификации официального документа и мошенничестве за проставление рабочего табеля в ее отсутствие; делается вывод о том, что возбуждение уголовного дела по подобным статьям зависит от установок правоохранительных органов.

Key words: educational law; crimes in the field of education; official forgery; sheet; record book; corruption; article 292 of the Criminal Code of the Russian Federation; abuse of office; abuse of power; informal relations in the field of education.

Abstract. The author analyzes the application of article 292 of the criminal code of the Russian Federation in relation to teachers; reveals the severity of possible consequences of such practices as filling out a statement for absent students; in addition to standard court decisions, examines the case of law Professor E. A. Trescheva, who was charged with falsifying an official document and fraud for putting down a work report card in her absence; concludes that the initiation of criminal proceedings under such articles depends on the attitudes of law enforcement agencies.

Коррупция остается темной стороной демократического, открытого общества и эффективного государства. Она постоянно мимикрирует, принимая самые причудливые формы и перетекая в динамичные направления, особенно в деловой и политической сфере: наем подставных лиц, подделка договоров, подписание поддельных контрактов, фиктивные сделки, регистрация фирм-однодневок для обналичивания денежных средств, незаконные схемы оптимизации налогов, лоббирование интересов.

Незаконное обогащение находится в сфере пристального внимания общества благодаря средствам массовой информации (далее: СМИ). Журналисты – это медиаторы справедливого общества, которые оперативно проводят расследования и доводят до общественного сознания факты приобретения дорогой недвижимости, предметов роскоши публичными фигурами.

Все публичные профессии попали в объектив медиа, включая педагога. О случаях неэтичного поведения становится быстро известно благодаря сети «Интернет», и все они вызывают неодобрительную реакцию. Отдельного рассмотрения требуют вопросы физического и психического насилия по отношению к обучающимся. СМИ регулярно сообщают о фактах превышения служебных полномочий со стороны педагогов.

Источник такого некорректного поведения кроется в характере самой соревновательной социальной среды, приводящей к профессиональной деформации и психоэмоциональному истощению [Тимощук 2018].

Образовательная среда характеризуется не только конфликтным фоном и усиливающейся деперсонализацией, в ней высоки и коррупционные риски [Ляпанов, Тимощук 2017]. В настоящей статье мы остановимся на таком уголовном преступлении, как служебный подлог (ст. 292 УК РФ). Его отличительными чертами являются: участие в документообороте; наличие статуса должностного лица, имеющего корыстную или иную мотивацию; обманный способ совершения; связь подлога со смежными преступлениями (взяточничество, хищение, фальшивомонетничество, мошенничество, рейдерство, воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования, самоуправство). Сегодня рост числа зарегистрированных случаев служебного подлога вызывает серьезную озабоченность [Сапрунов, Садыков, Чесноков 2011, с. 4].

Многие из числа преподавателей могут быть не осведомлены о том, что как подлог могут быть расценены следующие действия, имеющие место в педагогической среде: оценивание обучающихся либо без их присутствия, либо без самой процедуры оценивания, аннулирование задолженно-

© Тимощук А. С., 2020

стей, закрытие ведомостей и журналов с нарушением срока, заполнение служебных документов при нахождении в отпуске, подпись за коллегу и т. п. Подлог может сопровождать такое коррупционное преступление, как получение взятки, а также быть следствием личной недисциплинированности, круговой поруки, кумовства, неупорядоченного делопроизводства и т. п.

В. И. Шульга анализирует коррупционные схемы, сопровождающие подлог, и репутационные последствия: «…в вузе широко распространено взяточничество между студентами и преподавателями, за что привлекаются к уголовной ответственности как преподаватели, так и студенты. Между ними совершается обоюдовыгодная сделка в форме купли-продажи. Со стороны преподавателя – это продажа права на проставление оценок в зачетные книжки и экзаменационные ведомости, а со стороны студента – покупка права на получение положительных оценок без фактической сдачи экзаменов и зачетов, что противоречит документам об образовательной деятельности в вузе. Такая коррупционная схема, на первый взгляд, представляется выгодной студенту и преподавателю, в том числе вузу. Не секрет, что со значительным снижением уровня бюджетного финансирования государством вузу крайне выгодно иметь студентов с договорами на платное обучение, которые чаще всего идут на коррупционные преступления. Однако вуз в таком случае выпускает малообразованных и некомпетентных специалистов, чем подрывается авторитет вуза, а значит, и его рейтинг. Преподаватель же теряет не только свой авторитет, но и подрывает авторитет вуза, а значит, снижается все тот же рейтинг вуза в образовательной среде, что в конечном итоге негативно скажется на его финансовой стороне деятельности» [Шульга 2015].

Можно ли привлечь преподавателя вуза к уголовной ответственности по ст. 292 УК РФ «Служебный подлог»? Является ли преподаватель должностным лицом?

В соответствии с ч. 1 ст. 292 УК РФ служебным подлогом является внесение должностным лицом, а также государственным служащим или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом, в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»[1] указал, что «должностными признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации».

При этом «к организационно-распорядительным функциям» относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, по выдаче медицинским работником листка временной нетрудоспособности, установлению работником учреждения медико-социальной экспертизы факта наличия у гражданина инвалидности, приему экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии).

В этом же постановлении говорится о том, что «злоупотребление должностными полномочиями должны квалифицироваться как действия должностного лица, которое из корыстной или иной личной заинтересованности совершает входящие в круг его должностных полномочий действия при отсутствии обязательных условий или оснований для их совершения (например, выдача водительского удостоверения лицам, не сдавшим обязательный экзамен…)».

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации приравнял преподавателя – члена государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии к должностному лицу. Однако судебная практика пошла еще дальше, и к должностным лицам стали приравнивать преподавателей, принимающих экзамены в рамках всего процесса обучения, что следует из судебных дел, которые мы приведем ниже.

На основании разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»[2], предметом преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ, является официальный документ, удостоверяющий факты, влекущие юридические последствия в виде предоставления или лишения прав, возложения или освобождения от обязанностей, изменения объема прав и обязанностей. К таким

[1] Российская газета. 2009. 30 окт.

[2] URL: garant.ru/hotlaw/federal/483085/ (дата обращения: 18.08.2020).

документам следует относить, в частности, листки временной нетрудоспособности, медицинские книжки, экзаменационные ведомости, зачетные книжки, справки, протоколы комиссий, акты.

Е. Г. Быкова, изучая признаки официального документа, приводит диспозицию ч. 2 ст. 327 УК РФ, а также ссылается на правоприменительную практику, которая рассматривает зачетную книжку и экзаменационную ведомость как документы, которые могут стать предметом служебного подлога [Быкова 2015]. И ведомость, и зачетная книжка являются документами, где фиксируются результаты промежуточных аттестаций, без которых обучающийся не может быть допущен до итоговой. На основании сданных зачетов и экзаменов, защищенных курсовых работ обучающийся может быть допущен до государственной итоговой аттестации и, в случае положительного прохождения, получить диплом государственного образца. В некоторых вузах оценки влияют на стипендию. Зачетная книжка фигурирует как официальный документ при переводе обучающегося с курса на курс или в другой вуз, а ведомости хранятся в архиве образовательной организации. Таким образом, ведомости и зачетные книжки по своим функциям являются официальными документами, необходимыми для подтверждения образовательной траектории обучающегося. По своим внешним атрибутам они также могут быть признаны официальным документом, поскольку содержат реквизиты, персональные данные, итоги, подписи, даты.

Под внесением в официальные документы заведомо ложных сведений, исправлений, искажающих их действительное содержание, необходимо понимать отражение и (или) заверение заведомо не соответствующих действительности фактов как в уже существующих официальных документах (подчистка, дописка и др.), так и путем изготовления нового документа, в том числе с использованием бланка соответствующего документа.

Субъектами служебного подлога могут быть наделенные полномочиями на удостоверение указанных фактов должностные лица, или государственные служащие или служащие органа местного самоуправления, не являющиеся должностными лицами.

Криминализация документооборота образовательных организаций должна учитывать следующие критерии: 1) общественная опасность деяния; 2) степень распространенности; 3) преобладание отрицательных последствий над положительными; 4) согласованность запрета с нравственными нормами, Основным законом страны; 5) неэффективность противодействия деянию иными правовыми средствами [Быкова 2015, с. 27].

Так как экзаменационная ведомость отражает в себе информацию, влекущую юридические последствия (наличие стипендии у обучающегося в зависимости от оценки и т. д.), то и лицо, которое ее заполняло, выступило в качестве должностного лица, а следовательно, может быть привлечено к уголовной ответственности за служебный подлог. Приведем примеры судебных решений по подлогам в образовательных организациях.

1. «Мукусов И. Р… осужден по ст. 290 ч. 4 п. п. “б”, “в” УК РФ с применением ст. 64 УК РФ к 2 годам 6 месяцам лишения свободы, по ст. 292 УК РФ к 1 году лишения свободы и по совокупности преступлений на основании ст. 69 ч. 3 УК РФ к 3 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима. Мукусов И. Р. на основании ст. 47 ч. 3 УК РФ лишен права занимать должности, связанные с преподавательской деятельностью, сроком на 2 года… Мукусов признан виновным в том, что, являясь должностным лицом, неоднократно, путем вымогательства получал взятки за действия, которые входят в его служебные полномочия преподавателя… Из показаний потерпевших Г., Р., Т., Д., М., М., Б., П., А., Н., Г., Г. усматривается, что они являлись студентам… и должны были сдать зачет преподавателю Мукусову, который либо не принимал от них зачет, или ставил в такое положение, что они не могли ему его сдать. Мукусов им говорил, что зачет им не поставит, пока они не дадут ему деньги, и устанавливал размер: кому… рублей, а кому… рублей. После передачи ему указанной им суммы денег, он ставил в их зачетной книжке оценку или зачет. Они вынуждены были передавать ему деньги, иначе бы их не допустили к экзаменам»[1].

2. «К. обвиняется в служебном подлоге и в том, что, работая старшим преподавателем… лично или через посредника получил взятку в виде денег за незаконные действия в пользу взяткодателя, совершенные неоднократно»[2].

3. «…преподаватель вымогал взятки… от студентов Б. А. Н., К. Д., С. М., Р., Я., П., Т., Г., Д., В., Н. за сдачу ими зачета по предмету… что влечет недействительность всех этих документов, в связи с чем подлежат применению последствия недействительности ничтожных сделок»[3].

---

[1] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2003 г. № 49-О03-74. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002;n=248351#034367483934641085 (дата обращения: 18.08.2020).

[2] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2003 г. № 50-о03-32. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002;n=118435#09611792983918548 (дата обращения: 18.08.2020).

[3] Апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 29 марта 2018 г. по

4. «Кузахметов Р. К., работавший заведующим кафедрой… осужден за получение взятки в сумме… рублей от студентов группы… университета за проставление отметок о сдаче экзамена по дисциплине “Отечественная история” без фактической сдачи и приема экзаменов… Согласно же показаниям свидетеля А. вся группа студентов, в которой он обучался, экзамен по предмету “Отечественная история” не сдала и никаких рефератов не сдавала. Кузахметов давал понять, что его предмет на экзамене с положительной оценкой будет сдать сложно, поэтому для пересдачи этого экзамена решено было обсудить с Кузахметовым, как решить этот вопрос. Кузахметов сказал “расценки”, сколько для каждого студента будет стоить решение этого вопроса. О разговоре с Кузахметовым А. сообщил студентам, которые выразили желание передать преподавателю деньги. С этой целью были собраны деньги, зачетные книжки и составлен список, в котором напротив каждой фамилии стояла соответствующая сданной сумме оценка. Общая сумма сданных студентами денег составила… рублей… Из представленных документов усматривается, что Кузахметов обладал определенными функциями и обязанностями должностного лица, являясь заведующим кафедрой отечественной истории, и осуществлял прием экзаменов»[1].

5. «…Вагина Л. С… несудимая, осуждена по ч. 3 ст. 290 УК РФ к штрафу в размере сорокакратной суммы взятки, что составляет 80 000 руб., с лишением права заниматься преподавательской деятельностью в государственных учебных заведениях сроком на 1 год… Вагина Л. С. признана виновной в том, что, являясь должностным лицом, получила лично взятку в виде денег в сумме… руб. за незаконные действия в пользу взяткодателя и внесла в официальные документы заведомо ложные сведения … Так, свидетель Ш. пояснила, что, имея задолженность по предмету… она обратилась к преподавателю Вагиной Л. С., которая сказала, что предмет сложный, но сдать экзамен можно, удовлетворительная оценка стоит… руб., а оценка “хорошо” – … руб… Вагина Л. С. приняла от нее деньги в сумме… руб. в качестве взятки и внесла в ее зачетную книжку запись о сдаче экзамена на оценку “хорошо”, фактически она экзамен не сдавала… Является правильным и вывод суда о том, что осужденная получила взятку за совершение в пользу взяткодателя заведомо незаконных действий, поскольку Вагиной Л. С. было достоверно известно, что выставление положительной оценки за экзамен без фактической проверки знаний студента запрещено ведомственными нормативными актами…»[2].

6. «Шкиря С. Н. обвинялся в том, что, являясь преподавателем… членом экзаменационной комиссии, наделенным полномочиями по приему теоретических и практических экзаменов, в силу авторитета занимаемой должности и сложившихся доверительных отношений с директором Ш. обратился к последнему с просьбой подписать пустой бланк удостоверения профессиональной компетентности, и заверить его гербовой печатью, с целью выдачи лицу, якобы прошедшему обучение и сдавшему 15.06.2011 г. квалификационный экзамен на профессиональную компетентность, но не оплатившему обучение, который намерен 21.06.2011 г. оплатить обучение и получить удостоверение компетентности, тем самым ввел в заблуждение относительно своих истинных намерений директора и других сотрудников»[3].

7. «М., работая доцентом кафедры, как преподаватель был наделен правом принятия экзаменов от студентов. Несдача студентом экзамена, т. е. получение неудовлетворительной оценки, влекла определенные правовые последствия: он не допускался к следующей сессии, не переводился на следующий курс, не получал официального вызова на сессию, следовательно, не имел права на получение оплачиваемого учебного отпуска и, кроме того, мог быть отчислен из вуза. Экзаменационные ведомости, листы, зачетные книжки студентов являются официальными документами, на основании которых принимаются решения о переводе студентов на следующий курс, а в итоге – о допуске к дипломной работе.

Поскольку М. выполнял свои обязанности в государственном учебном заведении, он являлся должностным лицом, наделенным организационно-распорядительными функциями, а значит, и тем субъектом должностных преступлений, которые указаны в перечне, содержащемся в п. 1 примечания к ст. 285 УК РФ и в примечании к ст. 170 УК РСФСР»[4].

делу № 33-1828/2018. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOSZ;n=210225#030749398224227553 (дата обращения: 18.08.2020).

[1] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 31 мая 2012 г. № 47-О12-24. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002;n=278681#04219149077240445 (дата обращения: 18.08.2020).

[2] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 ноября 2012 г. № 47-О12-50. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002;n=407255#012553439403616928 (дата обращения: 18.08.2020).

[3] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 августа 2012 г. № 19-О12-32. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002;n=296139#006110166365126779 (дата обращения: 18.08.2020).

[4] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11 марта 1999 г. URL: http://www.

8. «Балабина М. А. осуждена… с лишением права занимать должности в образовательных учреждениях, связанные с организационно-распорядительными функциями, на два года… являясь должностным лицом – заведующей кафедрой ГОУ ВПО, председателем ГЭК, исполняющей обязанности председателя ГАК, получила взятки в виде денег от Д; Д; Б. за незаконные действия в пользу этих лиц, а также совершила действия, выходящие за пределы ее полномочий и повлекшие существенное нарушение охраняемых законом интересов общества и государства, и внесла в официальные документы заведомо ложные сведения из корыстной заинтересованности, повлекшие существенное нарушение охраняемых законом интересов общества и государства… Балабина М. А. в начале сентября 2010 года предложила студентке Д. передать ей… рублей за успешное прохождение аттестационных испытаний по завершении процесса обучения, присвоение соответствующей квалификации и выдачу диплома государственного образца о высшем профессиональном образовании… 14 января 2011 г. Балабина М. А. получила от Д. взятку… за выставление оценки "отлично" по результатам итогового экзамена при формальном присутствии на экзамене… дала незаконное распоряжение лаборанту кафедры Г. о составлении фиктивного протокола № 2 заседания ГЭК от 14 января 2011 года в отношении студентки Д.»[1].

Еще один случай возбуждения дела по ст. 292 УК РФ имел место в Самаре, где заведующего кафедрой гражданского права Самарского университета Е. А. Трещеву обвинили в фальсификации официального документа и мошенничестве. Она находилась 12 дней в отъезде, при этом ставилась ее подпись в табеле рабочего времени сотрудников кафедры. Следователь УФСБ определил, что в свое отсутствие преподаватель не мог исполнять обязанности руководителя кафедры, в том числе следить за пожарной безопасностью. В резонансном деле разбирались Генеральная прокуратура Российской Федерации, Совет по правам человека при Президенте Российской Федерации, Ассоциация юристов России, которые пришли к выводы о необходимости сохранить академическую свободу[2].

Следует отметить, что комментарии к этому эпизоду были самые разные. Одни читатели были возмущены тем фактом, что «ФСБ прогулами на работе занимается». Другие, напротив, осуждали действия профессора: «Ударники "дистанционного труда". Совсем обнаглели, получая зарплату даже в отпуске "на лечении". Это самая настоящая коррупция, когда зав. кафедрой может делать все, что хочет». В любом случае формальным основанием для преследования стали именно документальная часть, расхождения в записи и фактических данных. В связи с этим важно предупредить педагогический состав о том, что формальная сторона их деятельности не менее важна, чем реальная работа.

Обратим внимание еще на одну новеллу юридической практики – использование ручки со стираемыми чернилами. Существуют разные стандарты заполнения официальных документов. В одних случаях документы разрешается заполнять только черной пастой, в других – напротив, разрешен только синий цвет. Некоторые бланки допускается заполнять гелевой, капиллярной или перьевой ручкой. Позиция разных образовательных организаций по данному вопросу может отличаться. Именно поэтому во избежание недоразумений и технических ошибок рекомендуется получать разъяснения перед заполнением.

В образовательных организациях обычно записи в документах ведутся шариковой ручкой с синей пастой. Определенно можно сказать только одно, что заполнение документов ручкой со стираемыми чернилами неправомерно. Ручка со стираемыми чернилами выглядит как гелевая, но написанное ею легко стереть колпачком и подобные изменения в документах будут расцениваться как подделка.

Итак, возбуждение уголовных дел по ст. 292 УК РФ обычно связано с коррупционной деятельностью, хотя это не означает, что она не может быть возбуждена в иных случаях. Изучение практики кассационного производства позволяет прийти к мнению, что решение по коррупционным статьям остается без изменений. В некоторых случаях меняется мера наказания, если данные, характеризующие осужденного, свидетельствуют о возможности его исправления и перевоспитания без изоляции от общества.

Во всех судебных решениях прослеживается линия признания преподавателей должностными лицами. Жалобы преподавателей на действия сотрудников следственных органов как на провокационные не принимаются кассацией во внимание, так как оперативные работники в рамках закона обязаны проверять заявления о вымогательстве. Существенно, что внесение в экзаменационные ли-

---

consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB002;n=9420#026407050450301 43 (дата обращения: 18.08.2020).

[1] Кассационное определение суда г. Москва от 13 июня 2012 г. Дело № 19-012-18. URL: https://www.zakonrf.info/suddoc/04b816c3a9b1020cc72ad6ca3b258799/ (дата обращения: 18.08.2020).

[2] Уголовное дело профессора Трещевой прекращено. URL: https://volga.news/article/504748.html (дата обращения: 18.08.2020).

сты и зачетные книжки обучающихся ложных сведений («проходных» оценок за экзамены и защиту курсовых проектов), без фактической аттестации и принятия курсовых проектов, составляют объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ, могут образовывать состав нового преступления (злоупотребление должностными полномочиями, фальсификация служебных документов). Служебный подлог не требует самостоятельной квалификации лишь тогда, когда он является конструктивным признаком получения взятки.

Важным является и тот факт, что квалификация таких деяний, как подлог, превышение служебных полномочий зависит от общего климата в учреждении, регионе, стране. Эти статьи УК РФ при желании можно применить к повседневной деятельности многих коллективов и их руководителей, однако обычно это делается в случае, если накапливаются систематические нарушения. Следует помнить, однако, что вуз формирует специалистов, включая юристов, и поэтому легитимация правонарушений на этапе становления молодого человека является негативным фактором для общественного правосознания. Коррупционная социализация в вузе приводит к снижению статуса высшего образования, правовому нигилизму, недоверию государственным институтам и должностным лицам.

Список цитируемых источников

Быкова 2015 – *Быкова Е. Г.* Экзаменационная ведомость и зачетная книжка как предмет служебного подлога // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 1(7). С. 30–32.

Ляпанов, Тимощук 2017 – *Ляпанов А. В., Тимощук А. С.* Проблема преодоления коррупции в системе образования // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 2(43). С. 185–188.

Сапрунов, Садыков, Чесноков 2011 – *Сапрунов А. Г., Садыков А. У., Чесноков О. В.* Уголовная ответственность за служебный подлог. Краснодар : Краснод. ун-т МВД России, 2011. 140 с.

Тимощук 2018 – *Тимощук А. С.* К проблеме уязвимости образовательного процесса в современном обществе // Социальные отношения. 2018. № 1(24). С. 121–131.

Шульга 2015 – *Шульга В. И.* Уголовная ответственность за коррупцию в вузе // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2015. № 4(31). С. 112–121.

References

By'kova, E. G. (2015), "Examination report and record book as a subject of official forgery", *Rassledovanie prestuplenii: problemy' i puti ikh resheniya,* no. 1(7), pp. 30–32.

Lyapanov, A. V. and Timoshchuk, A. S. (2017), "The problem of overcoming corruption in the education system", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(43), pp. 185–188.

Saprunov, A. G., Sady'kov, A. U. and Chesnokov, O. V. (2011), *Ugolovnaya otvetstvennost' za sluzhebny'i podlog* [Criminal liability for official forgery], Krasnodarskii universitet MVD Rossii, Krasnodar, Russia.

Shul'ga, V. I. (2015), "Criminal liability for corruption in higher education institutions", *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa,* no. 4(31), pp. 112–121.

Timoshshuk, A. S. (2018), "To the problem of vulnerability of the educational process in modern society", *Sotsial'ny'e otnosheniya,* no. 1(24), pp. 121–131.

Информация об авторе

Тимощук Алексей Станиславович,
доктор философских наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; human@vui.vladinfo.ru

Information about the author

Timoshchuk Aleksei S.,
doctor of philosophy, associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; human@vui.vladinfo.ru

Для цитирования

Тимощук А. С. Служебный подлог в образовательной деятельности // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 138–143.

For citation

Timoshchuk, A. S. (2020), "Official forgery in educational activities", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 138–143.

УДК 343.61

Т. А. Ткачук[1,2]
А. П. Стариков[3]
О. В. Маркина[4]
А. Е. Михайлов[4]
[1] *Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*
[2] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
[3] *Инспекция штаба Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Владимирской области, Владимир, Российская Федерация*
[4] *Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация*

T. A. Tkachuk[1,2]
A. P. Starikov[3]
O. V. Markina[4]
A. E. Mikhailov[4]
[1] *Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation*
[2] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*
[3] *Management of police of Russia in the Vladimir region, Vladimir, Russian Federation*
[4] *Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation*

Обеспечение законных интересов женщины, подозреваемой в посягательстве на жизнь новорожденного ребенка: криминолого-криминалистические аспекты

Ensuring the legal interests of a suspect in an attempt on the life of a newborn child: criminological and forensic aspects

Ключевые слова: убийство новорожденного ребенка; права и законные интересы подозреваемого и обвиняемого; раскрытие, расследование и предупреждение преступлений.

Аннотация. В статье исследуются некоторые существующие проблемы, препятствующие обеспечению законных интересов матери, посягнувшей на жизнь новорожденного ребенка, в части объективного расследования обстоятельств преступления, оказания ей психологической помощи в рамках уголовного судопроизводства, а также незамедлительной социальной и бытовой помощи; предложены меры по их решению.

Key words: murder of a newborn child; rights and legal interests of the suspect and accused; detection, investigation and prevention of crimes.

Abstract. The article examines some existing problems that hinder the legal interests of a mother who has encroached on the life of a newborn child in terms of an objective investigation of the circumstances of the crime, providing her with psychological assistance in criminal proceedings, as well as immediate social and household assistance; suggests measures to address them.

Равенство между мужчинами и женщинами является одним из основополагающих принципов современных общественных отношений. Дискриминация по половому признаку в избирательном процессе, при устройстве на работу или назначении на руководящие должности практически ушли в прошлое, однако даже самые прогрессивные правовые системы признают, что абсолютный эгалитаризм в данном вопросе выходит за рамки здравого смысла. Женщина по своей природе – потенциальный носитель возможностей, которые недоступны мужчинам. Речь идет о материнстве, являющемся не только уникальной функцией, но и серьезным испытанием физических и психических сил женского организма.

С одной стороны, мы можем вполне обоснованно говорить о стремлении женщины стать матерью, о ее радостном ожидании и готовности к самоограничениям в связи с появлением на свет ребенка. С другой стороны, мы должны учитывать особенности общественных установок, порицающих любое отклонение от вышеописанного идеала. Их появление вполне объяснимо с точки зрения необходимости постоянного обновления социума как важного условия его выживания, однако нельзя допустить, чтобы отжившие свой век стереотипы определяли судьбу современной свободной личности.

Перенесшая роды женщина зависит от врачей, материального содержания супруга, принципов воспитания, заложенных в семье (своей, мужа, соседей и знакомых), но в первую очередь от потребностей новорожденного, которые может даже не понять в силу своей неопытности (если ребенок первый). Физиологические и психологические изменения, происходящие в организме матери в связи с рождением ребенка, также оказывают огромное влияние на ее поведение и мировосприятие. Однако эти причины отклонения от идеала не принимаются в расчет окружением женщины, чье социальное положение определяется как «отпуск по уходу за ребенком», ведь отпуск в общепринятом восприятии – это время отдыха, наслаждения

© Ткачук Т. А., Стариков А. П., Маркина О. В., Михайлов А. Е., 2020

и получения положительных эмоций. Особенно трагично это проявляется при оценке правового статуса матери, совершившей посягательство на жизнь своего новорожденного ребенка.

В целом подобные посягательства (ст. 106 УК РФ) редки в структуре российской преступности. Их доля составляет порядка 0,005%. Так, в 2019 г. было осуждено всего 26 женщин, что на 21% меньше, чем в 2018 г. При этом динамика снижения данной преступности стабильна. Так, за последние десять лет количество женщин, осужденных за совершение данных преступлений уменьшилось почти в три раза. Тренд к снижению данного показателя в уголовной статистике в целом соответствует динамике снижения общей преступности в России, однако обращает на себя внимание и уменьшение доли рассматриваемых преступлений в общей структуре преступности. В 2008 г. доля женщин, осужденных за посягательство на жизнь своего новорожденного ребенка, была выше и составляла 0,009%[1]. Однако в целом позитивные показатели динамики исследуемых преступлений, по нашему мнению, не снижают значимости обеспечения законных интересов женщин, оказавшихся в сложной жизненной ситуации.

Нами была выдвинута гипотеза о недостаточно эффективном механизме обеспечения прав и законных интересов матери, совершившей подобное деяние. В целях проверки данной гипотезы мы предприняли попытку исследовать особенности восприятия женщинами самой проблемы влияния послеродового состояния на противоправное поведение, рассмотрели криминологические характеристики матерей, совершивших обозначенные противоправные деяния, проанализировали практику уголовного судопроизводства в отношении данной группы подозреваемых и обвиняемых.

Для определения особенностей восприятия женщинами проблемы влияния послеродового состояния на противоправное поведение, мы провели социологический опрос в двух контрольных группах (по 30 чел. в каждой), одну из которых составили женщины, не имеющие детей, а вторую – матери со стажем. Возраст и материальное положение не учитывались нами в качестве определяющих характеристик, потому что решающее значение имело наличие или отсутствие опыта, связанного с беременностью и родами.

Для того чтобы минимизировать влияние культурных и социальных стереотипов, мы выбрали для опроса студенток и преподавателей одного из российских вузов. Им были заданы одинаковые вопросы, в которых глаголы использовались в будущем или в прошедшем времени соответственно. Полученные данные позволили нам оценить на общем уровне позицию женщины относительно необходимости обеспечения ее прав и законных интересов при совершении противоправных действий, обусловленных влиянием психофизиологических особенностей послеродового периода.

Результаты проведенного нами исследования показали, что большинство молодых респондентов, отвечая на вопрос «с какими чувствами и ощущениями у Вас ассоциируется/ассоциировалось рождение ребенка?», дали несколько вариантов ответа: связывали ожидаемое материнство с чувствами счастья (93%) и нежности (73%), а негативные ощущения продемонстрировали с меньшей вероятностью: тревога (23%), неуверенность (21%). Респонденты из второй группы подтвердили положительные эмоции: счастье (91%), нежность (89%), но и существенно изменили показатели негативных: тревога (68%), неуверенность (85%).

Вопрос «какие трудности могут возникнуть/возникали у Вас при рождении ребенка?» обратил внимание респондентов из первой группы на материальные проблемы и проблемы быта, при этом 67% респондентов выбрали ответ «не представляю, какие могут возникнуть трудности», а ответ, связанный с трудностями в общении с близкими не выбрал никто. Женщины, имеющие материнский опыт, напротив, гораздо успешнее справились с денежными затруднениями, чем с новыми психологическими обстоятельствами. О послеродовой депрессии слышало 70% респондентов из первой группы и 83% из второй, однако, рассуждая о ее причинах, и те, и другие с наибольшей вероятностью называют родовую травму и нежелательную беременность.

Признавая, что послеродовая депрессия может заставить мать причинить вред новорожденному (71% – в первой группе и 78% – во второй), респонденты из первой группы однозначно высказались о том, что это не может служить смягчающим обстоятельством при совершении противоправных действий (88%), в то время как мнения респондентов из второй группы разделились примерно пополам.

Таким образом, мы пришли к выводу, что представление о материнстве как об абсолютно счастливом периоде, наполненном непреходящей радостью и ощущением собственной значимости, далеко от реальной действительности. Обращает на себя внимание тот факт, что большинству респондентов из обеих контрольных групп известно об изменении психофизиологического состояния женщины, сопровождающегося послеродовой депрессией, которая может способствовать совершению посягательства на жизнь новорожденного ребенка. При этом большинство респондентов из первой группы и половина опрошенных из второй не считают это смягчающим вину обстоятельством и, соответ-

[1] Отчеты о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений УК РФ за 2008, 2018, 2019 гг. // Судебный департамент Верховного Суда Российской Федерации : [сайт]. URL: www.cdep.ru (дата обращения: 20.08.2020).

ственно, не претендует на обеспечение связанных с ними своих законных интересов, что, однако, не снимает с органов государственной власти обязанности по обеспечению прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых, а также по установлению истинности предварительного расследования и восстановления социальной справедливости.

В результате криминологического исследования личности матери, совершившей посягательство на своего новорожденного ребенка, нами было установлено, что наиболее часто данное преступление совершается женщинами в возрасте 30–49 лет (73 %), далее идет возрастная группа – 18–24 года (23,1 %). Таким образом, наиболее часто подвержены влиянию послеродовой депрессии, провоцирующей посягательство на жизнь новорожденного, женщины среднего и старшего возраста, обладающие жизненным опытом и сформированным мировоззрением.

Уровень образования у матерей, совершивших преступление, отличается достаточно низкими показателями. Наиболее характерно для исследуемой категории лиц наличие общего среднего образования (38 %), далее следует группа, имеющая основное общее, начальное образование, или вообще без образования (30 %), еще меньше доля лиц со средним профессиональным образованием (23 %).

Говоря о занятости, нужно отметить, что значительная часть осужденных женщин (43 %) являлась трудоспособной, но при этом нигде не работала, что вполне объяснимо с учетом гарантированных законодательством отпусков. Из женщин, осуществляющих трудовую деятельность, 27 % – это рабочие, что прямо корреспондируется с низким уровнем образования у исследуемой категории лиц[1].

Таким образом, криминологическая характеристика их личности указывает на распространенность негативных свойств, связанных с низким уровнем образования и непрестижным местом работы. Неожиданным представляется нам факт преобладания средней и старшей возрастной группы (30–49 лет) среди матерей, совершивших посягательство на жизнь своего ребенка. Имеющийся у данной возрастной группы жизненный опыт, казалось бы, наоборот, должен препятствовать влиянию послеродовой депрессии в механизме преступного поведения. Полагаем, что данное обстоятельство негативно влияет на оценку правоприменителями необходимости обеспечения законных интересов матери, совершившей посягательство на жизнь новорожденного, в части оказания им психологической, медицинской и социальной помощи.

Анализ действующего уголовного законодательства приводит к выводу, что совершение матерью убийства новорожденного ребенка требует самостоятельной уголовно-правовой оценки. УК РФ содержит отдельный состав такого преступления, носящий привилегированный характер и предусматривающий более мягкую уголовную ответственность (ст. 106 УК РФ). Максимальное наказание, предусмотренное за совершение убийства матерью новорожденного ребенка, составляет пять лет лишения свободы, в то время как за простое (неквалифицированное и непривелигированное) убийство срок наказания может достигать пятнадцати лет.

Социальная обусловленность существования данной нормы объясняется тем, что процессы, происходящие в организме роженицы в период и сразу же после родов в связи с болезненными психофизиологическими страданиями, нередко ведут к изменению эмоционального состояния женщины, характеризующегося сужением сознания. В уголовном праве такие состояния определяются юридическим термином «уголовно-релевантные состояния», охватывающим весь объем психических состояний, которые влияют на преступное поведение [Козловский 2008]. Именно такое состояние играет извинительную роль при юридической оценке содеянного [Мухачева 2017].

Учитывая, что наказуемость преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, существенно ниже, следователи при расследовании убийства матерью своего новорожденного ребенка в обязательном порядке рассматривают и проверяют версию о заранее спланированном преступлении. Это неизбежно приводит к дополнительным эмоциональным переживаниям женщины, которой приходится в рамках допроса отвечать на вопросы, уличающие ее в совершении более тяжкого преступления, участвовать в проведении дополнительных следственных действий (очных ставок и т. п.). В итоге на подследственную оказывает воздействие целый ряд негативных факторов субъективного и объективного характера, подавляющих правильное восприятие ей окружающей действительности.

К субъективным факторам можно отнести, например, негативное влияние естественных психофизиологических процессов, связанных с родами, влияние психотравмирующей ситуации, под воздействием которой было совершено убийство новорожденного, переживания по поводу совершенного преступления, страх перед уголовной ответственностью. Как следствие, женщина может замкнуться, неправильно реагировать на поведение других участников уголовного процесса, давать неполные показания или отказываться от них, что негативно влияет на качество предварительного расследования и препятствует установлению всех обстоятельств происшествия. Это может привести

[1] Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 12 месяцев 2019 года // Судебный департамент Верховного Совета Российской Федерации : [сайт]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259 (дата обращения: 20.08.2020).

к тому, что следователь неправильно оценит обстоятельства содеянного преступления, и виновная будет привлечена к уголовной ответственности по другой статье УК РФ, предусматривающей более суровое наказание.

Помимо этого, рассмотренные нами субъективные факторы отягощаются и обстоятельствами объективного характера, связанные с тем, что установление факта совершения преступления под влиянием специфического психического состояния у матери, является исключительной прерогативой суда. Это не требует обязательного назначения психолого-психиатрической судебной экспертизы в отношении подозреваемой или обвиняемой, что, как отмечают исследователи, в некоторых случаях приводит к уклонению органов предварительного расследования от проведения подобных экспертиз и, соответственно, может также повлечь неправильную квалификацию содеянного [Савенко 2015]. Все вышеизложенное, по нашему мнению, требует разработки механизма обеспечения законных интересов женщин.

Приемы, средства и способы обеспечения в рамках предварительного расследования интересов матери, совершившей посягательство на жизнь своего новорожденного ребенка, на наш взгляд, следует рассматривать как элемент комплексного метода борьбы с преступлениями лиц с негативным изменением психической деятельности. Само по себе понятие лица с негативными изменениями психической деятельности имеет правовое значение и рассматривается нами как собирательный термин, включающий в себя две группы психических состояний: психические расстройства (психопатологические изменения) и негативные изменения психического состояния непатологического характера.

Женщины, в момент совершения преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, обнаруживают именно негативные (с точки зрения социальной значимости) изменения психического состояния, под которыми понимаются непатологические психические состояния, влияющие на квалификацию преступлений. Уголовное преследование таких лиц должно осуществляться при обязательной реализации следующих требований: обеспечение специальных прав подозреваемых и обвиняемых с негативными изменениями психической деятельности; оказание им помощи (медицинского, социального, правового характера); обеспечение безопасности как подозреваемых и обвиняемых, так и иных лиц [Стариков 2017]. При этом определение специальных прав и оказание помощи, безусловно, является важным компонентом для обеспечения законных интересов женщины, в то время как необходимость обеспечения безопасности утрачивает свою значимость в связи с тем, что психофизиологическое состояние подозреваемой и обвиняемой не представляет угрозы для ее жизни и здоровья, а также жизни и здоровья других участников расследования преступлений.

Один из важнейших законных интересов женщины будет связан с экспертным установлением наличия у нее негативного изменения психической деятельности в момент совершения преступления. С учетом того, что женщины, как показывают результаты нашего социологического исследования, в большинстве своем не склонны рассматривать подобное состояние как извинительное обстоятельство при юридической оценке их действий, они могут игнорировать важность проведения в отношении них психолого-психиатрической экспертизы. В связи с этим полагаем необходимым закрепить обязательный характер назначения подобной судебной экспертизы лицом, осуществляющим предварительное расследование.

Важное значение в рамках оказания психологической помощи матери, совершившей убийство новорожденного ребенка, имеет приглашение для участия в следственных действиях психолога. Как показывают результаты исследования судебно-следственной практики, психолог может способствовать смягчению или преодолению различного рода психологических затруднений, возникающих у привлеченной к уголовной ответственности женщины [Черникова 2015, с. 227]. В частности, помощь психолога способствует адаптации женщины к условиям уголовного преследования, снятию психического напряжения, послужившего фоном совершения преступления, а также устранению стрессового состояния, возникшего вследствие совершенного деяния.

Приглашение психолога имеет и доказательственное значение, поскольку психолог, исходя из показаний допрашиваемой, может сделать предварительные выводы о ее психическом состоянии в момент совершения преступления, что способствует проверке версии об инсценировке обстоятельств преступления, а также постановке вопросов перед экспертом.

На практике психологи для участия в следственных действиях с матерью, совершившей посягательство на жизнь новорожденного, часто не приглашаются, хотя правовых препятствий не существует. В связи с этим считаем целесообразным включить предложение о необходимости привлечения психолога на такие следственные действия в соответствующие криминалистические методические рекомендации.

Важное профилактическое значение при расследовании преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, имеет оказание социальной помощи. Вместе с тем подобное направление деятельности в органах предварительного расследования, как правило, не реализуется. При этом именно следователь выявляет тот причинный комплекс,

который способствовал совершению преступления и, располагая этой информацией, может принять незамедлительные меры к устранению выявленных негативных факторов.

Например, при расследовании уголовного дела в отношении К., которая в связи с неблагоприятными жизненными условиями сразу же после родов совершила покушение на убийство своего новорожденного ребенка, было установлено, что у К. на иждивении находится еще двое несовершеннолетних детей. При этом в отношении виновной была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде, а мер по оказанию ей социальной помощи следователь не предпринял. В данном случае обращает на себя внимание фактическое сохранение длительной психотравмирующей ситуации, связанной с неблагоприятными жизненными условиями, и возможное сохранение измененного после родов эмоционального состояния при наличии на иждивении подсудимой несовершеннолетних детей. Указанные причины и условия могли спровоцировать К. на совершение повторных преступных действий, жертвами которых могли стать другие ее дети[1]. Полагаем, что в подобных случаях актуализируется потребность в оказании имеющей профилактическое значение социальной помощи в форме приглашения на допрос педагога, реализующего воспитательные функции в отношении женщины, совершившей преступление [Бунтова 2014, с. 50].

Не менее важное профилактическое значение имеет направление в отдел (управление) социальной защиты населения представления по устранению причин и условий совершенного преступления с предложением разработать алгоритм социальной помощи матери, совершившей преступление (например, решить вопрос о предоставлении выплат социальных пособий, денежных выплат, иных мер социальной поддержки, помощи в трудоустройстве и т. п.). Результаты исследования криминологической характеристики матери, совершившей посягательство на жизнь новорожденного ребенка, указывает на востребованность подобных мер социальной и бытовой помощи.

При этом следует отметить, что в настоящее время реализация подобных представлений сталкивается с рядом трудностей, важнейшими из которых, является, по справедливому мнению Н. П. Яблокова, формализм либо игнорирование сотрудниками предварительного расследования своих профилактических функций [Яблоков 2015]. Так, только в 22,4% изученных нами уголовных дел в отношении лиц с негативными изменениями в психической деятельности имелись представления по устранению причин и условий преступлений, адресованные в медицинские организации и социальные органы государственного и муниципального управления В остальных случаях представления адресовались в основном в службу участковых уполномоченных полиции и нередко носили формальный характер.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что обеспечение прав и законных интересов матери, совершившей посягательство на жизнь новорожденного ребенка, реализуется не в полной мере. Этому способствуют: неверная оценка самими виновными влияния негативного изменения психического состояния на механизм преступного поведения и непризнание извинительного характера своего противоправного поведения; противоречивые криминологические характеристики виновных, способные сформировать у правоприменителей отрицание наличия извинительных обстоятельств преступления, а также наличие правовых пробелов и недостатки практики раскрытия и расследования преступлений. В целом данные факторы можно устранить путем совершенствования норм права и формирования положительной практики раскрытия и расследования преступления, в том числе и используя наши предложения. Это не только поможет женщинам в сложной ситуации, причины которой носят объективный характер, но и приведет к оздоровлению общества в целом, ведь защита материнства и детства – не просто красивая декларация, но самая основа российской духовной составляющей.

Список цитируемых источников

Бунтова 2014 – *Бунтова А. В.* Содержание профессиональной деятельности современного педагога // Вестник Пензенского государственного университета. 2014. № 1. С. 49–52.

Козловский 2008 – *Козловский Е. Г.* Концептуализация понятия «уголовно-релевантные психические состояния» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2008. № 26. С. 55–60.

Мухачева 2017 – *Мухачева И. М.* Состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости в соответствии со ст. 106 УК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 2. С. 183–190.

Савенко 2015 – *Савенко И. А.* Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка // Общество и право. 2015. № 2. С. 82–86.

Стариков 2017 – *Стариков А. П.* Теоретическое обоснование комплексного метода выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений лиц с негативными изменениями в психической деятельности // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 4(45). С. 103–108.

[1] Архив Суздальского районного суда Владимирской области. Уголовное дело № 1-184/2013.

Черникова 2015 – *Черникова К. С.* Специфика профессиональной деятельности психолога // Символ науки. 2015. № 11. С. 226–228.

Яблоков 2015 – *Яблоков Н. П.* Некоторые проблемы отечественной криминалистики в свете сегодняшнего времени // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. М. : МАКС Пресс, 2015. С. 20–25.

References

Buntova, A. V. (2014), "Content of professional activity of the modern teacher", *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta,* no. 1, pp. 49–52.

Chernikova, K. S. (2015), "Specificity of professional activity of the psychologist", *Simvol nauki,* no. 11, pp. 226–228.

Kozlovsky, E. G. (2008), "Conceptualization of the concept of "criminal-relevant mental states", *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya "Pravo",* no. 26, pp. 55–60.

Mukhacheva, I. M. (2017), "The state of mental disorder, not excluding sanity, in accordance with article 106 of the Criminal Code of Russian Federation", *Aktual'ny'e problemy' rossiiskogo prava,* no. 2, pp. 183–190.

Savenko, I. A. (2015), "Problems of qualification of murder by mother of the newborn child", *Obshchestvo i pravo,* no. 2, pp. 82–86.

Starikov, A. P. (2017), "Theoretical justification of the method of integrated detection, suppression, disclosure and investigation of crimes of persons with negative changes in mental activity", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4, pp. 103–108.

Yablokov, N. P. (2015), "Some problems of domestic criminology in the light of today's", *Sovremennaya kriminalistika: problemy', tendentsii, perspektivy'* [Modern criminalistics: problems, trends, prospects], MAKS Press, Moscow, Russia, pp. 20–25.

Информация об авторах

Ткачук Татьяна Алексеевна,
доктор юридических наук, профессор, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; tatkachyk@mail.ru

Стариков Александр Павлович,
Инспекция штаба Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Владимирской области, Владимир, Российская Федерация; Whitegurfalcon19@yandex.ru

Маркина Оксана Викторовна,
кандидат исторических наук, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; irishoxana@rambler.ru

Михайлов Алексей Евгеньевич,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; urgantfr@mail.ru

Information about the authors

Tkachuk Tat'yana A.,
doctor of law, professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; tatkachyk@mail.ru

Starikov Aleksandr P.,
Management of police of Russia in the Vladimir region, Vladimir, Russian Federation; Whitegurfalcon19@yandex.ru

Markina Oksana V.,
PhD (history), Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; irishoxana@rambler.ru

Mikhailov Aleksei E.,
PhD (law), associate professor, Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; urgantfr@mail.ru

Для цитирования

Обеспечение законных интересов женщин, подозреваемой в посягательстве на жизнь новорожденного ребенка: криминолого-криминалистические аспекты / Т. А. Ткачук [и др.] // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 144–149.

For citation

Tkachuk, T. A., Starikov, A. P., Markina, O. V. and Mikhailov, A. E. (2020), "Ensuring the legal interests of a suspect in an attempt on the life of a newborn child: criminological and forensic aspects", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 144–149.

УДК 343.98

С. М. Томилин[1]
С. Е. Шокин[2]
[1] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
[2] *Владимирский филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация*

S. M. Tomilin[1]
S. E. Shokin[2]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*
[2] *Vladimir branch, Russian Presidential academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation*

Некоторые конституционные и уголовно-процессуальные возможности обеспечения безопасности лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам – субъектам оперативно-розыскной деятельности

Some constitutional and criminal-procedural possibilities of ensuring the security of persons providing confidential assistance to bodies-subjects of operational-search activity

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; негласное содействие; обеспечение безопасности; меры защиты.

Аннотация. В статье анализируются некоторые конституционные уголовно-процессуальные возможности обеспечения безопасности лиц, оказывающих негласное содействие органам – субъектам оперативно-розыскной деятельности. Предлагаются меры, способствующие развитию законодательства, усиливающие гарантии защиты лиц, оказывающих негласное содействие при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Key words: operational-search activities; operational and investigative measures; unspoken assistance; security; protection measures.

Abstract. The work explores some criminal procedures to ensure the safety of persons providing confidential assistance to the authorities of the subjects of operational and investigative activities. Measures that promote legislation are proposed, strengthening safeguards to protect persons who provide unspoken assistance in conducting search operations.

По своей сущности оперативно-розыскная деятельность (далее: ОРД) имеет разведывательно-поисковый характер и непосредственно связана с получением необходимых сведений о подготавливаемых, совершаемых и совершенных преступлениях [Горяинов, Овчинский, Синилов 2010, с. 288]. В целях получения необходимых сведений о подготавливаемых, совершаемых и совершенных преступлениях оперативным работникам необходимо использовать все предусмотренные оперативно-розыскным законодательством силы, средства и методы получения оперативно-розыскной информации. Характеризуя указанные силы, средства и методы, мы считаем необходимым обратить особое внимание на применяемое в оперативно-розыскной практике и предусмотренное Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее: ФЗ об ОРД) конфиденциальное содействие граждан (в том числе привлекаемых в качестве специалистов) в сочетании с применением специальных технических средств (далее: СТС). При этом следует подчеркнуть, что в настоящей статье речь идет не о постоянно оказываемом конфиденциальном содействии, а о разовом участии в оперативно-розыскном мероприятии (далее: ОРМ) или их комплексе, связанном единым замыслом и проводимом в отношении определенных лиц.

Мы считаем, что привлечение граждан к проведению ОРМ не только повышает результативность последних, но и возлагает на субъектов ОРД дополнительные обязанности по обеспечению и принятию надлежащих мер эффективного обеспечения защиты прав названных лиц. В качестве одной из мер такой защиты является установленное ст. 12 ФЗ об ОРД положение, предусматривающее, что сведения о лицах, оказывающих на конфиденциальной основе содействие органам, осуществляющим ОРД, составляют государственную тайну и подлежат рассекречиванию только на основании постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД, лишь с их согласия в письменной форме и в случаях, предусмотренных федеральными законами. При этом мы считаем необходимым подчеркнуть, что в приведенной статье не оговорен период конфиденциального содействия, в связи с чем мы приходим к выводу, что она распространяется и на лиц, привлекаемых для единовременного содействия оперативным подразделениям. Кроме того, мы полностью разделяем позицию проф. В. Н. Омелина, считающего, что «сохранение тайны в процессе ОРД является обязательным условием конфиденциального содействия граждан оперативно-разыскным органам, обеспечивающим не только его эффективность, но и их личную безопасность» [Омелин 2020].

© Томилин С. М., Шокин С. Е., 2020

Вместе с тем, по мнению данного автора, нормы ФЗ об ОРД по защите и неразглашению данных о лицах, оказывающих негласное содействие, недостаточно эффективны в случаях, когда при проведении ОРМ с привлечением граждан к единоразовому содействию применялись СТС, обладающие функциями аудио- или видеозаписи. Более того, мы считаем, что указанная категория лиц не обеспечивается гарантиями безопасности, предусмотренными ФЗ об ОРД. Обусловлено это в первую очередь тем, что проведение любых ОРМ связано с возникновением, изменением и прекращением уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений[1]. На то, что является следствием практической необходимости реализации полученной конфидентом оперативно-розыскной информации при осуществлении ОРМ, указывал в одной их своих работ В. С. Овчинский [Алексеев, Овчинский 2014].

Другими словами, любые действия оперативных работников по решению задач и достижению целей ОРД подпадают под действие не только ФЗ об ОРД, но и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее: УПК РФ), в соответствии с которым осуществляются оценка и реализация полученных результатов ОРД. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации в своих определениях, результаты ОРД являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые могут стать доказательствами после закрепления их надлежащим процессуальным путем[2]. Эта позиция Конституционного Суда Российской Федерации подтверждает, что только путем уголовно-процессуального доказывания может быть установлена истина по делу и, как следствие, решены задачи, стоящие перед субъектами ОРД. Однако именно в процессе доказывания и существуют правовые пробелы и коллизии, не позволяющие в полном объеме обеспечить конфиденциальность рассматриваемой нами категории лиц.

В качестве примера можно привести следующую ситуацию. Лицо оказало единоразовое негласное содействие при проведении ОРМ «наблюдение» или «проверочная закупка» с применением СТС, в результате чего преступная деятельность была задокументирована с помощью аудио- и видеозаписи, содержащейся на физическом носителе информации (CD- или DVD-диск, USB-флэш-носитель). В дальнейшем, в случае принятия решения предоставления этих результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд, наступит стадия возбуждения уголовного дела и будет осуществляться исследование указанных материалов в рамках уголовно-процессуального законодательства посредством проведения следственных действий. При этом в случае, если следственные действия по уголовному делу произведены, а собранные доказательства соответствуют требованиям относимости, допустимости, достоверности и в целом достаточности (ст. 88 УПК РФ), должностное лицо, осуществляющее предварительное следствие, выносит постановление о приобщении их к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств с составлением обвинительного заключения, о чем уведомляет обвиняемого и разъясняет ему предусмотренное ст. 217 УПК РФ право на ознакомление со всеми материалами уголовного дела. Реализация этой нормы УПК РФ означает, что сторона защиты имеет право не только на ознакомление с материалами уголовного дела, но и по их желанию лицо, производящее расследование, обязано предъявлять все вещественные доказательства, в том числе приобщенные к уголовному делу в указанном качестве физические носители информации, содержащие аудио- и видеозаписи проведенных ОРМ. При этом ограничение их по времени при ознакомлении с материалами уголовного дела допускается только в крайних случаях. Таким образом реализуется один из принципов уголовно-процессуального законодательства – принцип состязательности сторон, когда стороне обвинения и защиты предоставляются равные процессуальные возможности по отстаиванию своих прав и законных интересов (ст. 15 УПК РФ).

Вместе с тем должностные лица, осуществляющие предварительное расследование, при производстве следственных действий и приобщении результатов ОРД к уголовному делу обязаны обеспечить безопасность всем участникам процесса всеми имеющимися в их распоряжении средствами (ст. 11 УПК РФ), в том числе скрыть данные о лицах, которые не желают разглашения факта своего участия в уголовном процессе. В таких случа-

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павелкина Виталия Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 23 апр. 2020 г. № 1055-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Клещ Елены Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 75 и статьей 9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 25 нояб. 2010 г. № 1487-0-0. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» ; От отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Лукина Вячеслава Владимировича и Лукина Виталия Владимировича на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», пунктом 4 части второй статьи 38, частью первой статьи 86 и статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 25 янв. 2012 г. № 167-0-0. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ях следователь или дознаватель с согласия их руководителей выносят постановление о принятии решения и сохранении в тайне личных данных таких лиц. В постановлении лицу, оказавшему содействие, присваивается псевдоним и приводится образец его подписи. Подтверждающие личность участника уголовного процесса документы конвертируются, опечатываются, приобщаются к материалам уголовного дела и хранятся при нем в условиях, исключающих ознакомление с этими материалами иных участников уголовного судопроизводства (ч. 9 ст. 166 УПК РФ). Конституционность данной нормы была подтверждена определением Конституционного Суда Российской Федерации, который указывал, что в таких случаях применяются специальные правила проведения процессуальных действий и оформления их результатов, что направлено на достижение конституционно значимых целей обеспечения борьбы с преступностью и защиты прав и законных интересов потерпевших, свидетелей и иных лиц, оказывающих содействие в раскрытии и расследовании преступлений[1]. Более того, необходимость использования этих процессуальных действий вытекает из ряда положений международных правовых актов, к исполнению которых присоединилась Российская Федерация. В соответствии с ними предусматривается принятие надлежащих мер, направленных на обеспечение эффективной защиты от вероятной мести или запугивания участвующих в уголовном судопроизводстве свидетелей, их родственников и других близких им лиц, включая разрешение в надлежащих случаях не разглашать информацию о них[2].

Однако эффективность процессуальных действий, предусмотренных ч. 9 ст. 166 УПК РФ, по защите личных данных лиц, оказавших негласное содействие при проведении ОРМ с использованием СТС, у нас вызывает определенные сомнения. Это обусловлено тем, что, как уже отмечалось, сторона защиты (и в том числе сам обвиняемый) может быть ознакомлена с содержанием физических носителей информации о результатах ОРД, рассекреченных и приобщенных к уголовному делу в качестве доказательств. При этом в соответствии с требованиями УПК РФ результаты ОРД, представляемые в органы предварительного следствия и содержащиеся на физических носителях информации, должны содержать, помимо прочего, информацию о возможных очевидцах преступления.

Реализация этих норм УПК РФ на практике означает, что сведения о лицах, оказавших негласное содействие при проведении ОРМ с применением СТС, могут быть получены обвиняемым и его защитником путем восстановления ими хронологии событий при ознакомлении с аудио-, видеозаписями. Это может повлиять на безопасность лиц, оказавших единоразовое конфиденциальное содействие, а также членов их семей.

В связи с этим нормы ч. 9 ст. 166 УПК РФ, регламентирующей защиту личных данных лиц, предлагается расширить и предусмотреть возможность приобщения в качестве вещественного доказательства к материалам уголовного дела, с которыми могут знакомиться заинтересованные лица (обвиняемый, защитник), участвующие в уголовном процессе, аннотированные материалы (справки-меморандумы) по проведенным ОРМ, в рамках которых привлекались лица, оказавшие негласное содействие. Физические носители информации, которые содержат аудио-, видеозаписи, мы предлагаем приобщать к материалам уголовного дела на основании постановления должностного лица, осуществляющего предварительное расследование, в конвертированном и опечатанном виде, исключив при этом ознакомление с ними посторонних лиц и представителей стороны защиты.

По нашему мнению, реализация этих предложений позволила бы в полной мере обеспечить безопасность лиц, оказавших единоразовое негласное содействие, и сохранить в тайне сведения об их персональных данных.

В заключение отметим, что предоставление в орган предварительного расследования результатов ОРД, полученных с применением СТС, в ходе которых к проведению ОРМ привлекались лица, оказывающие единоразовое конфиденциальное содействие, не носит массового характера. Однако оперативные работники при планировании ОРМ с привлечением этой категории граждан должны учитывать возможные риски расшифровки данных лиц при реализации результатов ОРД в рамках уголовно-процессуального законодательства, что требует от оперативного состава знаний не только оперативно-розыскного, но и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

---

[1] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Скепского Владислава Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, пунктом 4 части второй статьи 241, частью пятой статьи 278 и частью шестой статьи 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 17 июля 2007 г. № 622-О-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.- правой системы «КонсультантПлюс».

[2] Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию ETS № 173 (Страсбург, 27 янв. 1997 г.). Ст. 22 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 20, ст. 2394 ; Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 нояб. 2000 г. Ст. 24 // Там же. 2004. № 40, ст. 3882.

Список цитируемых источников

Алексеев, Овчинский 2014 – Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности / под ред. А. И. Алексеева, В. С. Овчинского. М. : Проспект, 2014. 176 с.

Горяинов, Овчинский, Синилов 2010 – Теория оперативно-розыскной деятельности / под общ. ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М. : Инфра-М, 2010. 831 с.

Омелин 2020 – *Омелин В. Н.* О конспирации в оперативно-разыскной деятельности // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 3. С. 23–25.

References

Alekseev, A. I. and Ovchinsky, V. S. (ed.) (2014), *Kommentarii k Federal`nomu zakonu «Ob operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti* [Commentary on the Federal Law "On operational-search activities"], Prospekt, Moscow, Russia.

Goryainov, K. K., Ovchinsky, V. S. and Sinilov, G. K. (ed.) (2010), *Teoriya operativno-rozy`sknoi deyatel`nosti* [Theory of operational-search activity], Infra-M, Moscow, Russia.

Omelin, V. N. (2020), "On conspiracy in operational-search activities", *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: parvo, ekonomika, upravlenie,* no. 3, pp. 23–25.

Информация об авторах

Томилин Сергей Михайлович,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; tomilin1978@yandex.ru

Шокин Сергей Евгеньевич,
кандидат юридических наук, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; shokinsergey2015@yandex.ru

Information about the authors

Tomilin Sergei M.
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; tomilin1978@yandex.ru

Shokin Sergei. E.
PhD (law), Vladimir branch, Russian Presidential academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; shokinsergey2015@yandex.ru

Для цитирования

Томилин С. М., Шокин С. Е. Некоторые конституционные и уголовно-процессуальные возможности обеспечения безопасности лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам – субъектам оперативно-розыскной деятельности // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 150–153.

For citation

Tomilin, S. M. and Shokin, S. E. (2020), "Some constitutional and criminal-procedural possibilities of ensuring the security of persons providing confidential assistance to bodies-subjects of operational-search activity", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 150–153.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

УДК 34.09+351.755.361

О. С. Амосова[1]
[1] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

O. S. Amosova[1]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Ревизский учет населения России в XVIII в. как один из этапов становления современной переписи населения Российского государства: историко-правовые аспекты

The audit registration of the population of Russia in the 18th century as one of the stages of the formation of the modern census of the population of the Russian state: legal and historical aspects

Ключевые слова: Полное собрание законов Российской империи; ревизия; ревизские сказки; учет; перепись.

Аннотация. В статье анализируются историко-правовые аспекты учета народонаселения России в XVIII в. на основании узаконений, содержащихся в Полном собрании законов Российской империи и регламентирующих сферу данного учета как одной из вех становления современной переписи населения; рассматриваются вопросы организации и проведения ревизий, состав населения и группы, подлежащие переписи.

Key words: collection of laws of the Russian Empire; revision; revision tales; accounting; census.

Abstract. The article analyzes the historical and legal aspects of accounting for the population of Russia in the 18th century. on the basis of the legalizations contained in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire and regulating the scope of this accounting as one of the milestones in the formation of the modern population census; the issues of organizing and conducting audits, the composition of the population and groups to be census are considered.

Изучение истории Российского государства никогда не потеряет своей актуальности. Перепись населения в России – это в определенном смысле летопись нашей страны. В современном понимании перепись населения – это прежде всего сбор сведений обо всех лицах, проживающих или находящихся на данный момент в государстве. Целью современных переписей населения является желание государства узнать не только точную численность своих граждан и условия их жизни, но и возможность составить долгосрочные прогнозы развития общества, подготовить необходимые государственные программы. Организация и порядок проведения современной переписи населения имеют глубокие исторические корни. В рамках настоящей статьи рассмотрим, как происходил учет населения в России в XVIII в.

Историография народонаселения России в XVIII в. включает в себя огромное количество источников, архивных, печатных, опубликованных и нет, изучив которые можно составить представление обо всех ревизиях населения, проходивших в государстве. Основным источником по этому вопросу является Полное собрание законов Российской империи. Данное собрание узаконений было создано в XIX в. и представляет собой грандиозное собрание большинства указов и постановлений, изданных в России, начиная с Соборного уложения 1649 г. Указов, затрагивающих вопросы ревизии, в этом собрании насчитывается около тысячи, но они не дают полной картины проведенных в России ревизий населения. В связи с этим целесообразно обратиться к материалам архивов, хранящих сведения о ревизиях, а также к трудам ученых-государствоведов, посвятивших свои исследования вопросам изучения учета населения России, среди которых выделяются работы: К. Баллода, А. Бессера, Н. Д. Борщик, А. А. Бушена, С. Б. Веселовского, В. С. Дементьева, Е. Ф. Зябловского, В. М. Кабузана, Л. Ю. Крафта, П. Н. Милюкова, Т. А. Пашкиной, Н. Л. Рубинштейна и др. Вкупе все это позволяет составить полную картину условий организации и проведения ревизий, определить цель их проведения, собрать воедино сведения обо всех категориях населения, которые эти ревизии охватили, и выяснить их роль в становлении современного учета населения России.

Указы о переписях населения появлялись с первых лет царствования Петра I постоянно. Их характер был схож с характером наказов XVII в.: они имели целью меры чисто местные, частные и сословные и «касались одной какой-либо части населения, с которой следовало собрать подать либо деньгами в казну, либо людьми в войско». Однако Петр I требовал большей определенности при подаче сведений, в связи с чем в начале XVIII в. назрела необходимость в реформировании системы учета населения [Пинаевский 2002].

26 ноября 1718 г. вышел в свет указ «О введении ревизии, о распределении содержания войска по числу ревизских душ, об определении воинских и избрании земских комиссаров для заведывания всех сборов с крестьян для содержания войска, и о счете земских комиссаров в собираемых ими деньгах и припасах»[1]. В соответствии с

[1] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1-е. Т. V, № 3245.

© Амосова О. С., 2020

этим указом отныне переписывались не дворы, а «души мужского пола», о которых в течение года нужно было собирать сведения (сказки). Этот вид учета получил название «ревизия» (от лат *revisio* – пересмотр) [Пархоменко 2012, с. 351]. Согласно данному указу устанавливался срок в один год для сбора достоверных ревизских сказок о количестве душ мужского пола, проживающих в деревнях. Переписчикам вменялось в обязанность охватить переписью все население и выявить души «на содержание полков, положа средний оклад… в такой надежде, что с них более никаких податей и работ не будет…». Данный указ не содержал перечень конкретных вопросов, необходимых для решения; также в нем не устанавливался порядок проведения ревизии; не были определены четко территории, попадающие под перепись; ничего не было сказано о категориях населения, подлежащих учету. Упоминание в указе только о такой учетной единице, как деревня дает право заключить, что данная ревизия должна была коснуться исключительно сельского населения и не распространялась на другие категории населения России. Кроме того, упоминание о содержании армии, взятой на постой, свидетельствует о желании правительства выявить лиц, способных содержать у себя солдат, что говорит о чисто финансовой (податной) стороне проводимой ревизии.

22 января 1719 г. вышел указ Сената «Об учинении общей переписи людей податного состояния, о подаче ревизских сказок и о взыскании за утайку душ»[1]. Данный указ предписывал собрать сказки во всех волостях, губерниях, селах, деревнях и переписать всех тягловых лиц мужского пола от стариков до младенцев до конца 1719 г. Освобождались от ревизии «…завоеванные города, астраханские и уфимские татары и башкиры, и сибирские ясачные иноверцы». Указом были определены губернии как подлежащие ревизии, такие как Московская, Нижегородская, Петербургская и другие, так и не подлежащие переписи, такие как Лифляндская, Эстляндская и еще четыре губернии. Необходимо отметить, что, как и в первом указе, переписи подлежало исключительно крестьянство, а национальные меньшинства от нее освобождались. Анализ текста документа свидетельствует о том, что правительство еще не совсем ясно представляло себе, какие именно категории должны подлежать переписи. Не случайно заканчивался указ строкой о том, что о ревизии посадских людей будет издано дополнительное распоряжение.

Узаконения 1720–1721 гг. расширили перечень переписываемых категорий. Указом Петра I от 5 января 1720 г. «О помещении в ревизских сказках не одних крестьян, но также дворовых людей и церковных причетников»[2] в перепись были включены дворовые люди и церковные причетники. Попы и дьяконы подлежали особой переписи. 28 февраля 1721 г. именным указом[3] Петр I повелел собрать ревизские сказки по посадским людям и разночинцам, проживающим в посадах и слободах. В дополнение к этим повелениям государя Сенатом была издана целая серия распоряжений, расширяющих и уточняющих списки ревизуемых лиц. Так, в ревизские списки стали включаться не только дворовые люди и церковные причетники, но и их дети, и свойственники, а также кабальные люди и служители, уволенные от помещиков. Таким образом, текст указов говорит о том, что данное мероприятие первоначально было направлено на перепись исключительно крестьян и однодворцев, и лишь с подачи Сената были учтены и другие податные категории, несшие различные государственные повинности. В то же время указом Сената от 5 июля 1721 г.[4] из ревизских списков были исключены: духовенство, дворяне, отставные солдаты и военнослужащие драгунских формирований. Эти категории освобождались от уплаты государственных сборов и были внесены в особые списки, которые просто учитывали их существование. Такое разделение населения по разным спискам свидетельствует о том, что правительство не только преследовало финансовую сторону вопроса, но и хотело узнать реальный количественный и качественный составы своего народа.

За ходом ревизии по всем направлениям надзирал Сенат. Предполагалось, что результаты ревизии должны были стать основой для сбора податей и повинностей, поэтому к непосредственным исполнителям – собственно ревизорам, а также и к населению применялись самые жесткие меры в плане наказаний, имеющие своей целью превенцию различного рода злоупотреблений и подачи заведомо недостоверных сведений. Еще первый указ о проведении ревизии от 26 ноября 1718 г. устанавливал смертную казнь для переписчиков, нарушивших указ, и для приказчиков, выборных и старост за утайку ревизских душ. Интересным представляется тот факт, что за аналогичные деяния, помещикам устанавливалось более мягкое наказание. Так, помещику, не

[1] ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. V, № 3287.

[2] Там же. Т. VI, № 3481.

[3] О взятии сказок во всех губерниях и провинциях, кроме новозавоеванных городов, у посадских и разночинцев, живущих на посадах и в слободах, и о присылке, по составлении сказок, выписок и табелей в Санкт-Петербург: о посадских в магистрат, а о разночинцах к бригадиру Зотову : указ от 28 февр. 1721 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. VI, № 3747.

[4] Об исключении из числа ревизских душ протопопов, попов, дьяконов, дворян и отставных солдат и драгун, при расположении полков по наличным душам в Новгородской губернии : указ от 5 июля 1721 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. VI, № 3802.

показавшему в ревизской сказке реальное количество податных душ, грозили либо штраф, или, в худшем случае, ссылка на галеры и лишение имения. В качестве наказания ему могли приписать также двойное число душ от числа утаенных от ревизии с последующей платой за них налогов.

Так, 16 января 1721 г. вышел указ Сената[1] «о конфискации вотчин и имений провинившихся помещиков; в этом длинном списке указывались фамилии многих известных в тот момент государственных служащих (например, нижегородский вице-губернатор Ржевский, алаторский воевода князь Мещерский и др.)» [Мельников 2012, с. 52].

Несмотря на суровые меры, принятые правительством при проведении ревизии, сама ревизия проходила крайне медленно. Все сведения по ней направлялись в Санкт-Петербург в «канцелярию бригадира Н. Зотова», созданную императором в 1719 г. Данное учреждение должно было сверять поступающие со всех мест новые сведения о населении с итогами ревизии 1678–1679 гг. Численность посадского населения России подсчитывалась Главным магистратом Санкт-Петербурга, наделенным этой обязанностью именным указом от 28 февраля 1721 г. Для того чтобы ускорить сбор данных, с последующей их отправкой в соответствующие органы, на места были посланы ревизоры в лице «гвардии солдатов». Однако все эти меры не дали ожидаемого результата. Несмотря на изданный Петром I указ от 16 декабря 1719 г., касающийся помещиков и чиновников Санкт-Петербурга о подаче достоверных сведений, последние не желали понимать важности проходящей ревизии для укрепления финансовой мощи государства. Простое население России также не стремилось подавать о себе достоверные сведения. «Во многом это было связано с противодействием местной феодальной знати, противившейся петровским преобразованиям; свою роль играло и пассивное сопротивление населения, и новый, непривычный для администрации планируемый характер налогообложения (подушный вместо поземельного)» [Мельников 2012, с. 51].

Ряд указов, изданных в 1721 г. и объявивших амнистию для провинившихся при подаче ревизских сказок, позволили проводить перепись более успешно и завершить работу канцелярии Н. Зотова к 1 января 1722 г. Итогом работы канцелярии стало составление поуездных ведомостей, содержащих сведения о численности податного населения России. Отметим, что точность собранных ревизских сказок была далека от истины. Так, численность податного населения была определена почти в 5 млн душ мужского пола[2]. Однако в перепись не были включены многие категории населения, например, ямщики, работные люди на заводах и другие, что заставило правительство начать новую проверку ревизских сказок. На места вновь были посланы офицеры, вновь были созданы временные учреждения – переписные канцелярии. Все они должны были уточнить и дополнить результаты ревизии, с последующей отправкой собранных материалов в Сенат и Военную коллегию, которым они непосредственно подчинялись. Переписные канцелярии переписывали все категории населения, ранее не включавшиеся в перепись. Им пришлось заново переписать посадское население, которое, стремясь укрыться от обложения подушной подати, стало скрываться в деревнях или помещичьих вотчинах. Именно поэтому указ Сената от 27 апреля 1722 г.[3] определил переписать всех без исключения посадских людей, независимо от места их проживания, возраста, инвалидности, финансового положения и т. п. Согласно этому указу духовенство должно было оказывать всяческое содействие ревизорам по сбору достоверных сведений и подлежало наказанию за отказ или уклонение в оказании такой помощи. Духовенство не случайно было направлено в помощь ревизии, так как указом от 7 марта 1722 г.[4] им было предписано повсеместно вести исповедальные книги учета всех приходивших на исповедь прихожан. Кроме того, церкви уже давно вели метрические книги, и священники были хорошо осведомлены обо всем населении своего прихода. Эта особенность их службы явилась тем обстоятельством, что в течение всех десяти проводившихся в XVIII–XIX вв. ревизий сведения, подаваемые духовенством, использовались для контрольной проверки всех данных, полученных ревизиями.

Масштабность проверки населения определила и сроки проведения ревизии, длившейся два года, и в основном законченной в 1724 г. Однако в ряде мест ревизия продолжалась вплоть до 1727 г., несмотря на то, что январский указ 1724 г.[5] установил окончательный срок завершения ревизии – март 1724 г. К этому времени все переписчики должны были предоставить достоверные ведомости с указанием

[1] О подачах ревизских сказок, о взятии воевод в Санкт-Петербург к розыску за невысылку сказок, об отписке у них поместий и вотчин на государя, и о посылке подтвердительных указов в провинции, чтобы сказки о градских попах и причетниках в скорости были присланы : указ от 16 янв. 1721 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. VI, № 3707.

[2] *Ключевский В. О.* Русская история. М. : ЭКСМО, 2005. С. 596.

[3] О переписи посадских и о положении на них сбора по сороку алтын с души : указ от 27 апр. 1722 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. VI, № 3983.

[4] О присылке ведомостей о небывших на исповеди и о раскольниках, а равно и штрафных денег в Святейший Синод : указ от 7 марта 1722 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. VI, № 3914.

[5] О скорейшем окончании переписи душ и об учинении табелей, с обозначением порознь по статьям людей всякого состояния : указ от 14 янв. 1724 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. VII, № 4413.

в них всех категорий населения, подлежащих ревизии. 19 мая 1724 г. был издан указ Сената[1], который приказывал начать подушный сбор денег по всему государству, поскольку основная перепись населения в большинстве мест империи была завершена. Следует отметить, что итоги I ревизии пересматривались неоднократно в течение нескольких лет, вплоть до 1727 г., когда указ от 9 февраля[2] предписал закончить перепись к июлю 1727 г. На основании сенатских и императорских указов проводились многочисленные проверки и частные ревизии на окраинах государства. В результате I ревизия вышла за свои чисто финансовые и податные рамки, пытаясь учесть все категории податного и неподатного населения. При ее проведении были составлены списки и сохранились сведения о некоторых неподатных сословиях, таких как дворянство, духовенство, приказные служители, отставные драгуны, солдаты и матросы, рассыльщики при городах и т. п. практически по всем губерниям. Это обстоятельство выделяет I ревизию с точки зрения исторической ценности, по сравнению с рядом последующих.

Таким образом, учитывая, что I ревизия стала первым такого рода опытом учета подушного населения Российского государства, можно утверждать, что, несмотря на все ее недочеты (множественность инстанций, занимавшихся этой работой; неопределенность категорий, подлежавших переписи; отсутствие единой формы для подачи сведений; исключительно финансовый характер ревизии, бравшей в расчет только податное население [Мельников 2012, с. 53]), ревизия прошла вполне удовлетворительно. Мероприятиями I ревизии было охвачено 6 345 101 чел. (только лица мужского пола)[3].

Невыносимые условия жизни простого населения, отягощенные войнами, привели к естественной убыли населения. 17 сентября 1742 г. был опубликован доклад Сената[4], констатировавший резкую убыль податного населения России. В докладе отмечалось, что в период с 1719 по 1736 г. убыло 2 100 496 душ мужского пола, «положенных в оклад». Кроме того, уточнялось, что реальная цифра убыли населения была гораздо выше опубликованной, поскольку не все губернии вошли в статистику убыли населения. Указывалось также, что в ряде мест империи наблюдается прибыль подушного населения, не положенного в оклад, из чего возникает необходимость в проведении новой ревизии. Впредь Сенат предложил проводить ревизии каждые 15 лет.

Подготовка к II ревизии протекала очень медленно, и лишь к концу 1743 г. были сформированы и утверждены офицерские списки для участия в ее проведении. Именной указ императрицы Елизаветы Петровны от 16 декабря 1743 г.[5] возложил руководство проведения ревизии на Сенат. Всем офицерам-ревизорам были подготовлены и розданы специальные «инструкции», утвержденные тем же указом императрицы. В помощь на местах ревизорам, как и при производстве I ревизии, создавались переписные канцелярии. В соответствии с указом должны были быть переписаны все податные и неподатные сословия основной части России, в том числе разночинцы, не положенные в оклад[6].

Недостатком II ревизии являлась все та же «неохваченность» всех территорий Российской империи, таких как Прибалтика и «Гетманщина», а также невключение в перепись разных народов, таких как башкиры, лопари Архангельской губернии и «ясачные» иноверцы, астраханские и уфимские татары[7]. Положительным моментом II ревизии можно считать ее распространение на новые территории, описанные в ходе частных ревизий.

Порядок организации II ревизии несколько отличался от порядка проведения предыдущей. Население само готовило ревизские сказки и подавало их переписчикам в течение недели после прибытия последних на места. Ревизоры обязаны были проверить достоверность всех поданных сведений. Ответственность за качество ревизских сказок несло как само население, так и проверяющие. Указом 16 декабря 1743 г. было установлено наказание для обеих сторон за разного рода злоупотребления, допущенные в ходе ревизии: превышение полномочий со стороны ревизоров, утайку и

---

[1] О вводе полков по расписанию в постоянные квартиры, начав с Московской губернии, и о сборе подушного на содержание их оклада по 74 копейки с души и оброка с казенных крестьян по 40 копеек с души : указ от 19 мая 1724 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. VII, № 4503.

[2] Об отсрочке крестьянам в платеж подушного сбора на майскую треть и о возвращении штаб- и обер-офицерам, посланным в губернии для ревизии и сбора подушных денег и разных доимок, к командам своим; об окончании к июлю месяцу переписи душ и о нахождении офицерам в губерниях до окончательного набора рекрутов : указ от 9 февр. 1727 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. VII, № 5010.

[3] Российский государственный архив древних актов, Ф. 248. Оп. 17. Д. 1117. Л. 295.

[4] Об учинении новой ревизии, для пресечения происшедших непорядков и в платеже подушных денег отбывательств и запущения доимок, о произведении ревизии на будущее время через пятнадцать лет; о положении в Санкт-Петербурге, также и во всей Ингерманландии, как русских, так и чухон, всех в подушных оклад наравне с русскими городами и уездами, и о приеме вольных работников на казенные работы без паспортов : доклад от 17 сент. 1742 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. XI, № 8619.

[5] Инструкция – посланным для учинения вновь ревизии : указ от 16 дек. 1743 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. XI, № 8836.

[6] О явке всем людям, подлежащим ревизской переписи к назначенным для произведения оной генералам : указ от 28 окт. 1743 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. XI, № 8811.

[7] О генеральной ревизии : указ от 16 дек. 1743 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. XI, № 8835.

иные недостоверные сведения. Наказания назначались в виде «жестокого наказания плетьми, батогами, кнутами» и штрафами. Если I ревизия за аналогичные преступления устанавливала наказание в виде смертной казни, лишения имения или ссылки на галеры (для помещиков), то наказания, устанавливаемые II ревизией, носили более мягкий характер. Такую гуманизацию в сфере назначения наказания можно объяснить тем, что после производства I ревизии население в основном осознало неизбежность происходящей переписи и вынуждено было подчиниться правительству.

Срок между проведением первых двух ревизий составил 25 лет, что совсем не соответствовало решению, ранее принятому Сенатом, – 15 лет. Ревизоры должны были сравнить данные первых двух переписей населения и дать заключение о расхождении в цифрах учета, если такие были бы выявлены. Это в значительной мере затягивало процесс переписи, так как расхождения были неизбежны, поскольку за столь длительный срок состав населения значительно изменился как количественно, так и качественно. Тем не менее процесс сравнения результатов ревизий был необходим для того, чтобы установить наиболее точное число прописных (пропущенных) душ, в том числе и выявить тех, кто уклонился от первой переписи. Начавшись в 1744 г., II ревизия в основном была завершена в 1747 г., поскольку именным указом от 27 января 1747 г.[1] было постановлено начать сбор подушной подати по итогам ревизии. К концу проведения II ревизии был издан ряд указов о смягчении наказания за утайку сведений о ревизских душах при условии добровольной явки виновных и подаче ими достоверных сведений. Этими мерами правительство корректировало результаты проведенной ревизии. В окончательном подсчете численность податного населения страны составила 6 828 460 душ мужского пола[2].

Подводя итоги II ревизии, в качестве ее недостатков можно отметить то, что она при подсчете населения не учитывала женский пол и не охватывала всей территории страны. Однако, по сравнению с I ревизией, II ревизия одновременно произвела подсчет как податных, так и неподатных сословий Российской империи, в то время как неподатные сословия в I ревизии были учтены только силами проведенных дополнительных частных ревизий. После окончания II ревизии были проведены частные ревизии с целью дополнения сведений, полученных основной ревизией, в результате чего ее итоги были скорректированы и составили 9 120 000 чел. мужского пола. II ревизия в полной мере постаралась учесть опыт предыдущей, что позволило провести ее в гораздо более сжатые сроки. Кроме того, она была лучше организована, так как уже в самом ее начале ревизоры получили подробные инструкции по ее проведению. В конечном итоге все последующие проведенные подсчеты податного населения показали, что в ходе проведения II ревизии не были учтены чуть более 1,5 % податных сословий, что в рамках всей империи является незначительной цифрой. Несмотря на то, что еще в своем докладе от 17 сентября 1742 г. Сенат рекомендовал проводить ревизии каждые 15 лет, на деле это положение никогда не выполнялось.

28 ноября 1761 г. сенатский указ[3] положил начало производству III ревизии. В этот раз решено было не посылать ревизоров на места, а их полномочия возложить на местную власть, которая должна была составить краткие достоверные ревизские сказки и предоставить их в Сенат до декабря 1762 г. Таким образом, на местах не создавались переписные канцелярии, а туда были посланы офицеры, которые выборочно должны были проверить ревизские сказки. С 1754 г. по распоряжению правительства в ревизские сказки включались лица женского пола, однако согласно сенатскому указу от 22 апреля 1762 г. эти сведения проверке не подлежали[4]. Кроме того, для всей России были введены единая форма ревизской сказки и единый стандарт переписных ведомостей.

После принятия 18 февраля 1762 г. Петром III Манифеста о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству[5] усилилась борьба крепостного крестьянства за свое освобождение, в результате чего проведение III ревизии было временно приостановлено. Срок окончания ревизии сдвинулся, и только в феврале 1763 г. прием сведений о населении был возобновлен и установлен окончательный срок завершения ревизии –1 сентября 1764 г. В июне 1764 г. ревизия была практически окончена и, хотя не все ревизские сказки были поданы, начался важный для государства процесс – сбор подушных денег.

Подводя итоги по организации и проведению III ревизии, можно выделить следующие важные моменты. Порядок организации и проведения ревизии отразились на ее итогах. Ее формальное проведение привело к тому, что после завершения ревизии было выявлено много неучтенных прописных душ. Положительным моментом в организации ревизии явилось то, что к началу ее проведения Сенатом были разработаны краткие перечи-

[1] О сборе подушных денег по новой ревизии : указ от 27 янв. 1747 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. XII, № 9368.

[2] Российская национальная библиотека. Отд. рукоп. Ф. 885. Д. 242. Л. 5.

[3] О проведении новой ревизии : указ от 28 нояб. 1761 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. XV, № 11364.

[4] О нетребовании при представлении ревизских сказок крепостей на женский пол : указ от 22 апр. 1762 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. XV, № 11513.

[5] ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. XV, № 11444.

невые ведомости, куда были внесены категории населения, подлежащие учету. В уездах, провинциях и городах необходимо было подсчитать общую численность и состав податного населения. Проведя анализ ведомостей, можно говорить о том, что III ревизия, как и предыдущие, имела своей целью получение финансовой прибыли государства. В основном учитывались только податные сословия, и только небольшая часть неподатных групп населения была включена в ведомости. Отдельными сенатскими указами, вне ревизии, велась перепись помещиков и их крестьян, дворянства, служащих, неслужилого дворянства и их детей, духовенства. Сведения об этих сословиях собирались в разные годы и особой полнотой не отличались. Таким образом, учет неподатного населения проводился формально и не был достоверен. Сведения же о податном населении, собранные ревизией, были относительно полными и были собраны одновременно почти по всей территории России. Положительным моментом в ревизии можно назвать и перепись женского пола (хоть и не полностью). Длилась ревизия сравнительно недолго и была проведена в короткие сроки (два года). В целом по ряду вопросов, прежде всего по учету численности населения России, III ревизия уступала своим предшественницам.

16 ноября 1781 г. манифестом[1] была объявлена IV ревизия. Она охватила всю территорию России, распространилась на разные народности, проживавшие на окраинах страны и до этого учитывавшиеся только частными ревизиями; охватила и расширила группы неподатных сословий, но не полностью (как и первые две ревизии). Дворяне, разночинцы, приказные чины и другие категории учитывались иначе. Сбор ревизских сказок осуществлялся, как и при III ревизии. Руководил процессом, как и прежде, Сенат, который с 1763 г. был разделен на департаменты. Первый департамент должен был заниматься непосредственно населением. Подача недостоверных сведений изначально каралась штрафами. В ведомости вносились лица мужского и женского полов, но проверка достоверности сведений согласно указу Сената от 10 декабря 1781 г. осуществлялась только по мужскому населению[2].

Формы ревизских сказок и ведомостей были заранее разосланы на места, но недостатком в них было то, что они не содержали сведений о сравнении результатов настоящей и предыдущей ревизий. Началась ревизия в ноябре 1781 г., а закончилась в предписанный ей срок – 1 января 1783 г. С этого времени и начался новый подушный сбор.

IV ревизию можно назвать успешной, достаточно хорошо организованной, проведенной в короткие сроки по всей территории России. Недостатком ревизии стало отсутствие, во-первых, проверок учета переписанного населения и, во-вторых, отсутствие сравнения с результатами III ревизии.

Учет населения России в XVIII в. завершается производством V ревизии, объявленной именным указом от 23 июня 1794 г.[3] Срок окончания ревизии был определен началом 1796 г. После ее окончания было выявлено большое количество неучтенных душ, поэтому правительство несколько раз издавало указы об амнистии для тех, кто «незамедлительно подаст сведения об утаенных душах». Сенатом были организованы проверки по данным метрических книг, в результате чего было выявлено большое количество «не показанных душ» и тех, кому раньше удавалось избежать переписи. Таким образом, сведения собранные V ревизией носили наиболее истинный характер, чем сведения, собранные предыдущими ревизиями, что, несомненно, является ее достоинством.

Несмотря на то, что проанализированные нормативные правовые акты не дают полной картины изучаемого явления, они позволяют сделать вполне определенные выводы. В целом ревизский учет XVIII столетия выработал определенный алгоритм сбора сведений о постановке на учет населения Российской империи. Были выработаны порядок организации и проведения ревизий, определен состав населения и группы, подлежащие переписи; созданы формы ревизских сказок и переписных ведомостей. Вместе с тем начавшийся в XVIII в. процесс заселения окраин России, главным образом за счет самовольных переселений, несвоевременный учет переселенцев местными властями, а также несвоевременные подачи отчетов о переселенцах в Сенат приводили к тому, что ревизские отчеты того времени отличались большой неполнотой и требовали существенных доработок. По своей сути, все ревизии XVIII столетия являлись не переписью населения Российской империи, а в некотором роде достаточно сложной процедурой составления регистра населения. По нашему мнению, ревизии XVIII в. накопили огромный опыт практики учета сословий и стали первой ступенью в подготовке Российского государства к становлению такого сложного статистического мероприятия, как всеобщая перепись населения.

---

[1] Об учинении во всей Империи новой ревизии : манифест от 16 нояб. 1781 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. XXI, № 15278.

[2] О распоряжениях касательно подачи ревизских сказок по приложенным формам : указ от 10 дек. 1781 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. XXI, № 15296.

[3] Об учинении новой генеральной в государстве ревизии : указ от 23 июня 1794 г. // ПСЗ РИ. Собр. 1-е. Т. XXIII, № 17221.

Список цитируемых источников

Мельников 2012 – *Мельников П. Ю.* Правовые основы ревизского учета населения в Российской империи в начале XVIII в. // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 2(84). С. 49–54.

Пархоменко 2012 – *Пархоменко А. А.* Становление ревизского учета населения в XVIII в. (по материалам Курского края) // Теория и практика общественного развития. 2012. № 12. С. 351–353.

Пинаевский 2002 – *Пинаевский Д. И.* Народонаселение дореволюционной России. Сыктывкар : ИПО СГУ, 2002. 72 с.

References

Mel'nikov, P. Yu. (2012), "Legal basis of audit accounting of the population in the Russian Empire at the beginning of the XVIII century", *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii,* no. 2(84), pp. 49–54.

Parkhomenko, A. A. (2012), "Formation of audit accounting of the population in the XVIII century (based on the materials of the Kursk region)", *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya,* no. 12, pp. 351–353.

Pinaevsky, D. I. (2002), *Narodonaselenie dorevolyutsionnoi Rossii* [Population of pre-revolutionary Russia], IPO SGU, Sy'kty'vkar, Russia.

Информация об авторе

Амосова Оксана Сергеевна,

кандидат юридических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; amosova.o.s@mail.ru

Information about the author

Amosova Oksana S.,

PhD (law), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; amosova.o.s@mail.ru

Для цитирования

Амосова О. С. Ревизский учет населения России в XVIII в. как один из этапов становления современной переписи населения Российского государства: историко-правовые аспекты // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 156–162.

For citation

Amosova, O. S. (2020), "The audit registration of the population of Russia in the 18th century as one of the stages of the formation of the modern census of the population of the Russian state: legal and historical aspects", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 156–162.

УДК 342.1

В. В. Богатырёв[1,2]
[1]*Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*
[2]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российской Федерация*

V. V. Bogaty'rev [1,2]
[1]*Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation*
[2]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Национальное сознание и форма государственно-территориального устройства: синергетический подход

National consciousness and the form of state-territorial structure: a synergetic approach

Ключевые слова: форма государства; нация; этнос; национальное сознание; государственно-территориальное устройство; империя; федерация.

Аннотация. В статье исследуется влияние национального сознания на форму государственно-территориального устройства. Делается вывод, что форма государства создается нацией на первом этапе своего существования при наличии значительного количества пассионариев в государственной элите, а затем эта форма сохраняется при незначительных изменениях, заложенных в параметрах национальной диссипативной социальной системы. Проводится сравнительный анализ государственно-территориального устройства США, России и Украины.

Key words: form of the state; nation; ethnic group; national identity; state-territorial structure; the Empire; the Federation.

Abstract. The article examines the influence of national consciousness on the form of state-territorial structure. It is concluded that the form of the state is created by the nation at the first stage of its existence in the presence of a significant number of passionaries in the state elite, and then this form is preserved with minor changes inherent in the parameters of the national dissipative social system. An example of the state-territorial structure of the United States, Russia and Ukraine is given.

Государство является одним из важнейших элементов любого общества, при этом каждое из них имеет свои особенности, которые непосредственно зависят от многих факторов как внешних, так и внутренних.[1] При этом, на наш взгляд, внутренние факторы являются определяющими. В их иерархии главное место занимает национальное сознание, через призму которого нация формирует свои цели, ценности и направления дальнейшего развития всего общества и государства в том числе. Тема – очень широкая, поэтому не будем затрагивать влияние национального сознания на все формы государств, а только обратимся к его одному элементу – государственно-территориальному устройству. На наш взгляд, в исследованиях данного явления просматриваются четко выраженный застой и искажение объективных фактов в угоду модных идеологических клише.

Для достижения поставленной цели прежде всего необходимо определиться с понятиями, структурами и методами, которыми мы будем оперировать. Дело в том, что в современной гуманитарной науке то или иное понятие может иметь часто диаметрально противоположные значения и зависит как от точки зрения исследователя и уровня его знаний, а так и от того, какую гуманитарную науку он представляет. Сегодня сложилась парадоксальная ситуация: одно и то же явление, в частности государство, изучается множеством гуманитарных наук (социологией, историей, психологией, политологией, юриспруденцией и т. д.), в результате чего в каждой из них формируется система знаний об объекте, которые между собой не коррелируются. Каждая наука использует свою терминологию, в которую закладываются смыслы, определенные целями и задачами исследования. Это приводит к одностороннему пониманию явления, а значит, способствует неправильному его восприятию и, как следствие, к ошибкам при воздействии на него, необходимому для его дальнейшего развития [Костерина 2014, с. 684]. Для того чтобы исключить такие искажения и возникновения ошибочных прогнозов, предлагается использовать в гуманитарных науках методологию исследования точных наук, в частности достижения синергетики. При этом в научном мире рассматриваются как положительные примеры [Назаретян 1997], так и негативные трактовки применения данного метода в гуманитарных знаниях [Мальцева 2008].

Одним из центральных терминов нашего исследования является термин «общество», под которым в синергетике понимается сложная диссипативная система, состоящая как из одного этноса (национальное государство), так и многоэтнические, организованные в сложные полиэтнические государства (империи и федерации). Главным отличием диссипативных систем от простых классических является наличие в них собственного сознания, которое позволяет реагировать и на внешние, и на внутренние раздражители в со-

© Богатырёв В. В., 2020

ответствии с осознанными потребностями, интересами и ценностями [Князева, Курдюмов 1993].

Для того чтобы определиться с понятием «национальное сознание», необходимо развести понятия «нация» и «этнос». Данный вопрос часто является предметом научных исследований [Бабков, Семенов 1996; Гранин 2007; Рамазанова 2019]. Однако, как писал Ю. Д. Гранин, в науке «сформировались, как минимум, четыре теоретико-методологических подхода, в рамках которых осуществляется изучение этносов и наций: натуралистический, социентальный (атрибутивный), субъективно-символический и инструментально-конструктивистский» [Гранин 2007, с. 60]. Не вдаваясь в подробности вышеприведенных подходов, мы, являясь сторонниками интегративного подхода в науке, считаем, что все они имеют место, но при этом раскрывают только отдельные грани изучаемого явления. Надо учитывать, что эти объекты являются сложными и, в зависимости от поставленных целей исследования, в них познаются отдельные их проявления. Мы же считаем, что два этих понятия необходимо различать по их природе и качеству. Под этносом мы понимаем социальную группу, объединенную антропологическими, географическими и культурными параметрами, а нацию мы рассматриваем как политически организованное социокультурное системное образование, организованное в государство – созданное одним главным этносом, объединяющим в общество людей, различные мелкие этнические группы. Они объединяются общим чувством идентичности, коренящимся в общем историческом опыте (реальном, воображаемом или интерпретируемом). «Целостность нации поддерживается не только “традицией” (моральными императивами, исторической памятью и др. “механизмами”), а прежде всего – политической властью в лице государства» [Гранин 2007, с. 60]. При этом не следует забывать, что государства бывают как национальными, где основу политической элиты определяет, как правило, государственно-образующий этнос, так и многоэтническими, в которых политическая элита формируется не по этническому принципу, а по административно-территориальному.

Нации и этносы во внутренней структуре объединяются социальными и духовными коммуникациями, в результате которых они создают единые ценности, социально-стереотипные стандарты поведения, нормативные системы и т. д. Все это в науке называется национальным и этническим сознанием, которое основывается преимущественно на языке главного этноса в национальных государствах, а во многоэтнических государствах – ли́нгва фра́нка – языке межэтнического общения [Зененко 2018, с. 61]. Через язык передается информация о прошлом, настоящем и будущем, а также энергия для деятельности народа того или иного государства. Именно через средства коммуникации передается наработанный опыт как строительства государства, так и форм его существования.

Традиционно национальное сознание делится на две составляющие – идеологию и психологию. Каждый из элементов имеет свою особенность. Национальная психология представляет собой общую информацию этноса о мировосприятии, устойчивых формах поведения, чертах психологического облика и отражается в реакциях, речи, языке, отношениях к другим людям и природе [Крысько 2002, с. 135]. При этом надо обратить внимание на стабильность данного явления, которое формируется в основном в период становление этноса (нации) и изменяется довольно незначительно в период всей его жизни. По мнению С. В. Вальцева, национальная психология имеет три уровня: первый, «генетический», который содержит верования, образы, идеи, навыки и представлен как коллективное бессознательное; второй уровень, «геносоциальный», содержащий наработки этноса в социальной сфере и представлен как коллективное сознательное; третий, «социальный», содержит навыки разнообразных отношений этноса с окружающим его миром, который включают в себя отношения как между собой, так и с другими народами, и который передается из поколения в поколение через опыт в той или иной деятельности. Основные параметры национальной психологии остаются постоянными на всем протяжении ее существования, и коренное ее изменение может привести только к гибели этноса [Вальцев 2012, с. 4].

Идеология (от греч. ἰδέα – идея, представление и λόγος – слово, учение) представляет собой систему концептуально оформленных идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных социальных групп – классов, наций, общества, политических партий и т. д.[1] Идеология – явление подвижное и мобильное. В национальном сознании она играет роль адаптации этноса к складывающимся внешним условиям. Причем не каждую идеологию может воспринять национальное сознание, так как она должна коррелироваться с основами национальной психологии. В свою очередь национальная психология является фильтром при восприятии тех или иных идей, необходимых для обеспечения безопасности сложной этнической системы [Русакова 2012, с. 74]. При этом национальная психология имеет определенный диапазон, в рамках которого оно может

[1] URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia/%D0%98%D0%94%D0%95%D0%9E%D0%9B%D0%9E%D0%93%D0%98%D0%AF (дата обращения: 17.07.2020).

изменяться и модернизироваться при сохранении своей целостности.

Нужно обратить внимание еще на одну особенность – любая диссипативная система, которой является любое общество, развивается циклично. Об этом писали К. Маркс[1], Н. Я. Данилевский[2], П. А. Сорокин[3], А. Дж. Тойнби[4]. За основу нашего исследования мы возьмет точку зрения Л. Н. Гумилёва. В своей работе, посвященной этногенезу, он писал, что «этнос, возникнув, проходит ряд закономерных фаз развития, которые можно уподобить различным возрастам человека». В рамках своей теории он утверждал, что каждая социальная система проходит определенные периоды жизнедеятельности: зарождение, обусловленное «пассионарным подъемом этноса, вызванным пассионарным толчком»; рост и его формирование «асматика»; надлом и распад внутренних социальных связей, после чего система какое-то время продолжает существовать по инерции; обскурация, при которой происходит процесс распада этнической системы; мемориальный период, когда этнос сохраняет лишь память о своей исторической традиции[5]. Главной движущей силой в становлении этнической общности, по Л. Н. Гумилёву, являются «пассионарии», которые появляются в ограниченной группе людей в результате генной мутации, и обладают повышенными способностями к действию в результате избытка энергетического потенциала[6]. Именно этими людьми создаются новые этносы и новые государства, и формируются основные их параметры, в частности государственно-территориальные формы. При этом, как считал Л. Н. Гумилёв, пассионарность в этносах постепенно снижается вплоть до полного исчезновения. Примеров в мировой истории множество: это возникновение, развитие, стагнация и гибель Римской, Византийской, Австро-Венгерской империй и т. д. При этом данный процесс закономерен, постоянен и необратим.

Опираясь на вышеизложенные теоретические основы, необходимо уточнить, что современные государства и нации, их создавшие, находятся в различных фазах своего развития. При этом если мы проследим их историю существования, то можем заметить одну закономерность – созданные формы национальных и многонациональных государств в период второй фазы их существования сохраняются вплоть до их распада и только незначительно поддаются модернизации. Данное утверждение касается всех форм государств: политического режима, формы правления и государственно-территориального устройства.

В настоящее время в теории государства сложилась точка зрения, согласно которой государственно-территориальное устройство современных государств представляется двумя основными формами: унитарной и федерацией, а также промежуточными: регионалистической (регионализированной) и полуфедеративной [Иванов 2002, с. 92]. В учебнике под редакцией В. К. Бабаева формы государственно-территориального устройства подразделяются на простые (унитарные) и сложные (империи, федерации и конфедерации) [Бабаев 2003, с. 96]. Две классификации отличаются друг от друга прежде всего тем, что в одной империя как форма государственно-территориального устройства отсутствует, а в другой имеет место. В современной учебной литературе по теории государства и права империя как современная форма государственно-территориального устройства в основном отрицается.

Отказ от империи как формы государственно-территориального устройства можно объяснить явлением, которое М. Н. Козюк назвал «интеллектуальной модой» [Козюк 2016, с. 220]. Данное понятие наиболее глубоко исследовал профессор А. Б. Гофман. Он раскрыл особенности «интеллектуальной моды» на примере современных теоретических установок в социологии [Гофман 2013]. Для нашего исследования наиболее полезной может считаться статья Ю. И. Семёнова «Идеологическая мода в науке и скептицизм» [Семёнов 2003]. В ней автор на многочисленных примерах показал, как быстро меняются точки зрения представителей науки в угоду главенствующей на тот или иной период идеологии: в советский период – в угоду марксизму-ленинизму, сейчас – либеральной идеологии и т. д. На это указывает и Н. И. Грачёв, утверждающий, что просматривается «застой в отечественной теории государства, который сформировался под воздействием западноевропейской юридической идеологии» [Грачёв 2012]. Именно благодаря моде, на волне становления либеральной идеологии, сложилось мнение, что империя как форма государственно-территориального устройства себя изжила, и на ее месте почему-то обязательно должна возникнуть федерация. Благодаря этой установке из всей научной и учебной литературы по теории государства и права империя как форма государственно-территориального устройства была изъята, и сегодня в большинстве своем не исследуются. Истины ради, отметим, что

[1] *Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М. : Госполитиздат, 1959. Т. 13. С. 5–9.

[2] *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Эпоха столкновения цивилизаций. М. : Алгоритм, 2014. 592 с.

[3] *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. 543 с.

[4] *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. М. : Айрис-Пресс, 2010. 640 с.

[5] *Гумилев Л. Н.* От Руси до России. М. : АСТ – Хранитель, 2007. С. 20–22.

[6] Там же.

имеют место научные труды ряда ученых, разных направлений научной деятельности, которые данному веянью не подвержены и продолжают исследовать идеологически не признаваемую форму государственно-территориального устройства [Богомолов 2011; Елдин 2014; Каспэ 2005].

На наш взгляд, от империи как формы государственно-территориального устройства отказываться рано, так как процесс глобальной и региональной интеграции предполагает создание крупных государственных образований. Однако существует мнение, что империи в современных условиях могут модернизироваться в союзы, о чем, в частности, писал С. Н. Бабурин [Бабурин 2005]. Нам представляется, что это перспектива далекого будущего. Сегодня государства, объединяющиеся в государственные образования (ярким примером таких объединений являются Союз Советский Социалистических Республик и Европейский Союз), представляют собой образования с разным уровнем развития в экономике, политике, культуре, религии. Из-за этого они не могут на равных участвовать в управлении созданного союза [Zielonka 2006].

Для того чтобы понять, в чем заключается отличие федерации от империи, необходимо привести признаки, которые их характеризуют. Наиболее полно основные признаки империи как формы государственно-территориального устройства, на наш взгляд, выделил Н. И. Грачёв. Он считает, что:

– во-первых, империя есть государство во всех смыслах этого слова;

– во-вторых, она представляет собой форму локальной цивилизации;

– в-третьих, империя – это всегда государство с большой территорией;

– в-четвертых, само территориальное пространство империи является анизотопным, т. е. неодинаковым, неоднородным как по этнокультурным и социально-экономическим свойствам, так и по политико-правовым качествам и статусным характеристикам входящих в него территориальных частей;

– в-пятых, суверенный центр империи, воплощенный в имперских политических институтах, территориально и этносоциально образует автономную единицу со своим особым статусом, обладающим гегемонией или доминированием в ней при реализации имперской власти и управления;

– в-шестых, империя всегда есть государство идеократическое (или даже теократическое), имеющее свою систему базовых ценностей, убеждений, свою «идею-правительницу», религиозную или этическую;

– в-седьмых, империя обладает особым имперским суверенитетом, находящим свое проявление в способах организации и легитимации верховной власти, а также в распределении суверенных правомочий между верховной властью и периферийными образованиями [Грачёв 2012].

Если говорить о признаках федерации, то общепризнанного перечня признаков данной государственно-территориальной формы сегодня не существует. Как пишет С. И. Каспэ, «федеративная политическая форма рассматривается как ключ, подходящий к многим замкам» [Каспэ 2005, с. 5]. Существует несколько вариантов перечней признаков федерации, мы приведем в качестве примера только два. Первый перечень принадлежит Г. Елиннеку и включает в себя:

1) наличие общей союзной конституции;

2) деление властной компетенции между союзным правительством и правительством участников союза;

3) объединения территории и населения отдельных государств в одно неразрывное целое;

4) необходимость объединяющих всех участников союза структур власти, в качестве которых выступают президент и двухпалатный парламент федеративной республики;

5) сохранение значительной самостоятельности во внутреннем управлении всеми объединившимися в союз государствами[1].

Второй перечень признаков федерации предложен профессором Е. И. Колюшиным, куда он включил:

1) множественность источников публичной власти внутри государства;

2) наличие относительно самостоятельных территорий внутри государства;

3) сочетание федеральных и региональных налогов;

4) сочетание федеральной правовой системы и правовых систем субъектов федерации [Колюшин 1999, с. 185].

Множественность признаков данного явления говорит о том, что ведется поиск его особенностей, которые устроили бы всех, но из-за большого диапазона мнений под федеративную государственно-территориальную форму можно подвести любое более или менее крупное государство. Нам же представляется, что классическая федерация была создана только в одной стране – Соединенных Штатах Америки. Это обусловлено рядом особенностей их формирования, о чем писал профессор С. И. Каспэ [Каспэ 2005, с. 15]. Попытка создать федеративные государства по образу и подобию США привели к формированию псевдофедераций, о чем писал еще великий российский философ И. А. Ильин в 1949 г. в своей статье «О псевдофедерациях». К ним он относил: Аргентину, Боливию, Чили, Бразилию,

[1] *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. Спб. : Н. К. Мартынов, 1908. С. 570.

Венесуэлу, Колумбию, Коста-Рику, Мексику, Доминиканскую Республику[1]. При этом, нужно констатировать, что с 1949 г. псевдофедераций стало значительно больше.

Целесообразно доказать наши теоретические установки примерами эмпирического опыта государственно-территориального строительства в отдельных странах мира. Сравнивать мы будем только отдельные показатели в государственно-территориальном устройстве этих стран.

Начать необходимо с классической федерации – Соединенных Штатов Америки. Формирование американской нации происходило очень быстрыми темпами, в пределах 200–300 лет. Этот процесс произошел в основном за счет интенсивной миграции представителей разных этнических групп, которые являли собой большой диапазон культур и традиций, что, разумеется, сказалось на национальном сознании и формах государства, которое они создали [Бурейко 2013]. Такой непродолжительный период становления был обусловлен прежде всего тем, что мигранты, как правило, отличались повышенным уровнем пассионарности.

США формировались на новом месте, в новых условиях, и при их создании над ними не довлел опыт какого-либо государственного строительства какой-либо одной этнической группы, но при выборе более адекватной модели государства был использован теоретический опыт всего человечества. Интересен факт довольно непродолжительного периода выбора оптимальной государственно-территориальной формы у американской нации, которая до настоящего времени развивается и совершенствуется, что обусловлено прежде всего ее молодостью и постоянным притоком новых иммигрантов со всех частей планеты [Гуляков 2016]. Этот факт способствуют внедрению новых идей, ценностей и механизмов, которые остаются привлекательными и мощными стимулами для дальнейшего развития этой диссипативной системы. При этом не надо забывать, что неконтролируемый приток мигрантов, которые не только не разделяют эти ценности и идеи, но и начинают навязывать свои, принесенные извне, может привести к ее качественному изменению и распаду, о чем уже предупреждают представители науки и средств массовой коммуникации[2].

Учитывая многоэтнический характер американской нации, сформировавшей американский федерализм, он полностью построен на отрицании создания национально-территориальных субъектов, и в нем признаются только территориальные. При этом американский федерализм является образованием, созданным «снизу», т. е. штаты сами объединились в единое государство и образовали федеральную власть, делегировав ей часть своих полномочий и сохранив свою правовую, экономическую и правоохранительную системы, что говорит о сохранении значительной свободы субъектов федерации в составе единого государства [Александрова 2009].

Совершенно другая ситуация сложилась с формированием Российского государства. Прежде всего, оно имеет глубокие исторические корни. Период становления российской государственности пришелся на период X–XV вв. В это время она испытала серьезное идеологическое влияние со стороны Византийской империи, а в дальнейший, в период монголо-татарского ига, – Золотой Орды. От Византии она получила идеологию, систему ценностей, а также религию и основы государственности, от Золотой Орды – систему административного управления государством. Однако решающим в ее становлении было влияние Византийской империи, что дало право М. А. Елдину утверждать, что в XIII в. Россия получила от Византии «второй после крещения духовный импульс» [Елдин 2014, с. 26]. Это привело к тому, что во второй период своего становления, во времена царствования Ивана IV Грозного, «были сформулированы и обоснованы основные принципы самодержавной власти русских монархов, явившиеся духовной политической основой укрепления государственности и национальной государственной идеологии России как централизованного государства» [Вольтер 2009, с. 98]. Именно в этот период идет формирование России как имперского государства, так как в его состав были включены земли не только с христианским, но и мусульманским населением. Дальнейшая трансформация Российского государства, выразившаяся во включении в систему западноевропейской материальной и духовной культуры, была осуществлена в XVIII в., но уже на основе сложившейся политико-государственной идеологии, которая включала в себя имперскую основу [Вольтер 2009, с. 99]. В дальнейшем история России показывает приверженность имперским традициям как во времена Российской империи, а также в период Советского Союза. Логично утверждать, что Россия должна им соответствовать и на современном этапе своего развития.

---

[1] *Ильин И. А.* О псевдофедерациях. URL: apocalupse.orthodoxy.ru (дата обращения: 28.07.2020).

[2] *Панарин И.* Развал США произойдет руками Британии. URL: https://rubin65.livejournal.com/1209203.html (дата обращения: 30.07.2020) ; Полонский И. Как развалится Америка: о вероятности сценариев распада США. URL: https://topwar.ru/172810-kak-razvalitsja-amerika-verojatny-li-scenarii-raspada-ssha.html (дата обращения: 30.07.2020) ; Сепаратизм в США и перспектива распада страны. URL: https://oko-planet.su/politik/politikdiscussions/176343-separatizm-v-ssha-i-perspektiva-raspada-strany.html (дата обращения: 30.07.2020) и т. д.

Исходя из наших теоретических основ, мы можем утверждать, что современная Российская Федерация по своей сути представляет собой псевдофедерацию и имеет имперское государственно-территориальное устройство. Использование в названии государства термина «федерация» теоретически не обоснованно, так как национально-государственное устройство имеет признаки империи:

1) большое количество субъектов;

2) большую территорию;

3) анизатопный характер территориальных частей, ее составляющих: неодинаковых, неоднородных как по этнокультурным, так и по социально-экономическим свойствам;

4) Москва является доминирующим центром, который обладает гегемонией и доминированием при реализации государственной власти и управления;

5) Россия является государством идеократическим, имеющим свою систему базовых ценностей, убеждений, свою «идею-правительницу», как правило, этическую в лице «русского мира»;

6) Российское государство обладает особым имперским суверенитетом, находящим свое проявление в способах организации и легитимации верховной власти, где полномочия центрального аппарата государственной власти превалируют над властными структурами периферийных образований и где верховная власть в основном производит назначения в их руководство;

7) центральная власть аккумулировала у себя все финансовые потоки периферийных образований и распределяет между ними финансовые средства.

При этом попытки создать реальную федерацию предпринимались как в Советском Союзе в 1920-е гг., так и в России в 1990-е, но все они приводили к возможности реального распада страны. Показательны в этом плане слова представителя современной государственной элиты Д. А. Медведева: «Такое государство может управляться лишь при помощи сильной президентской власти… Россия всегда строилась вокруг жесткой исполнительной вертикали. Эти земли собирались веками, и по-другому ими управлять невозможно»[1]. Государственная элита поняла имперскую сущность управляемого ими государства, но оставила без изменений ее название, так как оно соответствовало главенствующей международной идеологии.

Довольно показателен опыт еще одной страны – Украины. После приобретения государственности в ней стали строить национальное, суверенное, унитарное государство[2]. Эти цели вошли в противоречие с довольно пестрым этническим сознанием населения, сформировавшимся под воздействием имперской идеологии Советского Союза. Попытка украинизации этих этнических групп, составляющих население страны, привело к началу гражданской войны на Донбассе, а затем, имеется такая точка зрения, она может иметь место в других регионах, составляющих Украину[3].

Подводя итог, можно сделать вывод, что в первый период становления национального сознания формируются формы государственности, в частности, форма государственно-территориального устройства, в которой она может существовать. Модернизироваться они могут, но только в пределах какого-либо вида и в определенных параметрах. Коренного изменения можно ожидать, только если произойдет коренная смена национального сознания, но это будет уже другая нация и другое государство!

Список цитируемых источников

Александрова 2009 – *Александрова А. П.* Федерализм в США. Орел : ОГУ, 2009. 137 с.

Бабаев 2003 – Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. М. : Юристъ, 2003. 592 с.

Бабаков, Семёнов 1996 – *Бабаков В. Г., Семёнов В. М.* Национальное сознание и национальная культура (методологические проблемы). М. : ИФРАН, 1996. 70 с.

Бабурин 2005 – *Бабурин С. Н.* Мир империй: теория государства и мировой порядок. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. 767 с.

Богомолов 2011 – *Богомолов С. А.* Империя: исторический тип или современная форма государства? // Юридическая мысль. 2011. № 3(65). С. 5–13.

Бурейко 2013 – *Бурейко Н. Н.* Влияние иммиграции на процесс становления американской национальной идентичности // Studia Humanitatis. 2013. № 3. С. 5–16.

Вальцев 2012 – *Вальцев С. В.* Сущность, структура национальной психологии // Проблемы современной науки и образования. 2012. № 10(10). С. 4–10.

[1] Интервью первого вице-премьера Правительства РФ Д. А. Медведева журналу «Итоги» 18 февраля 2008 г. URL: http://medvedev2008.ru/performance_2008_02_18.htm (дата обращения: 06.08.2020).

[2] Конституция Украины от 28 июня 1996 г. № 254к/96-ВР. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30391155 (дата обращения: 06.08.2020).

[3] *Моисеев С.* Сценарий распада Украины. URL: http://russtriedin.ru/temy/18-suzhdenie/486-stsenarij-raspada-ukrainy (дата обращения: 06.08.2020).

Вольтер 2009 – *Вольтер О. В.* Основные этапы формирования духовно-политической основы российской государственности // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 1. С. 95–101.

Гофман 2013 – *Гофман А. Б.* О модах в современной теоретической социологии // Социс. 2013. № 10. С. 21–28.

Гранин 2007 – *Гранин Ю. Д.* Этносы, национальное государство и формирование российской нации: опыт философско-методологического исследования. М. : ИФ РАН, 2007. 167 с.

Грачёв 2012 – *Грачёв Н. И.* Империя как форма государства: понятие и признаки // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. 2012. № 2(17). С. 18–27.

Гуляков 2016 – *Гуляков А. Д.* Логика развития федерализма в США (историко-государственная и историко-правовая оценка) // Lex Russica. 2016. № 7(116). С. 116–129.

Елдин 2014 – *Елдин М. А.* Имперские традиции Евразии: опыт Византии и России // Вестник Мордовского университета. 2014. № 3. С. 22–32.

Зененко 2018 – *Зененко Н. В.* Этническое самосознание и лингвистический национализм (на материале испанского языка) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 10(803). С. 59–69.

Иванов 2002 – *Иванов В. В.* Вопросы теории государственного устройства // Журнал российского права. 2002. № 1. С. 91–100.

Каспэ 2005 – *Каспэ С. И.* Суррогат империи: о природе и происхождении федеративной политической формы // Полис. 2005. № 4. С. 5–29.

Князева, Курдюмов 1997 – *Князева Е. Н., Курдюмов С. П.* Синергетика: начало нелинейного мышления // Общественные науки и современность. 1993. № 2. С. 38–51.

Козюк 2016 – *Козюк М. Н.* Феномен моды в теоретической юриспруденции // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 219–234.

Колюшин 1999 – *Колюшин Е. И.* Конституционное право России. М. : МГУ, 1999. 381 с.

Костерина 2014 – *Костерина Ю. Е.* О некоторых особенностях языка точных наук // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 2(3). С. 684–687.

Крысько 2002 – *Крысько В. Г.* Этнопсихология и межнациональные отношения. М. : Академия, 2002. 320 с.

Мальцева 2008 – *Мальцева Н. Н.* Проблема терминологии при применении синергетического подхода в гуманитарных исследованиях // Система ценностей современного общества. 2008. № 3. С. 72–75.

Назаретян 1997 – *Назаретян А. П.* Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 91–98.

Рамазанова П. Р. Разграничение понятий «этнос» и «нация» в условиях национально-территориального устройства РФ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 3. С. 292–296.

Русакова 2012 – *Русакова Ю. А.* Идеология модернизации и модернизация идеологии // Вестник МГИМО–Университета. 2012. № 3. С. 71–74.

Семёнов 2003 – *Семёнов Ю. И.* Идеологическая мода в науке и скептицизм // Скепсис. 2003. № 2. С. 5–18.

Zielonka Ja. Europe as empire. Oxford Scholarship, 2006. URL: http://www.oxfordscholarship.com/oso/public/content/politicalscience/0199292213/toc.html (дата обращения: 24.07.2020).

References

Aleksandrova, A. P. (2009), *Federalizm v SShA* [Federalism in the United States], OGU, Orel, Russia.

Babaev, V. K. (ed.) (2003), *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law], Yurist, Moscow, Russia.

Babakov, V. G. and Semenov, V. M. (1996), *Natsional'noe soznanie i natsional'naya kul'tura (metodologicheskie problemy')* [National consciousness and national culture (methodological problems)], IFRAN Moscow, Russia.

Baburin, S. N. (2005), *Mir imperii: teoriya gosudarstva i mirovoi poryadok* [World of empires: theory of the state and world order], Yuridicheskii tsentr Press, St. Petersburg, Russia.

Bogomolov, S. A. (2011), "Empire: historical type or modern form of state?", *Yuridicheskaya myst',* no. 3(65), pp. 5–13.

Bureiko, N. N. (2013), "The impact of immigration on the formation of American national identity", *Studia Humanitatis,* no. 3, pp. 5–16.

Eldin, M. A. (2014), "Imperial traditions of Eurasia: the experience of Byzantium and Russia", *Vestnik Mordovskogo universiteta,* no. 3, pp. 22–32.

Gorman, A. B. (2013), "On fashions in modern theoretical sociology", *Sotsis,* no. 10, pp. 21–28.

Grachev, N. I. (2012), "Empire as a form of state: concept and features", *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5, Yurisprudentsiya,* no. 2(17), pp. 18–27.

Granin, Yu. D. (2007), *Etnosy', natsional'noe gosudarstvo i formirovanie rossiiskoi natsii: opy't filosofsko-metodologicheskogo issledovaniya* [Ethnic groups, the national state and the formation of the Russian nation: the experience of philosophical and methodological research], IFRAN, Moscow, Russia.

Gulyakov, A. D. (2016), "Logic of the development of federalism in the United States (historical-state and historical-legal assessment)", *Lex Russica,* no. 7(116), pp. 116–129.

Ivanov, V. V. (2002), "Questions of the theory of state structure", *Zhurnal rossiiskogo prava,* no. 1, pp. 91–100.

Kaspe, S. I. (2005), "Surrogate Empire: on the nature and origin of the Federal political form", *Polis,* no. 4, pp. 5–29.

Knyazeva, E. N. and Kurdyumov, S. P. (1993), "Synergetics: the beginning of non-linear thinking", *Obshchestvenny'e nauki i sovremennost',* no. 2, pp. 38–51.

Kolyushin, E. I. (1999), *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional law of Russia], MGU, Moscow, Russia.

Kosterina, Yu. E. (2014), "About some features of the language of exact Sciences", *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk,* vol. 16, no. 2(3), pp. 684–687.

Kozyuk, M. N. (2016), "The phenomenon of fashion in the theoretical law", *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly' ekonomiki,* no. 3, pp. 219–234.

Kry's'ko, V. G. (2002), *Etnopsikhologiya i mezhnatsional'ny'e otnosheniya* [Ethnopsychology and interethnic relations], Akademiya, Moscow, Russia.

Mal'tseva, N. N. (2008), "The problem of terminology in applying the synergetic approach in Humanities research", *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva,* no. 3, pp. 72–75.

Nazaretyan, A. P. (1997), "Synergetics in the Humanities: preliminary results", *Obshchestvenny'e nauki i sovremennost',* no. 2, pp. 91–98.

Ramazanova, P. R. (2019), "Differentiation of the concepts of "ethnos" and "nation" in the conditions of the national-territorial structure of the Russian Federation", *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Ucheny'e zapiski,* no. 3, pp. 292–296.

Rusakova, Yu. A. (2012), "Ideology of modernization and modernization of ideology", *Vestnik MGIMO–Universiteta,* no. 3, pp. 71–74.

Semenov, Yu. I. (2003), "Ideological fashion in science and skepticism", *Skepsis,* no. 2, pp. 5–18.

Val'tsev, S. V. (2012), "The impact of immigration on the formation of American national identity", *Problemy' sovremennoi nauki i obrazovaniya,* no. 10(10), pp. 4–10.

Vol'ter, O. V. (2009), "The main stages of formation of the spiritual and political basis of Russian statehood", *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk,* no. 1, pp. 95–101.

Zenenko, N. V. (2018), Ethnic identity and linguistic nationalism (based on Spanish), *Vestnik MGLU. Gumanitarny'e nauki,* issue 10(803), pp. 59–69.

Zielonka, Ja. (2006), *Europe as empire,* Oxford Scholarship, UK, available at: Accessed 24 guly 2020.

Информация об авторе

Богатырёв Валерий Викторович,

доктор юридических наук, профессор, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российской Федерация; valerii.bg@mail.ru

Information about the author

Bogaty'rev Valerii V.,

doctor of law, professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; valerii.bg@mail.ru

Для цитирования

Богатырёв В. В. Национальное сознание и форма государственно-территориального устройства: синергетический подход // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 163–170.

For citation

Bogaty'rev, V. V. (2020), "National consciousness and the form of state-territorial structure: a synergetic approach", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 163–170.

УДК 342

А. Л. Бредихин[1]
Е. Д. Проценко[2]
[1]*Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация*
[2]*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация*

A. L. Bredikhin[1]
E. D. Protsenko[2]
[1]*St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation*
[2]*Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russian Federation*

Стратегическое планирование в процессе реализации идеологической функции государства

Strategic planning in the process of implementing the ideological function of the state

Ключевые слова: стратегическое планирование; идеология; идеологическая функция государства; функции государства; государство; стратегия.

Аннотация. Авторы рассматривают стратегическое планирование как деятельность, осуществляемую в рамках реализации идеологической функции государства, определяют нормативно-правовое регулирование стратегического планирования и документы стратегического планирования. В качестве выводов указывается, что в рамках стратегического планирования решаются, помимо прочего, те задачи, которые свойственны идеологической функции государства.

Key words: strategic planning; ideology; ideological function of the state; functions of the state; state; strategy.

Abstract. In this article, the authors consider strategic planning as activities carried out in the framework of the implementation of the ideological function of the state, determine the legal regulation of strategic planning and strategic planning documents. As conclusions, it is indicated that in the framework of strategic planning, those tasks that are characteristic of the ideological function of the state are also solved.

Идеологическая функция для каждого государства является одной из самых важных и необходимых, на каком бы этапе своего становления оно не находилось. Государство в лице его органов не выбирает, осуществлять ли эту функцию, или нет, так как отказаться от ее реализации невозможно. И хотя ст. 13 Конституции Российской Федерации указывает на идеологическое многообразие и запрет устанавливать государственную или обязательную идеологию, государство так или иначе ведет идеологическую работу в системе идеологического многообразия наряду с общественными политическими институтами.

Одной из задач идеологической функции государства является легитимация государственной власти, т. е. деятельность, направленная на принятие населением власти как таковой для себя, формирование чувства уважения к государственной власти и ее институтам. Помимо этого, идеологическая функция государства имеет целью сплоченность населения для решения тех или иных государственных задач.

Здесь, безусловно, нужно сказать о мобилизации населения на оборону страны и помощи вооруженным силам. Примером является Великая Отечественная война, когда было развернута широкая идеологическая работа, которая в итоге повлияла на формирование стойкости духа советских граждан, их готовность пожертвовать собой ради общего дела. Это стало одним из важных, если не самым важным, слагаемым победы над нацистской Германией.

Эти задачи идеологической функции выполнялись на любом этапе развития России как наиболее важные и очевидные с точки зрения государственности как таковой. В то же время нельзя сказать, что содержание идеологической функции и аспекты ее проявления в общественно-политической сфере того или иного исторического периода всегда идентичны. Напротив, могут возникать те или иные общегосударственные задачи, которых не было ранее, либо они были не так актуальны.

Обстановка в современном мире и текущее развитие российской государственности ставят на первое место задачи экономического и социального развития, что также вносит свои коррективы в общегосударственные задачи, в связи с чем и содержание идеологической функции государства несколько изменилось.

Эти обстоятельства актуализировали упорядочение деятельности по стратегическому планированию развития России, с чем и было связано издание Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Рос-

© Бредихин А. Л., Проценко Е. Д., 2020

сийской Федерации»[1] (далее: ФЗ № 172). Однако стратегическое планирование появилось не вместе с ФЗ № 172, оно осуществлялось и ранее. До принятия ФЗ № 172 уже существовали следующие виды документов: концепции, стратегии, доктрины, федеральные целевые программы, основы государственной политики [Лаврентьев, Никифорова, Ватлецов 2015, с. 376]. Кроме того, стратегическое планирование – не уникальный российский продукт. Такая деятельность реализуется и в других странах (например, Великобритания, Германия), где и показала свою эффективность [Клименко, Королев, Двинских, Сластихина 2015, с. 10–17].

Вместе с тем важное значение ФЗ № 172 состоит в том, что он свел воедино все документы и процедуры стратегического планирования в России, придал этому процессу легальный характер, четкую правовую регламентацию и установил юридические последствия такой деятельности.

С одной стороны, связь деятельности по стратегическому планированию с идеологической функцией государства не так явно выражена, поскольку четко сформированных идеологем не содержится в документах стратегического планирования, однако она есть и очень тесная. В настоящее время деятельность государства связана в большей степени с прагматическими социально-экономическими целями и в меньшей с установлением некоего идеального миропорядка, морально-нравственной или иной модели жизни (например, построение коммунизма). Деятельность государства стала более прагматичной, и идея всеобщего благополучия вышла на первое место. С этой точки зрения документы стратегического планирования затрагивают в основном два аспекта: национальная безопасность и предотвращение конфликтов, а также социально-экономическое благополучие населения.

В ст. 3 ФЗ № 172 стратегическое планирование определяется как деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации.

Концептуальное определение стратегического планирования дает Е. А. Никчемная, понимая его как алгоритм действий, реализуемых в пространстве (на территории государства или его субъекта), во времени (определенном конкретным сроком реализации плана), по кругу лиц, участвующих в реализации стратегических задач [Никчемная 2012, с. 7]. В полной мере согласиться с таким определением нельзя, так как стратегическое планирование имеет и вполне осязаемую цель, а не только набор действий.

Важным является момент определения ФЗ № 172 разновидности документов по решаемым ими задачам (целеполагание, прогнозирование, планирование и программирование). Согласно ст. 3 ФЗ № 172 : целеполагание есть определение направлений, целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации; прогнозирование представляет собой деятельность участников стратегического планирования по разработке научно обоснованных представлений о рисках социально-экономического развития, об угрозах национальной безопасности Российской Федерации, о направлениях, результатах и показателях социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований; планирование – это деятельность участников стратегического планирования по разработке и реализации основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации, планов деятельности федеральных органов исполнительной власти и иных планов в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная на достижение целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, содержащихся в документах стратегического планирования, разрабатываемых в рамках целеполагания; программирование предусматривает деятельность участников стратегического планирования по разработке и реализации государственных и муниципальных программ, направленная на достижение целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, содержащихся в документах стратегического планирования, разрабатываемых в рамках целеполагания.

Часть 3 ст. 11 ФЗ № 172 определяет документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках целеполагания: а) ежегодное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации; б) стратегия социально-экономического развития Российской Федерации; в) стратегия национальной безопасности Российской Федерации, а также осно-

[1] Российская газета. 2014. 3 июля.

вы государственной политики, доктрины и другие документы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации; г) стратегия научно-технологического развития Российской Федерации.

Причем ФЗ № 172 распространил стратегическое планирование на все уровни власти, в том числе муниципальный [Ткачев 2016, с. 90–99].

Таким образом, стратегическое планирование и документы стратегического планирования, как и результаты идеологической деятельности государства, предполагают достижение определенной модели социально-экономического состояния общества и его безопасности, что делает их схожими. А процесс реализации документов стратегического планирования сопровождается также деятельностью государства в рамках осуществления идеологической функции.

Связь стратегического планирования с идеологической функцией государства можно понять, рассмотрев задачи идеологической функции государства. Так, А. И. Клименко выделяет следующие задачи идеологической функции государства: унификация ценностей; снятие социальной напряженности; консолидация общества; легитимация государственной власти; мобилизация общества для достижения определенных целей [Клименко 2005, с. 25].

Все эти задачи в той или иной мере реализуются в рамках стратегического планирования. Формируя стратегические направления развития, государство унифицирует ценности (достижение социального и экономического благополучия); снимает социальную напряженность, так как объективно выражает намерение и определяет направление решения тех или иных проблем; консолидирует общество вокруг заявленных целей; легитимизирует государственную власть путем одобрения реализации стратегических задач; мобилизует граждан для достижения заявленных целей.

Кроме того, основное содержание идеологии современного Российского государства содержится в Конституции Российской Федерации, поэтому стратегическое планирование как юридический институт базируется на Основном законе страны и не может ему противоречить. Следовательно, стратегическое планирование непосредственно связано с реализацией Конституции Российской Федерации.

На основании вышеизложенного можно заключить, что стратегическое планирование является частью деятельности государства по реализации идеологической функции государства, решает те же задачи, что и идеологическая функция государства. Цели стратегического планирования направлены на формирование идеального (предполагаемого) состояния общества в социально-экономической сфере и обеспечение всех видов безопасности общества.

Список цитируемых источников

Клименко 2005 – *Клименко А. И.* Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства : дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 200 с.

Клименко, Королев, Двинских, Сластихина 2015 – О гармонизации документов государственного стратегического планирования / А. В. Клименко [и др.]. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. 48 с.

Лаврентьев, Никифорова, Ватлецов 2015 – *Лаврентьев А. Р., Никифорова Е. А., Ватлецов С. Г.* О разработке документов стратегического развития // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 376–385.

Никчемная 2012 – *Никчемная Е. А.* Право как средство государственного стратегического планирования : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. 27 с.

Ткачев 2016 – *Ткачев С. А.* Совершенствование системы документов стратегического планирования на муниципальном уровне // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2016. № 3. С. 90–99.

References

Klimenko, A. I. (2005), The relationship between legal and political consciousness in the implementation of the ideological function of the state, Ph. D. Thesis, theory and history of law and state, history of legal doctrines, Moscow University of the MIA of Russia, Moscow, Russia.

Klimenko, A. V., Korolev, V. A., Dvinskikh, D. Yu. and Slastikhina, I. Yu. (2015), *O garmonizatsii dokumentov gosudarstvennogo strategicheskogo planirovaniya* [On harmonization of state strategic planning documents], Izdatel'skii dom Vysshey' shkoly' ekonomiki, Moscow, Russia.

Lavrent'ev, A. R., Nikiforova, E. A. and Vatletsov, S. G. (2015), "On the development of strategic development documents", *Yuridicheskaya tekhnika*, no. 9, pp. 376–385.

Nikchemnaya, E. A. (2012), Law as a means of state strategic planning, Abstract of Ph. D. dissertation, theory and history of law and state, history of doctrines on law and state, Moscow New Law Institute, Moscow, Russia.

Tkachev, S. A. (2016), "Improving the system of strategic planning documents at the municipal level", *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Ucheny'e zapiski SKAG,* no. 3, pp. 90–99.

Информация об авторах

Бредихин Алексей Леонидович,
кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация; axel_b@mail.ru

Проценко Евгений Дмитриевич,
доктор юридических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация; arrow54@yandex.ru

Information about the authors

Bredikhin Aleksei L.,
PhD (law), St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation; axel_b@mail.ru

Protsenko Evgeny D.,
doctor of law, professor, Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russian Federation; arrow54@yandex.ru

Для цитирования

Бредихин А. Л., Проценко Е. Д. Стратегическое планирование в процессе реализации идеологической функции государства // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 171–174.

For citation

Bredikhin, A. L. and Protsenko, E. D. (2020), "Strategic planning in the process of implementing the ideological function of the state", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 171–174.

УДК 34.03

Р. Б. Головкин[1]
[1]*Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*

R. B. Golovkin[1]
[1]*Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation*

Действие права в форме бездействия

Action of the law in the form of inaction

Ключевые слова: действие; действие права; бездействие права; действие права в форме бездействия; правовая активность; дозволения; запреты; обязывания; правомерное бездействие.

Аннотация. Статья посвящена особой форме действия права – бездействию. Бездействие как форма действия в праве исследуется на основании анализа понятий явлений, обозначаемых термином «действие»; установлены особенности бездействия юридических норм как формы действия права, а также бездействие различных субъектов правоотношений, которое квалифицируется как форма действия права; выводятся закономерности процесса бездействия как формы реализации действия права, формулируется определение понятия «действие права в форме бездействия».

Key words: action; action of law; inaction of law; action of law in the form of inaction; a legal activity; permission; prohibitions; obliging; legitimate inaction.

Abstract. The article is devoted to the study of a special form of law action – inaction. Inaction as a form of action in law is investigated on the basis of the analysis of the concept of phenomena designated by the term “action”. During research the features of inactivity, legal norms as a form of action law, and the inaction of various subjects of legal relations, which qualified as a form of action right. The paper shows the regularities of the process of inaction as a form of implementation of the action of law and defines the concept of “action of law in the form of inaction”.

Право – это определенная программа, концепт строительства взаимоотношений различных субъектов в государственно-организованном обществе. Создавая юридические нормы и иные правовые регуляторы общественных отношений, государство в лице соответствующих органов моделирует реальность с точки зрения поддержания жизнедеятельности и комфортного существования как самого аппарата государства, так и граждан, без которых аппарат не может функционировать.

Следовательно, система правового регулирования – это идеальная модель организации общественных отношений с точки зрения государства. Практически доказано, что идеальные модели, как правило, воплощаются в жизнь не в полном объеме, а лишь частично либо реализуются с точностью до наоборот. Данное положение проявляется и в действии права, когда закон один, а действие его на практике разное[1].

Практическое действие права всегда в какой-то степени отличается от предполагаемого, планируемого государством и выраженного в соответствующем правовом акте. Данная ситуация обусловлена целым рядом объективных и субъективных факторов, которые проявляются и в теории, и в практике действия права. Одной из системообразующих причин возникновения проблем механизма действия права выступает смысловая множественность явлений, обозначаемых термином «действие».

Слово «действие» в русском языке является многозначным. Так, в толковом словаре С. И. Ожегова выделяется семь типов действия:

1. Проявление какой-нибудь энергии, деятельности, а также сама сила, деятельность, функционирование чего-либо.

2. Результат проявления деятельности чего-нибудь, влияние, воздействие.

3. Поступки, поведение.

4. События, о которых идет речь.

5. Часть драматического произведения.

6. Основной вид математического вычисления.

7. В значении предлога с родственным понятием – то же, что под влиянием чего, под действием чего (например, преступление под действием алкоголя)[2].

В толковом словаре Д. Н. Ушакова термином «действие» обозначается уже девять разноплановых явлений.

1. Проявление какой-нибудь энергии, обнаружение деятельности (Действие равно противодействию).

2. Работа, состояние действующего (Привести машину в действие. Эта машина еще вчера была в действии).

3. Обладание действующей силой, пребывание в силе (Действие закона во времени).

4. Воздействие, влияние (Разрушительное действие. Благотворное действие природы на человека).

[1] *Суслова Н. И.* Закон один, а решения разные. URL: https://www.9111.ru/questions/ (дата обращения: 23.09.2020).

© Головкин Р. Б., 2020

[2] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1986. С. 135.

5. Поступок, поведение (Действия лица имеют правовой характер).

6. События, излагаемые в повествовании или в театральной пьесе.

7. Одна из главных частей в строении драматического произведения, акт. (Постановка в трех действиях).

8. Основная математическая операция (Действия арифметики – сложение, вычитание, умножение и деление).

9. Военные действия – война, операции действующей армии (Театр военных действий)[1].

В различных отраслях знания термин «действие» также трактуется сообразно предмету соответствующей науки. Например, в физике данный термин используется для обозначения скалярной физической величины или влияния сил на тело и влияния тел друг на друга, а также в значении, обычном для математики, например, действие оператора, действие группы[2]. В драматургии действие – это законченная часть драматургического произведения или спектакля (драмы, пьесы, балета и т. д.)[3]. В психологии под действием понимается единица деятельности, целенаправленная преднамеренная активность, а также любое мотивированное поведение[4].

Кроме того, во многих науках термином «действие» обозначается «движение». Например, в механике движение – изменение положение тела относительно других тел с течением времени, в химии – Броуновское движение, в биологии – локомоция, в математике – преобразование пространства, сохраняющее геометрические свойства фигур, в философии – любые изменения в мире, в социологии и юриспруденции – это социальные связи и процессы[5].

Краткий анализ словарного значения термина «действие» проявляет ряд обстоятельств, имеющих существенное значение для понимания и действия права.

Во-первых, термин «действие» используется для обозначения достаточно большого круга разнородных явлений, но обладающих общим свойством подвижности связей, процессов, отношений и т. д.

Во-вторых, явления, обозначаемые термином «действие», могут выступать в виде направленности процессов, самих процессов и результата реализации процессов.

В-третьих, действие может инициироваться другим действием в форме противодействия.

В-четвертых, объективированное действие в социальных науках, в том числе и в юриспруденции, может выражаться и в бездействии.

Таким образом, применительно к юриспруденции можно резюмировать, что **действие права –** *это направление, процесс и результат правового регулирования, инициированного, осуществляемого и обеспечиваемого государством*.

Традиционно действие права характеризуется активным влиянием права на общественные отношения и связывается с деятельностью лиц, осуществляющих правореализующую, главным образом, правоприменительную и правоохранительную деятельность [Гойман-Калинский, Иванец, Червонюк 2003]. Вместе с тем, как указано выше, действие права может на практике реализовываться в форме бездействия. Слово «бездействие» в справочной литературе обычно определяется как отсутствие всякой деятельности, нахождение в состоянии покоя[6]. В юриспруденции бездействие рассматривается с точки зрения его значения для регулируемых правом общественных отношений. Данный поход выявляет несколько значений употребления термина «бездействие» и применительно к правовому регулированию: бездействие самого права, бездействие участников правоотношений, которое делится, в свою очередь, на правомерное и противоправное бездействие.

Бездействие самого права также можно рассматривать неоднозначно. Прежде всего бездействие права – это невыполнение им тех или иных задач, которые на него возлагало государство. Право может в рассматриваемом случае бездействовать в силу технико-юридических ошибок законодателя, например, вполне позитивная норма ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации провозглашает: «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации». Однако следует иметь в виду, что с точки зрения юридической техники применение как форма реализации законодательства выступает опосредованным средством использования прав человека, отсюда либо Основной закон действует в отношении прав человека не прямо (опосредованно), либо применение для обеспечения прав вообще не требуется, что не соответствует практике правового регулирования прав и свобод человека, предусмотренных Конституцией Российской Федерации. Бездействие самого права может

[1] *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка. URL: https://glosum.ru (дата обращения: 17.09.2020).

[2] Действие в физике. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 17.09.2020).

[3] *Тимофеев Л., Венгров Н.* Краткий словарь литературоведческих терминов. М. : Учпедгиз, 1963. С. 42.

[4] Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004.

[5] Действие как движение. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 17.09.2020).

[6] Словарь русского языка. В 4 т. Т. 1. М. : Рус. яз., 1985. С. 70–71.

происходить и по другим причинам, например, в силу естественных факторов (пандемия), когда ряд действующих норм права приостанавливается. Так, в связи с пандемий коронавирусной инфекции были приостановлены платежи и сборы в налоговой сфере, сроки данных выплат были продлены (подп. «б» п. 1 ст. 1 Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 102-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»)[1].

Кроме того, бездействие права может быть предусмотрено в самом законе. Например, ч. 2 ст. 15 Конституции Российской Федерации закрепляет положение, согласно которому «любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения».

Бездействие самого права может быть связано с действием по кругу лиц, на которые оно распространяется, пространством и временем действия правового акта. Например, в соответствии со ст. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливается положение: «Если после заключения договора принят закон, устанавливающий обязательные для сторон правила иные, чем те, которые действовали при заключении договора, условия заключенного договора сохраняют силу». На основании этого положения из общего правила имеется исключение, обусловливающее недействие договорных обязательств. Недействие права характеризуется правилом, установленным ст. 54 Конституции Российской Федерации: «Закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет».

Бездействие права может возникнуть в связи с бездействием обязанных лиц. Данная ситуация в виде потенциального бездействия права предусматривается государством, которое устанавливает возможность обращения в соответствующие органы граждан с жалобами на бездействие должностных лиц. Так, ст. 254 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривается возможность обращения граждан в суд для оспаривания бездействия органа государственной власти, должностного лица, государственного или муниципального служащего.

Правомерное бездействие участников правоотношений можно определить как воздержание от совершения действий, которые запрещены законом, либо законодательством предоставляется право бездействовать без существенного ущерба регулируемым общественным отношениям.

В связи с изложенным подходом нельзя согласиться с бытующим мнением о том, что неучастие в выборах – это правомерное поведение [Кулапов, Прусаков 2015]. Дело в том, что правомерное поведение заключается в его соответствии мерам, изложенным в правовых нормах. Правовые нормы, фиксирующие право избирать, содержат меры правоактивного поведения, следовательно, правопассивное поведение нельзя считать в данном случае правомерным. Это, скорее, правонейтральное поведение, которое не реализует социально необходимого поведения, но и не является правонарушением. Вместе с тем данный вид бездействия субъектов правоотношений можно признать правомерным бездействием, потому что правовые меры допускают данную форму бездействия.

К правомерному бездействию можно отнести и случаи, когда правом прямо предусматривается необходимость подобного бездействия. Например, постановлением губернатора Московской области от 25 сентября 2020 г. № 420-ПГ внесены изменения в постановление губернатора Московской области от 12 марта 2020 г. № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области», согласно которым с 28 сентября 2020 г. гражданам г. Москвы, имеющим заболевания из перечня, определенного департаментом здравоохранения г. Москвы, необходимо не покидать место проживания (пребывания)[2], иными словами, данный правовой акт прямо указывает на необходимость и социально полезный характер бездействия граждан.

В форме правомерного бездействия реализуются целые отрасли права, например уголовное право, только необходимость бездействия в охранительных отраслях проявляется логически. Например, в тексте ст. 110.2 Уголовного кодекса Российской Федерации «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства» закрепляется дословно: «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства». Необходимость бездействия в рассматриваемом случае подразумевается – перечисленные в тексте нормы деяния запрещены под угрозой уголовного наказания.

Возможность бездействия проявляется в отдельных случаях и в регулятивных правовых нормах. Например, Решением Совета Евразийской

[1] Российская газета. 2020. 3 апр.

[2] Ежедневные новости. Подмосковье. 2020. № 188.

экономической комиссии установлено, что в связи с коронавирусной инфекцией распространяется беспошлинный режим ввоза на товары для предотвращения коронавирусной инфекции (средства индивидуальной защиты, вакцины, шприцы и т. д.)[1]. Иными словами, данная норма дозволяет участникам рассматриваемых правоотношений бездействовать по оплате пошлин на ввоз товара, т. е. не платить их. Причем эта форма действия права в форме бездействия участников правоотношений отличается от бездействия в виде неучастия в выборах: бездействие по оплате пошлин является не только дозволенным поведением, но и социально полезным и социально необходимым, так как стимулирует ввоз препаратов и оборудования для борьбы с пандемией.

В некоторых случаях реализация права в форме бездействия выражается в виде предусмотренного законом пассивного противодействия. Юридическое противодействие – это закономерный, отраженный в законодательстве комплекс правомерных действий и мероприятий, направленный на преодоление социально негативных явлений, либо комплекс противоправных действий, направленных против существующего правопорядка [Головкин, Краснов 2011]. Пассивное противодействие (бездействие) как форма реализации действия права также связана с правами участников правоотношений, например, с возможностью противодействия расследованию по уголовному делу, но с дополнительной возможностью защиты собственных прав гражданина в виде возможности отказа от дачи показаний (право на молчание) (п. 2 ч. 4 ст. 46 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Особой формой реализации действия права выступает установленное иерархическое бездействие правовых норм. С одной стороны, данная ситуация возможна, когда вышестоящие по иерархии правовые акты предписывают нижестоящим актам бездействие при наличии определенных обстоятельств. Например, Правительство Российской Федерации установило мораторий (бездействие) на проведение проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей[2] или мораторий (бездействие) на действие правовых актов, устанавливающих смертную казнь[3]. С другой стороны, должны бездействовать даже более суровые нормы, например, нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, если ранее лицо не было привлечено, например, к административной ответственности (ст. 116.1).

Действие права в форме бездействия при наличии предусмотренных законом обстоятельств может осуществляться на основании реализации обязываний в случаях, когда данное бездействие вменяется в обязанность субъектам правоотношений. Так, согласно ст. 392.3 Гражданского кодекса Российской Федерации «Передача договора» устанавливается обязанность уступки требования о переводе долга в случаях одновременной передачи всех прав и обязанностей другому лицу.

В целом краткий анализ реализации действия права в форме бездействия проявил некоторые обстоятельства, имеющие существенное значение для характеристики данного феномена.

Во-первых, действие права – это сложное многоуровневое и многогранное явление, в понятийном выражении в современной юридической литературе рассматриваемое как осуществляемое государством с помощью права и взаимодействующих с ним регуляторов реальное моделирующее влияние на общественные отношения, а также это процесс и результат данного влияния.

Во-вторых, бездействие как форма реализации действия права проявляется в различных ипостасях: 1) как бездействие самого права, когда вышестоящие по иерархии правовые акты предписывают нижестоящим актам при наступлении определенных обстоятельств бездействовать; 2) реализация действия права в форме бездействия в случаях необходимости участникам правоотношений воздерживаться от действий, запрещенных законом; 3) действие права в форме бездействия может осуществляться на основании реализации обязываний в случаях, когда данное бездействие вменяется в обязанность субъектам правоотношений.

---

[1] О внесении изменений в перечень товаров, ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза в целях реализации государствами – членами Евразийского экономического союза мер, направленных на предупреждение и предотвращение распространения коронавирусной инфекции 2019-nCoV : решение Совета Евраз. Экон. комис. от 3 апр. 2020 г. № 34. URL: http://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 01.10.2020).

[2] Об особенностях осуществления в 2020 году государственного контроля (надзора), муниципального контроля и о внесении изменения в пункт 7 Правил подготовки органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля ежегодных планов проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : постановление Правительства Рос. Федерации от 3 апр. 2020 г. № 438 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 15, ч. IV, ст. 2292.

[3] По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судоустройстве РСФСР”, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях”» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 2 февр. 1999 г. № 3-П // Российская газета. 1999. 10 февр.

В-третьих, правопассивное бездействие, например, случаи, когда гражданин не участвует в реализации права избирать, не вступает в брак, не сообщает о противоправных деяниях других лиц и т. д., не являющееся формой реализации законодательства, тем не менее является формой действия права. В данном случае право действует на сознание участников правоотношений, информируя их о возможности бездействия.

Таким образом, **действие права в форме бездействия** *можно определить как не противоречащее содержанию и смыслу правовых норм социально возможное бездействие, характеризующее осуществляемое государством с помощью права и взаимодействующих с ним регуляторов реальное моделирующее влияние на общественные отношения, а также как процесс и результат данного влияния*.

Список цитируемых источников

Гойман-Калинский, Иванец, Червонюк 2003 – *Гойман-Калинский И. В., Иванец Г. И., Червонюк В. И.* Элементарные начала общей теории права. М. : Право и закон : КолосС, 2003. 544 с.

Головкин, Краснов 2011 – *Головкин Р. Б., Краснов А. М.* Понятие правового противодействия // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 1(18). С. 85–94.

Кулапов, Прусаков 2015 – *Кулапов В. Л., Прусаков А. Д.* Действие и бездействие как формы юридически значимого поведения. М. : Русайнс, 2015. 168 с.

References

Goiman-Kalinsky, I. V., Ivanets, G. I. and Chervonyuk, V. I. (2003), *Elementarny'e nachala obshchei teorii prava* [Elementary principles of the General theory of law], Pravo i zakon, KolosS, Moscow, Russia.

Golovkin, R. B. and Krasnov, A. M. (2011), "The concept of legal counteraction", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(18), pp. 85–94.

Kulapov, V. L. and Prusakov, A. D. (2015), *Deistvie i bezdeistvie kak formy' yuridicheski znachimogo povedeniya* [Action and inaction as forms of legally significant behavior], Rusains, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Головкин Роман Борисович,
доктор юридических наук, профессор, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; golovkinrombor@mail.ru

Information about the author

Golovkin Roman B.,
doctor of law, professor, Stoletovs Vladimir state University, Vladimir, Russian Federation; golovkinrombor@mail.ru

Для цитирования

Головкин Р. Б. Действие права в форме бездействия // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 175–179.

For citation

Golovkin, R. B. (2020), "Action of the law in the form of inaction", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 175–179.

УДК 340

Р. Б. Головкин[1]
В. А. Басов[1]
М. А. Симонова[2]
[1] *Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*
[2] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

R. B. Golovkin[1]
V. A. Basov[1]
M. A. Simonova[2]
[1] *Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation*
[2] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Концептуальные основы ограничения юридических ограничений

Conceptual ones limitations of legal restrictions

Ключевые слова: ограничения юридических ограничений; ограничения в праве; правовые средства; механизм правового регулирования.

Аннотация. В статье рассматриваются основы концепции ограничения юридических ограничений, их существенные признаки, особенности объекта воздействия и целевое назначение ограничений юридических ограничений, формулируется дефиниция и выявляются основные разновидности данного средства правового регулирования.

Key words: restriction limits in law; restrictions in law; legal means; the mechanism of legal regulation.

Abstract. The article discusses the basics of the concept of legal restrictions, their essential features, the features of the object of influence and the purpose of restrictions of legal restrictions, defines and identifies the main varieties of this means of legal regulation.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена спецификой воздействия общих ограничений правового регулирования, направленного на установление определенных рамок, границ, пределов реализации субъективных прав и свобод, результатом которого, в случае если правовые ограничения применяются неэффективно или необоснованно, может стать немотивированное умаление прав и свобод участников правоотношений. Рассматриваемая особенность реализации правовых ограничений обусловливает необходимость использования юридического средства, воздействие которого направлено: на повышение эффективности применения общих ограничений правового регулирования, обеспечение баланса интересов участников правоотношений, недопущение злоупотребления правом и неоправданного умаления прав и свобод субъектов ограничительного воздействия. В рамках механизма правового регулирования указанную функцию выполняет особое юридическое средство – ограничение юридических ограничений. Этой разновидности правовых ограничений до недавнего времени не было уделено значительного внимания в юридической науке. Однако она выполняет в рамках механизма правового регулирования особую функцию, которая заключается в установлении пределов реализации общих ограничений правового регулирования в целях повышения эффективности их воздействия и создания объективных предпосылок для установления баланса интересов участников правоотношений. Применение ограничений юридических ограничений позволяет снизить вероятность неоправданного умаления прав и свобод субъектов общих ограничений правового регулирования, повысить целесообразность и эффективность применения этих ограничений.

Данный вид правовых ограничений был впервые выделен одним из авторов статьи в своей работе «Некоторые аспекты ограничения ограничений в праве», где ограничение ограничений в праве определяется как «особое средство правового регулирования, производное от общих ограничений правового регулирования, представляющее собой систему возможного и дозволенного законом поведения участников правоотношений в рамках общих ограничений правового регулирования» [Головкин 2018, с. 131]. В другой своей статье, подготовленной в соавторстве, «Некоторые особенности юридических ограничений использования сотовой связи при реализации образовательной деятельности» Р. Б. Головкин характеризует ограничения ограничений в праве как «разновидность юридических ограничений, базирующуюся на жестко зафиксированных законом моделях возможного и должного поведения участников ограничительных правоотношений и представляющую собой систему сдержек реализации общих ограничений, установленных правовыми нормами» [Головкин, Курысев 2018, с. 131].

Авторы настоящей статьи считают, что для указанной разновидности правовых ограничений могут быть характерны все основные признаки, присущие общим ограничениям правового регули-

© Головкин Р. Б., Басов В. А., Симонова М. А., 2020

рования. В свою очередь одним из существенных признаков, свойственных только данному юридическому средству, является специфический объект ограничительного воздействия, в роли которого выступают общие ограничения правового регулирования в форме мер юридической ответственности, правовых запретов и юридических обязанностей [Малько 2004, с. 94–96].

В качестве примера ограничения юридического ограничения, регламентирующего границы применения мер юридической ответственности, можно рассматривать ограничение, которое содержится в ст. 138 ТК РФ, определяющей пределы удержания заработной платы работника[1].

Примером ограничения юридического ограничения, которое определяет пределы действия юридического запрета, является правовое ограничение, содержащееся в ст. 113 УПК РФ, устанавливающей конкретные основания для неприменения запрета на осуществление привода в ночное время[2].

Ограничением юридического ограничения, определяющего пределы действия юридической обязанности, является правовое ограничение, которое содержится в ст. 23 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», устанавливающей основания для освобождения от призыва на воинскую службу[3].

Еще одной особенностью ограничений юридических ограничений является специфика их воздействия, которое направлено на повышение эффективности применения общих ограничений правового регулирования. Так, правовое ограничение, содержащееся в ч. 2 ст. 98 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» определяет количественные пределы удержания из доходов должника, и носит характер ограничения юридических ограничений[4]. В случае, если предел удержания из доходов должника не был бы законодательно урегулирован, можно было бы утверждать о недопустимом умалении прав и законных интересов субъектов правоотношений, которое повлекло бы за собой снижение эффективности применения данного ограничения правового регулирования. Таким образом, воздействие ограничений юридических ограничений направлено на обеспечение баланса интересов субъектов общих ограничений правового регулирования и их контрсубъектов. При этом достижение баланса интересов участников правоотношений возможно за счет предоставления субъектам ограничительного воздействия определенных возможностей для реализации и защиты своих прав и свобод в рамках общих ограничений правового регулирования.

Следует отметить, что воздействие любого ограничения юридического ограничения направлено на установление определенных пределов, рамок, границ применения общего ограничения правового регулирования. При этом объекты, на которые направлено воздействие ограничений юридических ограничений, могут различаться.

Ряд ограничений юридических ограничений устанавливают количественные пределы действия общих ограничений правового регулирования. Так, ч. 5 ст. 28 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» устанавливает предельную величину неустойки за нарушение сроков выполнения работ или оказания услуг в пользу потребителя[5].

Отдельные ограничения юридических ограничений могут устанавливать временные пределы действия общих ограничений правового регулирования. Например, ч. 1 ст. 54 УК РФ устанавливает временные рамки применения ареста как меры уголовно-процессуального принуждения[6].

Широко распространенной разновидностью ограничений юридических ограничений являются ограничения по кругу субъектов правоотношений, на которых оказывает воздействие ограничение в праве. Так, ч. 4 ст. 13 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» устанавливает перечень лиц, на которых не распространяются ограничения, связанные с ведением трудовой деятельности для иностранных граждан[7].

Воздействие отдельных ограничений юридических ограничений может быть направлено на определение перечня предметов материальной действительности, в отношении которых действуют ограничения в праве. Так, ч. 1 ст. 446 ГПК РФ устанавливает ограничение на обращение взыскания по исполнительным документам на ряд категорий имущества гражданина-должника. В частности, абз. 1 ч. 1 настоящей статьи ограничивает возможность обращения взыскания на единственное для должника и совместно с ним проживающих членов его семьи жилое помещение или его часть[8]. В свою очередь, абз. 3 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ устанавливает ограничение на обращение взыскания по исполнительным документам на предметы обычной домашней обстановки и обихода, вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и др.), принадлежащие данному должнику.

---

[1] Российская газета. 2001. 31 дек.

[2] Там же. 2001. 22 дек.

[3] Там же. 1998. 2 апр.

[4] Там же. 2007. 6 окт.

[5] Там же. 1996. 16 янв.

[6] Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

[7] Российская газета. 2002. 31 июля.

[8] Там же. 2002. 20 нояб.

Кроме того, исходя из характера ограничительного воздействия, представляется возможным выделить такой вид ограничений юридических ограничений, как установление территориальных пределов действия общих ограничений правового регулирования. Примером данной разновидности ограничений юридических ограничений является ограничение, закрепленное ч. 1 ст. 11 УК РФ, в соответствии с которой уголовной ответственности, в частности, подлежит лицо, совершившее преступление на территории Российской Федерации.

Авторы статьи полагают, что, рассматривая существенные особенности ограничений юридических ограничений как средства правового регулирования, следует уделить отдельное внимание специфике взаимосвязи ограничений юридических ограничений с общими ограничениями правового регулирования. Существует два основных варианта соотношения указанных юридических средств. Так, многие ограничения юридических ограничений можно рассматривать в качестве структурного компонента, неотъемлемой части общих ограничений правового регулирования. Указанные ограничения юридических ограничений содержатся в том же структурном элементе нормы права, что и общие ограничения в праве, и определяют субъектные, территориальные, временные, количественные пределы действия этих ограничений [Басов 2019, с. 140]. С учетом особенности взаимосвязи данной категории ограничений юридических ограничений с общими ограничениями правового регулирования их можно характеризовать как внутренние, или имманентные, ограничения юридических ограничений.

Большая часть имманентных ограничений юридических ограничений закрепляется правовым нормами, устанавливающими пределы юридической ответственности. Так, ч. 2 ст. 56 УК РФ устанавливает временные рамки применения уголовного наказания в виде лишения свободы. В свою очередь ч. 2 ст. 46 УК РФ определяет минимальную и максимальную величины штрафа за совершение преступления. В рассматриваемых примерах ограничения ограничений в праве (количественные и временные пределы применения уголовных наказаний) неразрывно связаны с общими ограничениями правового регулирования (мерами уголовной ответственности) и являются структурными компонентами этих ограничений.

Вместе с тем значительное число ограничений юридических ограничений не может рассматриваться в качестве структурных элементов общих ограничений правового регулирования. В большинстве случаев они закрепляются в отдельных правовых нормах и определяют перечень условий, когда ограничение в праве не применяется, что позволяет характеризовать их как внешние ограничения юридических ограничений. Так, ст. 2.9 КоАП РФ устанавливает возможность освобождения от административной ответственности при малозначительности правонарушения. В свою очередь в ст. 27.1 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» определяются исключительные условия, когда к военнослужащим не должны применяться отдельные ограничения, запреты и обязанности, связанные с воинской службой[1].

На основе проведенного анализа авторы сформулировали следующее определение ограничений юридических ограничений: **ограничение юридических ограничений** – это средство правового регулирования, воздействие которого направлено на установление количественных, территориальных, временных, субъектных, предметных пределов действия общих ограничений правового регулирования и определение перечня условий, когда эти ограничения не применяются.

Представляется возможным выделить ряд существенных признаков ограничений юридических ограничений:

1) отличительной чертой ограничений юридических ограничений как одной из разновидностей общих ограничений правового регулирования является особый объект ограничительного воздействия, в качестве которого может рассматриваться конкретное средство правового регулирования, чьи пределы реализации устанавливаются данными ограничениями; в их роли могут выступать юридические обязанности, правовые запреты, меры юридической ответственности, меры процессуального принуждения, сервитуты, приостановления, пределы и квоты;

2) целевое назначение ограничений юридических ограничений заключается в предоставлении субъектам воздействия общих ограничений правового регулирования определенных возможностей в выборе вариантов дозволенного поведения, в юридической защите прав и законных интересов субъектов от неоправданного умаления в результате немотивированного или неэффективного применения общих ограничений правового регулирования;

3) основной функцией ограничений юридических ограничений как правового средства в соответствии с их целевым назначением являются охрана и защита интересов субъектов воздействия общих ограничений правового регулирования;

4) исходя из специфики взаимосвязи с общими ограничениями правового регулирования, ограничения юридических ограничений можно разделить на внутренние (имманентные), которые содержатся в той же норме права, что и общие ограничения

[1] Российская газета. 1998. 2 июня.

правового регулирования, являются их неотъемлемой частью и устанавливают количественные, временные, территориальные, субъектные и иные пределы действия данных ограничений, и внешние, которые не являются структурными компонентами общих ограничений правового регулирования, закрепляются в отдельных нормах права и устанавливают перечень условий, когда общие ограничения правового регулирования не применяется;

5) воздействие ограничений юридических ограничений направлено на установление количественных, временных, территориальных и иных пределов действий общих ограничений правового регулирования.

Список цитируемых источников

Басов 2019 – *Басов В. А.* Понятие и сущность ограничений в праве // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 3(52). С. 139–142.

Головкин 2018 – *Головкин Р. Б.* Некоторые аспекты ограничения ограничений в праве // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 127–131.

Головкин, Курысев 2018 – *Головкин Р. Б., Курысев К. Н.* Некоторые особенности юридических ограничений использования сотовой связи при реализации образовательной деятельности // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 3(48). С. 131–137.

Малько 2004 – *Малько А. В.* Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2004. 250 с.

References

Basov, V. A. (2019), "The concept and essence of restrictions in law", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(52), pp. 139–142.

Golovkin, R. B. (2018), "Some aspects of limiting restrictions in law", *Yuridicheskaya tekhnika,* no. 12, pp. 127–131.

Golovkin, R. B. and Kurysev, K. N. (2018), "Some features of legal restrictions on the use of cellular communication in the implementation of educational activities", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(48), pp. 131–137.

Mal'ko, A. V. (2004), *Stimuly' i ogranicheniya v prave, 2 izd., pererab. i dop.* [Incentives and restrictions in law, 2nd ed., rev. and enl.], Yurist", Russia.

Информация об авторах

Головкин Роман Борисович,
доктор юридических наук, профессор, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; golovkinrombor@mail.ru

Басов Владислав Алексеевич,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; vladislavbasov@yandex.ru

Симонова Марина Анатольевна,
кандидат юридических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; m.a.voronkova@mail.ru

Information about the authors

Golovkin Roman B.,
doctor of law, professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; golovkinrombor@mail.ru

Basov Vladislav A.,
Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; vladislavbasov@yandex.ru

Simonova Marina A.,
PhD (law), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; m.a.voronkova@mail.ru

Для цитирования

Головкин Р. Б., Басов В. А., Симонова М. А. Концептуальные основы ограничения юридических ограничений // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 180–183.

For citation

Golovkin, R. B., Basov, V. A. and Simonova, M. A. (2020), "Conceptual ones limitations of legal restrictions", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 180–183.

УДК 342.5+351.74

М. М. Горбунова[1]
[1] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
M. M. Gorbunova[1]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Обеспечение внутренней безопасности Советского государства в период проведения политики «военного коммунизма» в 1918–1921 гг. (на примере Владимирской губернии)

Ensuring the internal security of the Soviet state in the period of the policy of "War communism" 1918–1921 (on the example of the police of the Vladimir province)

Ключевые слова: «военный коммунизм»; советская милиция; внутренняя безопасность государства; Владимирская губерния; Гражданская война; РСФСР.

Аннотация. Статья посвящена исследованию регионального аспекта деятельности советской милиции по обеспечению внутренней безопасности Советского государства в 1918–1921 гг. В частности, изучается опыт работы милиции Владимирской губернии. На основе анализа научной литературы и архивных материалов автор приходит к выводу о том, что в указанный исторический период милиция выступала единственным органом, обладающим властными полномочиями, с помощью которых претворялась в жизнь политика Советского государства, а это в конечном итоге обеспечивало внутреннюю безопасность социалистического общества. Автор обращает внимание на тот факт, что милиция Владимирской губернии выполняла свои функции по обеспечению внутренней безопасности государства в достаточно сложной внутриполитической обстановке как в стране в целом, так и в регионе, в частности.

Key words: "War communism"; Soviet militia; internal security of the state; Vladimir province; Civil war; the Russian Soviet Federative Socialist Republic.

Abstract. The article is devoted to the study of the regional aspect of the activities of the Soviet militia to ensure the internal security of the Soviet state in 1918–1921. In particular, the work experience of the militia of the Vladimir province is being studied. Based on the analysis of scientific literature and archival materials, the author comes to the conclusion that in the specified historical period, the militia was the only body with power, with the help of which the policy of the Soviet state was implemented, which ultimately ensured the internal security of the Socialist society. Separately, it should be noted that the militia of the Vladimir province performed their functions to ensure the internal security of the state in a rather complicated internal political situation both in the country as a whole and in the region in particular.

Обеспечение безопасности, в том числе и внутригосударственной, – это одна из основных функций любой государственно-правовой системы, не случайно ее реализация является приоритетным направлением деятельности Российской Федерации. Она находит свое отражение в полномочиях практически всех структурных элементов государственного механизма современной России, однако особое место в процессе решения данной задачи занимают органы внутренних дел в целом и полиции, в частности.

Построение и существование демократического, правового государства с развитой и эффективной системой управления, каким является в соответствии с Конституцией Российской Федерации отечественное государство, невозможно без всесторонней и грамотной реализации вышеуказанной функции абсолютно всеми органами правопорядка. Данные положения подчеркивают актуальность исследования проблем обеспечения внутренней безопасности в Российской Федерации и определения роли полиции (милиции) в данной деятельности как с научной, так и с практической точки зрения. Ведь без всесторонней реализации функции обеспечения безопасности, без эффективной деятельности полиции в данном направлении невозможно построить отлаженный и результативный механизм государственного управления, охватывающий абсолютно все сферы политической деятельности.

Система органов полиции (милиции) создавалась, развивалась и функционирует как государственная структура, реализующая такие приоритетные направления деятельности, как охрана жизни, здоровья, прав и свобод человека, охрана общественного порядка и обеспечение безопасности, поэтому она и занимает значимое место в механизме обеспечения внутренней безопасности России. Соответственно, определение социального значения, целей, задач и особенностей создания и правового оформления органов полиции (милиции) является актуальной задачей.

Особого внимания, с нашей точки зрения, заслуживает вопрос создания, организации, правового оформления и деятельности советской милиции по обеспечению внутренней безопасности РСФСР. Проблемы становления данного органа го-

© Горбунова М. М., 2020

сударственной власти, развития его полномочий, функций и задач, их законодательное оформление должны быть предметом всестороннего исследования, поскольку понимание сущности эволюционных процессов позволит соотнести их с современной трансформацией системы обеспечения внутренней безопасности, выявить ее положительные и отрицательные качества и, возможно, избежать ошибок прошлого.

Выявление причин и условий, в соответствии с которыми советская милиция была призвана не только обеспечивать общественный порядок, но и внутреннюю безопасность, а также особенностей учреждения специализированных структурных подразделений для реализации данного направления деятельности является важной задачей в контексте исследования особенностей обеспечения суверенитета и безопасности государства.

Вопросы становления советской милиции продолжают вызывать интерес в среде ученых-юристов современной отечественной историко-правовой науки. В настоящее время исследованию проблематики организации и развития милиции посвящено большое количество научных трудов, авторы которых на основе достаточно серьезного анализа источников представили полную картину процессов ее зарождения и функционирования не только на уровне Советской России, но и территориальных образований РСФСР – губерний, автономных республик, областей (в частности Владимирской губернии) [Бубнова 2006; Горлов 1996]. Вместе с тем потребность в расширении научных знаний требует дальнейшего углубленного исследования. Актуальным становится не только изучение организационно-правовых основ функционирования милиции в отдельных губерниях, но и более детальный анализ конкретных направлений деятельности данного органа в рамках обеспечения внутренней безопасности как в масштабах всего государства, так и в отдельно взятых его субъектах, например, во Владимирской губернии.

Деятельность советской милиции в 1918–1921 гг. регламентировалась декретами и иными нормативными актами центральной власти, актами ведомственного нормотворчества – приказами, циркулярами и распоряжениями Главмилиции, Цетророзыска НКВД РСФСР, а также официальными документами уполномоченных должностных лиц губернских и уездных милиций. В этих документах закреплялись не только организационные основы, но и приоритетные направления деятельности, полномочия отдельных категорий должностных лиц, единые для всей республики. Особое внимание уделялось специально разработанным должностным инструкциям различных категорий сотрудников (в первую очередь рядового состава – младших и старших милиционеров). Данные инструкции могли регламентировать специфику деятельности милиции в конкретной местности, содержали правила относительно конкретного объекта охраны либо руководство к действиям в конкретной ситуации.

В числе направлений деятельности советской милиции по борьбе с уголовной преступностью можно выделить следующие: охрана общественного порядка в самом широком значении этого термина, производство дознания и в отдельных случаях предварительного расследования. Все указанные мероприятия были направлены на обеспечение внутренней безопасности государства. Несмотря на то, что в советском законодательстве исследуемого периода понятие «безопасность» отсутствовало, все же на основе анализа отмеченных выше нормативных актов можно заключить, что внутренняя безопасность включала в себя совокупность мероприятий, направленных на обеспечение нормального функционирования органов советской власти, исполнения текущего законодательства, распоряжений центральной и местной властей; охрану объектов промышленности и транспортной инфраструктуры; содействие органам власти в непосредственной борьбе с антиправительственными выступлениями, борьбе с уголовной преступностью. Таким образом, внутренняя безопасность охватывала политическую, экономическую, продовольственную и личную безопасность. Исходя из содержания данного понятия, можно рассматривать деятельность милиции по охране общественного порядка через призму содействия всем органам советской власти, центрального и губернского управления в реализации возложенных на них государственных полномочий по претворению в жизнь внутренней политики.

Учитывая тот факт, что некоторые аспекты деятельности милиции по обеспечению внутренней безопасности (например, экономической) уже рассматривались в работах отечественных авторов [Ерин 2018], и основываясь на вышеизложенном, представляется возможным проанализировать организационные и правовые основы деятельности милиции по обеспечению внутренней безопасности Советского государства в 1918–1921 гг. на территории Владимирской губернии. Данный период по праву можно считать одним из сложных этапов в истории России, поскольку он связан с Гражданской войной, политикой «военного коммунизма», продразверсткой и другими политическими событиями.

Как известно, в любом государстве охрана общественного порядка и борьба с преступностью возлагается на соответствующие правоохранительные органы, которые в пределах установлен-

ной законом компетенции осуществляют эту деятельность, которая выступает составляющей общей работы органов правопорядка по обеспечению внутренней безопасности страны. В Советской России с первых дней ее существования эта работа возлагалась на советскую милицию и была закреплена на уровне общегосударственных правовых актов: постановления НКВД и НКЮ РСФСР от 17 октября 1918 г. «Об организации Советской рабоче-крестьянском милиции (Инструкция)», в котором отмечалось, что милиция является исполнительным органом и находится в ведении местных советов; декрета СНК РСФСР от 3 апреля 1919 г. «О Советской рабоче-крестьянской милиции»; Положения о рабоче-крестьянской милиции от 10 июня 1920 г. В данных документах не случайно подчеркивалось, что советская милиция – это вооруженный исполнительный орган[1].

Указанные акты законодательно закрепили структуру советской милиции, основными элементами которой являлись: городская и уездная милиции, промышленная, железнодорожная, водная и розыскная милиции. Общее руководство советской милиции на территории губерний осуществлялось губернскими управлениями милиции, в состав которых входили подразделения соответствующих видов милиции.

Структура и основные направления деятельности Владимирской губернской милиции рассмотрены достаточно подробно в работе Ю. Г. Бубновой [Бубнова 2006], однако необходимо уточнить, что в 1918–1921 гг. милиция находилась в процессе становления, а также то, что указанный автор значительное внимание уделял деятельности милиции по борьбе с уголовной преступностью, а также охране общественного порядка в узком значении этого термина. Между тем вопросы, относящиеся к деятельности милиции по обеспечению внутренней безопасности, остались недостаточно освещенными.

Обеспечение внутренней безопасности государства в большей степени осуществлялось путем не только выполнения собственно милицейских обязанностей, но и содействия органам исполнительной власти различных уровней в претворении в жизнь всего комплекса мероприятий, проводимых советским правительством по становлению и укреплению власти большевиков, а также реализации важнейших направлений внутренней политики Советской республики, которая находилась в состоянии Гражданской войны и борьбы большевиков за удержание власти на подконтрольных территориях.

Безусловно, важнейшим элементом милиции выступала уездная и городская милиция (уездно-городская), на которую приходилась основная часть работы на территории Владимирской губернии, тогда как железнодорожная и промышленная решали задачи по охране объектов железнодорожного транспорта и предприятий [Бубнова 2007; Ерин 2008; Ерин, Бубнова 2008].

Основным направлением деятельности уездно-городской милиции в рамках обеспечения внутренней безопасности были поддержание революционного порядка на территории городов и уездов, оказание своими силами по роду деятельности содействия органам власти. Милиция принимала непосредственное участие в ликвидации антиправительственных выступлений со стороны населения губернии. Так, в качестве показательного примера можно привести ликвидацию последствий стачки рабочих ткацких предприятий в г. Вязники 22–26 марта 1919 г., где милиция города разогнала толпу в тысячу человек, собравшуюся у здания городского Совета. Аналогичный случай был зафиксирован в Чаадаевской волости Муромского уезда, где крестьяне, требовали у уездного отдела снабжения хлебом. В Покровском уезде и в с. Ильинском Давыдовской волости Юрьев-Польского уезда были пресечены волнения на религиозной почве, а в с. Небылое Андреевской волости были ликвидированы волнения по факту освобождения территории монастыря под устройство заразного барака[2].

Борьба с дезертирством также была важнейшим направлением деятельности милиции в течение всего периода политики «военного коммунизма». Однако деятельность милиции в этом вопросе на территории Владимирской губернии оказалась не столь успешной. Массовый характер дезертирства, наличие у дезертиров оружия, объединения их в банды, кадровый дефицит в милиции помешали ей в полной мере осуществить эту функцию, особенно в 1918–1919 гг. Несмотря на отчет Гусевской городской милиции, где указывалось, что в июне–июле 1918 г. работа милиции заключалась в «…упорной борьбе по ловле дезертиров…»[3], результаты этой работы во многих уездах губернии не соответствовали поставленной задаче. Так, начальник Гороховецкой уездной милиции в докладе о деятельности за май 1918 г. подчеркивал, что «…борьба с дезертирством… малоуспешна, так как население способствует этому явлению…»[4].

В рамках обеспечения учета мобилизационных ресурсов населения на милицию возлагалась обязанность содействия органам военного управления по учету военнообязанных граждан. Например, на основании приказа Владимирского уезд-

[1] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1920. № 79, ст. 371.

[2] Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 310. Оп.1. Д.16. Л.162, 172, 177, 212, 246–247.

[3] Там же. Л. 351.

[4] Там же. Л. 258.

ного военкомата от 15 июня 1920 г. «О проверке учетных данных о военнообязанных по спискам»[1] на милицию возлагался контроль за соблюдением запрета на выезд из г. Владимира и уезда всех граждан призывных годов рождения.

Многие отечественные исследователи истории советской милиции делают акцент на борьбе с дезертирством в Красной Армии, тогда как вопросам борьбы с трудовым дезертирством не уделяется достаточно внимания, хотя это явление также носило массовый характер в период Гражданской войны. Проблема была актуальна особенно для Центрально-промышленного района страны, где большую часть рабочего класса составляли либо бывшие крестьяне, либо те же крестьяне, трудившиеся на промышленных предприятиях в виде отхожего промысла в осенне-зимний сезон и массово покидавшие заводы и фабрики в периоды уборочно-посевных кампаний, а также в случае голода в городах, что ставило в затруднительное положение советскую промышленность, работавшую на оборону страны. Владимирская милиция боролась с трудовым дезертирством постоянно. В течение 1920 г. начальником Владимирской уездно-городской милиции практически ежемесячно издавались распоряжения о розыске и возвращении рабочих: «…вернуть рабочих Подольского государственного механического завода…»[2] на предприятия, расположенные в Московской и других близлежащих губерниях.

Значительное место в работе милиции занимала деятельности по обеспечению формирования местных органов советской власти. Так, в феврале 1919 г. основным видом деятельности милиции Судогодского уезда было обеспечение подготовительной работы по перевыборам сельских советов, помощь командированным от уездного исполкома в работе по составлению сельских избирательных комиссий. Причем обеспечение выборов заключалось в непосредственном проведении агитации, как, например, это происходило в Переславском уезде при перевыборах в волостные и сельские советы.

Деятельность Суздальской уездно-городской милиции заключалась в исполнении различных поручений и распоряжений правительственных учреждений и должностных лиц: выдача повесток, объявлений и разных распоряжений[3]. В Гороховце работа милиции велась преимущественно «по оказанию содействия в поставке подвод для нужд расквартированного полка»[4]. Милиция Покровского уезда в течение марта 1919 г. работала по взиманию недоимок, окладных листов и чрезвычайного налога. Владимирская уездно-городская милиция в сентябре 1920 г. обеспечивала мобилизацию лошадей для подвозки дров с железнодорожного вокзала.

В рамках проведения иных мобилизаций осуществлялось привлечение населения к очистке железнодорожных путей от снега. Например, в приказе Владимирского губернского управления милиции предписывалось начальнику Гусевской городской милиции откомандировать в распоряжение Судогодского комитета труда пять милиционеров на станцию Неклюдово «…для понуждения населения в выполнении трудовой повинности по очистке железной дороги…»[5].

В качестве основных направлений деятельности милиции Переславского уезда за июль–август 1919 г. были: разрешение конфликтов по переделу земли, покосов между гражданами и сельскими обществами, борьба со спекуляцией продуктами питания, с хищением леса, обеспечение мобилизации и улучшение санитарного состояния. Аналогичная работа проводилась и в Юрьев-Польском уезде.

Работа всех городских и уездных милиций в течение сентября 1919 г. была направлена на контроль за исполнением нарядов на вывозку дров, так как население всячески уклонялось от исполнения подводной повинности и только «…благодаря действиям милиции наряд выполняется, хотя и не особо успешно…»[6]. Только милиция, обладая государственно-властными полномочиями, непосредственно участвуя и принуждая население, обеспечивала вывоз дров для зимнего отопительного сезона общественных и государственных зданий и учреждений.

В условиях хлебной монополии, провозглашенной советским правительством, а также твердых цен на промышленные товары и сельскохозяйственную продукцию, от соблюдения которых во многом зависела безопасность Советской республики, милиция Владимирской губернии была наделена полномочиями по претворению этой политики в жизнь. Не случайно приказом по Владимирской городской и уездной милиции от 18 июня 1918 г. отмечалось, что «…в последнее время начали появляться мошенники с печеным хлебом и мукой, которые продают хлеб по завышенной цене, спекулируя на этой торговле…»[7], поэтому на всех чинов милиции возлагалась обязанность следить за «…недопущением означенной спекуляции…», задерживать всех виновных с конфискацией продаваемого товара. Этот вопрос находился на постоянном контроле у руководства милиции, что говорит о важности организации данной работы в целях обеспечения продовольственной

[1] ГАВО. Ф. 358. Оп. 3. Д. 61. Л. 376.
[2] Там же. Ф. 310. Оп. 1. Д. 16. Л. 141.
[3] Там же. Л. 136(об.), 140.
[4] Там же. Л. 158(об.).
[5] Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 419. Л. 4.
[6] Там же. Ф. 310. Оп. 1. Д. 16. Л. 435.
[7] Известия Владимирского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 1918. № 27.

безопасности как населения губернии, так и РСФСР в целом. Так, в приказе начальника Владимирской уездно-городской милиции от 31 июля 1918 г. подчеркивалось, что «…постовые милиционеры мало обращают внимания на спекуляцию жизненно важными продуктами (молоко, масло, яйца… фураж)…»[1], на основании этого всем руководителям предписывалось принять меры к ориентированию постовых на проведение работы по пресечению спекуляции. Согласно отчету начальника Александровской уездной милиции о работе за декабрь 1918 г. «деятельность милиции проявлялась в охране революционного порядка и гражданской безопасности. Милиция имела строгое наблюдение за… соблюдением твердых цен на продукцию промышленности и сельского хозяйства…»[2]. В г. Гусь-Хрустальном в течение ноября 1919 г. работа милиции заключалась в «…пресечении спекуляции и повышения цен на продукты питания приезжими торговцами…»[3].

Суздальская милиция в течение 1919 г. «…следила за продажей продуктов по твердым ценам, не допуская скупки таковых»[4]. Только в феврале 1919 г. милицией Переславского уезда изъято у спекулянтов 1 500 пудов овса, в марте 1919 г. милиция Муромского уезда обнаружила и изъяла «…большое количество кожи и кожевенного товара…»[5].

В связи с распространением убоя лошадей и последующей продажи конского мяса приказом губернской милиции от 22 февраля 1921 г. №31-226 на основании постановления Владимирского губернского исполнительного комитета запрещались свободный убой лошадей и продажа конского мяса, а на все уездно-городские милиции губернии возлагалась обязанность «…чтобы лица, виновные в самовольном убое лошадей, купле-продаже конского мяса не оставались безнаказанными… Усилить надзор в городах и селениях за лицами, занимающимися продажей конского мяса и убоем лошадей»[6].

Важнейшим направлением деятельности в период летних месяцев, особенно летом 1920 г., стало содействие местным органам советской власти в привлечении населения к тушению лесных пожаров, которые распространялись почти по всей территории Владимирской губернии. В августе 1920 г. для руководства этой деятельностью в губернии была организована губернская чрезвычайная тройка по борьбе с лесными пожарами, в состав которой вошли губернский военком, председатель ВладгубЧК и заведующий губернский отделом управления. Не случайно в приказах губернской чрезвычайной тройки отмечалось, что селения, граждане которых не явятся своевременно и не в должном числе для тушения пожаров, будут облагаться контрибуцией, а их имущество и скот подвергаться конфискации. «Силовое сопровождение» сельских советов и волостных исполкомов в привлечении населения возлагалось на уездные и городские милиции.

Летом 1920 г. усилия Вязниковской уездной милиции также были направлены на борьбу с лесными пожарами, которые наносили значительный вред лесному хозяйству. Согласно отчету начальника милиции Вязниковского уезда «…на борьбу с лесными пожарами пришлось выгонять крестьян на тушение пожаров, так как словом не всегда удавалось убедить крестьян идти тушить пожар, приходилось применять и более суровые меры…»[7]. Аналогичная ситуация складывалась и в Муромском уезде, где начальник милиции прямо отмечал, что население относилось к работе по тушению несознательно и поэтому практически во всех случаях от милиции, которая в течение трех месяцев обеспечивала привлечение населения к тушению, требовалось применение вооруженной силы. Только в сентябре 1920 г. милиция г. Владимира обеспечила мобилизацию 600 чел. для тушения пожаров.

В рамках обеспечения противопожарной безопасности в городских населенных пунктах на милицию возлагался контроль за соблюдением правил пожарной безопасности. Необходимо подчеркнуть, что борьба с пожарами приравнивалась к задаче государственной важности. Например, в постановлении президиума Владимирского уездно-городского исполнительного комитета от 13 августа 1920 г. отмечалось, что «…внутренняя контрреволюция, тесно спаянная со шпионажем польской шляхты делает свое гнусное дело, уничтожая пожарами достояние трудящихся, стремясь изнутри ослабить могущество тыла Республики…», поэтому на милицию г. Владимира возлагалась обязанность «…увеличить до максимума надзор за подозрительными элементами… Обеспечить прекращение хождений с 12 часов ночи, обеспечить контроль за ночными дежурными на улицах и кварталах…»[8], а также осуществлять постоянный контроль за очисткой печных труб, дворов и улиц от мусора.

Распространенным явлением в период Гражданской войны была порча телефонных и телеграфных линий. В телеграмме Главмилиции отмечалось, что «…во многих местностях РСФСР часто повторяются случаи срывания и порчи телефонной проволоки. Это является крайне вредным, дезорганизующим государственное строи-

[1] Известия Владимирского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 1918. №28.

[2] ГАВО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 16. Л. 7.

[3] Там же. Л. 527.

[4] Там же. Л. 140.

[5] Там же. Л. 14(об.), 15.

[6] Там же. Ф. 357. Оп. 1. Д. 419. Л. 10.

[7] Там же. Ф. 310. Оп. 1. Д. 31. Л. 22.

[8] Там же. Ф. 358. Оп. 3. Д. 61. Л. 261, 286,

тельство актом осуществления злой воли врагов Советской власти, так как без правильного функционирования телефонов и телеграфов немыслима никакая созидательная работа в общегосударственном масштабе…»[1]. Не случайно Главмилиция ориентировала территориальные органы советской милиции принять решительные меры по охране линий связи, что и было возложено на милицию Владимирской губернии в 1918–1921 гг.

В итоге в ноябре 1920 г. начальник Юрьев-Польской уездной милиции Долинин подчеркивал, что в милиции «…работа сводится к исполнению поручений разных органов Советской власти…»[2]. Несмотря на негативный характер данного высказывания, все же необходимо подчеркнуть, что в указанный период милиция выступала единственным органом, обладающим властными полномочиями, с помощью которых претворялась в жизнь политика Советского государства, а это в конечном итоге обеспечивало внутреннюю безопасность социалистического общества.

В целом необходимо отметить, что милиция Владимирской губернии выполняла свои функции по обеспечению внутренней безопасности социалистического государства в условиях сложной внутриполитической обстановки как в стране, так и на территории Владимирской губернии, не случайно, как отмечал начальник Муромской уездной милиции Беляев в своем докладе о деятельности уездно-городской милиции в декабря 1920 г., «…население относилось к милиции враждебно и недоброжелательно…»[3].

Таким образом, в течение всего периода с 1918 по 1921 г. уездно-городская милиция Владимирской губернии, кроме непосредственной борьбы с преступностью и охраной общественного порядка, осуществляла деятельность по наблюдению за исполнением всеми гражданами декретов и распоряжений советской власти, оказывала содействие государственным органам в выполнении возложенных на них обязанностей: продовольственным органам – в проведении в жизнь декрета о хлебной монополии, финансовым органам – во взыскании всех чрезвычайных и других налогов, отделу управления – в проведении гужевой и трудовой повинности по подвозке дров, очистке железнодорожных путей от снега, органам военного управления – в поимке дезертиров.

Переход к новой экономической политике весной 1921 г. внес существенные коррективы в деятельность милиции. В первую очередь это проявилось в значительном сокращении ее численности, итогом которого стала ликвидация специальных видов милиции – промышленной, железнодорожной и водной. Последствиями подобной реформы стало уменьшение штатов милиции при сохранении всех возложенных на нее обязанностей по охране народного достояния и имущества частных лиц, которое признавалось Советским государством как имеющее значение для страны или конкретной губернии.

Замена продразверстки продналогом потребовала от руководства местных органов обеспечить его сбор. Учитывая статус милиции как единственной вооруженной организации, обладавшей правом силового принуждения к исполнению советского законодательства, на нее возлагалась обязанность содействия в сборе продовольственного налога. Например, во исполнение постановления Совета Труда и Обороны от 29 июня 1921 г. и в дополнение к приказу по Владимирской губернской милиции от 24 июля 1921 г., на все подразделения милиции возлагалась обязанность обеспечить вооруженной силой местные продовольственные органы в их деятельности по сбору продовольственного налога. В приказе особо подчеркивалось, что «милиция как административный орган власти обязана проявлять всемерное содействие и выделять необходимое количество вооруженных милиционеров». Отмечалось также, что «…кроме содействия, милиция следит и за правильным взиманием продналога уполномоченными и продинспекторами…», а в случаях неправильного или пристрастного отношения со стороны указанных должностных лиц к сбору продналога, милиция наделялась правом привлекать последних к законной ответственности[4]. На этот аспект деятельности милиции следует обратить особое внимание, так как законность и правильность сбора продналога являлась краеугольным камнем внутренней политики Советского государства. Милиция в данном случае выступала не только как вооруженная сила, но и как гарант соблюдения законности в деятельности специально уполномоченных органов и должностных лиц, что способствовало поддержанию должного революционного правопорядка и в конечном итоге оказывало значительное влияние на внутреннюю безопасность РСФСР.

Приказом губернской милиции от 27 июля 1921 г. № 151-356, во исполнение постановлений СНК РСФСР «О государственной соляной монополии» и «О принятии мер к прекращению частной торговли солью и подвоза ее контрабандным путем», губернской милиции было поручено приступить к ликвидации торговли солью частным путем «…в виде промысла как на деньги, так и в поряд-

[1] ГАВО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 1. Л. 95.
[2] Там же. Д. 31. Л. 45(об.).
[3] Там же. Л. 33.
[4] Там же. Д. 30. Л. 21.

ке товарообмена…», с привлечением виновных к судебной ответственности[1].

Таким образом, в течение всего периода Гражданской войны на территории Владимирской губернии милиция осуществляла деятельность по обеспечению внутренней безопасности Советского государства путем выполнения постановлений и распоряжений центральной и местных властей. От результатов ее деятельности во многом зависело укрепление тыла государства в условиях Гражданской войны и иностранной интервенции, что в конечном итоге обеспечило относительно стабильное укрепление советской власти, создало прочный тыл и безопасность Страны Советов.

Список цитируемых источников

Бубнова 2006 – *Бубнова Ю. Г.* Организационно-правовые основы становления и функционирования милиции Владимирской губернии (1917–1929 гг.) : дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 194 с.

Бубнова 2007 – *Бубнова Ю. Г.* Создание и функционирование промышленной милиции на территории Владимирской губернии в период 1920–1921 гг. // Вестник Владимирского юридического института. 2007. № 3(4). С.174–177.

Горлов 1996 – Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк / А. В. Борисов [и др.] ; гл. ред. А. Г. Горлов. М. : Изд-во Объед. ред. МВД России, 1996. 464 с.

Ерин 2008 – *Ерин Д. А.* Организация и функционирование промышленной милиции в Советском государстве (осень 1919–1922 гг.). Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2008. 99 с.

Ерин 2018 – *Ерин Д. А.* Милиция и другие формирования в механизме обеспечения экономической безопасности Советского государства в период 1917–1941гг. (историко-правовой очерк). М. : КноРус, 2018. 250 с.

Ерин, Бубнова 2008 – *Ерин Д. А., Бубнова Ю. Г.* Кадровое обеспечение промышленной милиции Владимирской губернии (1920–1921 гг.) // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 3(8). С. 240–243.

References

Bubnova, Yu. G. (2006), Organizational and legal foundations of the formation and functioning of the militia of the Vladimir province (1917–1929), Ph. D. Thesis, theory and history of law and state, legal doctrines on law and state, Vladimir Law Institute of the FPS of Russia, Vladimir, Russia.

Bubnova, Yu. G. (2007), "Creation and functioning of the industrial militia on the territory of the Vladimir province in the period 1920–1921", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(4), pp. 174–177.

Erin, D. A. (2008), *Organizatsiya i funktsionirovanie promy'shlennoi militsii v Sovetskom gosudarstve (osen' 1919–1922 gg.)* [Organization and functioning of industrial militia in the Soviet state (autumn 1919–1922)], VYuI FSIN Rossii, Vladimir, Russia.

Erin, D. A. (2018), *Militiya i drugie formirovaniya v mekhanizme obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti Sovetskogo gosudarstva v period 1917–1941gg.* (istoriko-pravovoi ocherk) [Police and other formations in the mechanism of ensuring the economic security of the Soviet state in the period 1917–1941 (historical and legal sketch)], KnoRus, Moscow, Russia.

Erin, D. A. and Bubnova, Yu. G. (2008), "Staffing of the industrial militia of the Vladimir province (1920–1921)", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 3(8), pp. 240–243.

Gorlov, A. G. (ed.) (1996), *Organy' i voiska MVD Rossii. Kratkii istoricheskii ocherk* [Bodies and troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia. A brief historical sketch], Izdatel'stvo Ob"edinennoi redaktsii MVD Rossii, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Горбунова Мария Михайловна,

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; marikablondimari@mail.ru

Information about the author

Gorbunova Marya M.,

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; marikablondimari@mail.ru

Для цитирования

Горбунова М. М. Обеспечение внутренней безопасности Советского государства в период проведения политики «военного коммунизма» в 1918–1921 гг. (на примере Владимирской губернии) // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 184–190.

For citation

Gorbunova, M. M. (2020), "Ensuring the internal security of the Soviet state in the period of the policy of "War communism" 1918–1921 (on the example of the police of the Vladimir province)", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 184–190.

[1] ГАВО. Ф. 310. Оп. 1. Д. 30. Л. 20.

УДК 342.5+351.74

Д. А. Ерин[1]
И. А. Безносов[2]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
[2]*ЧОП «РН-Охрана-Ижевск», Ижевск, Удмуртская Республика, Российская Федерация*

D. A. Erin[1]
I. A. Beznosov[2]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*
[2]*Chop "RN-Okhrana-Izhevsk", Izhevsk, Udmurtia, Russian Federation*

Войска внутреннего назначения во Владимирской губернии (1918–1929 гг.): правовые основы организации и деятельности

Internal troops in the Vladimir province (1918–1929): legal bases of organization and activity

Ключевые слова: Владимирская губерния; Гражданская война; нэп; войска ВОХР, ВНУС, ВЧК, ГПУ, ОГПУ; организация и деятельность.

Аннотация. В статье на основе ранее неопубликованных архивных документов анализируется эволюция организационно-правовых форм и некоторых направлений деятельности войск внутреннего назначения на территории Владимирской губернии в период с 1918 по 1929 г.

Key words: Vladimir province; Civil war; nep; vohr troops, VNUS, Cheka, GPU, OGPU; organization and activity.

Abstract. The article, based on previously unpublished archival documents, reveals the evolution and development of organizational and legal forms and some areas of activity of internal troops on the territory of the Vladimir province in the period 1918–1929.

Вопросы становления войск внутреннего назначения, т. е обеспечивавших внутреннюю безопасность Советского государства, всегда вызывали интерес как у научной общественности, так и у широкого круга лиц, изучающих историю внутренних войск. Безусловно, отечественные историки внесли существенный вклад в освещение многих сюжетов, связанных с зарождением и эволюцией войск, обеспечивавших поддержание внутреннего правопорядка в Советском государстве на всех этапах его развития. Среди авторов, раскрывших проблематику истории внутренних войск на уровне монографических и диссертационных исследований необходимо отметить таких, как И. С. Богданов, В. Н. Кузин, С. Н. Рожнов, П. А. Федоров, С. И. Чазов и другие, которые достаточно подробно раскрыли многие аспекты организации и деятельности войск [Богданов 2006; Кузин 1999; Новожилов и др. 2016; Рожнов 2003; Федоров 2005; Чазов 1995]. Однако, несмотря на значительный объем исследований, практически отсутствуют работы по изучению организации и деятельности войск внутреннего назначения в пределах отдельных губерний. Именно поэтому существенный интерес представляют не только общие исследования по истории войск в конкретные исторические периоды, но и изучение эволюции войск внутреннего назначения в рамках административно-территориальных единиц страны, что позволит выявить особенности правового регулирования организации и деятельности войсковых частей применительно к специфике экономических, политических и социальных сфер конкретного административно-территориального образования на различных этапах развития советской государственности.

В рамках настоящей статьи под войсками внутреннего назначения мы будем понимать все войска, которые в период становления и укрепления советской власти в 1917–1929 гг. осуществляли деятельность по обеспечению внутренней безопасности страны и были подчинены различным ведомствам, неоднократно меняя свою подчиненность. Именно с этих позиций предполагаем рассмотреть их организацию и деятельность на территории Владимирской губернии в период с 1918–1929 г., т. е. до ее ликвидации.

Не подлежит сомнению тот факт, что становление войск внутреннего предназначения тесно связано с установлением, укреплением и эволюцией советского социалистического государства, что и предопределило вектор их развития как элемента механизма государства, его карательной составляющей. В связи с этим организация и деятельность войск в рамках административно-территориальной единицы непосредственно зависели от решений, принимаемых руководством страны и ведомств, в подчинении которых они находились в рамках общих социально-экономических и политических процессов. После победы Октябрьской революции в течение 1917–1922 гг. происходило становление войск, которые в годы Гражданской войны называли войсками вспомогательного или специального (особого) назначения, находившихся в подчинении различных ведомств, но решавших задачи обеспечения внутренней безопасности РСФСР. Эволюция организационного и пра-

© Ерин Д. А., Безносов И. А., 2020

вового обеспечения военизированных формирований, подчиненных различным ведомствам с неопределенной компетенцией, но осуществлявших правоохранительную деятельность, которая продолжалась в течение всего исследуемого периода [Ерин 2018а, с. 102].

Важнейшее место в структуре войск вспомогательного назначения занимали войска, обеспечивавшие работу Всероссийской чрезвычайной комиссии (далее: ВЧК) и ее территориальных органов. 13 июня 1918 г. коллегией ВЧК было принято решение об объединении всех отрядов, сформированных в период первой половины 1918 г. при губернских чрезвычайных комиссиях (далее: ЧК) в корпус войск ВЧК. В июле 1918 г. был сформирован корпус войск ВЧК, с утверждением положения «О корпусе войск ВЧК», согласно которому в состав корпуса входили отдельные батальоны численностью до 700 чел. (три роты, команда пулеметчиков, связи, конная команда и взвод артиллерии)[1] с подчинением Штабу корпуса войск ВЧК через губернские ЧК. Формируемые части предназначались для «…подавления, разбития и истребления всех контрреволюционеров, спекулянтов и прочих врагов народа…»[2].

В августе 1918 г. при Владимирской губЧК был сформирован отряд особого назначения (особый отряд), впоследствии – батальон. Практически сразу же после его формирования в соответствии с телеграммой Ф. Э. Дзержинского и приказом от 27 августа 1918 г. № 56 по корпусу войск ВЧК в Москву для усиления московского батальона в целях усиления борьбы с контрреволюцией из Владимирского батальона было приказано откомандировать 10 пехотинцев, трех кавалеристов, четырех пулеметчиков и трех артиллеристов[3]. Вместе с тем, опираясь на данные РГВА, формирование Владимирского отдельного батальона при губЧК было признано считать начатым с 25 сентября 1918 г.[4] Однако командир роты И. Я. Андриянов согласно приказу по корпусу войск ВЧК от 31 декабря 1918 г. № 196/70 «Об утверждении в занимаемых должностях» считался в должности с 27 июня, командир взвода Филлипов П. Е. – с 10 сентября 1918 г. и др.[5]

Служебно-боевая деятельность батальона началась практически с первых дней формирования и во многом заключалась в борьбе с проявлениями внутренней контрреволюции на территориях Владимирской и соседних губерний. В ноябре 1918 г. отряд из Владимирского отдельного батальона под командованием тов. Исаева участвовал в ликвидации восстания в Касимовском уезде Рязанской губернии, когда «…расстреляли 12 главарей. Восставшие волости обложены контрибуцией… мобилизованные солдаты, отказывавшиеся раньше идти, явились на учет и регистрацию» [Берелович, Данилов 1998, с. 104]. В ночь на 4 ноября в с. Весь Суздальского уезда был послан отряд из роты при Владимирской губЧК для ликвидации крестьянских волнений в связи с изъятием излишков хлеба и разгоном комитета бедноты. «Отряд выполнил задание без кровопролития. Арестованы 12 человек…» [Берелович, Данилов 1998, с. 96]. 18 декабря 1918 г. Владимирский отдельный батальон принимал участие в подавлении контрреволюционного восстания в г. Киржаче[6]. 24 декабря 1918 г. 40 красноармейцев Владимирского отдельного батальона были переведены в воронежский батальон[7].

С 1 января 1919 г. корпус войск ВЧК переименовали в войска ВЧК. Согласно дислокации войск ВЧК вспомогательного назначения от 27 марта 1919 г. при Владимирской губЧК Ярославского округа следовало сформировать батальон[8]. Однако А. В. Рыжиков, опираясь на сведения о дислокации войск корпуса ВЧК по состоянию на 1 декабря 1918 г. в перечне частей указывает Владимирский отдельный батальон и две отдельные роты войск ВЧК [Рыжиков 2003, с. 207]. В сведениях о дислокации войск ВЧК Ярославского округа, ориентировочно по состоянию на январь 1919 г., также упоминаются Владимирский батальон войск ВЧК и две отдельные роты со штатной численностью 1 648 чел.[9], в сведениях о состоянии войск ВЧК на 15 января 1919 г. указывается, что в составе Владимирского отряда корпуса войск при ВЧК по штату полагался один батальон, в котором согласно отчетному периоду должно было быть 842 чел., по списку числилось 746, а налицо было 572 чел. Исходя из указанных сведений, можно предположить, что речь идет либо о планируемом составе войск ВЧК в губернии, либо о наличии двух рот при уездных ЧК (например, в г. Муроме и Коврове). Между тем в более поздних материалах по штабу войск ВЧК две отдельные роты ВЧК Владимирской губернии не упоминались.

Период весна–лето 1919 г. характеризовался борьбой с дезертирством. Явление приобрело массовый характер, которое усугублялось продразверсткой, ростом цен и продуктовым кризисом. Например, в период с 15 по 20 мая 1919 г. взвод Владимирского батальона ВЧК был направлен в Покровский уезд «…для искоренения дезертирства»[10]. Согласно рапорту командира Владимирского батальона ВЧК от 19 мая 1919 г. тов. Самодурова, в Покровском уезде была обнаружена масса дезертиров, ко-

[1] Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 16011. Оп. 1. Д. 4. Л. 1(об.)–3.
[2] РГВА. Ф. 16011. Оп. 1. Д. 4. Л. 54.
[3] Там же. Л. 48 (об.).
[4] Там же. Д. 9. Л. 4 (об.).
[5] Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 225.
[6] Там же. Д. 9. Л. 2.
[7] Там же. Л. 2 (об.).
[8] Там же. Л. 30 (об.).
[9] Там же. Д. 16. Л. 101.
[10] Там же. Ф. 6. Оп. 5. Д. 160. Л. 233.

торые посланным отрядом были «…переловлены и доставлены в уездный военный комиссариат. При попытке к бегству ранено три дезертира» [Берелович, Данилов 1998, с. 133]. 24 мая 1919 г. в Юрьевском уезде Аньковской волости отрядом (в некоторых документах указывается «рота») Владимирского батальона ВЧК было арестовано 80 дезертиров, которые перед этим разгромили отряд комиссии по борьбе с дезертирами. Потери отряда составили: шесть раненых и шесть убитых [Берелович, Данилов 1998, с. 134–135]. В мае 1919 г. в Александровском уезде в районе дер. Слободищево-Борно было обнаружено скопление дезертиров до 1 тыс. чел., вооруженных винтовками и гранатами, которые предпринимали попытки организации восстания и сопротивления местным властям [Берелович, Данилов 1998, с. 136]. 4 июня в Александровский уезд был выслан отряд Владимирского батальона ВЧК, который осуществил аресты зачинщиков в Барщинской волости [Берелович, Данилов 1998, с. 137]. В июле 1919 г. в губернии шла интенсивная борьба с дезертирством, поскольку губерния была объявлена на военном положении. В этом же месяце началось почти 5-тысячное восстание в Юрьев-Польском уезде. Кроме того, в течение июля–августа 1919 г. в ряде уездов Владимирской губернии (Владимирский, Суздальский) действовали сильные отряды «зеленых» и дезертиров при большом количестве оружия [Берелович, Данилов 1998, с. 157]. Согласно сводке от 26 августа 1919 г. шла «…по всей губернии борьба наших отрядов с дезертирами. Есть убитые и раненые…» [Берелович, Данилов 1998, с. 170]. Всего, по подсчетам А. В. Рыжикова, во Владимирской губернии за период с лета 1918 по лето 1921 г. произошло тринадцать серьезных антиправительственных выступлений (восстаний, мятежей, забастовок) [Рыжикова 2003, с. 191–196], для подавления многих из них привлекался батальон войск ВЧК Владимирской губернии.

На территории губернии были размещены караульные подразделения, основными задачами которых выступала охрана складов и предприятий военного значения, подчинявшиеся военному ведомству. Согласно сведениям о наличном составе войск вспомогательного назначения по состоянию на февраль 1919 г. на территории Владимирской губернии дислоцировался Владимирский местный караульный батальон в составе: Владимирской, Покровской, Юрьевской, Александровской, Вязниковской, Гороховецкой, Ковровской, Судогодской местных караульных рот. К концу мая – началу июня 1919 г. Владимирский караульный батальон (он же местный караульный батальон) состоял из четырех рот, размещенных во всех уездных городах (например, в г. Владимире дислоцировалась 1-я рота четырехвзводного состава с пулеметной командой) и насчитывал 78 командиров и 2 218 бойцов.

Особое место среди вооруженных формирований периода Гражданской войны 1918–1921 гг. занимала Продовольственная армия (далее: Продармия), основной задачей которой являлись изъятие у населения продовольствия и его охрана. Однако эта деятельность практически повсеместно происходила в условиях вооруженного сопротивления крестьянства, что, соответственно, потребовало от руководства страны придать военизированный характер отрядам, выполнявшим эту государственную задачу. В течение 1918 – первой половины 1919 гг. все формирования, подчинявшиеся Наркомпроду и осуществлявшие планомерное изъятие хлеба у кулачества, были объединены в Продармию. Ее части состояли из батальонов, полков, бригад с подчинением Военному совету Продармии, Наркомпроду и Реввоенсовету республики. На основании «Сведений о составе частей продовольственной армии на 1 июля 1919 г.» во Владимирской губернии дислоцировался 6-й Владимирский продовольственный батальон (штаб в г. Владимире). Необходимо отметить, что согласно отчету, по штату в батальоне было положено иметь 600 чел., тогда как по списку насчитывалось 75 чел., остальные числились как некомплект или в командировках в других городах[1].

В контексте статьи необходимо упомянуть и другие формирования, обеспечивавшие внутреннюю безопасность республики и осуществлявшие охрану и оборону железнодорожных объектов. На основании Декрета от 19 августа 1918 г. охрана железнодорожных объектов перешла от Наркомпути в ведение Наркомвоена, который начал формировать соответствующие войсковые части. Во Владимирской губернии были сформированы на основании Всероссийского главного штаба от 5 декабря 1918 г. № 39 «О сформировании частей железнодорожной обороны» и приказа начальника обороны железных дорог № 72, 6-й полк железнодорожной обороны в г. Коврове и 3-й отдельный батальон войск железнодорожной обороны в г. Муроме. Дислокация определялась стратегической важностью одноименных железнодорожных узлов для соответствующих дорог.

Особое место в системе воинских формирований, непосредственно участвовавших в обеспечении революционного правопорядка в Советском государстве в период Гражданской войны и иностранной интервенции, занимала конвойная стража, которая была образованы приказом Наркомвоена от 20 апреля 1918 г. в форме конвойной стражи республики с образованием губернских и уездных конвойных команд с подчинением Главному управлению мест заключения (далее: ГУМЗ) Наркомюста РСФСР. Причем в течение всего периода Граждан-

[1] РГВА. Ф. 6. Оп. 5. Д. 160. Л. 257.

ской войны конвойные подразделения не меняли своей подчиненности, оставаясь в системе Наркомюста. Владимирская конвойная команда была сформирована в 1918 г. По состоянию на февраль 1919 г. на территории Владимирской губернии дислоцировались: Владимирская, Александровская, Юрьевская, Вязниковская, Гороховецкая, Муромская, Меленковская, Суздальская, Судогодская, Покровская и Переславская конвойные команды, – общей численностью (на май–июнь 1919 г.) 73 чел., обеспечивавшие конвоирование осужденных на территории губернии. Причем состав команд существенно различался. Если в г. Владимире конвойная команда насчитывала 20 чел., в г. Юрьев-Польском и Судогде – по 7 чел., то в г. Меленки – 3 чел.

В числе военизированных формирований, обеспечивавших правопорядок на транспорте, нельзя не назвать подразделения судоохраны, основной задачей которых выступала охрана речных судов и грузов, перевозившихся речным путем, который подчинялись Главводу. К лету 1919 г. во Владимирской губернии подобное формирование в количестве 36 чел. дислоцировалось в г. Вязники и именовалось судоохран Вязниковского участка Волжско-Камского речного бассейна.

Таким образом, на территории Владимирской губернии были сформированы в течение 1918 г. и дислоцировались к началу лета 1919 г. части вспомогательного предназначения, такие как: Владимирский батальон войск ВЧК, Владимирский продовольственный батальон, Владимирский местный караульный батальон, 6-й Ковровский отдельный полк железнодорожной обороны, 3-й Муромский батальон железнодорожной обороны, Владимирская и десять уездных конвойных команд, подразделение судоохраны Вязниковского участка Волжско-Камского речного бассейна. Все указанные формирования находились в подчинении различных ведомств, но осуществляли деятельность по обеспечению внутренней безопасности социалистического государства в самом широком значении термина «внутренняя безопасность».

К концу весны 1919 г. ведомственная раздробленность войск и принцип их двойного подчинения существенно тормозили использование войск по прямому назначению и «…выглядели как анахронизм» [Новожилов и др. 2016, т. 2., с. 72–73]. На основании постановления Совета рабоче-крестьянской обороны от 28 мая 1919 г. «О войсках вспомогательного назначения» и приказа по войскам внутренней охраны республики (далее: ВОХР) от 10 июня 1919 г., все вспомогательные войска (особого назначения), состоявшие в распоряжении отдельных ведомств, учреждений и организаций (Накомпрода, Главвода, Главсахара, Главнефти, Центротекстиля) переходили в подчинение штаба войск ВЧК с переименованием в ВОХР при непосредственным подчинением Наркомвнуделу РСФСР. Все части, вошедшие в состав новой вооруженной структуры, были переформированы с учетом их специфики и потребностей в дислокации.

Для обеспечения деятельности губЧК в их распоряжение передавалось по одному батальону войск ВОХР. Необходимо подчеркнуть, что переформирование частей заняло достаточно длительный период и осуществлялось постепенно. На основании приказа по войскам ВОХР от 25 июня 1919 г. все части ВЧК был переименованы в батальоны войск ВОХР с соответствующей нумерацией. Владимирский отдельный стрелковый батальон войск ВЧК был переименован в 10-й отдельный стрелковый батальон войск ВОХР. На основании приказа от 8 августа 1919 г. «О переименовании частей Продовольственной армии в части ВОХР» 6-й Владимирский отдельный продовольственный батальон был переименован в 143-й отдельный стрелковый батальон войск ВОХР, на который возлагалось несение караульной службы по охране различных объектов, в частности, складов на территории города и уездов, например, в г. Владимире батальон охранял кожевенный склад Губпродкома, склад Губтекстиля, рота батальона в г. Меленки охраняла продовольственные склады Уездлесома [Ерин 2018b, с. 35] и т. д.

В сентябре 1919 г. был образован Ярославский сектор ВОХР, в его состав вошли переформированные части, объединенные в 42-ю отдельную стрелковую бригаду войск ВОХР. В г. Владимире этим же приказом был сформирован 199-й отдельный стрелковый батальон войск ВОХР, который позднее стал дислоцироваться в г. Вязники. Состав бригады на октябрь 1919 г. был следующим: штаб (г. Владимир), 9-й отдельный стрелковый батальон войск ВОХР (г. Иваново-Вознесенск), 10-й отдельный стрелковый батальон войск ВОХР (г. Владимир, командир батальона Золе), 143-й отдельный стрелковый батальон войск ВОХР (г. Владимир, командир батальона Зубковский), 199-й отдельный стрелковый батальон войск ВОХР (г. Вязники).

15 января 1920 г. на основании приказа по войскам ВОХР № 20/с Ярославский сектор ВОХР был ликвидирован, Владимирская и Иваново-Вознесенская губернии, а также войска ВОХР на их территориях вошли в состав Московского сектора войск ВОХР.

После сформирования войск ВОХР вне их оставались войска, охранявшие железные дороги. Летом 1919 г. все части, осуществлявшие оборону железных дорог, были объединены в отдельные бригады обороны железных дорог. На основании секретно-оперативного приказа по войска обороны железных дорог республики № 08 от 14 августа 1919 г.: 6-й Ковровский отдельный полк железнодорожной обороны был переформирован в 17-й, 18-й и 19-й отдельные стрелковые батальо-

ны войск железнодорожной обороны, а 3-й отдельный стрелковый батальон железнодорожной обороны переименован в 3-й Муромский отдельный стрелковый батальон войск обороны железных дорог. На основании этого же приказа были сформированы 5-я отдельная бригада войск обороны железных дорог (в нее вошли 17, 18, 19-й батальоны) и 13-я стрелковая бригада войск обороны железных дорог, в состав которой, наряду с другими частями, вошел 3-й Муромский отдельный стрелковый батальон войск обороны железных дорог.

На основании постановления Совета Труда и Обороны от 23 января 1920 г. и приказа по войскам обороны железных дорог от 21 февраля 1920 г. № 08: 13-я отдельная стрелковая бригада войск обороны железных дорог вошла в состав войск ВОХР и переименована в 13-ю «В» отдельную стрелковую бригаду войск ВОХР; 3-й отдельный стрелковый батальон войск обороны железных дорог переименован в 3-й «В» отдельный стрелковый батальон войск ВОХР. Позднее на основании приказа по войскам ВОХР от 11 мая 1920 г. № 494/с: 13-я «В» отдельная стрелковая бригада войск ВОХР была переименована в 95-ю отдельную стрелковую бригаду войск ВОХР; 3-й «В» отдельный стрелковый батальон войск ВОХР переименован в 463-й отдельный стрелковый батальон войск ВОХР (г. Муром).

После окончательного объединения всех вспомогательных войск в войска ВОХР и изменения в связи с этим нумерации и дислокации войсковых частей на территории Владимирской губернии дислоцировались части 42-й и 95-й стрелковых бригад войск ВОХР. Согласно дислокации войск ВОХР на 15 мая 1920 г. 42-я стрелковая бригада войск ВОХР входила в состав Московского сектора войск ВОХР. Соединение затронуло: Управление (г. Владимир), 9-й отдельный стрелковый батальон войск ВОХР (г. Иваново-Вознесенск), 10-й отдельный стрелковый батальон войск ВОХР (г. Владимир), 74-й отдельный стрелковый батальон войск ВОХР (г. Иваново-Вознесенск), 143-й отдельный стрелковый батальон войск ВОХР (г. Муром), 199-й отдельный стрелковый батальон войск ВОХР (г. Вязники). 95-я отдельная стрелковая бригада войск ВОХР по охране железных дорог (управление в г. Москве) подчинялась Управлению начальника Московско-Казанской железной дороги. В ее состав входили: 210-й отдельный стрелковый батальон войск ВОХР (г. Москва), 462-й отдельный стрелковый батальон войск ВОХР (г. Рязань), 463-й отдельный стрелковый батальон войск ВОХР (г. Муром), 464-й отдельный стрелковый батальон войск ВОХР (г. Москва).

Необходимо обратить внимание на особенности так называемой специализации каждой бригады. 42-я бригада обслуживала губЧК и выполняла функции внутренних войск по охране общественного порядка, народного достояния и борьбы с преступностью. Например, 10-й отдельный стрелковый батальон войск ВОХР обслуживал Владимирскую губЧК, тогда как 95-я бригада и соответственно 463-й батальон войск ВОХР выполняли задачи по охране и обороне исключительно объектов железнодорожной инфраструктуры.

Порядок организации и деятельности войск ВОХР регламентировался положением от 21 апреля 1920 г. «О войсках внутренней охраны»[1], а приказом по войскам ВОХР от 29 апреля 1920 г. вводилось в действие постановление Совета Труда и Обороны «О войсках внутренней охраны республики», принятое 23 января 1920 г. В данном постановлении достаточно подробно регламентировались основные направления деятельности войск ВОХР, которые были разделены на две группы. Первая группа задач была связана с охраной существующего строя, к ней относились: вооруженная борьба с контрреволюционными выступлениями, охрана государственных учреждений особой важности (телеграф, телефон, почтамт и т. п.), охрана государственных сооружений особой важности (водопроводы, виадуки, мосты). Ко второй группе относились непосредственная охрана и оборона транспорта и транспортных перевозок, охрана производства республики (фабрик, заводов, складов, сырья, фабрикатов, плантаций) и борьба с мешочничеством. На основании закрепленных задач войска ВОХР структурно подразделялись на части, обслуживавшие местные ЧК, и части, осуществлявшие охрану и оборону железных дорог [Ерин 2018b, с. 91–103]. Причем в постановлении оговаривалось, что коммуникации в полосе внутренних фронтов, включая все технические железнодорожные сооружения, такие как: мосты, водокачки, стрелки, телеграф, сигнализации, – оставалась в ведении войск железнодорожной охраны военного ведомства.

По мере необходимости усиления войск ВОХР в отдельных районах страны и для выполнения конкретных задач, например Наркомпрода [Новожилов и др. 2016, т. 2, с. 89–90], на основании постановления Совета труда и Обороны от 13 августа 1920 г., 10-й отдельный стрелковый батальон войск ВОХР на основании приказа по войскам ВОХР от 24 июля 1920 г. № 39/с убыл на Северный Кавказ для включения в состав вновь образованного Северо-Кавказского сектора войск ВОХР. Этим же приказом предписывалось на базе кадров убывших на Украину и Северный Кавказ батальонов сформировать новые. Задачи в интересах Владимирской губЧК вместо убывшего 10-го отдельного батальона войск ВОХР с августа 1920 г. стал выполнять 79-й отдельный стрелковый батальон войск ВОХР. Он был сформи-

[1] РГВА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 6. Л. 12–21(об.).

рован летом 1919 г. на базе 2-го Рязанского продовольственного полка. В августе 1920 г. 79-й отдельный стрелковый батальон (далее: осб) был передислоцирован в г. Владимир с включением в его состав оставшихся кадров 10-го осб войск ВОХР.

Таким образом, к середине 1920 г. в РСФСР был сделан очередной шаг к полному объединению всех войск внутреннего предназначения в единую систему, создание которой было призвано обеспечить единое руководство всеми силами, обеспечивавшими внутреннюю безопасность государства.

Безусловно, процесс объединения происходил в достаточно сложных условиях, внутриполитического противостояния в сфере перераспределения полномочий и компетенций между Наркомвнуделом РСФСР, ВЧК, а также военным ведомством и иными наркоматами, имевшими в своем подчинении военизированные формирования. Этот вопрос достаточно полно раскрыт в отечественной исторической и историко-правовой литературе. Тем не менее окончательное объединение произошло только на основании совместного приказа Реввоенсовета РСФСР Республики и Наркомвнудела РСФСР от 6 сентября 1920 г., когда все войска внутреннего предназначения (караульные, желдоробороны, желдормилиции, водмилиции и т. д.) объединялись с войсками ВОХР в войска внутренней службы (далее: ВНУС) с подчинением Наркомвнуделу РСФСР[1]. Соответственно, все войска ВОХР переименовывались в войска ВНУС.

42-я бригада была переименована в 16-ю отдельную стрелковую бригаду войск ВНУС. В ее состав входили: штаб (г. Владимир), 9-й отдельный стрелковый батальон войск ВНУС (г. Иваново-Вознесенск), 74-й отдельный стрелковый батальон войск ВНУС (г. Иваново-Вознесенск), 79-й отдельный стрелковый батальон войск ВНУС (г. Владимир), 143-й отдельный стрелковый батальон войск ВНУС (г. Владимир), Полк всеобуча (г. Владимир). 9 и 79-й батальоны выполняли задания губЧК, 74 и 143-й – задания губернских органов по продовольственной службе. Полк всеобуча (он же Владимирский территориальный полк) в конце 1920 г. был включен в состав 12-й стрелковой дивизии войск ВНУС по охране железных дорог и убыл на Украину (с дислокацией штаба полка в г. Золочеве).

1 ноября 1920 г. было проведено слияние органов управления ВНУС с общевойсковым командованием в округах, должности командующего войсками ВНУС были упразднены, руководство войсками возлагалось на окружного военного комиссара, который теперь получал наименование командующего войсками военного округа. Сектора упразднялись, а их штабы преобразовывались в штабы командующих войсками ВНУС соответствующих военных округов.

Стрелковые полки 16-й бригады войск ВНУС формировались из частей ВОХР и местных караульных рот военного ведомства. В 46-й стрелковый полк войск ВНУС (г. Владимир) были включены следующие части: 143-й отдельный стрелковый батальон войск ВОХР, Владимирский караульный батальон, Судогодская караульная рота, Суздальская караульная рота. В 48-й стрелковый полк войск ВНУС (г. Вязники) вошли: 199-й отдельный стрелковый батальон войск ВОХР, Гороховецкая караульная рота, Вязниковская караульная рота, Меленковская караульная рота, 1-я Муромская караульная рота, 2-я Муромская караульная рота, 1-я Шуйская караульная рота, 2-я Шуйская караульная рота, Ковровская караульная рота, Ковровская караульная команда, Муромская караульная команда. В 323-й стрелковый полк войск ВНУС (г. Александров) были включены: караульный батальон по охране Троицкого снарядного завода, Александровская караульная рота, Александровская караульная рота по охране Александровского огневого склада, Юрьевская караульная рота, Юрьевская караульная рота по охране Юрьевского огневого склада, 1-я Покровская караульная рота, 2-я Покровская караульная рота, 3-я Покровская караульная рота, караульная рота на ст. Черусти, Бужаниновская караульная команда. 79-й батальон осб войск ВОХР (г. Владимир) вошел в состав бригады под своим номером и стал именоваться 79-й отдельный стрелковый батальон войск ВНУС.

Полки бригады осуществляли охрану и оборону важных объектов на территории губернии, складов, учреждений и т. д. Например, 46-й стрелковый полк войск ВНУС обеспечивал охрану следующих объектов: губвоенком (г. Владимир) – 13 чел., денежный ящик при губвоенкоме (г. Владимир) – 5 чел., губернский продмагазин (г. Владимир) – 94 чел., склад оружия губвоенкома (г. Владимир) – 5 чел., гарнизонная гауптвахта (г. Владимир) – 6 чел., гарнизонная гауптвахта (г. Суздаль) – 6 чел., продсклады Упродгуба и У.В.К. (г. Судогда) – 6 чел., военкомат (г. Гаврилов-Посад Суздальского уезда) – 10 чел., продсклад (с. Сима Юрьевского уезда) – 11 чел. и общий караул (денежный ящик и камера для дезертиров, г. Владимир) – 17 чел.[2] 48-й стрелковый полк войск ВНУС (г. Вязники) осуществлял охрану следующих объектов: Кольчугинский меднообрабатывающий завод, г. Ковров) – 30 чел., разгрузочная площадка огнесклада – 8 чел., Пулеметный завод (г. Ковров) – 14 чел., Автотехническая мастерская (г. Шуя) – 9 чел., Временный склад взрыввеществ (г. Шуя) – 52 чел., огнесклад (ст. Шуя) – 31 чел., огнесклад (г. Муром) – 100 чел. 323-й полк войск ВНУС (г. Александров) обеспечивал безопасность следующих объектов:

[1] РГВА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1426. Л. 1–3.

[2] Там же. Ф. 7. Оп. 4. Д. 39. Л. 86–87.

Троицкий снарядный завод (ж/д ст. Бужаниново) – 545 чел., Бужаниновский артсклад – 113 чел., отделение Троицкого снарядного завода (г. Александров) – 141 чел., огнесклад (г. Киржач) – 53 чел., отделение Киржачского огнесклада (с. Викторово Покровского уезда) – 47 чел., смешанный артсклад (г. Юрьев-Польск) – 258 чел., 3-й Главсклад взрывчатых веществ (г. Покров) – 7 чел., Владимирский государственный пороховой завод (ж/д ст. Черусти) – 424 чел.

На основании приказа от 19 декабря 1920 г. № 307/с «О реорганизации войск ВНУС» отдельные батальоны по обслуживанию губЧК, в том числе и 79-й, были исключены из состава всех трех дивизий войск ВНУС Московского округа и вошли в состав Дивизии особого назначения войск ВНУС.

Таким образом, к концу 1920 г. все войска внутреннего предназначения были объединены в войска ВНУС. Однако курс на всеобщее сокращение вооруженных сил, предпринятый после окончания Гражданской войны, привел к тому, что в соответствии с постановлением Совета Труда и Обороны от 19 января 1921 г. войска ВНУС, за исключением войск ВЧК, были переподчинены военному ведомству[1]. Все части и отряды войск ВНУС, состоявшие в ведении ВЧК (как губЧК, так и транспортных отделов ВЧК), стали именоваться войсками ВЧК, с возложением на них приказом начальника войск ВЧК от 29 января 1921 г. обязанностей по обслуживанию местных ЧК[2]. В феврале 1921 г. эти части войск ВНУС были переданы в состав войск ВЧК, с соответствующим изменением нумерации. Приказом по войскам ВЧК от 5 февраля 1921 г. № 15/с 79-й осб был переименован в 8-й отдельный батальон войск ВЧК. Однако необходимо подчеркнуть, что в приказах начальника гарнизона г. Владимира этот батальон и в марте 1921 г. именовался как 79-й батальон губЧК. По состоянию на конец марта 1921 г. 8-й отдельный батальон входил в состав Дивизии особого назначения войск ВЧК Московского округа.

Приказ по войскам ВЧК от 14 июля 1921 г. утвердил Положение об организации войск Всероссийской чрезвычайной комиссии. Кроме охраны госграницы, войска ВЧК должны были обслуживать ВЧК и ее губернские представительства, основной единицей войск устанавливались отдельные батальоны, которые объединены в войска ВЧК округов[3].

Нельзя обойти вниманием такие формирования, как части особого назначения (далее: ОН), которые также выполняли функции по обеспечению внутренней безопасности в Советском государстве периода 1919–1923 гг. Например, по состоянию на 1 января 1923 г. во Владимирской губернии действовало несколько отдельных частей и подразделений ОН. Подразделения Владимирского отдельного батальона ОН, который в некоторых документах упоминается под номером 4, дислоцировались следующим образом: г. Владимир – штаб, 1 и 2-я роты; г. Гусь-Хрустальный – 3-й взвод 2-й роты; г. Судогда – 3-я рота, г. Суздаль, Судогда и Гаврилов-Посад – по одному взводу 3-й роты. Подразделения отдельной Ковровской роты ОН таким образом дислоцировались: Ковров – штаб и два взвода, по взводу – в г. Вязники, Гороховец, Муром, Меленки. Отдельная Юрьевская рота с ее подразделениями размещалась следующим образом: в г. Юрьев-Польский – штаб и два взвода, по взводу – в г. Александров, Киржач, Переславль. Подобное размещение соответствовало оперативной обстановке в уездах и городах губернии. Так, в губернском центре – батальон, а в крупных промышленных и транспортных уездных городах (Ковров и Муром) – отдельные роты, в состав которых входили взводы, дислоцировавшиеся в незначительных уездных городах. К концу 1923 г. все подразделения ОН губернии были расформированы.

1922 г. стал годом сокращения численности всех силовых структур Советского государства: вооруженных сил, милиции, войск ВНУС и т. д., – что было вызвано в первую очередь экономическими причинами, в частности, нехваткой бюджетных средств на содержание достаточно значительного количества войск. Это была общая политика государства в условиях нэпа, направленная на уменьшение всего государственного аппарата и приспособления его к реалиям нэпа. Сокращения затронули и войска ВЧК, впоследствии Государственного политического управления (далее: ГПУ). Причем необходимо подчеркнуть, что относительная стабилизация внутриполитической ситуации в стране после окончания Гражданской войны, отмены продразверстки и проведения нэпа, которые значительно снизили накал недовольства крестьянского населения, позволили советскому руководству, особенно во внутренних районах страны и, в частности в центральных губерниях, сократить войска ГПУ до относительно приемлемых размеров, необходимых для обеспечения деятельности советских органов при отсутствии массового сопротивления населения в виде открытого вооруженного противодействия. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что уже в 1921–1922 гг. в официальных документах начинает встречаться формулировка «внутренние войска» для обозначения частей, прикрепленных к органам ВЧК–ГПУ [Новожилов и др. 2016, т. 2, с. 20–21].

Приказом по войскам ВЧК от 2 февраля 1922 г. № 48 8-й отдельный батальон был свернут в 5-ю отдельную роту войск ВЧК. После образования ГПУ, 6 февраля 1922 г., рота стала именоваться «5-я отдельная рота войск ГПУ».

[1] РГВА. Ф. 16011. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–2.

[2] Там же.

[3] Там же. Д. 33. Л. 17–19.

Приказом ГПУ от 9 июня 1922 г. № 191 «О реорганизации войск в связи с их сокращением» была объявлена новая структура войск ГПУ. Этим же приказом отдельные батальоны войск ГПУ были переформированы в дивизионы войск ГПУ. На основании этого же приказа, в целях обеспечения деятельности губернских и уездных органов ГПУ – выполнения оперативных заданий и несения караульной службы, на базе 5-й отдельной роты войск ГПУ формируется 6-й Владимирский дивизион войск ГПУ при Владимирском губотделе ГПУ по штату № 73 (для Отдельного дивизиона обслуживающего губотделы ГПУ – 3-я категория) в составе 80 чел. (два взвода, шесть отделений). 21 августа 1923 г. дивизион ГПУ праздновал свой 5-летний юбилей[1], таким образом, можно предположить, что старшинство дивизиона исчислялось с августа 1918 г., т. е. с образования Владимирского батальона ВЧК.

Согласно приказу ГПУ от 9 июня 1922 г. в округах войск ГПУ для борьбы с вооруженными восстаниями и бандитизмом формируются особые части. В частности, в Московском округе (в г. Владимире) формируется 1-й Особый кавалерийский полк ГПУ (четырехэскадронный состав), на формирование которого были направлены кавалерийские эскадроны, ранее входившие в состав батальонов войск ВЧК Московского округа. На основании приказа ГПУ от 4 января 1923 г. этот полк был передислоцирован в Западный пограничный округ (г. Минск) для укрепления обороны западных границ СССР.

В 1922 г. на основании совместного постановления Наркомюста и Наркомвнудела РСФСР все места заключения передавались в ведение ГУМЗ Наркомвнудела РСФСР, а в сентябре 1922 г. – в ведение ГПУ с созданием в ноябре 1922 г. в его структуре отдела конвойной стражи, который руководил корпусом конвойной стражи ГПУ. На основании приказа по войскам ГПУ от 6 октября 1922 г. «О передаче конвойной стражи республики в состав войск ГПУ» Владимирская конвойная команда была передана в состав войск ГПУ. Приказом по войскам ГПУ (по корпусу конвойной стражи) от 27 октября 1922 г. № 465 «Объявление дислокации конвойных команд и порядок снабжения последних» в г. Владимире дислоцировалась Владимирская конвойная команда (95 чел.) для обслуживания Владимирской губернии. В частности, в уездные города (Александров, Вязники, Гороховец, Переславль, Ковров) выделялись команды по 5 чел., в г. Муром – команда в количестве 10 чел. Фактически Владимирская конвойная команда перешла в ведение ГПУ 9 ноября 1922 г. Необходимо отметить, что в уездных городах Владимирской губернии конвойные команды не полагались, однако на местном уровне они продолжали именоваться «местные конвойные команды ГПУ».

Забегая вперед, отметим, что летом 1924 г. конвойные подразделения были изъяты из ведения Объединенного государственного политического управления (далее: ОГПУ). 14 июля 1924 г. на основании совместного приказа Реввоенсовеа, ОГПУ и Наркомвнудела конвойная стража была переименована в конвойную стражу СССР с возложением руководства ее на ГУМЗ Наркомвнудела РСФСР. Однако в августе 1924 г. было образовано Центральное управление конвойной стражи при Совнаркоме СССР. В конечном итоге, на основании постановления Центрального исполнительного комитета и Совнаркома СССР от 30 октября 1925 г. «О конвойной страже Союза ССР» было создано Центральное управление конвойной стражи СССР с непосредственным подчинением Совнаркому СССР. На основании приказа по войскам конвойной стражи СССР от 7 января 1925 г. № 9 Владимирская конвойная команда была переформирована во 20-ю отдельную конвойную роту войск конвойной стражи СССР. Со всеми остальными аналогичными частями войск конвойной стражи на территории Московского военного округа рота подчинялась непосредственно Центральному управлению войск конвойной стражи СССР.

Приказом ГПУ от 27 июля 1923 г. было введено в действие Положение о войсках ГПУ, на основании которого все войска ГПУ подразделялись на части, обслуживающие местные органы ГПУ, обеспечивавшие деятельность транспортных отделов ГПУ и охраняющие учреждений Наркомфина. В настоящий момент нам не удалось точно установить, подразделения каких войсковых частей, обслуживавших транспортные отделы ГПУ, дислоцировались на территории Владимирской губернии.

В ноябре 1923 г. в связи с образованием ОГПУ, войска переименовываются в войска ОГПУ. Вместе с тем продолжались совершенствование строительства войск ОГПУ и поиск новых оптимальных форм их организации в условиях нэпа. Совещание руководящего состава погранохраны и войск ОГПУ 11–13 апреля 1924 г. одобрило намечавшуюся реорганизацию войск и определило необходимость сведения «…мелких самостоятельных отдельных частей, прикрепленных к губотделам (дивизионов), в крупные войсковые части», что позволило бы «…вполне рационально использовать вооруженную силу, и с другой стороны, облегчит проведение подготовки и повысит ее уровень»[2]. Приказом ОГПУ от 14 января 1925 г. «О реорганизации внутренних войск ОГПУ» в рамках сокращения войск были расформированы многие части, в том числе и 6-й Владимирский дивизион войск ОГПУ[3].

[1] Призыв. 1923. 21 авг. С. 2.

[2] Из истории советских пограничных войск 1921–1927 гг. Документы и материалы. М. : ГУПВ КГБ при СМ СССР, 1963. С. 346.

[3] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 525. Л. 31–32.

Особое место в структуре войск ОГПУ, расположенных на территории Владимирской губернии, занимал 61-й Суздальский дивизион войск ОГПУ, который в некоторых документах упоминается как «особый». Летом 1923 г. на территории Спасо-Евфимиева монастыря в г. Суздале был создан Суздальский лагерь особого назначения. Дивизион был сформирован приказом ГПУ от 29 сентября 1923 г. № 560/99. Служба дивизиона заключалась в обеспечении наружной охраны Суздальского лагеря, который впоследствии был переименован в Суздальский политизолятор. На основании приказа ОГПУ от 17 июня 1924 г. о сформировании Дивизии особого назначения при коллегии ОГПУ было принято решение «…61-й Суздальский дивизион войск ОГПУ со всем личным и конским составом, имуществом и инвентарем, влить в состав дивизии особого назначения…»[1].

В 1927 г. советское руководство приняло важнейшее решение о передаче охраны наиболее важных предприятий промышленности в ведение ОГПУ СССР, что подразумевало под собой формирование новых войсковых частей для осуществления непосредственной охраны промышленных предприятий, в первую очередь имевших стратегическое и оборонное значение. Однако в исследуемый период подобных предприятий на территории Владимирской губернии не располагалось и поэтому войсковых частей ОГПУ не формировалось. Исключение составлял 105-й отдельный дивизион войск ОГПУ (двухвзводный состав), который 22 декабря 1927 г. был сформирован на базе 62-й местной стрелковой роты и дислоцировался в районе ст. Бужаниново Александровского уезда.

Таким образом, в период нэпа произошло значительное сокращение войск ГПУ–ОГПУ, что было связано не только с сокращением всего государственного аппарата, но и с общей стабилизацией внутриполитической обстановки в целом по стране и во Владимирской губернии, в частности. К январю 1929 г., т. е. к моменту ликвидации губернии, на ее территории дислоцировались подразделения, принимавшие участие в осуществлении карательной политики государства: 61-й Суздальский дивизион войск ОГПУ и 20-я отдельная конвойная рота войск конвойной стражи, которая по состоянию на 18 апреля 1927 г. насчитывала 124 чел., из которых – 98 строевых красноармейцев (в каждом взводе по 4 отделения) и входила в состав 1-й отдельной бригады войск конвойной стражи, а также 105-й дивизион войск ОГПУ, обеспечивающий охрану стратегических объектов промышленности на территории Владимирской и Московской губерний.

Подводя итог, необходимо констатировать, что правовое регулирование организации и деятельности войск внутреннего назначения на территории Владимирской губернии в исследуемый период осуществлялось на основании действовавших нормативных актов как общегосударственного, так и ведомственного характера, которые отражали суть внутренней политики Советского государства в период борьбы за власть с 1918 по 1922 г. и относительной либерализации периода нэпа в течение 1922–1928 гг. Ведомственные инструкции, положения, циркуляры, например ВЧК–ГПУ–ОГПУ, регламентировали не только основные направления деятельности войск по обеспечению внутренней безопасности Советского государства, но и закрепляли дислокацию, организационно-штатную структуру и иные аспекты служебно-боевой детельности, в точном соответствии со складывавшейся оперативной обстановкой как в стране в целом, так и во Владимирской губернии, в частности.

Список цитируемых источников

Берелович, Данилов 1998 – Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939 гг. Документы и материалы. в 4 т. Т. 1 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М. : РОССПЭН, 1998. 864 с.

Богданов 2006 – *Богданов И. С.* Служебно-боевая деятельность войск ВЧК–ВОХР–ВНУС в России (1918–1920 гг.): историческое исследование : дис. … канд. ист. наук. М., 2006. 211 с.

Ерин 2018a – *Ерин Д. А.* К вопросу об организационном и правовом регулировании деятельности советской милиции, войск ВЧК–ВОХР–ВНУС и иных воинских формирований по обеспечению безопасности на транспорте РСФСР в период 1917–1922 гг. // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. № 2. 2018. С. 91–103.

Ерин 2018b – *Ерин Д. А.* Милиция и другие формирования в механизме обеспечения экономической безопасности Советского государства в период 1917–1941 гг. (историко-правовой очерк). М. : КноРус, 2018. 250 с.

Кузин 1999 – *Кузин В. Н.* Правовые основы формирования и деятельности внутренних войск в период становления советской государственности (1917–1920 гг.) : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 164 с.

Новожилов и др. 2016 – История внутренних войск МВД России : в 5 т. / В. Ю. Новожилов [и др.]. М. : На боевом посту, 2016.

[1] Неизвестные страницы истории войск национальной гвардии Российской Федерации : сб. архив. док. М. : На боевом посту, 2019. Вып. 5. С. 23–24.

Рожнов 2003 – *Рожнов С. Н.* Внутренние войска Отечества. Организационно-правовые основы развития, 1811–1991 гг. : историко-правовое исследование : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2003. 511 с.

Рыжиков 2003 – *Рыжиков А. В.* Деятельность губернских чрезвычайных комиссий Верхней Волги в 1918–1922 гг. : дис. … канд. ист. наук. М., 2003. 218 с.

Федоров 2005 – *Федоров П. А.* Конвойные войска СССР: государственно-правовые основы организации и деятельности (1918–1941 гг.): историко-правовой аспект : автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2005. 27 с.

Чазов 1995 – *Чазов С. И.* Военная реформа 20-х гг.: ее осуществление и особенности во внутренних войсках : автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 1995. 18 с.

References

Berelovich, A. and Danilov, V. (ed.) (1998), *Sovetskaya derevnya glazami VChK–OGPU–NKVD. 1918–1939 gg. Dokumenty' i materialy', v 4 t., t. 2* [Soviet village through the eyes of the CHEKA–OGPU–NKVD. 1918–1939 Documents and materials, in 4 vol., vol. 2], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Bogdanov, I. S. (2006), Service and combat activities of the CHEKA–VOHR–VNUS troops in Russia (1918–1920): a historical study, Ph. D. Thesis, national history, Military University, Moscow, Russia.

Chazov, S. I. (1995), Military reform of the 20s: its implementation and features in the Internal Troops, Abstract of Ph. D. dissertation, national history, St. Petersburg Law Institute of the MIA of Russia, St. Petersburg, Russia. Erin, D. A. (2018a), "On the question of organizational and legal regulation of the activities of the Soviet militia, the CHEKA–VOHR–VNUS troops and other military formations to ensure transport security in the RSFSR in the period 1917–1922", *Istoriko-pravovye problemy': novy'i rakurs,* no. 2, pp. 91–103.

Erin, D. A. (2018b), *Militsiya i drugie formirovaniya v mekhanizme obespecheniya ekonomicheskoi bezopasnosti Sovetskogo gosudarstva v period 1917–1941 gg. (istoriko-pravovoi ocherk)* [Militia and other formations in the mechanism of ensuring the economic security of the Soviet State in the period 1917–1941 (historical and legal essay)], KnoRus, Moscow, Russia.

Fedorov, P. A. (2005), Convoy troops of the USSR: state-legal basis of organization and activity (1918–1941): historical and legal aspect, Abstract of Ph. D. dissertation, theory and history of law and State, history of doctrines on law and state, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Kuzin, V. N. (1999), Legal basis for the formation and activity of the internal troops during the formation of Soviet statehood (1917–1920), Ph. D. Thesis, theory of law and state, history of law and state, history of political and legal doctrines, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia.

Novozhilov, V. Yu. et al. (2016), *Istoriya vnutrennikh voisk MVD Rossii, v 5 t.* [History of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia, in 5 vol.], Na boevom postu, Moscow, Russia.

Rozhnov, S. N. (2003), Activities of the provincial extraordinary commissions of the Upper Volga in 1918–1922, Sc. D. Thesis, theory and history of law and state, history of legal doctrines, Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia.

Ry'zhikov, A. V. (2003), Activities of the provincial extraordinary commissions of the Upper Volga in 1918–1922, Ph. D. Thesis, national history, Moscow Border Institute of the FSB of Russia, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Ерин Дмитрий Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; dmitry-0333@mail.ru

Безносов Игорь Александрович,
ЧОП «РН-Охрана-Ижевск», Ижевск, Удмуртская Республика, Российская Федерация; Flash_65@mail.ru

Information about the author

Erin Dmitry A.,
PhD (law), associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; dmitry-0333@mail.ru

Beznosov Igor' A.,
Chop "RN-Okhrana-Izhevsk", Izhevsk, Udmurtia, Russian Federation; Flash_65@mail.ru

Для цитирования

Ерин Д. А., Безносов И. А. Войска внутреннего назначения во Владимирской губернии (1918–1929 гг.): правовые основы организации и деятельности // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 191–200.

For citation

Erin, D. A. and Beznosov, I. A. (2020), "Internal troops in the Vladimir province (1918–1929): legal bases of organization and activity",*Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 191–200.

УДК 340.136+342.56

А. В. Илюхин[1]
[1]*Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Российская Федерация*

A. V. Ilyukhin[1]
[1]*Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russian Federation*

Историко-правовые основы законотворческого процесса в России в XIX в.

Historical and legal foundations of the legislative process in Russia in the XIXth century

Ключевые слова: законотворческий процесс; законодательная деятельность; Полное собрание законов Российской империи 1830 г.; Свод законов Российской империи 1832 г.; Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.; Основные положения преобразования судебной части в России 1862 г.; Судебные уставы 1864 г.

Аннотация. В статье рассматриваются в целом особенности законотворческого процесса в России в XIX в. и принципы разработки законодательства судоустройства и судопроизводства в рамках подготовки судебной реформы 1864 г., в частности. Обосновывается тот факт, что в законотворческом процессе прослеживаются такие составляющие процесса систематизации законодательства, как хронологическая инкорпорация (составление Полного собрания законов Российской империи 1830 г.), всеобщая кодификация (составление Свода законов Российской империи 1832 г.) и отраслевая кодификация (разработка Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Судебных уставов 1864 г.). При разработке Судебных уставов была применена специальная юридическая техника, состоящая в том, что сначала в специальном нормативном правовом акте (Основные положения преобразования судебной части в России 1862 г.) были закреплены основные принципы судоустройства и судопроизводства, а затем на основе этой концепции судебной реформы были составлены своего рода кодексы – Судебные уставы 1864 г.

Key words: legislative process; legislative activity; the Complete Collection of Laws of the Russian Empire of 1830; the Code of Laws of the Russian Empire of 1832; the Code of Penalties criminal and correctional of 1845; (The Basic Provisions of the Transformation of the Judicial Branch in Russia 1862; Judicial Charters of 1864.

Abstract. The article examines the features of the lawmaking process in Russia in the XIXth century, in general, and the principles of developing legislation for the judiciary and legal proceedings in the framework of the preparation of the judicial reform of 1864, in particular. The fact is substantiated that the legislative process traces such components of the systematization of legislation as chronological incorporation (compilation of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire of 1830), general codification (compilation of the Code of Laws of the Russian Empire of 1832) and sectoral codification (development of the Code of Penalties criminal and correctional of 1845 and the Judicial Charters of 1864). When developing the Judicial Charters, a special legal technique was applied, consisting in the fact that first in a special normative legal act (The Basic Provisions of the Transformation of the Judicial Branch in Russia of 1862), the basic principles of the judicial system and legal proceedings were enshrined, and then, on the basis of this concept of judicial reform, a kind of codes were drawn up – Judicial Charters of 1864.

Законотворческий процесс является неотъемлемой составляющей деятельности любого государства. Основные цели законодательной деятельности государства состоят в ликвидации пробелов и коллизий в праве, а также в приспособлении действующего законодательства к изменяющимся общественным отношениям с тем, чтобы система законодательства была упорядоченной и гармоничной.

На различных исторических этапах развития нашего государства предпринимались различные попытки по систематизации отечественного законодательства. К числу таковых с определенной долей уверенности можно отнести всем известные «Русскую правду», Судебники 1497 и 1550 гг., хотя следует отметить, что эти сборники законодательства не отличались упорядоченностью. Первой попыткой действительно внести хоть какую-то стройность в законодательство была работа по созданию Соборного уложения 1649 г. С тех пор попытки новой систематизации законодательства предпринимались не раз. Например, такая попытка была предпринята еще в начале XVIII в. по указанию Петра I. С этой целью в 1720–1725 гг. работала специально созданная для этого Уложенная комиссия. Итогом ее работы стал проект нового Уложения, однако он так и остался на бумаге.

На новый уровень работа по систематизации законодательства вышла только при Екатерине II, когда по ее указанию в 1767 г. была созвана Уложенная комиссия, в состав которой были включены представители различных сословий. К началу работы комиссии Екатериной II был составлен Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения 1767 г.[1] В нем, наряду с провозглашением общих принципов государственного управления, были перечислены и принципы систематизации отече-

© Илюхин А. В., 2020

[1] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1-е. Т. XVIII, № 12949.

ственного законодательства. Однако, несмотря на то, что комиссия собрала и систематизировала большое количество законодательных актов, новое уложение так и не было составлено. Под предлогом начавшейся войны с Турцией работа комиссии сначала была приостановлена, а в 1774 г. комиссия была и вовсе упразднена.

Попытки последующей систематизации российского законодательства предпринимались и при Павле I, и при Александре I, в царствование которых ставилась прежде всего задача проведения не кодификационной работы, а собрания воедино всех действующих законов. Успехом эта работа увенчалась только в царствование Николая I. При этом при подготовке Свода законов Российской империи подготовительным этапом стала работа над Полным собранием законов Российской империи. В этом документе, состоящем из сорока пяти томов, в хронологическом порядке были собраны как действующие, так и утратившие силу законодательные акты, изданные после Соборного уложения 1649 г. Полное собрание законов Российской империи было подготовлено и опубликовано в 1830 г. По мере того как шло составление Полного собрания законов Российской империи, велась не менее кропотливая работа по систематизации действующего законодательства. И уже через два года – в 1832 г. – Свод законов Российской империи, состоящий из пятнадцати томов, был опубликован и с 1835 г. вступил в действие. Юридическое значение Свода законов Российской империи состояло в том, что «в итоге разноплановой систематизационной деятельности (первым ее результатом было инкопорирование законодательства в Полном собрании законов) стало создание крупного, не имеющего аналогов в мире, консолидированного акта, способствовавшего более эффективному правовому регулированию общественных отношений» [Баранов, Демичев 2008, с. 21].

Уже после этого перешли к работе по кодификации отраслевого законодательства. С этой целью Николай I поручил главноуправляющему II Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии Д. Н. Блудову приступить сначала к разработке проекта Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, после этого - проекта Устава судопроизводства по преступлениям и проступкам, и наконец, - проекта Устава гражданского судопроизводства[1]. Однако единственным направлением по систематизации отраслевого законодательства, которое увенчалось успехом, стало материальное право: летом 1845 г. было принято Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, которое фактически представляло собой некое осовременивание существовавшего тогда уголовного законодательства[2]. Дальнейшая работа по усовершенствованию теперь уже отечественного процессуального законодательства фактически так и не была завершена до ноября 1857 г., хотя некоторые шаги по разработке проектов реформирования судебного ведомства все же были сделаны. Таким образом, несмотря на систематизацию российского законодательства и удачную кодификацию отраслевого уголовного законодательства, предпринятые попытки по кодификации процессуального законодательства, реальных шагов по реформированию судебного ведомства так и не было проделано. В связи с этим вполне можно согласиться с мнением ряда исследователей, которые, характеризуя судебную политику Николая I, называют ее предреформенной [Захаров 2012]. В то же время Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. как уголовный кодекс, вобравший в себя нормы материального права, вполне можно рассматривать в качестве своего рода пролога работы по разработке кодексов отечественного процессуального права –Устава уголовного судопроизводства и Устава гражданского судопроизводства в рамках работы по составлению Судебных уставов [Илюхин, Архипов 2015].

Кардинальный поворот в работе по усовершенствованию отечественной системы судоустройства и судопроизводства произошел только с вступлением на престол императора Александра II. Однако первые шаги чиновников все равно были достаточно робкими. Доказательством тому служит тот факт, что в 1859 г. во II Отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которой в данный отрезок времени по-прежнему руководил Д. Н. Блудов, был разработан проект так называемого Устава судопроизводства по преступлениям и проступкам, который по замыслу его составителей должен был стать процессуальным дополнением к Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Однако анализ этого проекта позволяет заключить, что практически никаких реальных шагов по усовершенствованию отечественного судоустройства и судопроизводства предпринято не было[3].

Со временем даже руководство страны приходит к осознанию необходимости коренных изменений судебных порядков, и в первую очередь требуется кардинально перестроить сам подход к кодификационной работе. В связи с этим Александр II в октябре 1861 г. поручил представить ему сведения о ходе

[1] *Блудов Д. Н.* Общая объяснительная записка к проекту устава судопроизводства гражданского // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. : в 76 т. [Б. м., б. г.]. Т. 2. Оп. 1. С. 9.

[2] ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XX, отд-ние 1, № 19283.

[3] Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 6. Проект нового Устава судопроизводства по преступлениям и проступкам. 1860–1861; Т. 7. Записки к проекту нового Устава судопроизводства по преступлениям и проступкам. 1860–1861.

работы над судебными преобразованиями. Государственный секретарь В. П. Бутков (возглавлял Государственную канцелярию Государственного Совета) представил соответствующую записку, в которой изложил не только положение дел и затруднения из-за несогласованности представленных в разное время проектов судебных преобразований, но и предложил свое видение дальнейшей кодификационной работы в этом направлении. По его мнению, следовало бы сначала представить, согласовать и утвердить основополагающие начала будущего судоустройства и судопроизводства, а уже на их основе разработать проекты уставов судоустройства и судопроизводства. После этого работа по подготовке законодательства в рамках судебной реформы была передана из II Отделения в специальную комиссию при Государственной канцелярии под руководством В. П. Буткова. И уже в конце октября 1861 г. началась работа по составлению Основных положений преобразования судебной части в России, т. е. вопросов судоустройства, гражданского и уголовного судопроизводства, а также переходных положений от существовавшего порядка к предполагаемому новому. После составления проекта в Государственной канцелярии соединенные департаменты законов и гражданских дел Государственного Совета, в свою очередь, должны были рассмотреть эти положения. Осознавая, что у чиновников Государственной канцелярии может не хватить научных знаний и практического опыта, было предложено пригласить в качестве консультантов для разработки основных положений «особо назначенных юристов», прикомандировав их к комиссии[1].

Таким образом, в Высочайшем повелении Александра II от 23 октября 1861 г. определенно наметился тот алгоритм, в соответствии с которым и пошла кодификационная работа по составлению законопроектов будущего судоустройства и судопроизводства. Этот алгоритм сводился к следующему. Вначале составленные в Государственной канцелярии законопроекты подвергались обсуждению в соответствующих департаментах Государственного Совета, после этого они обсуждались в Общем собрании Государственного Совета, а уже после того, как их утверждал император, получали силу закона. При этом император мог поддержать как мнение большинства, так и мнение меньшинства из Государственного Совета, а мог отвергнуть и то и другое. Следует отметить, что сценарий, по которому пошли составители Судебных уставов, вполне логичен. Прежде чем приступать к реформированию какой-либо сферы общественной жизни, необходимо иметь в виду как минимум два аспекта: во-первых, существует ли необходимость внесения тех или иных изменений в действующее законодательство, и, если все же существует такая необходимость, то, во-вторых, какие базовые сущностные начала должны быть положены в основу нового предполагаемого законодательства, на основе которых впоследствии и будут сформированы последующие соображения о структуре, организации и деятельности того или иного учреждения (института). Таким образом, со всей очевидностью становится ясно, что, пожалуй, любому законопроекту по реформированию той или иной сферы общественной жизни или того или иного социального института должна предшествовать идея законопроекта, концентрированно выраженная в концепции реформирования, своего рода программе будущих преобразований [Баранов 2007; Баранов 2008].

Несомненно, большую роль в проведении кодификационной работы сыграла Государственная канцелярия, которая не только занималась делопроизводством Государственного Совета, но и осуществляла редактирование выносимых на обсуждение законопроектов, т. е. фактически проводила всю основную работу по составлению текста законопроекта [Российское законодательство 1988, с. 52–53].

29 сентября 1862 г. Основные положения преобразования судебной части в России были утверждены императором Александром II с предписанием опубликовать их в печати[2]. При этом общественности предлагалось не только высказываться по поводу будущих судебных преобразований, но и вносить свои замечания и предложения [Илюхина 2016]. То есть «отраслевое правотворчество становится общественно привлекательным», и прогрессивные черты предполагаемой судебной реформы были дополнены и новым способом работы над ней – «в обсуждение законопроектов вовлекаются не только профессиональные юристы и политики, но и общественные деятели, представители иных наук, тем самым обеспечивается широкая социальная база этому процессу, способствующая популяризации научного правового знания» [Кожевина 2014, с. 40–41]. К сожалению, многие прогрессивные идеи по реформированию судебной системы так и не были реализованы и восприняты законодателем, но, по сути, независимо от результата это общественное обсуждение Основных положений преобразования судебной части в России свидетельствовало о некотором участии (или о попытке участия) населения в законотворческом процессе и, безусловно, было прогрессивным явлением в условиях абсолютной монархии.

[1] Высочайшее повеление 23-го октября 1861 года // Материалы по судебной реформе в России 1864 г. Т. 19. Журнал соединенных департаментов (законов и гражданских дел) Государственного Совета об основных положениях преобразования судебной части в России (1862 г. № 65). С. 8–9.

[2] Высочайше утвержденные основные положения преобразования судебной части в России // ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XXXVII, отд-ние 2, № 38761.

После принятия Основных положений преобразования судебной части в России как своего рода концепции судебной реформы в соответствии с программой судебных преобразований приступили к разработке проектов Судебных уставов. С этой целью комиссия при Государственной канцелярии, которая ранее занималась составлением Основных положений преобразования судебной части в России, была разделена на три отделения: 1) судоустройства, 2) уголовного судопроизводства и 3) гражданского судопроизводства.

20 ноября 1864 г. Александр II утвердил Судебные уставы, состоящие из четырех книг: 1) Учреждение судебных установлений[1]; 2) Устав уголовного судопроизводства[2]; 3) Устав гражданского судопроизводства[3] и 4) Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями[4]. Впоследствии было принято решение издать Судебные уставы отдельным, шестнадцатым, томом Свода законов Российской империи.

Таким образом, в законотворческом процессе в России первой половины и середины XIX в. прослеживаются такие составляющие процесса систематизации законодательства, как хронологическая инкорпорация (составление Полного собрания законов Российской империи 1830 г.), всеобщая кодификация (составление Свода законов Российской империи 1832 г.) и отраслевая кодификация (разработка Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Судебных уставов 1864 г.). При разработке Судебных уставов была применена специальная юридическая техника, состоящая в том, что сначала в специальном нормативном правовом акте (Основные положения преобразования судебной части в России 1862 г.) были закреплены основные принципы судоустройства и судопроизводства, а затем на основе этой концепции судебной реформы были составлены своего рода кодексы – Судебные уставы 1864 г.

Следует отметить, что современному исследователю судебной реформы 1864 г. в высшей степени повезло. Дело в том, что составители Судебных уставов собрали воедино, систематизировали в хронологической и тематической последовательности и опубликовали в семидесяти шести томах материалы, связанные с подготовкой и проведением судебной реформы 1864 г. в России[5]. По сути, это ценнейший как литературный памятник, так и исторический источник, который позволяет современному исследователю изучать, а также наводить справки обо всех событиях, связанных с ходом подготовки и реализации судебной реформы. Эти тома содержат: варианты проектов Судебных уставов, в которых рассматривались вопросы, связанные с судоустройством, гражданским и уголовным судопроизводством, а также временные меры для перехода от старых судебных порядков к новым; большое количество документов, которые отражают борьбу идей и мнений при обсуждении проектов в Государственном Совете и других высших правительственных учреждениях, а также многочисленные замечания и предложения с мест судебных деятелей различного ранга, юристов-практиков и научных деятелей, что подчеркивало и участие общественности в обсуждении положений проектов Судебных уставов.

Уже после утверждения Судебных уставов на основе «Материалов по судебной реформе в России в 1864 г.» с целью более широкого распространения (чтобы было, как говорится, «под рукой») Государственной канцелярией были изданы в виде отдельных книг «Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны», в которых из всего массива материалов по подготовке и проведению судебной реформы были собраны, по мнению составителей, самые ценные и основательные положения с целью использования в качестве обоснования и разъяснения важнейших положений Судебных уставов обычным судебным деятелем. Они вышли пятью частями: 1) Устав гражданского судопроизводства, дополненный законоположением 1866 года «Об охранительном судопроизводстве»; 2) Устав уголовного судопроизводства; 3) Учреждение судебных установлений; 4) Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями; 5) Мнение Государственного Совета, Высочайше утвержденное 11 октября 1865 г.[6] Как следует из названия самих книг, первые четыре посвящены непосредственно Судебным уставам 1864 г., в пятой же книге содержатся материалы Государственного Совета по вопросам, связанным с делопроизводством в судебных ведомствах, а также по гражданскому и уголовному судопроизводству на основании тех принципов организации и функционирования судебной системы, которые были утверждены Александром II 11 октября 1865 г.[7]

Сегодня эти материалы ценны прежде всего тем, что они способствуют «уразумению смысла и духа… закона», дают «верное и точное изъясне-

[1] Высочайше утвержденное Учреждение судебных установлений // ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XXXIX, отд-ние 2, № 41475.

[2] Там же. № 41476.

[3] Там же. № 41477.

[4] Там же. № 41478.

[5] Материалы по судебной реформе в России в 1864 г.

[6] Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. В 5 ч. Спб., 1866–1867.

[7] Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об изменении и дополнении статей Свода Законов, касающихся судопроизводства и делопроизводства в нынешних судебных местах» // ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. XL, отд-ние 2, № 42548.

ние того, в каком именно смысле понимался закон при самом его зарождении»[1].

Помимо того, до сих пор все пять частей этого издания «остаются непревзойденным образцом законотворчества и правовой культуры наших великих и мудрых предков. Хочется надеяться, что этот созданный ими образец станет постоянным, наглядным и поучительным примером для законодателей современной России, а современные наши законодатели – достойными наследниками своих великих и мудрых предков» [Трусов 2009].

Справедливости ради нужно отметить, что при реформировании судебной системы в Российской Федерации современный законодатель в определенной степени воспринял опыт кодификационной работы составителей Судебных уставов 1864 г. В 1991 г. была принята Концепция судебной реформы в РСФСР[2], которой придавалось такое же значение, какое в свое время придавалось Основным положениям преобразования судебной части в России 1862 г. Именно на основе данной Концепции в дальнейшем и вносились изменения в отечественное законодательство о судоустройстве и судопроизводстве. Вместе с тем современному законодателю будет полезно позаимствовать богатейший опыт подготовки и проведения судебной реформы 1864 г. и составителей Судебных уставов 1864 г. для того, чтобы при разработке и совершенствовании современного отечественного законодательства, а также при опубликовании нормативных правовых актов приводить в качестве приложений к статьям те рассуждения и мнения, на которых основывается содержание тех или иных статей нормативного правового акта. На наш взгляд, это будет вполне уместным и полезным не только при преобразованиях в современной российской судебной системе, но и в отечественном законотворческом процессе в целом.

Список цитируемых источников

Баранов 2007 – *Баранов В. М.* Идея законопроекта // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 28–38.

Баранов 2008 – *Баранов В. М.* Идея законопроекта: сущность, практическая ценность, технико-юридическое оформление // Журнал российского права. 2008. № 2(134). С. 9а–17.

Баранов, Демичев 2008 – *Баранов В. М., Демичев А. А.* Свод законов Российской империи как политико-юридический результат разноплановой систематизационной деятельности // Систематизация законодательства в России: история и современность (к 175-летию издания Свода Законов Российской Империи). М. ; Екатеринбург ; Н. Новгород : [б. и.], 2008. С. 15–21.

Захаров 2012 – *Захаров В. В.* Судебная политика Николая I // История государства и права. 2012. № 3. С. 46–47.

Илюхин, Архипов 2015 – *Илюхин А. В., Архипов С. В.* Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. как пролог судебной реформы 1864 г. в России // История государства и права. 2015. № 18. С. 50–54.

Илюхина 2016 – *Илюхина В. А.* Роль юридической общественности в создании института мировых судей в Российской империи (к вопросу об обсуждении «Основных положений преобразования судебной части в России» от 29 сентября 1862 г.) // Мировой судья. 2016. № 2. С. 3–8.

Кожевина 2014 – *Кожевина М. А.* Законотворчество как фактор развития и социализации научного знания в дореволюционный период // Конституционализм и правовая система России: итоги и перспективы. М. : Проспект, 2014. С. 37–41.

Трусов 2009 – *Трусов А. И.* Образец законотворчества и правовой культуры: исполнилось 145 лет Судебным Уставам // Судья. 2009. № 11. С. 62–63.

Чистяков 1988 – Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1988. Т. 6. 432 с.

References

Baranov, V. M. (2007), “The idea of the bill”, *Yuridicheskaya tekhnika,* no. 1, pp. 28–38.

Baranov, V. M. (2008), “The idea of the bill: essence, practical value, technical and legal registration”, *Zhurnal rossiiskogo prava,* no. 2(134), pp. 9a–17.

Baranov, V. M. and Demichev, A. A. (2008), “Code of laws of the Russian Empire as a political and legal result of diverse systematization activities”, *Sistematizatsiya zakonodatel’stva v Rossii: istoriya i sovremennost’ (k 175-letiyu izdaniya Svoda Zakonov Rossiiskoi Imperii)* [Systematization of legislation in Russia: history and

[1] Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть первая. Спб., 1866. С. III–IV.

[2] О концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верхов. Совета РСФСР от 24 окт. 1991 г. № 1801-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435.

modernity (to the 175th anniversary of the publication of the Code of Laws of the Russian Empire)], s.n., Moscow, ekaterinburg, Nizhny Novgorod, Russia, pp. 15–21.

Chistyakov, O. I. (ed.) (1988), *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov, v 9 t., t. 6* [Russian legislation of the X–XX centuries, in 9 vol., vol. 6], Yuridicheskaya literatura, Moscow, USSR.

Ilyukhin, A. V. and Arkhipov, S. V. (2015), "Code of criminal and correctional punishments 1845 as a prologue to the judicial reform of 1864 in Russia", *Istoriya gosudarstva i prava,* no. 18, pp. 50–54.

Ilyukhina, V. A. (2016), "The role of the legal community in the creation of the institute of justices of the peace in the Russian Empire (to the issue of discussing the "Basic provisions of the transformation of the judicial system in Russia" dated September 29, 1862)", *Mirovoi sud'ya,* no. 2, pp. 3–8.

Kozhevina, M. A. (2014), "Lawmaking as a factor in the development and socialization of scientific knowledge in the pre-revolutionary period", in I. A. Ivanov (ed.), *Konstitutsionalizm i pravovaya sistema Rossii: itogi i perspektivy'* [Constitutionalism and the Russian legal system: results and prospects], Prospekt, Moscow, Russia, pp. 37–41.

Trusov, A. I. (2009), "A model of lawmaking and legal culture: served 145 years of Judicial charters", *Sud'ya,* no. 11, pp. 62–63.

Zakharov, V. V. (2012), "Judicial policy of Nicholas I", *Istoriya gosudarstva i prava,* no. 3, pp. 46–47.

Информация об авторе

Илюхин Андрей Владимирович,

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Российская Федерация; andrew062@mail.ru

Information about the author

Ilyukhin Andrei V.,

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russian Federation; andrew062@mail.ru

Для цитирования

Илюхин А. В. Историко-правовые основы законотворческого процесса в России в XIX в. // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 201–206.

For citation

Ilyukhin, A. V. (2020), "Historical and legal foundations of the legislative process in Russia in the XIXth century", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 201–206.

УДК 343.812

Н. И. Нарышкина[1]
[1] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
N. I. Nary'shkina[1]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Правовые и организационные аспекты финансового обеспечения деятельности русских и европейских тюрем (X–XVII вв.)

Legal and organizational aspects of financial support for the activities of Russian and European prisons (X–XVII centuries)

Ключевые слова: тюрьма; финансирование; бюджет; милостыня; сборы; финансовое обеспечение; заключенный.

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы финансового обеспечения деятельности тюрем в контексте исторического развития России и стран Европы с учетом результатов анализа правовых документов, работ российских и зарубежных исследователей. Сделан вывод о том, что финансовое обеспечение функционирования русских и европейских тюрем осуществлялось не столько за счет средств бюджета, сколько за счет различных внебюджетных источников, которые автором проанализированы и классифицированы. Кроме того, определены основные направления расходования финансов и иных материальных ресурсов администрациями мест лишения свободы.

Key words: prison; financing; budget; alms; fees; financial security; prisoner.

Abstract. This article examines the issues of financial support for the activities of prisons in the context of the historical development of Russia and European countries, taking into account the results of the analysis of legal documents, works of Russian and foreign researchers. It was concluded that the financial support for the functioning of Russian and European prisons was carried out not so much at the expense of the budget, but mainly at the expense of various extra-budgetary sources, which we analyzed and classified. In addition, the main directions of spending finances and other material resources by the administration of places of deprivation of liberty have been determined.

В современных условиях развития человеческой цивилизации любое демократическое государство берет на себя заботу не только о законопослушных гражданах, но и о лицах, преступивших закон и помещенных в наказание за совершенные преступления в места лишения свободы. Ежегодно тратятся значительные суммы: на строительство, ремонт и реконструкцию пенитенциарных учреждений; оснащение их современными инженерно-техническими средствами охраны и надзора; оплату коммунально-бытовых услуг (водо- и газоснабжение, электроэнергию, отопление), а также труда персонала и работающих осужденных; обеспечение лиц, лишенных свободы, питанием, вещевым имуществом, жильем, инвентарем, медикаментами; развитие и модернизацию производственной базы, культурно-досуговой сферы и образовательной среды.

В основном эти денежные средства выделяются из бюджета, поэтому объем финансирования пенитенциарного ведомства той или иной страны зависит в первую очередь от уровня ее социально-экономического развития. Однако даже самое бедное государство обязано обеспечить своих заключенных тем минимумом благ, который позволит им нормально жить и развиваться в условиях изоляции от общества, о чем говорится, например, в Минимальных стандартных правилах Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правилах Нельсона Манделы) от 17 декабря 2015 г.[1]

Подобная забота со стороны государства о местах заключения и их обитателях проявлялась далеко не всегда, в связи с этим мы предприняли попытку проанализировать и классифицировать источники финансового обеспечения деятельности русских и европейских тюрем в контексте их исторического развития (X–XVII вв.), а также определить направления их расходования.

При раскрытии заявленной темы мы опирались на правовые акты Российского государства и зарубежных стран, архивные документы, а также научные труды отечественных (Г. К. Котошихин) и преимущественно зарубежных исследователей (К. Винтер, Г. Гелтнер, М. Кэссиди-Велч, Н. Моррис и др.).

Изначально финансирование деятельности тюрем следует разделить на бюджетное и внебюджетное. Причем в рассматриваемый нами отрезок времени (X–XVII вв.) роль первого была вто-

© Нарышкина Н. И., 2020

[1] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) : Резолюция Генер. Ассамблеи ООН от 17 дек. 2015 г. № 70/175. URL: https://cdn.penalreform.org/wp-content/uploads/1957/06/RUS.pdf (дата обращения: 10.07.2020).

ростепенной и довольно незначительной, в отличие от современного этапа, а основным источником обеспечения финансовой жизнедеятельности тюрем выступали внебюджетные поступления.

Бюджетное финансирование осуществлялось за счет средств бюджета (казны) – государственного, городского и общинного. Бюджеты общины и города можно считать разновидностью современного местного бюджета. Для тех местностей, где была сильна власть городов (городов-коммун) (Германия, Италия, Нидерланды), места заключения финансировались за счет средств городской казны и назывались соответственно «общественными, казенными, городскими». Если на территории общины (Англия) находилась тюрьма, то община брала на себя обязанность по обеспечению учреждения всем необходимым, в том числе деньгами. Там, где была сильна королевская (царская, великокняжеская) власть (Франция, Англия, Русское централизованное (Московское) государство, Испания, Великое княжество Литовское), решение о выделении денежных средств для мест лишения свободы принимал государь. Например, Соборное уложение 1649 г. – нормативный правовой акт Русского централизованного государства – гласило, что тюрьмы в Москве надлежало строить за счет средств государственного бюджета: «А тюрмы на Москве строить из Розбойного приказу государевою казною» (гл. XXI, ст. 94)[1]. В соответствии с царским указом от 25 октября 1662 г. из средств государственной казны всем тюремным сидельцам московских тюрем предписывалось выдавать по 2 алтына в день на человека на пропитание, а с 1 января 1663 г. указанная норма вводилась во всех городах[2]. Тем самым государство брало на себя заботу хотя бы о строительстве мест заключения в Москве как самом населенном и, как следствие, наиболее криминогенном городе, и питании тюремных сидельцев в масштабе не только столицы, но и всей страны.

Гораздо разнообразнее были источники внебюджетного финансового обеспечения жизнедеятельности тюрем, к числу которых мы относим следующие.

1. Денежные средства, иные материальные ресурсы, поступавшие от жителей населенных пунктов:

– *обязательные,* т. е. предоставлявшиеся на основании и по требованию закона. В частности, в Русском централизованном государстве в соответствии с Соборным уложением тюрьмы в городах надлежало строить за счет средств обывателей: «А в городех тюрмы строить… на всякие расходы збирати деньги с тех же посадских и сошных людей…» (гл. XXI, ст. 97). Соответственно, в законе четко определялись категории лиц, которые должны были платить определенный налог (сбор), шедший на строительство тюрем. Таким образом, в вышеуказанном документе Московского государства предусматривалось разделение источников финансирования строительства тюрем на централизованные и местные в зависимости от территориального расположения мест заключения;

– *добровольные,* т. е. выделявшиеся людьми по их желанию.

К таковым относилась в первую очередь милостыня. В Русском централизованном государстве предписывалось в отношении заключенных следующее: «А у которых нет сродичей и кормитися нечим, и с тех воров, которые в малых винах сидят, на всякой день ис тюрем выпущать по 2 человека, скованных, с сторожами, собирати по людям по торгом и по дворам милостыню, денгами и хлебом. А что они которого дни соберут, мало или много, и то меж себя делят с товарыщи все вместе, и тем себя кормят». Кроме того, царь посещал тюрьмы с целью раздачи милостыни [Котошихин 1906, с. 16, 18, 88–89, 122]. В средневековой Флоренции заключенные также могли просить милостыню, в том числе периодически за пределами тюрьмы (эта практика была прекращена с введением в штат тюрем монахов, которые сами приносили и распределяли милостыню). В тюрьмах Болоньи, где питание готовили, но оно было дорогостоящим, заключенные могли рассчитывать на милостыню, которую ежедневно распространяли монахи [Geltner 2008b, p. 160–161; Geltner 2008c, p. 19]. В тюрьме Малина (Мехелена) бедные заключенные выживали за счет милостыни и объедков из камер богатых узников. В тюрьмах Англии и Франции заключенные также просили и получали милостыню. Вторым источником добровольного притока в тюрьмы материальных ресурсов были родственники и друзья заключенных, кормившие и снабжавшие их одеждой. В частности, известен случай, когда один заключенный умер, а его друзья продолжали носить ему еду еще в течение четырех лет (!). Третьим источником выступали пожертвования или средства, поступавшие в учреждения по завещанию частных лиц [Cassidy-Welch 2002, p. 5–10; Dunbabin 2002, p. 129; Harding, Rawlings, Ireland, Hines 1985, p. 41; Morris, Rothman 1998, p. 32, 36; Troubleyn 2009; Winter 2012, p. 85, 87–89].

2. Материальные ресурсы, поступавшие от владельцев мест заключения. Это утверждение справедливо в первую очередь для частных (иммунных) тюрем, которых было довольно много в стра-

[1] Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М. : Юрид. лит., 1985. Т. 3 : Акты Земских соборов.

[2] Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Спб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. I, № 328.

нах средневековой Европы, встречались они и в России. Однако необходимость содержать частные тюрьмы, несмотря на все преимущества, которые они предоставляли своим владельцам, и привела в конечном итоге к их упадку. На оборудование и последующее содержание безопасной в побеговом отношении тюрьмы должны быть затрачены большие средства (поскольку цель изоляции заключенных была приоритетной для владельца частной тюрьмы), поэтому уже ко второй половине XII в. многие лорды не могли себе позволить обновлять для этих целей свои замки. Помимо этого, лицам, охранявшим заключенных, надо было платить [Dunbabin 2002, p. 48, 55], а также обеспечивать минимальные потребности заключенных в питании. В связи с этим владельцы частных (иммунных) тюрем обязаны были обеспечить минимум благ для своих заключенных, потому что, как правило, помещали их в заточение с определенной корыстной целью, а также могли по своему желанию улучшить их положение.

3. Сборы, взимаемые тюремной администрацией с заключенных и (или) их родственников, истцов, которые, в свою очередь, можно разделить следующим образом:

– *обязательные.* В основном данные сборы обеспечивали содержание заключенных в тюрьмах, а также решали вопросы применения к ним цепей и иных средств сдерживания и ограничения свободы передвижения. К ним мы относим:

а) внесение платы за питание. Это было разрешено в средневековом Малине и Болонье [Geltner 2008a, p. 25], узаконено в Лондоне ордонансом 1346 г., в германских землях нормами Каролины 1532 г. (ст. 47, 61, 157, 176, 204),[1] во Франции ордонансом 1670 г. (ст. 22–23)[2]. Расчет тюремной администрации при установлении обязанности оплачивать стоимость питания заключенных ими самими или третьими лицами был прост: человек мог выживать в нечеловеческих условиях, в грязи, без света и тепла годами, но без еды он был обречен. Именно поэтому и сам заключенный, и его родственники, и истцы были прямо заинтересованы, чтобы человек в условиях неволи жил, и, как правило, находили требуемую сумму;

б) внесение платы за «вход и выход» из тюрьмы. Статуты Болоньи от 1260 г. установили сборы с заключенных за «вход» и «выход» из тюрьмы и за их содержание [Geltner 2008a, p. 15, 20, 22]. Подобная плата также взималась в английских и французских местах лишения свободы [Morris 1998, p. 32] и тюрьмах Великого княжества Литовского (арт. 15, 31 разд. IV третьего Литовского статута от 1588 г.[3]);

в) взнос за применение средств сдерживания свободы передвижения заключенного. Например, ст. 93 Псковской судной грамоты 1467 г. предполагала взимание пошлины («железное», «пожелезное») за наложение оков, кандалов («желез») на несостоятельного должника и содержание его под стражей. Это происходило, когда должник отказывался от долга и не являлся в срок в суд, а кредитор нес какие-либо убытки. В этом случае все убытки ложились на должника, его заковывали в железо и сажали в тюрьму, а размер данной пошлины составлял 12 ¼ копейки[4]. А исследователи Псковской судной грамоты Ф. Н. Устрялов и Л. В. Черепнин прямо указывают, что если виновный содержался в заключении в оковах, то приставы получали с него «железное» – разновидность судебной пошлины за наложение цепей[5]. В Великом княжестве Литовском от заключенного при выходе из тюрьмы бралось «поланцужное», т. е. плата за то, что его держали в цепях («ланцуг»), и «поколодное» – плата за приковывание к колодке от убийц: 12 грошей (для шляхтича) и 6 грошей (для простолюдина), от осужденных за менее тяжкие преступления: 6 грошей (шляхтич) и 3 гроша (простолюдин). «Поланцужное» и «поколодное» бралось только один раз, когда заключенный из тюрьмы выходил на свободу или на казнь. Если осужденный выходил на свободу, то он мог выкупиться сам или его выкупали те, кто его без вины подверг тюремному заключению, если выходил «на смерть», то «поланцужное» и «поколодное» платила «жалобная сторона» (арт. 15 разд. IV третьего Литовского статута 1588 г.) [Полищук, Нарышкина 2016, с. 31–32];

– *добровольные,* т. е. вносимые заключенными по своему желанию, а также при наличии финансовых возможностей и ориентированные:

а) на улучшение их материально-бытового обеспечения. Например, средневековые флорентийские заключенные могли, внося дополнительную плату, улучшить свое содержание и даже про-

[1] Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V (Constitutio criminalis Carolina) / пер. с нем., предисл. и примеч. проф. С. Я. Булатова. Алма-Ата : Наука, 1967. 152 с.

[2] Ordonnance criminelle du mois d'août 1670. URL: http://ledroitcriminel.free.fr/la_legislation_criminelle/anciens_textes/ordonnance_criminelle_de_1670.htm (дата обращения: 10.07.2020).

[3] Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя. Т. 3. Дадатак. А–Я / рэдкал. : Т. У. Бялова. Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2010. С. 554–689.

[4] Псковская судная грамота / пер. и коммент. И. И. Полоснина. М. : Учпедгиз, 1952, 160 с.

[5] Псковская судная грамота / пер. и коммент. Л. В. Черепнина, А. И. Яковлева // Исторические записки. 1940. Т. 6 ; *Устрялов Ф. Н.* Исследование Псковской судной грамоты 1467 года. Спб. : Тип. А. Фридрихсона, 1855. 192 с.

живать в отдельных камерах (malevato). В Болонье, внеся установленную сумму, заключенные могли принимать ванну [Geltner 2008, p. 152]. В средневековой французской тюрьме Шатле для богатых заключенных, которые заплатили 4 пенса за постель и 2 пенса за возможность содержания в отдельной камере в сутки, устанавливались достаточно комфортабельные условия заключения [Claustre 2007, p. 83, 329];

б) неприменение средств сдерживания свободы передвижения заключенного. В Англии заключенные могли вносить iron fees – «железный сбор», чтобы на время избежать заковывания в кандалы («irons») [Morris 1998, p. 32].

4. Доходы от производственной деятельности. В целом необходимо отметить, что в рассматриваемый период организация производства в европейских и русских тюрьмах находилась в зачаточном состоянии, и говорить о финансовых средствах, извлекаемых из сферы трудовой занятости заключенных, можно в полной мере только применительно к деятельности работных (исправительных) домов европейских государств, которые мы считаем прообразом современных тюрем [Нарышкина 2018].

Итак, на основании вышеизложенного мы можем сделать ряд выводов.

Во-первых, в отличие от современного периода, на более ранних этапах исторического развития большая роль в вопросах финансового обеспечения деятельности русских и европейских тюрем принадлежала не бюджетам городов и государств, а внебюджетным источникам, которые были довольно разнообразны.

Во-вторых, нами предложена авторская классификация источников внебюджетного финансового обеспечения функционирования тюрем, которые разделялись на материальные, в том числе денежные, ресурсы обязательного и добровольного характера, которые поступали от владельцев частных (иммунных) тюрем, граждан, а также от заключенных и их родственников.

В-третьих, полученные ресурсы расходовались на обеспечение жизнедеятельности самих учреждений (строительство тюрем, обустройство помещений внутри них), содержание спецконтингента (питание, вещевое имущество, жилищно-бытовые и коммунально-бытовые условия). Кроме того, весьма вероятно, что в условиях отсутствия эффективной системы контроля, значительная доля всех финансовых и иных материальных средств, поступавших в пенитенциарные учреждения, шла на личное обогащение тюремной администрации.

Список цитируемых источников

Котошихин 1906 – *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. Спб. : Тип. Главного Управления Уделов, 1906. 214 с.

Нарышкина 2018 – *Нарышкина Н. И.* Труд заключенных в тюрьмах России и Европы: исторический аспект // Вестник Кузбасского института. 2018. № 3(36). С. 173–179.

Полищук, Нарышкина 2016 – *Полищук Н. И., Нарышкина Н. И.* Применение к заключенным цепей и кандалов в тюрьмах России и Европы (X–XVII вв.) // Юридическая мысль. 2016. № 1(93). С. 27–34.

Cassidy-Welch 2002 – *Cassidy-Welch M.* Testimonies from a fourteenth-century prison: rumour, evidence and truth in the midi // French History. 2002. Vol. 16, № 1. P. 3–27.

Claustre 2007 – *Claustre J.* Dans les geôles du roi: L'emprisonnement pour dette à Paris à la fin du Moyen Age. Paris : Publications de la Sorbonne, 2007. 495 p.

Geltner 2008a – *Geltner G.* The Medieval prison. A social history. Princeton : Princeton University Press, 2008. 195 p.

Geltner 2008b – *Geltner G.* Coping in medieval prisons // Continuity and Change. 2008. № 23(1). P. 151–172.

Geltner 2008c – *Geltner G.* Isola non isolata. Le Stinche in the Middle // Annali di Storia di Ferenze. 2008. № III. P. 7–29.

Dunbabin 2002 – *Dunbabin J.* Captivity and imprisonment in Medieval Europe, 1000–1300. Basingstoke and New York : Palgrave Macmillan, 2002. 207 p.

Harding, Rawlings, Ireland, Hines 1985 –Imprisonment in England and Wales: a concise history C. Harding [et al.]. Beckenham, UK : Croon Helm, 1985. 308 p.

Morris, Rothman 1998 – *Morris N., Rothman D. J.* The Oxford history of the prison: the practice of punishments in Western society. New York : Oxford University Press, 1998. 448 p.

Troubleyn 2009 – Consumption patterns and living conditions inside Het Steen, the late medieval prison of Malines (Mechelen, Belgium) / L. Troubleyn [et al.] // Journal of Archaeology in the Low Countries. 2009. № 1–2. P. 5–47.

Winter 2012 – *Winter C.* Prisons and punishments in late medieval London : thesis submitted for the degree of doctor of philosophy in the University of London. Royal Holloway, University of London, 2012. 292 p.

References

Cassidy-Welch, M. (2002), "Testimonies from a fourteenth-century prison: rumour, evidence and truth in the midi", *French History,* vol. 16, no 1, pp. 3–27.

Claustre, J. (2007), *In the king's jails: Imprisonment for debt in Paris at the end of the Middle Ages*, Publications de la Sorbonne, Paris, France.

Geltner, G. (2008a), *The Medieval prison. A social history,* Princeton University Press, Princeton, USA, NJ.

Geltner, G. (2008b), "Coping in medieval prisons", *Continuity and Change,* no. 23(1), pp. 151–172.

Geltner, G. (2008c), "Not isolated island. Le Stinche in the Middle", *Annals of the History of Ferenze,* no. III, pp. 7–29.

Dunbabin, J. (2002), *Captivity and Imprisonment in Medieval Europe, 1000–1300,* Palgrave Macmillan, Basingstoke and New York, UK, USA.

Harding, C., Rawlings, P., Ireland, R. and Hines, B. (1985), *Imprisonment in England and Wales: A concise history,* Croon Helm, Beckenham, UK.

Kotoshikhin, G. K. (1906), *O Rossii v carstvovanie Alekseya Mihajlovicha* [About Russia during the reign of Alexei Mikhailovich], Printing House of the Main Directorate of Districts, St. Petersburg, Russian Empire.

Morris, N. and Rothman, D. J. (1998), *The Oxford history of the prison: the practice of punishments in Western society,* Oxford University Press, New York, USA, NY.

Nary'shkina, N. I. (2018), "Labor of prisoners in prisons of Russia and Europe: a historical aspect", *Vestnik Kuzbasskogo instituta,* no. 3(36), pp. 173–179.

Polishchuk, N. I. and Nary'shkina, N. I. (2016), "Application of chains and shackles to prisoners in prisons in Russia and Europe (X–XVII centuries)", *Yuridicheskaya my'sl',* no. 1(93), pp. 27–34.

Troubleyn, L. et al. (2009), "Consumption patterns and living conditions inside Het Steen, the late medieval prison of Malines (Mechelen, Belgium)", *Journal of Archaeology in the Low Countries,* no. 1–2, pp. 5–47.

Winter, C. (2012), "Prisons and Punishments in Late Medieval London", Sc. D. Thesis, philosophy, University of London, London, UK.

Информация об авторе

Нарышкина Наталья Игоревна,

кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; natanaryshkina@mail.ru

Information about the author

Nary'shkina Nataly'a I.,

PhD (law), associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; natanaryshkina@mail.ru

Для цитирования

Нарышкина Н. И. Правовые и организационные аспекты финансового обеспечения деятельности русских и европейских тюрем (X–XVII вв.) // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 207–211.

For citation

Nary'shkina, N. I. (2020), "Legal and organizational aspects of financial support for the activities of Russian and European prisons (X–XVII centuries)", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 207–211.

УДК 340.1

Т. М. Нинциева[1]
В. П. Беляев[2]
[1]*Чеченский государственный университет, Грозный, Российская Федерация*
[2]*Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация*

T. M. Nintsieva[1]
V. P. Belyaev[2]
[1]*Chechen State University, Grozny, Russian Federation*
[2]*South-West State University, Kursk, Russian Federation*

Развитие российской процессуальной науки в современный период

The development of Russian procedural science in the modern period

Ключевые слова: процессуальная наука; процессуология; теория процессуально-правового регулирования; современное развитие.

Аннотация. В статье путем анализа трудов ученых, в основном представителей общеправовой теории, исследуется развитие современной процессуальной науки. Делается вывод о необходимости продолжения научной разработки теории процессуально-правового регулирования как особого вида правового регулирования общественных отношений.

Key words: procedural science; processuologiya; theory of procedural and legal regulation; modern development.

Abstract. The article examines the development of modern procedural science by analyzing the works of scientists, mainly representatives of general legal theory. It is concluded that it is necessary to continue the scientific development of the theory of procedural and legal regulation as a special type of legal regulation of public relations.

Современный период развития российской процессуальной науки мы определяем с начала 90-х гг. прошлого века и до настоящего времени. Почему в качестве начала выбраны именно 90-е гг. XX в.? Ответ на данный вопрос может быть пространным, но, полагаем, будет достаточно вспомнить такие исторические события, произошедшие в СССР – России в то время, как: смена экономического строя, новые социально-политические и идеологические ориентиры, практический уход от социализма к новому укладу всей жизни общества, глубокая модернизация (если не сказать, реформирование) правовой жизни и правовой системы. Вышеперечисленного уже вполне достаточно для того, чтобы объяснить свой выбор в определении начала современного периода процессуологии.

Исследование по заявленной теме начнем кратким обзором вышедших в 1991 г. двух работ известного теоретика права В. Н. Протасова – «Основы общеправовой процессуальной теории» [Протасов 1991a] и «Юридическая процедура» [Протасов 1991b]. В 2020 г. ученый переиздал эти книги [Протасов 2020a; Протасов 2020b], естественно, в новой редакции. Однако они не претерпели серьезных изменений, а идеи, суждения В. Н. Протасова о процедуре, процессе и других понятиях и категориях остались прежними, что избавляет нас от подробного пересказа (анализа) его новых трудов.

Во введении к первой из переизданных книг В. Н. Протасов пишет: «Общеправовая процессуальная теория (ОПТ) имеет своим предметом то общее, что содержится в закономерностях действия разноотраслевых процессуальных механизмов, строении и природе этих элементов; прежде всего, таких элементов, как отраслевые юридические процессы. Любая процессуальная теория, претендующая на статус общеправовой, должна решить две основные, связанные между собой, задачи: а) сформировать теоретические положения, в равной мере относящиеся ко всем процессуальным явлениям; б) предложить общеправовой критерий разграничения материального и процессуального в правовой системе» [Протасов 2020a, с. 4].

Думается, обе поставленные ученым задачи выполнены: читателю представлены обоснованные суждения об особенностях процессуально-правовой метатеории (понятие, место и особенности методологии, строение, функции и т. д.), о юридическом процессе как разновидности правовой процедуры и элементе процессуально-правового механизма, о правовых средствах, обеспечивающих юридический процесс, и понятиях «процессуальная форма» и «процессуально-правовой механизм».

С нашей точки зрения, ряд суждений и выводов В. Н. Протасова носят определенно дискуссионный характер (например, соотношение процедуры и юридического процесса; соотношение юридического процесса и процессуально-правового механизма и некоторые другие), однако его общетеоретические подходы и рекомендации вследствие их аргументированности и обоснованности следует признать основополагающими, носящими концептуальный характер в современной процессуальной науке.

Так, В. Н. Протасов относительно широкого понимания юридического процесса верно отмечает, что «…теоретики права решали проблему “сверху”, распространяя на процессуальную сферу тео-

© Нинциева Т. М., Беляева В. П., 2020

ретические построения, разработанные в недрах общей теории права, упуская при этом из виду далеко не маловажные особенности процессуальных механизмов. Правильным здесь представляется обратный путь: к формированию положений общей теории процесса идти “снизу”, т. е. выявляя общие признаки, общие закономерности действия у отраслевых видов процесса, прежде всего, у традиционных – гражданского и уголовного, как наиболее сложившихся и разработанных, а также обобщая данные отраслевых процессуальных наук» [Протасов 2020а, с. 5].

С нашей стороны, скажем предварительно, что такой подход имеет решающее значение и при формировании научного знания о юридическом процессе в современной процессуальной науке; он нами будет учтен в ходе дальнейшего исследования по излагаемой теме, как и следующая цитата из книги В. Н. Протасова: «Надо заметить, что общеправовая теория права в ее нынешнем состоянии индифферентна к различиям материального и процессуального права при оценке правовых явлений и в большей степени ее можно считать “теорией материального права”. Поэтому общеправовая процессуальная теория (ОПТ) в определенном смысле призвана восполнить пробел в исследовании общих закономерностей в действии процессуальных отраслей, выявить особенности процессуально-правового механизма. Предметом ОПТ является то общее, что имеется в действии разноотраслевых процессуальных механизмов, строении и природе их элементов, в частности, таких элементов, как отраслевые юридические процессы. При этом в качестве объектов исследования выступают правовая процедура и ее разновидности: охранительное правоотношение как отношение, являющееся основным отношением для процессуальной процедуры (юридического процесса), процессуальный механизм и его элементы, объект и цель процессуального механизма, правовые средства, обеспечивающие юридический процесс, механизм связи процесса с материально-правовой сферой» [Протасов 2020а, с. 8–19].

От себя добавим, что перспективным является формирование дальнейшего научного освоения всех процессуальных институтов, образований, конструкций и т. д., объединенных общим названием «теория процессуально-правового регулирования».

Можно и дальше анализировать ценнейший труд В. Н. Протасова, но в рамках настоящей статьи такая задача не ставится, а изложенного, полагаем, уже достаточно для понимания его роли и значения в современной процессуальной науке.

Тем не менее не можем согласиться с оценкой такой общетеоретической категории, как процессуальная форма: «Большое значение понятию “процессуальная форма” придают сторонники широкого понимания процесса. Они считают ее “основной категорией юридического процесса”» [Лайтман 1982, с. 5]. По мнению одного из приверженцев обозначенной концепции В. М. Горшенева, наиболее приемлемы “выводы тех авторов, которые рассматривают процессуальную форму как фактическую сторону процесса и одновременно допускают разнообразие ее проявлений”» [Горшенев 1973, с. 29]. «Категория “процессуальная (процедурная) форма” – это вчерашний день теории процесса и процедуры в целом. Употребление данной категории во всеобъемлющем и всепроникающем значении в какой-то мере было бы оправдано в то время, когда еще не ставился вопрос о разработке общих для всех процессуальных отраслей закономерностей, о процессуально-правовом механизме и его элементах. При нынешнем уровне развития категориального аппарата общеправовой процессуальной теории понятие “процессуальная форма” можно использовать лишь для того, чтобы подчеркнуть общее назначение юридического процесса как средства (формы) реализации иных, материально-правовых отношений. Не нужно требовать от этого понятия большего, чем оно может дать. Кроме как к путанице это ни к чему не приведет» [Протасов 2020а, с. 140–142].

Не вступая в полемику с уважаемым ученым по этому вопросу, вместе с тем не можем не высказать собственную, фактически противоположную, точку зрения, согласно которой любой разновидности юридического процесса присуща своя процессуальная форма как внешнее выражение процессуальной деятельности управомоченных субъектов.

В другом случае всецело поддерживаем и разделяем следующее суждение В. Н. Протасова: «Между тем все предпосылки для становления развития общеправовой процессуальной теории созрели… Становление новых видов процессов – административного, хозяйственного и других, требует анализа проблемы в масштабе права в целом» [Протасов 2020а, с. 6]. В 2003 г. В. Н. Протасов, продолжая эту тему на страницах журнала «Государство и право», представляет учебную программу курса общепроцессуальной теории, считая невозможным преподавание отраслевых процессуальных дисциплин в отрыве от общей теории процесса [Протасов 2003, с. 54–58].

В числе трудов по процессуальной тематике уместно назвать изданную в 1998 г. монографию «Юридический процесс» И. В. Пановой, которая предприняла попытку обобщения всех имеющихся к тому времени научных воззрений на юридический процесс. Она верно отмечает, что нет никакой традиции в разработке общеправовых проблем процесса [Панова 1998, с. 19]. Однако как представителю отраслевой науки ей также не удалось обобщить общеправовые проблемы юридического процесса, ко-

торый рассматривался лишь в качестве основы для изучения административного процесса.

Следует также остановиться на работе В. Д. Сорокина «Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень)», где отмечается следующее: «Что же касается иных разновидностей процессуальных норм, связанных с некоторыми материальными отраслями, – трудовым, земельным, финансовым, то эти группы норм не могут "претендовать" на роль процессуальной отрасли права, поскольку "обслуживают" потребности "своей" материальной отрасли, находясь в ее составе» [Сорокин 2003, с. 143]. Не комментируя точку зрения В. Д. Сорокина, отметим, что в 1975 г. его коллеги подчеркнули следующее: «…эффективность правового регулирования возрастает не путем унификации его организационных форм, а напротив, путем дифференциации их по отдельным отраслям права» [Краснов, Иконицкая 1975, с. 24].

Следующий шаг, весьма значимый, в направлении развития современной процессуальной науки – это издание книги Е. Г. Лукьяновой «Теория процессуального права» [Лукьянова 2003]. Данный автор изучает общетеоретические проблемы процессуального права в системе российского права и механизме правового регулирования, определяет его специфические признаки, цели и задачи, функции, современное состояние и тенденции развития. Отдельная (четвертая) глава посвящена изучению процессуально-правового механизма, под которым Е. Г. Лукьянова понимает «…элемент общего механизма правового регулирования, относительно самостоятельную подсистему правовых средств. Он вступает в действие на некоторых этапах общего правового регулирования, в случаях возникновения препятствий нормальной реализации правовых норм и имеет охранительную направленность. <…> Процессуально-правовой механизм – это динамическая система правовых средств, при помощи которой упорядочивается охранительная деятельность уполномоченных органов в области юрисдикционного правоприменения. Совершенствование основных элементов механизма процессуального регулирования для ученых – задача номер один» [Лукьянова 2003, с. 162–165].

Высказанное пожелание Е. Г. Лукьяновой («задача номер один»), по нашему мнению, действительно необходимо реализовать, исходя из роли и значения этого механизма в процессуально-правовом регулировании.

В продолжение остановимся на исследованиях А. А. Павлушиной, которая в 2005 г. издала монографию «Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития» под редакцией В. М. Ведяхина [Павлушина 2005a], а в 2006 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития» [Павлушина 2005b].

Вот, что пишет во введении к монографии сам автор: «Между тем мы и сегодня не можем утверждать, что, несмотря на неослабевающий научный интерес к проблеме общности процесса, процессуальная теория содержательно окончательно сложилась и выступает в качестве единого основания развития отраслевого процессуального знания и регулирования юрисдикционных и позитивных процедур и процессов» [Павлушина 2005a, с. 5]. Хотя А. А. Павлушина озаглавила свой труд ключевыми словами «юридический процесс», ее работа представляет собой удачную попытку синтеза имевшихся к тому времени научных знаний вообще о процессуальной теории и, в частности, о процессуальных нормах, процессуальной ответственности, процессуальном правоотношении и т. п. Так, рассматривая философско-логические подходы к «изучению юридического процесса», она пишет: «…Очевидной научно определенной перспективой развития процессуального права является изучение его в полном объеме, как в его юрисдикционной, так и в позитивной (неюрисдикционной) части. Более того, на сегодняшний день особенности существования и функционирования процессуальных (процедурных) норм должны исследоваться не только в области публичного, но и в новой практически не исследованной в процессуальном смысле области частного права. Полагаем, что такой методологический подход и является перспективой в развитии общепроцессуальной теории, который может дать многие и многие содержательные выводы» [Павлушина 2005a, с. 93]. И далее: «Максимально широкое понимание процессуальности (процедурности) как общего свойства права (а не законодательства), признание наличия процедурных (процессуальных) норм и отношений не только в юрисдикционной сфере, не только в деятельности суда, не только с участием властного органа, но и в сфере частного позитивного права в отношениях с участием юридически равных, не властных субъектов – снимает ограниченность предыдущих теорий и воспроизводит их в себе как условие своего существования и как свое следствие, т. е. частный случай, представляя по отношению к ним некий философский синтез. Именно из "частных" теорий судебного-юрисдикционного процессуального права, процессуального права как упорядоченной деятельности наделенных властью правовых субъектов и т. д. складывается, по нашему мнению, общая теория процессуального права – юридического процесса» [Павлушина 2005a, с. 95].

С нашей точки зрения, распространимость юридического процесса (его широкое понимание) на все виды юрисдикционной и другой, пози-

тивного характера, деятельности можно уверенно включить в число концептуальных оснований как теории процессуального права, так и теории процессуально-правового регулирования.

Вместе с тем, при несомненных достоинствах анализируемой книги, нельзя не сказать и о том, что в ней, как и в любом другом монографическом произведении творческого характера, встречаются не только дискуссионные, но и такие суждения, с которыми нельзя согласиться. Например, об отрицании наличия (существования) процессуальных правовых отношений: «…возьмем на себя смелость утверждать, что в рамках предлагаемой трактовки процессуального в праве, существуя с полным основанием в качестве отраслевого явления – гражданского процессуального, уголовно-процессуального и т. п. – правоотношения, на уровне общей теории права такое понятие – "процессуальное правоотношение" – фактически лишено смысла» [Павлушина 2005а, с. 441]. И далее: «Необходимо признание применимости и возможности существования понятия "процессуальное правоотношение" лишь в качестве "правоотношения-модели". Однако очевидно, что такой подход есть в высокой степени общий теоретический подход, для правовой материи ближе и важнее собственно понятие "правоотношения-отношения", поскольку оно несет еще и конкретно-правовую прикладную нагрузку, но в этой системе измерений понятие "процессуальное правоотношение" существовать не может» [Павлушина 2005а, с. 465].

Необходимо отметить, что при исследовании развития современной отечественной процессуологии мы намеренно останавливаемся на трудах, наиболее значимых и востребованных прежде всего в процессуальной науке (как и в науке вообще). В то же время было бы неправильным считать, что не было других работ по этой тематике. Однако, по нашему мнению, в силу отраслевой принадлежности, узости предмета исследования, нередко отсутствия комплексного характера и т. п. большинство из них не имеет достаточных оснований претендовать на свою значимость и востребованность на фоне (в ряду) проанализированных выше работ.

Несмотря на это, исследование современных трудов завершим анализом докторской диссертации Б. В. Макогона на тему «Процессуально-ограничительное регулирование публичных правоотношений», защищенной в конце 2019 г. Ее автор справедливо пишет: «…В теории права проблема процессуального регулирования в публичной сфере не получила однозначного разрешения и продолжает оставаться одной из наиболее сложных и дискуссионных… Решению названной теоретико-методологической проблемы будут способствовать обособление понятия "процессуально-ограничительное регулирование" из доктринальных положений процессуального права и применение его к сфере публичных отношений» [Макогон 2019, с. 3].

В соответствии с указанным направлением Б. В. Макогоном «разработана новая научная концепция процессуально-ограничительного регулирования публичных правоотношений, раскрывающая его сущностные, понятийные, структурные, содержательные, видовые характеристики и способствующая целостному восприятию такой деятельности». Наряду с этим предложены «направления совершенствования законодательства, регулирующего юридические пределы процессуальной деятельности субъектов публичной власти; систематизация компонентов правовой основы отечественного механизма процессуального регулирования общественных отношений; специфические принципы правотворческой процессуально-ограничительной деятельности» [Макогон 2019, с. 4–5]. Заслуга этого ученого заключается в том, что им доказаны положения, вносящие заметный вклад в расширение представлений о процессуальном правовом регулировании деятельности субъектов публичной власти.

Итак, завершая статью, отметим следующее: сегодня в процессуологии наблюдаются лишь отдельные, фрагментарные упоминания о процессуально-правовом регулировании, тогда как назрела необходимость в разработке общеправовой теории процессуально-правового регулирования (как особого вида правового регулирования вообще), что и является целью нашего дальнейшего научного поиска.

Список цитируемых источников

Горшенев 1973 – *Горшенев В. М.* Процессуальная форма и ее назначение в советском праве // Советское государство и право. 1973. № 12. С. 28–35.

Краснов, Иконицкая 1975 – *Краснов Н. И., Иконицкая И. А.* Процессуальные вопросы советского земельного права. М. : Юрид. лит., 1975. 150 с.

Лайтман 1982 – *Лайтман В. И.* Процедурно-процессуальная форма в деятельности общественных организаций СССР : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Харьков, 1982. 15 с.

Лукьянова 2003 – *Лукьянова Е. Г.* Теория процессуального права. М. : Норма, 2003. 240 с.

Макогон 2019 – *Макогон Б. В.* Процессуально-ограничительное регулирование публичных правоотношений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Белгород, 2019. 51 с.

Павлушина 2005а – *Павлушина А. А.* Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития : монография / под ред. В. М. Ведяхина. Самара : СГЭА, 2005. 480 с.

Павлушина 2005b – *Павлушина А. А.* Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития : дис. … д-ра юрид. наук. Самара, 2005. 459 с.

Панова 1998 – *Панова И. В.* Юридический процесс. Саратов : Светопись, 1998. 76 с.

Протасов 1991a – *Протасов В. Н.* Основы общеправовой процессуальной теории. М. : Юрид. лит., 1991. 143 с.

Протасов 1991b – *Протасов В. Н.* Юридическая процедура. М. : Юрид. лит., 1991. 79 с.

Протасов 2003 – *Протасов В. Н.* О насущной потребности в новой научной дисциплине // Государство и право. 2003. № 12. С. 54–58.

Протасов 2020a – *Протасов В. Н.* Общая теория процессуального права. М. : Юрайт, 2020. 186 с.

Протасов 2020b – *Протасов В. Н.* Теория юридической процедуры. М. : Юрайт, 2020. 105 с.

Сорокин 2003 – *Сорокин В. Д.* Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 661 с.

References

Gorshenev, V. M. (1973), "Procedural form and its purpose in Soviet law", *Sovetskoe gosudarstvo i pravo,* no. 12, pp. 28–35.

Krasnov, N. I. and Ikonitskaya, I. A. (1975), *Protsessual'ny'e voprosy' sovetskogo zemel'nogo prava* [Procedural issues of Soviet land law], Yuridicheskaya literatura, Moscow, USSR.

Laitman, V. I. (1982), Procedural and procedural form in the activities of public organizations of the USSR, Abstract of Ph. D. dissertation, theory and history of state and law, histoty of political and legal doctrines, Dzerzh'insky Khar'kov Law Institute, Khar'kov, USSR.

Luk'yanova, E. G. (2003), *Teoriya protsessual'nogo prava* [Theory of procedural law], Norma, Moscow, Russia.

Makogon, B. V. (2019), Procedural and restrictive regulation of public legal relations, Abstract of Sc. D. dissertation, theory and history of state and law, history of doctrines on law and state, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Panova, I. V. (1998), *Yuridicheskii protsess* [Legal process], Svetopis', Saratov, Russia.

Pavlushina, A. A. (2005a), *Teoriya yuridicheskogo protsessa: itogi, problemy', perspektivy' razvitiya* [Theory of legal process: results, problems, development prospects], SGEA, Samara, Russia.

Pavlushina, A. A. (2005b), Theory of legal process: results, problems, development prospects, Abstract of Sc. D. dissertation, theory and history of state and law, history of doctrines on law and state, Samara State Economics Akademy, Samara, Russia.

Protasov, V. N. (1991a), *Osnovy' obshchepravovoi protsessual'noi teorii* [Fundamentals of general legal procedural theory], Yuridicheskaya literatura, Moscow, Russia.

Protasov, V. N. (1991b), *Yuridicheskaya protsedura* [Legal procedure], Yuridicheskaya literatura, Moscow, Russia.

Protasov, V. N. (2003), "On the urgent need for a new scientific discipline", *Gosudarstvo i pravo,* no. 12, pp. 54–58.

Protasov, V. N. (2020a), *Obshchaya teoriya protsessual'nogo prava* [General theory of procedural law], Yurait, Moscow, Russia.

Protasov, V. N. (2020b), *Teoriya yuridicheskoi protsedury'* [Legal procedure theory], Yurait, Moscow, Russia.

Sorokin, V. D. (2003), *Pravovoe regulirovanie: predmet, metod, protsess (makrouroven')* [Legal regulation: subject, method, process (macro level)], Yuridicheskii centr Press, St. Petersburg, Russia.

Информация об авторах

Нинциева Тамила Магомедовна,
кандидат юридических наук, доцент, Чеченский государственный университет, Грозный, Российская Федерация; tamila761076@mail.ru

Беляев Валерий Петрович,
доктор юридических наук, профессор, Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация; belvp46@mail.ru

Information about the authors

Nintsieva Tamila M.,
PhD (law), associate professor, Chechen State University, Grozny, Russian Federation; tamila761076@mail.ru

Belyaev Valerii P.,
doctor of law, professor, South-West State University, Kursk, Russian Federation; belvp46@mail.ru

Для цитирования

Нинциева Т. М., Беляев В. П. Развитие российской процессуальной науки в современный период // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 212–216.

For citation

Nintsieva, T. M. and Belyaev, V. P. (2020), "The development of Russian procedural science in the modern period", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 212–216.

УДК 347.72

Ю. О. Новикова[1]
[1]*Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*

Yu. O. Novikova[1]
[1]*Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation*

Кооперативное законодательство в России в конце XIX – начале XX в.

The cooperative legislation in Russia in the late XIX–early XX century

Ключевые слова: кооперация; кооперативные товарищества; потребительская кооперация; кооперативное движение; кооперативное законодательство; потребительская коммуна; кооперативное строительство.

Аннотация. В статье рассмотрена трансформация нормативно-правового регулирования кооперации в России в период с 1865 по 1904 г. Автор последовательно анализирует все нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность кооперативов, с самого первого, принятого в 1865 г., и до последнего нормативного правового акта, принятого царским правительством в сфере кооперативного законодательства в 1904 г.

Key words: cooperation; cooperative partnerships; consumer cooperation; cooperative movement; cooperative legislation; consumer commune; cooperative construction.

Abstract. The article examines the transformation of the legal regulation of cooperation in Russia in the period from 1865 to 1904. The author consistently analyzes all the normative legal acts regulating the activities of cooperatives, from the very first, adopted in 1865, to the last normative legal act adopted by the tsarist government on cooperative law in 1904.

В современном мире кооперативное движение является сильным социальным институтом, который мобилизует внутренние силы для модернизации экономики стран, стимулирует их население к самодеятельности и является одной из основ гражданского общества. По подсчетам теоретика кооперативного движения, историка А. П. Корелина, Международный кооперативный альянс – крупнейший центр развития кооперации уже к началу XXI в. включал в себя 192 национальных кооперативных союза из 76 стран и 625,6 млн членов кооперативных товариществ [Корелин 2009, с. 5].

В этой связи интересно обратиться к истории становления такого уникального явления, как российская кооперация, которая прошла достаточно длинный путь в своем развитии от западных либеральных идей, реализовавшихся на практике, до мощного движения с накопленным опытом кооперативной работы, материально-технической базой, механизмами эффективного хозяйствования для удовлетворения, помимо прочего, и социальных интересов своих членов.

Хронологические рамки исследования нами определены следующим образом: с 1865 г. – года возникновения первых кооперативов в России до 1904 г., когда был принят первый кооперативный закон, регламентировавший деятельность кооперативных объединений и признававший их как отдельных юридических лиц, который в то же время стал последним нормативным правовым актом царского правительства в сфере кооперативного законодательства.

В России условия для развития кооперативного движения складывались вместе с капитализацией экономических связей страны. Охватывая все новые массы, преимущественно крестьянского населения, кооперация способствовала втягиванию последних в товарно-денежные отношения, а также становилась средством модернизации экономики страны, социального структурирования и формирования основ гражданского общества. Товарищеские кооперативы организовывали жизнь крестьянства, формировали навык самоуправления, объединяли их около лучших и наиболее авторитетных людей, выдвигаемых на руководящие должности в товариществах.

В России кооперативные объединения возникли в форме ссудо-сберегательных товариществ, организованных по принципу паевого начала. Родоначальником такой формы организации юридического лица стал немецкий экономист и политический деятель Г. Шульце-Делич. «Отец немецкой кооперации» провозглашал следующие принципы деятельности кооперативов: самопомощь, самодеятельность, независимость в формировании основного капитала. Это были «общесословные кооперативные объединения, создаваемые на основе добровольного участия с целью улучшения крестьянского хозяйства посредством выдачи доступного кредита и принятия на себя посредничества по хозяйственным оборотам товарищей» [Петрова 2011, с. 41].

Правовой статус первых кооперативных товариществ, возникших спонтанно, по инициативе населения на местах, под влиянием идей петербуржско-

© Новикова Ю. О., 2020

го кружка князя А. И. Васильчикова, не был определен законодателем. Только через четыре года, после возникновения первого ссудо-сберегательного товарищества в 1865 г. в Рождественской волости Ветлужского уезда Костромской губернии, правительство санкционировало деятельность кооперативных объединений утверждением положения Комитета министров от 21 марта 1869 г. «Об учреждении Феллинской ссудо-сберегательной кассы в г. Феллин Лифляндской губернии и предоставлении министру финансов, по сношению с министром внутренних дел, разрешать таковые учреждения собственной властью» (далее: Положение 1869 г.)[1]. Комитет министров, видя несомненную пользу кассы мелкого кредита, ст. 2 Положения 1869 г. постановил, что «в видах распространения народных кредитных учреждений, сходных в началах своих с Феллинскою кассой и Рождественским Ссудным товариществом и для облегчения порядка их открытия таковых учреждений, так и утверждать необходимые для их действия Уставы». Из данного факта можно сделать вывод, что, с одной стороны, царское правительство активно не принимало мер по созданию и развитию системы правовых отношений, регулирующих деятельность кооперативных товариществ, видя в нарастающем общественном движении опасность для сложившихся государственных устоев. С другой стороны, начало формирования норм кооперативного законодательства показывает, что царская власть понимала роль кооперации в укреплении благосостояния населения и развитии крестьянского хозяйства.

Таким образом, началом формирования правовой базы кооперативного движения в России можно считать дату принятия Положения 1869 г. Однако юридическая база деятельности Рождественского ссудо-сберегательного товарищества как первого кооперативного объединения в России также была санкционирована государством. 22 октября 1865 г. был Высочайше утвержден Устав Рождественского ссудо-сберегательного товарищества (далее: Устав 1865 г.), жестко регламентировавший деятельность кооперативного объединения[2]. За основу данного документа был взят устав немецких кооперативных товариществ, созданных по принципу паевого начала. Причем следует отличать пай от вклада. Пай являлся составной частью основного капитала товарищества, именно поэтому пайщик как член кооператива отвечал за дело товарищества [Хейсин 1926, с. 76].

Устав 1865 г. состоял из 43 положений, касающихся целей, порядка образования, управления, формирования капитала и выдачи ссуд кооперативного товарищества. Согласно п. 1 Устава 1865 г. целью товарищества являлось получение не только процентов на сберегаемые капиталы, но и займов. Данное положение являлось весьма важной мерой с точки зрения материальной поддержки российского крестьянства, поскольку происходило постепенное втягивание последнего в товарно-денежные отношения. Крестьянству нужны были деньги не только для удовлетворения своих потребностей, но и для развития собственного хозяйства. Мы разделяем точку зрения практика кооперативного движения в России А. Евдокимова о том, что «необходимым условием и главной предпосылкой становления кооперативной системы становится достаточно высокая степень развития рыночных отношений в национальном хозяйстве в целом и вовлеченность мелких сельских производителей в товарно-денежный оборот, углубление общественного разделения труда, развитие товарно-денежных отношений» [Евдокимов 1911, с. 11–12].

В соответствии с п. 2 Устава 1865 г. членом товарищества мог стать любой житель Рождественской волости, во внимание не принимались ни возраст, ни их финансовая состоятельность. Пункты 20, 21 Устава 1865 г. регламентировали лишь то, что обеспечением ссуд членам кооператива были личное доверие и поручительство.

Пункт 14 Устава 1865 г. определял размер пая в сумме 50 руб., причем он должен был быть обязательно внесен. По нашему мнению, данное положение при крайней бедности российского крестьянства конца XIX в. делало эти условия непригодными для среднего крестьянина, а тем более для бедняка. Можно утверждать, что это была одна из причин, по которой кооперативные объединения в конце XIX в. распространялись достаточно медленно. По данным исследователя А. П. Корелина, в начале 1890-х гг. из 1 494 товариществ, уставы которых были утверждены царским правительством, 220 не начали свою деятельность, 550 были ликвидированы. К 1894 г. из 1 510 утвержденных объединений числилось 764 [Корелин 2009, с. 43].

Вся деятельность кооперативного объединения велась выборным правлением и помещиком, который вложил собственные средства в основной капитал товарищества. Согласно п. 33 Устава 1865 г., без согласия помещика не допускали изменение Устава и ведение бухгалтерии, но только до того момента, пока товарищество окончательно не отдаст заем последнему. Очевидно, что данная норма была продиктована, с одной стороны, принципами деятельности немецких ссудо-сберегательных товариществ, которые не предполагали внешних займов у государственных финансовых структур и придерживались принципа самостоятельности и независимости в осуществлении своей деятельности. Более того, бедность и несо-

[1] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 2-е. Т. 44, отд-ние 1, № 46879.

[2] Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 1865. № 108.

стоятельность в финансовом плане большей части населения, преимущественно деревенского, делала помещика источником финансирования и формирования основного капитала товарищества на начальном этапе развития кооперативного движения. С другой стороны, отсутствие требуемого количества грамотных управленцев с точки зрения финансов, делопроизводства и ведения хозяйства из членов товарищества обусловливало необходимость привлечения сторонних лиц, способных возглавить данные направления деятельности.

Несмотря на попытки государства организовать кооперативное движение путем издания первых нормативных правовых актов и утверждения уставов кооперативных товариществ, правительственная политика в области кооперации оставалась противоречивой. Так, как было сказано выше, государством признавалась роль кооперации в деле развития крестьянских хозяйств. Однако уже к 1866 г. деятельность кооперативов попала под жесткий контроль со стороны местных администраций. Согласно п. 4 положения Комитета министров от 22 июля 1866 г. «О пространстве и пределах власти губернатора» (далее: Положение 1866 г.) с целью охраны общественного порядка и государственной безопасности законодатель наделил губернаторов правом закрытия деятельности «частных обществ, клубов и артелей, в случае обнаружения чего-либо противного государственному порядку и общественной безопасности, и нравственности»[1]. По нашему мнению, фактически с момента утверждения Положения 1866 г. местной администрации предоставлялось право закрытия и преследования по своему усмотрению всех объединений, в том числе кооперативных товариществ. Очевидно, что практически с момента возникновения кооперативного движения в России государственная власть видела в таких объединениях корыстное или даже преступное начало. Более того, позиция государства в отношении подчинения сельских кооперативных товариществ местным администрациям продолжалась и в 90-е гг. XIX в. в связи с изданием положения от 12 июля 1889 г. «О земских участковых начальниках» (далее: Положение 1889 г.)[2]. В соответствии с п. 23 Положения 1889 г. земскому начальнику отводилась роль контрольного, надзорного, ревизионного органа за всеми крестьянскими объединениями с общественным управлением, коим и являлись кооперативные товарищества. Фактически это означало, что основные принципы кооперативной деятельности, которые были положены в основу кооперативного движения в России, были упразднены законодателем, а кооперация как институт общественной самодеятельности, самостоятельности и самоуправления теряла свои черты. Однако такую политику государства можно объяснить и тем фактом, что еще в 1874 г. в годовом отчете секретаря Петербургского отделения Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах В. Н. Хитрово отмечался беспорядочный, случайный характер возникновения товариществ, «без ясного понимания членами их задач», которые устраивались «с затаенной целью воспользоваться ссудою из земства, которая тотчас же и разбиралась по рукам» [Петрова 2011, с. 47]. Это стало дополнительной причиной, наряду с недоверием государства к кооперативным товариществам как общественным объединениям, заключающим в себе принципы самоуправления и самодеятельности, к росту сдерживающих факторов государства в вопросе развития кооперации.

Правительственная политика в направлении строительства кооперативного законодательства была пересмотрена в середине 90-х гг. XIX в. в связи с последствиями неурожая 1891–1892 гг., нехваткой денежных средств крестьян в уплате выкупных платежей, ростом государственных инвестиций в индустриализацию и железнодорожное строительство. Кооперация стала рассматриваться законодателем как институт взаимопомощи населения, модернизации сельского хозяйства и развития товарно-денежных отношений [Корелин 2009, с. 65].

В связи с этим потребовался новый подход государства к регламентации деятельности кооперативных объединений. К этому времени, как было сказано выше, учреждение и деятельность последних регулировались только уставами, которые утверждали соответствующие ведомства и Комитет министров. То есть фактически не было общей структурированной кооперативной нормативной базы, которая бы детально регламентировала деятельность кооперативных объединений и провозглашала бы общие принципиальные положения кооперативного строительства.

С начала 1893 г. Министерство финансов начало пересмотр Устава Государственного банка, затронув при этом и вопрос о народном кредите. В этой связи в министерстве обратили внимание на многократные ходатайства отделений Комитета по вопросу о содействии мелкому краткосрочному кредиту в стране. Специальной комиссии было предложено пересмотреть устав ссудо-сберегательных товариществ, а ее председатель С. Ю. Витте обратил внимание на то, что организация кредита для крестьян – «…это вопрос первостепенной государственной важности…». Однако «организованный кредит для них совершенно отсутствует, а это ведет

[1] ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. 41, отд-ние 1, № 43501.

[2] Хрестоматия по истории СССР. 1861 –1917. М. : Просвещение, 1990. С. 201–202.

к тому, что они выплачивают ростовщикам, пожалуй, больше процентов, чем государству податей»[1].

Как было отмечено выше, 1893 г. ознаменовался выработкой нового Устава Государственного банка и, как следствие, 1 июля 1895 г. правительством было утверждено положение «Об учреждениях мелкого кредита» (далее: Положение 1895 г.)[2]. Считается, что именно Положение 1895 г. способствовало зарождению и развитию правовой базы кредитной кооперации в стране как одного из самых крупных направлений кооперативного движения. Очевидно, что государственная политика в области мелкого кредита становилась одной из форм поддержки крестьянства, когда правительство начало перехватывать инициативу насаждения кредитных кооперацией у интеллигенции на местах. Положением 1895 г. были определены основные виды кооперативных объединений, которые предусматривали не только ссудо-сберегательные, правовой статус которых был определен в ранее издававшихся нормативных правовых актах, но и кредитные, чей правовой статус устанавливался впервые. Статьей 5 Положения 1895 г. кредитные товарищества организовывались на беспаевом начале. Это принципиально отличало данный вид кооперативов от ссудо-сберегательных. Если основной капитал ссудо-сберегательных товариществ формировался за счет паев его членов, то основной капитал кредитных формировался за счет ссуд Государственного банка, пожертвований земских, общественных и частных учреждений.

Таким образом, можно заключить, что кредитные кооперативы отличались от ссудо-сберегательных двумя важными признаками. Во-первых, отсутствием паевого капитала и, следовательно, принудительного денежного накопления, что делало их доступными даже бедному крестьянству и предопределило их последующий бурный рост. Во-вторых, наблюдением со стороны правительственных кредитных инспекторов. Этим контролерам ст. 28 Положения 1895 г. дала большие права: в случае обнаружения инспектором беспорядков или злоупотреблений в делопроизводстве или счетоводстве товариществ, он мог временно удалить от должности лиц, заведующих делами кредитных учреждений.

Следует отметить, что Положение 1895 г. имело компромиссный характер, который нашел свое отражение уже в ст. 2, определявшей целью учреждений мелкого кредита предоставление ссуды малообеспеченным людям, сельским и станичным обществам. То есть можно утверждать, что закон отражал направление государственной политики в вопросе улучшения благосостояния и повышения платежеспособности прежде всего малоимущих слоев деревенских производителей. И кредитные, и ссудо-сберегательные товарищества мало чем отличались с точки зрения правового статуса. Единственным принципиальным отличием, как было указано выше, был метод формирования основного капитала.

В вопросах управления оба вида товариществ на основании ст. 23 Положения 1895 г. были подведомственны Министерству финансов. Следует заметить, если ссудо-сберегательные товарищества по-прежнему пользовались определенной автономией с точки зрения самоуправления, то кредитные на основании п. 1 Положения 1895 г. фактически передавались в ведение Государственного банка, которому принадлежало право открывать кредитные кооперативы.

Интересно отметить, что кредитные кооперативы с беспаевым началом рассматривались теоретиками и практиками кооперативного движения как особый «русский тип» кредитной кооперации, поскольку, с одной стороны, имели черты правительственных казенных учреждений, с другой – кредитного кооператива немецкого райффайзенского типа [Бородаевский 1923, с. 165].

Регламентация Положением 1895 г. ссудных операций носила достаточно общий характер. Не было установлено законодателем ни размера ссуды, ни сроков ее предоставления. Статьями 15, 16 Положения 1895 г. обозначены были лишь механизмы взыскания ссуд путем продажи как заложенного, так и любого другого имущества должника при помощи полиции и волостного правления. И, наконец, учреждениям мелкого кредита, которые получили статус юридического лица, предоставлялось право на приобретение и отчуждение имущества, право возбуждения судебных исков, ведения посреднических операций и продажу произведений их труда.

В начале XX столетия Положение 1895 г. было переработано, в результате чего было издано положение «Об учреждениях мелкого кредита» от 7 июня 1904 г. (далее: Положение 1904 г.) [Петрова 2011, с. 45]. Согласно Положению 1904 г. деятельность уездных и губернских комитетов по мелкому кредиту облегчала порядок открытия кредитных товариществ, а также учреждались земские сберегательные кассы мелкого кредита и региональные союзы кредитных кооперативов. Вместе с этим расширился круг учреждений, которые могли бы открывать кредитные кооперативы. Земства получали право по своей инициативе учреждать кредитные кооперативы, ссуживая им деньги на основной и оборотный капитал.

Новый шаг вперед был сделан в деле централизации государственного контроля над деятельностью кредитных учреждений: создавалась ин-

[1] Истоки кооперативного движения в России // Вестник Владимирского губернского земства. 1893. № 1-24. С. 24.

[2] ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. 15, отд-ние 1, № 11756.

спекция по делам мелкого кредита, которая располагала самыми широкими полномочиями в отношении кредитных товариществ, призвана была их насаждать и опекать.

При Государственном банке в качестве самостоятельного департамента было учреждено специальное Управление по делам мелкого кредита, на которое возлагались высший надзор за всеми кредитными учреждениями и общее финансирование их из средств, предоставлявшихся банком. По Положению 1904 г., полномочия данного Управления выражались в попечении о развитии мелкого кредита, распоряжении суммами, предназначенными для выплаты ссуд, издании правил ведения дел мелкого кредита и образцовых уставов. В руках Управления также находились надзор за деятельностью кооперативов и руководство ими.

Таким образом, можно заключить, что зародившееся кооперативное движение в России в 60-е гг. XIX в. прошло достаточно сложный и длинный путь становления от либеральных идей, реализованных на практике как отклик на социальный заказ общества не только в деле повышения его благосостояния, но и в вопросах просвещения и устроения культурной жизни, не имевший на первых порах прочной законодательной, экономической и культурной базы для своего планомерного развития, до широкого общественного движения с достаточно развитой системой нормативных правовых актов к 1904 г. Несмотря на то, что на первых порах царское правительство относилось к кооперативному общественному движению, действующему на основе самоуправления и самопомощи, весьма настороженно, роль последнего в вопросах повышения благосостояния населения все же признавалась. Это выразилось прежде всего в том, что кооперативное движение давало возможность крестьянам использовать свои накопления и пытаться их приумножить, вкладывая в качестве паев в кооперативы.

Список цитируемых источников

Бородаевский 1923 – *Бородаевский С. В.* История кооперативного кредита. Прага : [б. и.], 1923. 216 с.

Евдокимов 1911 – *Евдокимов А. А.* Кооперативный сбыт продуктов сельского хозяйства в России. Харьков : Юж.-рус. с-з. газ., 1911. 176 с.

Корелин 2009 – *Корелин А. П.* Кооперация и кооперативное движение в России, 1860–1917 гг. М. : РОССПЭН, 2009. 391 с.

Петрова 2011 – *Петрова Ю. О.* Становление и развитие кредитной кооперации во Владимирской губернии в конце XIX–начале XX века. Владимир : ВлГУ, 2011. 184 с.

Хейсин 1929 – *Хейсин М. Л.* История кооперации в России: все виды кооперации с начала ее существования до настоящего времени. Л. : Время, 1926. 386 с.

References

Borodaevsky, S. V. (1923), *Istoriya kooperativnogo kredita* [History of cooperative credit], s. n., Praga, First Czechoslovak Republic.

Evdokimov, A. A. (1911), *Kooperativny'i sby't produktov sel'skogo hozyaistva v Rossii* [Cooperative marketing of agricultural products in Russia], Yuzhno-russkaya sel'sko-khozyaistvennaya gazeta, Kharkov, Russian Empire.

Kheisin, M. L. (1926), *Istoriya kooperatsii v Rossii: vse vidy' kooperatsii s nachala ee sushchestvovaniya do nastoyashchego vremeni* [History of cooperation in Russia: all types of cooperation from the beginning of its existence to the present], Vremya, Leningrad, USSR.

Korelin, A. P. (2009), *Kooperatsiya i kooperativnoe dvizhenie v Rossii* [Cooperation and the cooperative movement in Russia], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Petrova, Yu. O. (2011), *Stanovlenie i razvitie kreditnoi kooperatsii vo Vladimirskoi gubernii v kontse XIX–nachale XX veka* [Formation and development of credit cooperation in the Vladimir province in the late XIX–early XX century], VlGU, Vladimir, Russia.

Информация об авторе

Новикова Юлия Олеговна,

кандидат исторических наук, доцент, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; ynovikova1902@yandex.ru

Information about the author

Novikova Yuliya O.,

PhD (history), associate professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; ynovikova1902@yandex.ru

Для цитирования

Новикова Ю. О. Кооперативное законодательство в России в конце XIX – начале XX в. // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 217–221.

For citation

Novikova, Yu. O. (2020), "The cooperative legislation in Russia in the late XIX–early XX century", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 217–221.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

POLITICAL AND LEGAL SYSTEMS OF FOREIGN COUNTRIES

УДК 342.76

С. Д. Ковалёв[1]
Е. В. Полуянова[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
S. D. Kovalev[1]
E. V. Poluyanova[1]
[1]*Vladimir Law Institute of Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Краткий экскурс в историю формирования законодательного регулирования применения спецтехники спецслужбами и правоохранительными органами США

A short excursion into the history of the formation of legislative regulation of the use of special equipment by special services and law enforcement agencies of the USA

Ключевые слова: специальные технические средства; Конституция США; защита прав человека; поправки к Конституции США; конституционные права граждан; ограничение конституционных прав; прослушивание телефонных переговоров; законодательство США.

Аннотация. В историческом аспекте рассмотрен вопрос, связанный с проблемой ограничения конституционных прав граждан в ходе использования специальных технических средств и необходимостью их применения для эффективной защиты интересов граждан от преступных посягательств в США. Основное внимание уделено процессу формирования национального законодательства и нормативного регулирования правоотношений, связанных с применением специальных технических средств органами правопорядка США.

Key words: special technical means; the US Constitution; protection of human rights; amendments to the US Constitution; constitutional rights of citizens; restriction of constitutional rights; wiretapping; US legislation.

Abstract. In the historical development, the issue related to the problem of limiting the constitutional rights of citizens in the course of using the special technical means and the need for their application to effectively protect the interests of citizens from criminal attacks in the United States is considered. The main attention is paid to the process of formation of national legislation and regulatory regulation of legal relations related to the use of special technical means by law enforcement agencies in the United States.

Конституция является важнейшим правовым актом, посредством которого нормы международного права входят в национальную правовую систему. Так, на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята Всеобщая декларация прав человека, в ст. 12 которой закреплено: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь… или на его честь и репутацию, и каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств»[1]. Аналогичная норма отражена в ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах[2]. В дальнейшем перечень гарантированных и защищаемых прав и свобод человека нашел отражение в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.[3] Не вызывает сомнения, что положения вышеназванных международных актов выступали ориентиром для законодателей при формировании национальных конституционных норм в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина.

В настоящее время конституции западноевропейских стран и США содержат нормы, направленные на защиту прав человека от несанкционированного и необоснованного вмешательства в его личную жизнь, в том числе с применением специальных технических средств (далее: СТС). Однако национальные законодательства этих стран столкнулись с проблемой ограничения конституционных прав граждан при использовании СТС в целях эффективной защиты их интересов от преступных посягательств. Возникла актуальная проблема, связанная с соблюдением баланса публичных интересов государства и общества и частных интересов граждан, когда между ними возникают противоречия. Важно отметить, что граница между сферами частного и публичного интереса подвижна и устанавливается законодателем. Эта проблема коснулась и отечественного законодательства. Однако в российской практике попытки ее урегулирования на законодательном уровне были предприняты достаточно поздно, лишь в начале 90-х гг. XX в. [Литвинюк 2004].

На наш взгляд, представляет интерес законодательное регулирование и правоприменительная практика использования СТС правоохрани-

[1] Всеобщая декларация прав человека : [принята на третьей сессии Генер. Ассамблеей ООН резолюцией 217 А (III) от 10 дек. 1948 г.] // Российская газета. 1998. 10 дек.

[2] Международный пакт о гражданских и политических правах : [открыт для подписания, ратификации и присоединения 16 дек. 1966 г. резолюцией 2200А (XXI) Генер. Ассамблеи ООН] // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17, ст. 291.

[3] Конвенция о защите прав человека и основных свобод: [заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

© Ковалев С. Д., Полуянова Е. В., 2020

тельными органами в наиболее развитых странах. Так, в США накоплен большой законодательный опыт. Во избежание повторения ошибок зарубежных коллег при формировании отечественной законодательной базы, становится актуальным исследование опыта США по формированию законодательного регулирования применения СТС.

Характерной особенностью этапа становления американской государственности стал процесс закрепления в Конституции США большого круга полномочий за государственными и местными органами власти, властями штатов. Здесь следует отметить большую значимость поправки X к Конституции США (это заключительная статья Билля о правах, принятого в 1791 г.), которая гласит: «Полномочия, которые не делегированы Соединенным Штатам настоящей Конституцией и пользование которыми не запрещено ею отдельным штатам, сохраняются соответственно за штатами либо за народом»[1]. Это означает, что работа полиции штатов, городов и округов регламентируется конституциями и законами штатов, в то время как правовой основой деятельности федеральных полицейских сил является исключительно законодательство США [Быков, Кикоть-Глуходедова 2010, с. 19]. В связи с этим считаем необходимым напомнить, что США – это союз 50 штатов, обладающих в соответствии с Конституцией США собственными широкими правами и полномочиями. Каждый штат США вправе принять свою конституцию и свои собственные законопроекты при условии, что они не будут противоречить Конституции США, действующим законам на федеральном уровне, основным правам человека и действующим законам штата.

Безусловно, необходимость законодательного закрепления процедуры ограничения конституционных прав граждан во многом определяется поправкой IV к Конституции США, внесенной в 1791 г. Она провозглашает право американских граждан на охрану своей личности, дома и имущества от несанкционированных обысков и арестов. Поправка регламентировала, что обыски и задержания могут проводиться исключительно на основании судебного ордера и должны ограничиваться целями, указанными в нем. Такой ордер выдавался сотруднику полиции на основании письменного свидетельства, данного под присягой.

Итогом судебной практики первых лет было формирование мнения о том, что поправка касается охраны частной собственности граждан от физического вторжения сотрудников полиции при производстве обысков и арестов. Однако, начиная со второй половины XX в., суды стали признавать, что эта поправка защищает право человека на неприкосновенность частной жизни в целом. Именно поэтому правовая основа использования СТС стала носить двойственный характер. С одной стороны, это общий конституционный запрет на вторжение в личную жизнь граждан, а с другой – это ряд допущений такого вторжения в соответствии с принимаемыми федеральными законами и законами штатов. Таким образом, правомерность использования СТС необходимо оценивать прежде всего с позиций конституционных норм, а потом уже исходя из требований других законодательных актов.

Как показало наше исследование, законодательная практика США по применению СТС начала формироваться в 20-е гг. XX в. и касалась в первую очередь прослушивания телефонных переговоров, которые в свою очередь являлись важной составной частью понятия «частная жизнь».

Обращает на себя внимание тот факт, что в США вопросам частной жизни (privacy) всегда придавалось большое значение. Американские юристы рассматривают частную жизнь как «право быть оставленным в покое» [Геевский 1987, с. 110]. Правовой защите частной жизни уделялось пристальное внимание, и в настоящее время она имеет многоуровневый характер, гарантируется IV и XIV поправками к Конституции США, решениями Верховного суда США и действующим законодательством.

При прослушивании телефонных разговоров полиция достигала важных целей, обеспечивала получения информации высокого качества и сводила к минимуму возможность обнаружения факта перехвата телефонных переговоров. В 1928 г. в США было принято одно из первых наиболее значимых решений в отношении легализации использования СТС при прослушивании телефонов, которое состояло в осуществлении обязательного судебного контроля. Однако к 1934 г. процедура прослушивания телефонных разговоров несколько упростилась, и контроль за их ведением был передан от судебных органов специально созданному органу юстиции. На федеральном же уровне применение СТС по-прежнему не имело под собой правовых оснований, и уголовное преследование за незаконное прослушивание продолжалось.

Все последующие изменения в этой части законодательства были обусловлены результатами рассмотрения уголовных дел о незаконном использовании СТС. В результате рассмотрения дел о незаконном прослушивании телефонных линий федеральными агентами ФБР правительство США официально признало, что термин «лицо» не следует понимать как государственное учреждение. В 1940 г. по просьбе шефа ФБР Д. Э. Гувера на федеральном уровне было официально санкционировано проведение специальных технических мероприятий. Однако никаких дополнений или измене-

[1] Соединенные штаты Америки. Конституция и законодательные акты. М. : Прогрес : Универс, 1993. С. 22.

ний в законодательство внесено не было. При этом результаты такой деятельности все еще не могли быть использованы в качестве доказательств.

Легализации применения СТС способствовали решения государственных апелляционных судов (с 1938 по 1966 г.), которые неоднократно признавали прослушивание записи перехваченного телефонного разговора в суде доказательством и обязывали хранить аудиозапись в обвинительном заключении. Кроме того, если доказательства были получены в результате записи телефонного разговора, суд требовал полного раскрытия содержания разговора.

Еще одним движущим фактором в легализации применения СТС, помимо усилий Правительства США и складывающейся судебной практики, являлось законотворчество отдельных штатов. Большинство из них ориентировалось на нормы федеральных законов, однако были различия в понятии уголовного правонарушения, критериев его оценки и меры ответственности. В большинстве штатов было признано, что согласие одного из абонентов на прослушивание переговоров не противоречило положениям федерального законодательства, запрещавшим прослушивание телефонных переговоров. В то же время в ряде штатов (например, Иллинойс, Луизиана) проведение таких действий не допускалось ни при каких обстоятельствах.

Первые положения, схожие с действующим ныне порядком прослушивания телефонных разговоров государственными правоохранительными органами, были сформулированы в поправках к Уголовно-процессуальному кодексу в Нью-Йорке в 1958 г. Решение судьи требовалось получить в течение 24 ч с момента начала прослушивания. В экстренных случаях решение суда не требовалось.

В большинстве случаев местные суды оправдывали прослушивание телефонных переговоров как законное, хотя Верховный суд США продолжал признавать такие действия нарушением прав человека. Важной вехой в истории развития правового регулирования использования СТС при прослушивании телефонных переговоров в США стала разработка в 1968 г. законопроекта «О контроле над преступностью и общественной безопасностью», который содержал рекомендации по организации прослушивания телефонных линий и акустического контроля. Законопроектом предписывалось:

– ограничение субъектов проведения прослушивания переговоров до должностных лиц юстиции округа, штата, а на федеральном уровне – до сотрудников ФБР и органов военных расследований;

– детальная регламентация порядка проведения мероприятий с использованием спецтехники, в соответствии с которым был жестко определен перечень видов преступлений, по которым предусматривалось проведение этих мероприятий, а также место и продолжительность их проведения;

– разработка ведущими субъектами порядка проведения мероприятий с использованием спецтехники и контроля над ними, а также механизма рассмотрения жалоб о неправомерных действиях сотрудников правоохранительных органов;

– введение системы судебного санкционирования проведения такого рода мероприятий, т. е. система судебных ордеров на право проведения мероприятий по прослушиванию. Ордер выдавался судьей на срок не более 30 дней;

– возможность использования результатов прослушивания записанных телефонных и иных переговоров в судах в ходе рассмотрения уголовных и гражданских дел;

– оригиналы записей должны храниться в течение 10 лет и не могли быть уничтожены без решения суда;

– уголовная ответственность за незаконное разглашение или использование полученной информации [Пешков 2001].

Законопроект допускал существование расхождений между федеральным законодательством и законами штатов в полномочиях и ответственности должностных лиц. Однако для законов любого уровня рекомендовались следующие обязательные положения:

– запрет необоснованного применения спецсредств;

– исключение для случаев, не терпящих отлагательства;

– система судебного контроля;

– система возмещения ущерба за осуществление правомерных и неправомерных ограничений законных прав граждан.

Согласно законопроекту федеральные законы в отдельных случаях должны предусматривать исключения в использовании технических средств и определять возможные отступления от закона для сотрудников ФБР и других спецслужб. Продолжительность акустического контроля в этих случаях ограничивалась до 12 дней с возможностью последующего продления еще до 12 дней при обоснованной необходимости, а продолжительность прослушивания общественных телефонов ограничивалась 10 днями.

После непродолжительных дискуссий 19 июня 1968 г. Президент США Л. Джонсон подписал одобренный Конгрессом США «Свод законов о контроле над преступностью и общественной безопасностью», в котором определялся судебный порядок санкционирования прослушивания телефонных переговоров по уголовным делам на 30-дневный срок с обязательным получением санкции судьи в течение 48 ч после подключения аппаратуры. За нарушение этих требований предусматривалось наказание в виде штрафа до 10 тыс. долл. США или лишения свободы на срок до пяти лет.

К 1973 г. на основании вышеназванного закона каждый правоохранительный орган, уполномоченный на осуществление оперативно-розыскной деятельности, разработал подробные инструкции о порядке применения СТС.

В настоящее время в законодательстве США четко оговорено исключительное право органов правопорядка на использование технических средств перехвата и фиксации телефонных переговоров.

Обращает на себя внимание тот факт, что Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее: ФЗ об ОРД) стал первым законом в российском законодательстве, который определил базовые принципы правового регулирования применения СТС. Причем содержательная часть таких статей ФЗ об ОРД, как ст. 6, 8, 11, 13 схожа с рядом положений федерального уголовно-процессуального законодательства США, связанного с прослушиванием частных телефонных переговоров.

Подводя итог, следует особо выделить разумное стремление российских законодателей избежать ошибок американских специалистов и принять правовые нормы универсального характера, содержащие наиболее общие директивы, регулирующие применение СТС, с расчетом на долгосрочный период действия, способные учесть перспективы развития СТС.

Список цитируемых источников

Быков, Кикоть-Глуходедова 2010 – *Быков А. В., Кикоть-Глуходедова Т. В.* Полицейская система современного демократического государства. М. : ЮНИТИ : Закон и право, 2010. 302 с.

Геевский 1987 – США. Конституция и права граждан / отв. ред. И. А. Геевский. М. : Мысль, 1987. 317 с.

Литвинюк 2004 – *Литвинюк М. Г.* Законодательное регулирование использования специальных технических средств в США // Оперативник (сыщик). 2004. № 1(1). С. 40–45.

Пешков 2001 – *Пешков М. А.* Прослушивание телефонных переговоров в уголовном процессе США и конституционные права граждан // Право и политика. 2001. № 4. URL: https://portalus.ru/modules/internationallaw/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1095960039&archive=1480161259&start_from=&ucat=& (дата обращения: 20.11.2020).

References

By'kov, A. V. and Kikot-Glukhodedova, T. V. (2010), *Politscejskaya sistema sovremennogo demokraticheskogo gosudarstva* [Police system of the modern democratic state], YuNITI, Zakon i pravo, Moscow, Russia.

Geevsky, I. A. (ed.) (1987), *SSHA. Konstitutsiya i prava grazhdan* [USA. Constitution and rights of citizens], My'sl', Moscow, USSR.

Litvinyuk, M. G. (2004), "Legislative regulation of the use of special technical means in the USA", *Operativnik (syshchik),* no. 1(1), pp. 40–45.

Peshkov, M. A. (2001), "Listening of telephone conversations in criminal process of USA and constitutional rights of citizens", *Pravo i politika,* no. 4, available at: https://portalus.ru/modules/internationallaw/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1095960039&archive=1480161259&start_from=&ucat=& (Accessed: 20 Nov. 2020).

Информация об авторах

Ковалёв Сергей Дмитриевич,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; Sdr-acxe@rambler.ru

Полуянова Елена Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; elenapoluyanova66@yandex.ru

Information about the authors

Kovalyov Sergei D.,
PhD (law), associate professor, Vladimir Law Institute of Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; Sdr-acxe@rambler.ru

Poluyanova Elena V.,
PhD (law), associate professor, Vladimir Law Institute of Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; elenapoluyanova66@yandex.ru

Для цитирования

Ковалев С. Д., Полуянова Е. В. Краткий экскурс в историю формирования законодательного регулирования применения спецтехники спецслужбами и правоохранительными органами США // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 224–227.

For citation

Kovalev, S. D. and Poluyanova, E. V. (2020), "Ashort excursion into the history of the formation of legislative regulation of the use of special equipment by special services and law enforcement agencies of the USA", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 224–227.

УДК 343.35

К. Н. Радченко[1]
[1]*Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
K. N. Radchenko[1]
[1]*Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Зарубежный опыт правового регулирования ответственности за преступления против безопасности субъектов государственного управления

Foreign experience in legal regulation of liability for crimes against the security of public administration entities

Ключевые слова: преступления против безопасности субъектов государственного управления; уголовная ответственность; правовое регулирование; уголовное законодательство.

Аннотация. В статье рассматривается опыт зарубежных стран в части установления ответственности за преступления против безопасности субъектов государственного управления и проводится сравнительный анализ характеристики подобных преступлений в зарубежном и отечественном уголовном законодательстве.

Key words: crimes against the security of subjects of state administration; criminal liability; legal regulation; criminal legislation.

Abstract. The article examines the experience of foreign countries in establishing responsibility for crimes against the security of government entities and comparing the characteristics of such crimes with each other and with the characteristics in the domestic criminal legislation.

Изучение и обращение к положительному опыту зарубежных стран в части выявления сходства и различий норм об ответственности за преступления против безопасности субъектов государственного управления имеют важное значение. Опыт зарубежных стран в обозначенной сфере и сравнительный анализ характеристик данных преступлений в законодательстве других стран и Российской Федерации представляют особый интерес, поскольку каждое государство по-своему уникально, весьма разнообразна и структура уголовного законодательства различных стран, где можно найти рациональные и довольно нестандартные подходы к решению возникающих проблем.

Исследований, посвященных данному вопросу, крайне мало. Часто ученые ограничиваются лишь изучением уголовного законодательства государств – участников Содружества Независимых Государств (далее: СНГ) и некоторых государств континентальной Европы [Горшкова 2012].

Существует заметное сходство российского уголовного законодательства с законодательством стран СНГ, что объясняется общей историей.

Наш анализ мы также начнем с рассмотрения уголовного законодательства некоторых стран СНГ. Так, в ст. 410 УК Республики Беларусь закреплена ответственность за «действия, дезорганизующие работу исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома». Часть 1 данной статьи предусматривает ответственность за «действия, выразившиеся в терроризировании осужденного с целью воспрепятствования его исправлению или из мести за исполнение им общественной обязанности, либо в нападении на представителя администрации исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома, либо в создании организованной преступной группы с целью терроризирования осужденных или нападения на представителей администрации исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома, совершенные лицом, отбывающим наказание в виде лишения свободы или ареста», а ч. 2 – за «те же действия, совершенные лицом, осужденным за тяжкое или особо тяжкое преступление либо допустившим особо опасный рецидив» [Пьянков 2019].

Положения данной статьи во многом схожи со ст. 77.1 УК РСФСР, но несколько отличаются от ст. 321 УК РФ. Это отличие заключается в следующем: во-первых, в указании в УК Республики Беларусь конкретного места совершения преступления – исправительные учреждения и арестные дома, в то время как в УК РФ используется общая формулировка «учреждение или орган уголовно-исполнительной системы»; во-вторых, в употреблении в УК Республики Беларусь термина «терроризирование осужденных», который в УК РФ отсутствует, а используется формулировка «совершение преступления в составе организованной группы либо с применением насилия, опасного для жизни или здоровья» в ч. 3 ст. 321 УК РФ; в-третьих, в УК РФ нет такого квалифицирующего признака, как совершение преступления лицом, осужденным за тяжкое или особо тяжкое преступление.

Далее, законодательство Республики Беларусь криминализировало деяния, выраженные в злостном неповиновении законным требованиям ад-

© Радченко К. Н., 2020

министрации исправительных учреждений или ином противодействии осуществлению администрацией своих функций, закрепив их в ст. 411 УК Республики Беларусь. В Российской Федерации данное деяние не выходит за рамки дисциплинарных правонарушений.

В ст. 392 УК Украины «Действия, дезорганизующие работу учреждений исполнения наказаний» предусмотрена ответственность за «терроризирование в учреждениях исполнения наказаний осужденных, нападение на администрацию, а также организацию в этих целях организованной группы либо активное участие в такой группе, совершенные лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы или в виде ограничения свободы».

Важное отличие данного положения от ст. 321 УК РФ состоит также в использовании термина «терроризирование» и в том, что субъектом преступления может быть не только лицо, осужденное к лишению свободы (как в УК РФ), но и осужденные к ограничению свободы. Кроме того, в УК Украины, как и в УК Республики Беларусь, применяется уголовная ответственность за «злостное неповиновение требованиям администрации учреждения исполнения наказаний или иное противодействие администрации в законном осуществлении ею функций лицом, отбывающим наказание в виде ограничения свободы или в виде лишения свободы, если это лицо за нарушение требований режима отбывания наказания было подвергнуто в течение года взысканию в виде перевода в помещение камерного типа (одиночную камеру) или переводилось на более строгий режим отбывания наказания» [Пьянков 2019].

Таким образом, можно констатировать, что уголовное законодательство Украины и Республики Беларусь несколько опередили российское уголовное законодательство в плане установления ответственности за преступления против безопасности представителей администрации учреждений и органов, исполняющих наказания, о чем свидетельствуют ст. 391 УК Украины и ст. 411 УК Республики Беларусь.

Итак, проведя анализ законодательства отдельных стран СНГ, будет полезным обратиться к правовому регулированию ответственности за преступления против безопасности субъектов государственного управления в некоторых странах Европы, Америки и Азии.

Так, в уголовном законодательстве Франции и Голландии посягательствами, угрожающими безопасности жизни субъектов государственного управления, являются деяния, выражающиеся в умышленном убийстве, совершенном при исполнении потерпевшим лицом своих служебных обязанностей.

В уголовном законодательстве таких стран, как ФРГ, Франция, Швеция рассматриваемая группа преступлений не выделена в качестве самостоятельной. В УК Швеции, например, не конкретизируется субъект преступления против представителя власти, но в то же время имеется указание на специальный субъект, как и в некоторых других странах (ФРГ, США).

В ряде стран законодателем к потерпевшим от преступлений против безопасности субъектов государственного управления отнесены практически все представители государственного аппарата, что подчеркивает значимость непосредственного объекта посягательств, важность установления уголовной ответственности за данную категорию деяний и высокую степень общественной опасности.

Как известно, российским законодательством обеспечивается уголовно-правовая охрана не только представителей власти и иных лиц, осуществляющих служебную деятельность или выполняющих общественный долг, но и близких им лиц. Это предусматривается положениями п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ, п. «г» ч. 2 ст. 115 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 117 УК РФ. Законодательством ряда иностранных государств не установлено ответственности за посягательство на близких для представителей власти лиц (родственников и др.) в связи с осуществлением ими властных функций и полномочий в своей деятельности, хотя это может выступать инструментом ряда иных противоправных действий, дестабилизирующих и создающих угрозу деятельности представителей органов власти (возможны шантаж, угрозы и пр.). В то же время Дания в своем законодательстве закрепляет уголовно-правовую охрану не только вышеуказанных лиц, их близких, но и друзей и иных лиц (ст. 123 УК Дании).

Под уголовно-правовой защитой в соответствии с УК Швеции находятся также и лица, которые ранее осуществляли деятельность в качестве представителей государственного аппарата, если умыслом виновного охватывалось совершение деяния из мести за осуществляемую им в прошлом профессиональную деятельность.

В § 121 УК ФРГ «Мятеж заключенных» закреплено, что потерпевшим является чиновник, состоящий на службе в соответствующем учреждении, либо другое должностное лицо или лицо, которое исполняет обязанность по надзору за заключенными, наблюдение за ними или осуществление следственных мер.

Интересным является также опыт правового регулирования уголовной ответственности в Китайской Народной Республике (далее: КНР). Так, в ст. 315 УК КНР закреплено положение об ответственности за «совершение преступниками, в соответствии с законом находящимися под арестом за совершение любого из нижеперечисленных действий, нарушающих порядок содержания под арестом (надзором), при отягчающих обстоятельствах». В том числе в статье указывается, что ответственность наступает, если виновное лицо со-

вершает такие действия, как избиение лица, осуществляющего надзор, организация, руководство другими арестованными при нарушении порядка содержания под надзором или под арестом, массовые беспорядки, избиение и применение иного физического насилия лично или через принуждение третьих лиц по отношению к другим лицам, находящихся под надзором или под арестом [Унтеров 2017].

Главной отличительной чертой УК КНР от УК РФ является то, что в одной ст. 315 УК КНР сгруппировано несколько составов преступлений, тогда как в УК РФ они разбиты на отдельные статьи.

Интерес представляет уголовное законодательство Кубы. Исходя из содержания ст. 165 УК Кубы, закрепляющей уголовную ответственность за учинение беспорядков в тюрьмах, совершаемых с целью заставить представителей администрации тюрьмы не выполнять возложенные на них обязанности, потерпевшими выступают только охранники и надзиратели тюрем, а виновными – исключительно заключенные. Причем ответственность предусматривается не личная, а общая, т. е. в случае невозможности установить виновного в причинении смерти в результате массовых беспорядков, наказанию подлежат все участники.

Таким образом, исходя из анализа зарубежного опыта уголовно-правового регулирования ответственности за преступления против безопасности субъектов государственного управления, в частности безопасности персонала пенитенциарных учреждений, а также результатов сравнения уголовно-правовых норм зарубежного и отечественного законодательства в данной области, были выявлены как общие черты, так и отличия.

Заимствование положительного зарубежного опыта позитивно отразится на уровне уголовно-правовой охраны представителей власти и обеспечении безопасности сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы России. В частности, речь идет о внедрении в УК РФ статьи, предусматривающей уголовную ответственность за злостное неповиновение требованиям администрации мест лишения свободы, в результате чего у последней появится механизм воздействия на осужденных, являющихся злостными нарушителями, с целью выполнения ими правил и законных требований администрации.

Список цитируемых источников

Горшкова 2012 – *Горшкова Н. А.* Уголовно-правовая охрана деятельности исправительных учреждений по законодательству ряда зарубежных стран // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 4. С. 228–234.

Пьянков 2019 – *Пьянков М. Н.* К вопросу о дисциплинарной практике в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации в отношении осужденных (на примере правоприменительной практики статья 411 Уголовного кодекса Республики Беларусь) // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Рязань : Акад. ФСИН России, 2019. С. 339–342.

Унтеров 2017 – *Унтеров В. А.* К вопросу о наказуемости преступлений против жизни и здоровья, совершаемых осужденными в пенитенциарных учреждениях // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 2. С. 135–139.

References

Gorshkova, N. A. (2012), “Criminal law protection of correctional institutions under the legislation of a number of foreign countries”, *Aktual’ny’e problemy’ rossiiskogo prava,* no. 4, pp. 228–234.

P’yankov, M. N. (2019), “On the issue of disciplinary practice in the criminal executive system of the Russian Federation in relation to convicts (on the example of law enforcement practice, article 411 of the Criminal Code of the Republic of Belarus)”, *IV Mezhdunarodny’i penitentsiarny’i forum «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie»* [IV international penitentiary forum “Crime, punishment, correction”], Akademiya FSIN Rossii, Ryazan, Russia, pp. 339–342.

Unterov, V. A. (2017), “On the question of the punishability of crimes against life and health committed by convicts in penitentiary institutions”, *Probely’ v rossiiskom zakonodatel’stve,* no. 2, pp. 135–139.

Информация об авторе

Радченко Ксения Николаевна,
кандидат юридических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; kseniya-radchenko@inbox.ru

Information about the author

Radchenko Kseniya N.,
PhD (law), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; kseniya-radchenko@inbox.ru

Для цитирования

Радченко К. Н. Зарубежный опыт правового регулирования ответственности за преступления против безопасности субъектов государственного управления // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4(57). С. 228–230.

For citation

Radchenko, K. N. (2020), “Foreign experience in legal regulation of liability for crimes against the security of public administration entities”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 4(57), pp. 228–230.